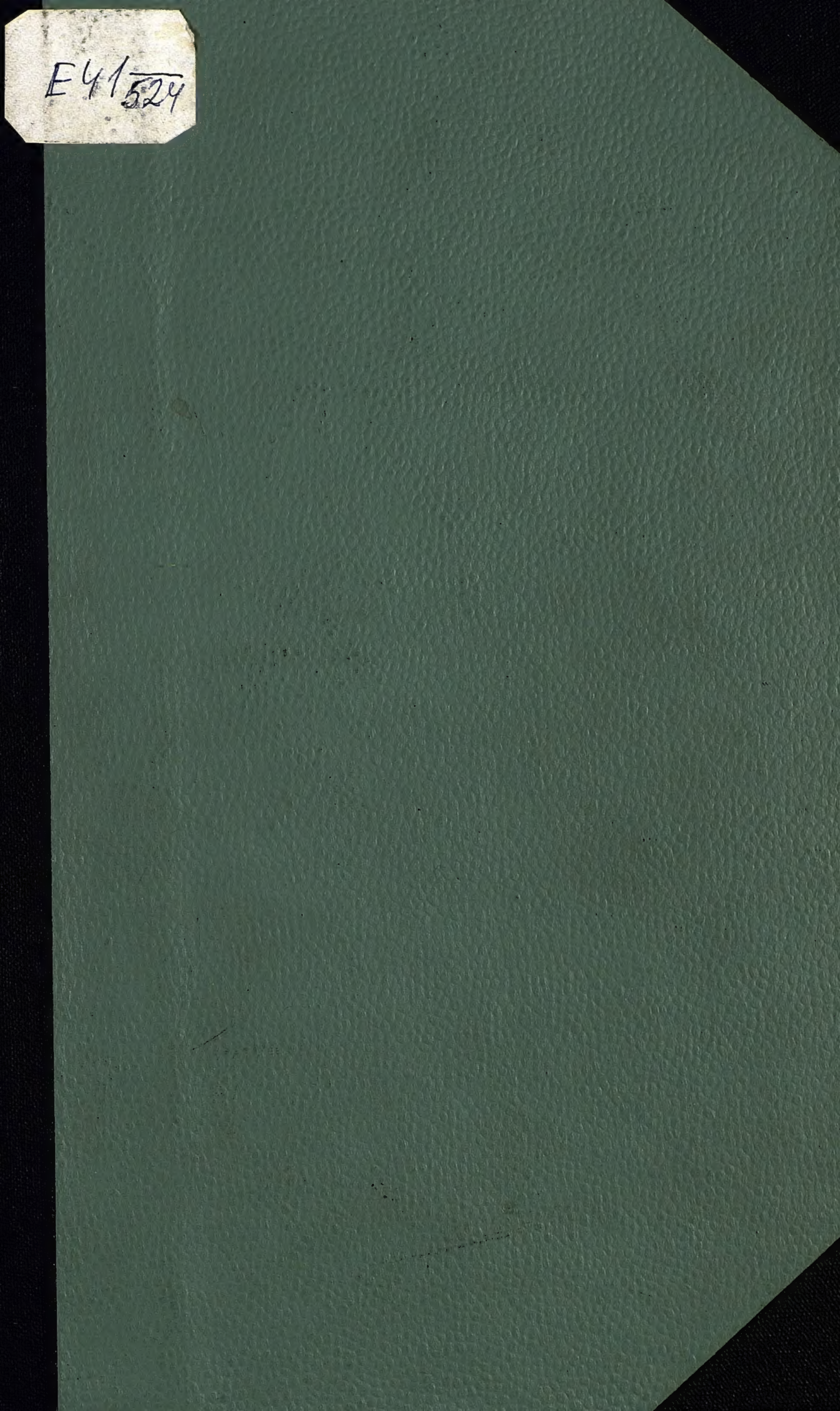

E 41/524

Ил. ВАРДИН

РЕВОЛЮЦИЯ И МЕНЬШЕВИЗМ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
★
1925

Ил. ВАРДИН

РЕВОЛЮЦИЯ И МЕНЬШЕВИЗМ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1925 ★ ЛЕНИНГРАД

Главлит № 21304. Тираж 5.000 экз.

Типография Госиздата „Красный Пролетарий“. Москва, Пименовская ул., 1/16.

ОТ АВТОРА.

Настоящая работа была подготовлена к печати летом 1923 года. По ряду причин выход ее в свет сильно задержался.

Главная задача книги—дать общее представление о поведении партии меньшевиков, о применении программы и тактики меньшевизма в пролетарской революции.

В основном работа затрогивает пофевральское шестилетие. В введении сделана попытка вскрыть корни меньшевизма, установить его основные первоначальные черты. Первая половина книги представляет собой критический очерк деятельности меньшевистской партии за период 1917—1923 г. г. Во второй части подвергаются критическому рассмотрению программные и тактические основы меньшевизма, вскрывается его социальная природа, анализируются различные течения меньшевизма, их организационные взаимоотношения и т. д. Под углом зрения борьбы с меньшевизмом в книге сделана попытка рассмотреть основные вопросы революции.

При всем том автор полагает, что его работа—не история меньшевизма за период революции, а скорее публицистические очерки.

В книгу вошли некоторые прежние статьи автора, большей частью в сильно переработанном виде. В общем этот материал составит около трех глав, остальные главы книги написаны сызнова.

ВВЕДЕНИЕ.

В середине 90-х годов прошлого века социал-демократия становится политической силой: марксистские кружки от пропаганды постепенно переходят к агитации и организации, т.-е. выходят на путь практической борьбы и работы.

Такое изменение в характере деятельности социал-демократии не было результатом ее внутреннего самостоятельного развития. Социал-демократия была вытолкнута на политическую арену массовым рабочим движением. Г. В. Плеханов, по свидетельству Мартова („Записки социал-демократа"), еще в 1891 году, в связи с голодом, рекомендовал социал-демократическим кружкам выступить на арену общественной жизни, как политической партии. Предложение Плеханова встретило тогда отрицательное отношение. Это и понятно: на историческую сцену не выступил еще рабочий класс, как борющаяся массовая сила, опираясь на которую социал-демократия могла бы действовать именно как партия.

Начало массового рабочего движения относится к периоду 1892—1896 гг. На почве этого движения социал-демократия складывается в политическую силу. Стихийное движение пролетариата постепенно пропитывается революционной сознательностью.

Но что из себя представлял в эту историческую эпоху российский пролетариат? В количественном отношении это была огромная армия в 2 милл. человек, занятых в промышленных предприятиях, построенных и организованных по новейшему европейскому образцу. В качественном отношении это был самый передовой, самый мощный класс общества. Вот исчерпывающая характеристика, данная в 1891 г. Плехановым российскому пролетариату. В письмах о задачах социалистов в борьбе с голодом Плеханов писал:

„Пролетариат в сравнительно очень короткое время расшатал все „основы" западно-европейского общества. В России же его развитие и политическое воспитание идет несравненно скорее, чем шло на Западе. В России пролетариат растет, мужает и крепнет буквально не по дням, а по часам, как сказочный богатырь. В какие-нибудь десять—двенадцать лет он изменился до неузнаемости. Следя

за русской общественной жизнью настоящего времени и наблюдая проявление умственных и политических стремлений русского пролетариата—той жажды знания, которая овладела им теперь, и т й жажды борьбы, которая нераздельна у него с жаждой знания — испытываешь впечатление человека, который, встретив носящего хорошо известное имя, здорового, полного сил юношу, со сложившимися уже убеждениями и с непоколебимой верой в будущее, удивленно спрашивает себя: да неужели это тот самый X, которого я знал ребенком,—понятливым, бойким, но все-таки ребенком? И заметьте, товарищи, что русский пролетариат особенно окреп и развился в царствование Александра III, т.-е. в эпоху самой свирепой реакции и самого безотрадного застоя— в такую эпоху, „когда „интеллигенция“ безнадежно опускала руки, теряя веру и в самое себя и в свои „идеалы“. Если бы надо было привести пример такой страны, в которой общественное развитие быстро подвигается вперед, несмотря на все усилия всемогущих,повидимому, реакционеров, то Россия последнего десятилетия была бы лучшим и самым поразительным из всех примеров этого рода“.

Вот этот „сказочный богатырь“ в средине 90-х годов приходит в движение. Отныне невозможно более отрицать существование рабочего класса в России, нельзя закрывать глаза на наличность „рабочего вопроса“. Даже больше. Знаменитая стачка петроградских ткачей и прядильщиков (июнь 1896 г.) заставляет царское правительство официально признать наличие связи между рабочим движением и социал-демократией. В правительственных сообщениях, опубликованных в связи со стачкой, впервые была отмечена „зловредная“ деятельность социал-демократии.

Это была заря российского рабочего движения. В рядах социал-демократии не видно в эту эпоху особых фракций, течений, направлений. На первый взгляд она совершенно едина. Значительно позже В. И. Ленин, в предисловии ко второму изданию своих „Задач русских социал-демократов“, говорил:

В 1894—98 гг. „мы не видим разногласий в среде самих социал-демократов. Социал-демократия была тогда единой идейно, и тогда же сделана была попытка добиться также единства практического, организационнаго (образование Р. С.-Д. Р. П.). Главное внимание социал-демократов было тогда устремлено не на выяснение и решение тех или иных внутренних партийных вопросов..., а на идейную борьбу с противниками социал-демократии, с одной стороны, на развитие практической работы—с другой.

Между теорией и практикой социал-демократов не было того антагонизма, который существовал в эпоху экономизма. („За 12 лет“, стр. 33).

Да, в 1894—1898 гг.,—по Ленину, во втором периоде развития социал-демократии,—„мы не видим разногласий“, о них не говорят, вокруг спорных вопросов не происходит борьба между различными течениями. Социал-демократия (не считая „легального марксизма“

разумеется) „едина“, она „главное внимание“ сосредоточивает на борьбе с внешними для рабочего класса силами,—на борьбе с царизмом, народничеством, либерализмом. Социал-демократия поглощена „практической работой“: она руководит первыми революционными проявлениями рабочего движения.

И все-таки социал-демократия в в 1894—98 гг. внутренне ни в коем случае не была едина. Разногласия не были оформлены, они не вызывали столкновений, но фактически различный подход к основным вопросам программы и тактики партии пролетариата наметился еще в 1894 году. Основы меньшевизма и большевизма были заложены в 1894 году. Тогда это не было видно. Даже значительно позже трудно было открыть корни меньшевизма и большевизма в первых политических проявлениях социал-демократии. Но теперь, когда мы имеем под руками основные литературные документы 90-х годов, когда мы имеем перед глазами полную картину развития российского рабочего класса, теперь, с большого исторического расстояния, совершенно отчетливо видны два источника, две струи в социал-демократическом движении 90-х годов.

* * *

Переход от пропаганды к агитации—это маленькая „революция“ в жизни социал-демократии. Она была совершена в результате известной внутренней борьбы. В 1894 году сторонники агитации выпускают в Вильне брошюру-платформу под заглавием „Об агитации“. Брошюра составлена будущим меньшевиком Кремером, редактирована (и дополнена) будущим вождем меньшевизма Мартовым. Как ставится в ней вопрос об агитации? В брошюре будущих меньшевиков читаем:

„Как ни проста и ни очевидна идея политической свободы, проникнуться ею, притом еще в стране политически отсталой, рабочий класс не может до тех пор, пока он не станет задыхаться в данной политической атмосфере, пока удовлетворение ставших для него необходимыми потребностей станет невозможным в пределах существующих политических условий.

Роль партии в этом отношении ограничивается тем, чтобы верно определить момент, когда борьба назрела настолько, чтобы перейти в борьбу политическую и чтобы подготовить в самой массе все элементы, необходимые для того, чтобы этот переход совершился с наименьшей тратой сил“.

Исходя из такого понимания задач партии, авторы брошюры намечают целый ряд „фазисов борьбы“. Первый фазис—ведется борьба за „мелкие требования“. Предполагается, что на этом фазисе рабочему приходится иметь дело с отдельным предпринимателем, который своими силами, без всякой помощи со стороны ведет борьбу со своим наемным рабом.

Второй фазис—тут уж рабочему „придется иметь дело с целым буржуазным классом, которому немедленно поспешит на помощь пра-

вительство... По мере вступления в эту фазу, рабочее движение станет мало-помалу принимать политическую окраску... Подготовляется почва для политической агитации". Почва подготовлена,—веди агитацию за политическую свободу.

Как видите, здесь намечено не менее пяти „фазисов борьбы": 1) борьба за „мелкие требования", 2) борьба „с целым буржуазным классом", когда она принимает „политическую окраску", 3) „подготовление почвы" для ведения политической агитации, 4) ведение агитации за политическую свободу, 5) переход от агитации к более решительным формам борьбы... Впрочем, последний „фазис борьбы" авторами брошюры не был предусмотрен, но, поскольку они совершенно правильно предвидели, что пролетариат должен явиться решающей силой в борьбе с царизмом, этот последний „фазис" был совершенно неизбежным.

Что на деле означала эта теория „фазисов борьбы"? Фактически это был призыв отказаться в данный период от политической борьбы, сосредоточиться на „мелких требованиях", отстаивать повседневные „чисто-рабочие" интересы, отложить на неопределенное будущее борьбу во имя широких политических задач. Рабочий класс, если бы он стал на этот путь, тем самым признал бы свою неспособность возглавить страну в борьбе с царизмом. Это была по существу не революционная, а трэд-юнионистская постановка вопроса. И совершенно естественно, что три года спустя за виленскую „теорию" ухватились будущие экономисты—российские трэд-юнионисты, сделавшие центральным пунктом своей программы „теорию стадий".

Виленская программа была олицетворением ограниченности, отсутствия размаха, непонимания того, что реальная жизнь, реальная борьба классов не укладывается в схемы и рамки „фазисов" и „стадий". Виленская программа в тот период не встретила открытого возражения (Плеханов и Аксельрод отметили ее слабые стороны шесть лет спустя после выхода брошюры в свет), но она далеко не была принята всей тогдашней социал-демократией. Были приняты ее указания относительно необходимости перехода к агитации, учета при этом повседневных—и мелких, и крупных—нужд и требований рабочего класса. Виленцы остановились на первом „фазисе", они не считали возможным связать мелкие повседневные требования с требованиями широкими, историческими. Но другие группы социал-демократов не останавливались на первом „фазисе", они тесно связывали мелкие нужды с широкими, частные требования с общими.

Мартов в своих „Записках социал-демократа" дает по этому поводу весьма интересные сведения. Он пишет:

„В то время как мы, виленцы, напирали на необходимость сделать стихийную экономическую борьбу масс рычагом их вовлечения в русло классового движения, Аксельрод, как и Плеханов убеждали Ленина в том, что, как ни слабы, в качестве революционой силы, марксистские кружки, они сейчас уже должны действовать, как политическая партия, вмешиваясь

во все крупные вопросы общественной жизни и стремясь стать в центре явно намечавшегося опозиционнаго общественого оживления. На эту задачу мы, виленцы, в общем не обращали внимания... Напротив, Ульянов, повидимому, всецело поглощен был в данный момент этой задачей".

Не в том было дело, что виленцы, во главе с Мартовым, хотели „сделать стихийную экономическую борьбу масс рычагом" движения, а в том, что они не понимали необходимости выступления в качестве „политической партии". Они суживали задачи пролетариата, они заранее ограничивали поле его деятельности. Иначе рассуждали Плеханов и Аксельрод за границей. Иначе действовал Ленин в России. В 1902 году в своей книге „Что делать?" Ленин писал:

„Первые социал-демократы этого (т.-е. второго. И. В.) периода усердно занимаясь экономической агитацией (и вполне считаясь в этом отношении с действительно полезными указаниями тогда еще рукописной брошюры „Об агитации"), не только не считали ее единственной своей задачей, а, напротив, с самаго начала выдвигали самые широкие исторические задачи русской социал-демократии вообще и задачи ниспровержения самодержавия в особенности".

Факты и документы целиком подтверждают заявление Ленина. Социал-демократы Нижнего и Москвы, ознакомившись с виленской брошюрой, решили ни на один час не откладывать общеполитической борьбы. Из среды петербургских социал-демократов вышла программа, которая совершенно иначе, чем виленская, формулировала основные задачи социал-демократии, Программа эта нашла свое выражение в брошюре Ленина: „Что такое друзья народа?". Она вышла в 1894 году т.-е. одновременно с виленской брошюрой. Вот что говорит Ленин о задачах социал-демократии:

„Русским коммунистам, последователям марксизма, более чем каким-нибудь другим следует именовать себя социал-демократами и никогда не забывать в своей деятельности о громадной важности демократизма. В России остатки средневековых, полукрепостнических учреждений так бесконечно еще сильны (сравнительно с Западной Европой), они таким гнетущим ярмом лежат на пролетариате и на народе вообще, задерживая рост политической мысли во всех сословиях и классах, что нельзя не настаивать на громадной важности для рабочих борьбы против всяких крепостнических учреждений, против абсолютизма, сословности, бюрократии. Рабочим необходимо со всей подробностью показать, какую страшную реакционную силу представляют из себя эти учреждения, как усиливают они гнет капитала над трудом, как унижающе давят на трудящихся, как задерживают капитал в его средневековых формах, не уступающих новейшим индустриальным по эксплоатации труда, но прибавляющим к этой эксплоатации страшные трудности борьбы за освобождение. Рабочие должны знать, что без ниспровер-

жения этих столпов реакции им не будет никакой возможности вести успешную борьбу с буржуазией, так как при существовании их русскому сельскому пролетариату, поддержка которого — необходимое условие для победы рабочего класса, никогда не выйти из положения забитого, загнанного люда, способного только на тупое отчаяние, а не на разумный и стойкий протест и борьбу“ (стр. 163).

Сравните эту ленинскую программу с виленской программой Мартова-Кремера, и корни большевизма и меньшевизма ясно предстанут перед нами. Мартов выдумывает „фазисы“, делит на куски и распределяет на периоды реально существующую единую, общую политико-экономическую эксплоатацию, гнет, борьбу. Ленин дает полную картину того, что есть, и сразу намечает частные и общие задачи класса. Мартов исходит из предположения, что рабочего интересует только вопрос о копейке, что он этот вопрос не способен связать с вопросом о политическом гнете, что он, наемный раб, не может подняться до понимания задач гражданина. Мартов преподносит рабочим кусочек правды. Ленин исходит из уверенности, что русский рабочий не может не понять, не почувствовать всю тяжесть гнета „всяких крепостнических учреждений“, всю необходимость борьбы против „абсолютизма, сословности, бюрократии“. Ленин говорит рабочим всю правду о той неразрывной связи, которая существует между политическими и экономическими видами гнета и эксплоатации. Мартов не верит в способность русского рабочего понять свою политическую задачу, свою историческую обязанность свержения царизма. Ленин верит в это, ибо он знает русский пролетариат таким, каким его нарисовал Плеханов: „Растет, мужает и крепнет буквально не по дням, а по часам, как сказочный богатырь“.

Мартов взвешивает задачи для этого „богатыря“ на аптекарских весах, намечает для него медленный путь с бесчисленными станциями и полустанками. Ленин ставит пролетариат перед чудовищной величины каменной глыбой и говорит ему: либо эту глыбу ты целиком опрокинешь, либо она не сдвинется с места. По кусочкам ее не уничтожить, и никому, кроме тебя, ее не уничтожить...

„На класс рабочих и обращают социал-демократы все свое внимание и всю свою деятельность. Когда передовые представители его усвоят идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение, и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу, — тогда русский рабочий, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет русский пролетариат (рядом с пролетариатом всех стран) прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции“.

Такими словами окончил В. И. Ленин свою брошюру о народнических „друзьях народа“ почти 30 лет тому назад—летом 1894 г. Сравните этот поистине гениальный первый манифест российского коммунизма с мелкой, узкой, ограниченной виленской программой, и картина будет ясна. Мартов все силы рабочего класса—на первом „фазисе борьбы“ — хочет сосредоточить на экономической борьбе. Ленин ставит вопрос о необходимости „преобразовать теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу“ т.-е. в борьбу политическую. Мартов задачу партии видит в том, чтобы „верно определить момент, когда борьба назрела настолько, чтобы перейти в борьбу политическую. „Момент“ сам подготовляется, борьба сама „назревает“, — партия присматривается, наблюдает, „определяет“. Она играет пассивную роль.

Ленинская программа вся пронизана активностью, волей, энергией, мощью. Ленин не стоит в стороне, он не „ждет“ пассивно „момента“, он определяет „историческую роль русского рабочего“, который должен выступить гегемоном, должен при поддержке „сельского пролетариата“ „свалить абсолютизм“, должен „рядом с пролетариатом всех стран“ двинуться вперед к „победоносной пролетарской революции“.

Да, первая ленинская подпольная брошюра является манифестом русского большевизма, равно как и первая мартовская „виленская“ брошюра является манифестом русского меньшевизма. Одна из характерных черт меньшевизма—подмена основных лозунгов частичными, исторических задач класса—повседневными, неумение или нежелание связать частное с общим, пронизать постоянное временным. Эта черта господствует в брошюре виленцев.

Большевизм не противопоставляет частичные задачи общим, не подменяет одних другими, а умело сочетает их. Мы уже приводили выше заявление Ленина о том, что революционные социал-демократы периода 1894—98 гг., усердно занимаясь экономической агитацией, одновременно „выдвигали самые широкие исторические задачи русской социал-демократии“, т.-е. сочетали борьбу за „мелкие требования“ с борьбой за требования основные.

В брошюре „Задачи русских социал-демократов“, написанной в 1897 году на основании опыта работы 1894—95 гг., Ленин говорил:

„Агитация среди рабочих состоит в том, что социал-демократы принимают участие во всех стихийных проявлениях борьбы рабочего класса, во всех столкновениях рабочих с капиталистами из-за рабочего дня, рабочей платы, условий труда и пр. и пр. Наша задача—слить свою деятельность с практическими, бытовыми вопросами рабочей жизни, помогать рабочим разбираться в этих вопросах, обращать внимание рабочих на важнейшие злоупотребления, помогать им формулировать точнее и практичнее свои требования к хозяйствам, развивать в рабочих сознание своей солидарности,

сознание общих интересов и общего дела всех русских рабочих, как единого рабочего класса, составляющего часть всемирной армии пролетариат". („За 12 лет", стр. 142).

От цеха—до всемирной пролетарской солидарности. От вопроса о кипятке и штрафах—до вопроса об освобождении международного рабочего класса. Не жалкая „теория" „фазисов борьбы", а единовременная борьба против всех врагов пролетариата, как единого целого.

Эта ленинская постановка вопроса о сочетании частного с общим имеет значение „вечное". Не только пролетариат, борющийся за власть, но и пролетариат, стоящий у власти, должен уметь по-ленински разрешать этот важнейший для пролетарской борьбы вопрос... Вернемся к ленинской брошюре о задачах социал-демократов:

„Агитируя среди рабочих на почве ближайших экономических требований, социал-демократы неразрывно связывают с этим и агитацию на почве ближайших политических нужд, бедствий рабочего класса,—агитацию против политического гнета, появляющегося в каждой стачке, в каждом столкновении рабочих с капиталистами. Агитацию против стеснения прав рабочих, как русских граждан вообще и как наиболее угнетенного и наиболее бесправного класса в частности. Агитацию против каждаго выдающегося представителя и лакея абсолютизма, приходящего в ближайшее соприкосновение с рабочими и наглядно показывающего рабочему классу его политическое рабство. И если нет такого вопроса рабочей жизни в области экономической, который не подлежал бы утилизации для экономической агитации, то точно так же нет и такого вопроса в области политической, который бы не служил предметом политической агитации. Эти два рода агитации неразрывно связаны в деятельности социал-демократов, как две стороны одной медали". („За 12 лет", стр. 144).

По этой ленинской „схеме" работало подавляющее большинство социал-демократов в середине 90-х годов. Виленская теория „фазисов борьбы" осталась на бумаге. Союзы борьбы за освобождение рабочего класса неразрывно, по-ленински связывали „экономику" с „политикой", частное с общим. Мартов—редактор и в значительной степени автор виленской брошюры—работал в Петрограде вместе с Лениным и по-ленински.

Почему это могло случиться? Потому, что 1894—97 годы—это период небывалого дотоле оживления и усиления рабочего движения. „Теория фазисов" была сломана массовым движением.

Когда это движение ослабело, экономисты подхватили основы виленской программы. Экономизм пытался ликвидировать революционную программу, тактику, лозунги 1894—97 гг., которые нашли выражение в ленинской брошюре о „друзьях народа", в литературе „Союзов борьбы", в манифесте 1-го съезда Р. С.-Д. Р. П.

Но экономизм выступил не сразу. Его предшественницей явилась так-назыв. группа „молодых" социал-демократов, существовав-

шая в Петрограде в 1895—97 гг. В отличие от этой группы организация, руководимая Лениным-Мартовым, называлась группой „стариков“. Начиная с конца 1895 года, группа „стариков“ была почти совершенно разгромлена. Массовое движение пошло на-убыль. „Молодые“, в это время входившие в общий „Союз борьбы“, стали развивать „новую“ точку зрения. В феврале 1897 года в Петрограде произошла встреча „высылаемых“ в Сибирь „стариков“ с „молодыми“. Встреча превратилась в горячую схватку. В чем было дело?

Б. И. Горев, руководитель „Союза борьбы“ в то время, в своих ценных воспоминаниях („Красная Новь“, № 3, 1921 г.) сообщает следующее:

„А у нас, между тем, в самом Союзе назревали первые тактические и организационные разногласия—зародыши всех грядущих фракционных споров и расколов... Часть нашей центральной группы (Катин-Ярцев и Якубова, а раньше и Тахтаров), недовольные нашим „централизмом“ и тем, что они называли „опеканием рабочих“, высказывались за большее привлечение рабочих к активной и руководящей работе. При этом они иногда доходили до крайних увлечений, утверждая, напр., что лучше плохая прокламация, написанная рабочим, чем хорошая, но сочиненная интеллигентом. Они требовали создания особой центральной группы из одних рабочих, без одобрения которой не предпринимался бы ни один ответственный шаг Союза.

Более широкие круги распропагандированных рабочих предполагалось объединить тоже в особую организацию при помощи специальной кассы.

В своем докладе я указал на назревающие в Союзе разногласия, на уклон в сторону специфического „демократизма“ и „рабочефильства“. Ленин, главный оратор „стариков“, обрушился на эти „новшества“ самым резким и решительным образом... Ленин был против каких бы то ни было самостоятельных рабочих организаций, как таковых, против предоставления рабочим какого-либо специального контроля и т. д. Он говорил: если у вас есть сознательные и заслуживающие доверия отдельные рабочие, введите их в центральную группу,—вот и все. Больше никакой „рабочей политики“ не нужно“.

Мартов в своих „Записках“ так излагает суть разногласий между „стариками“ и их „наследниками“—„молодыми“:

„Спор шел больше всего по поводу намерения деятелей „Союза“ пойти навстречу стремлениям рабочих к организационной самодеятельности... Рабочие кружки начали требовать демократической организации. „Союз“ пошел навстречу этому требованию, и нам был показан выработанный им устав рабочей кассы, которая должна была объединить все активные элементы пролетариата и составлять самоуправляющееся тело „Союза“. Но так как повседневная практика Союза

попрежнему выражалась в руководстве проф. борьбой рабочих, то построение всей партийной организации применительно к этой практике (а к этому вело если не растворение „Союза“ в проектируемой массовой кассе, то подчинение „Союза“, как руководящего центра, ее контролю) должно было сковать это руководящее ядро во всех попытках расширить русло своей революционной работы, выведя ее из оболочки чисто-проф. борьбы“.

В чем существо позиции „молодых“? В попытке ликвидировать революционный „Союз борьбы“ с его революционной программой, лозунгами, традицией. Эта ликвидация производится под флагом „демократизма“, „самодеятельности“, „рабочефильства“, „контроля рабочих“. Протестуя против „централизма“, против „опекания рабочих“, молодые „хотели“ растворить партийную организацию в беспартийной кассе, т.-е. опять-таки фактически ее, как боевую политическую организацию, ликвидировать.

„Союз борьбы“ „бюрократичен“. Необходимо его подчинить массовой „демократической“ организации—рабочей кассе. Но касса—беспартийная организация. Она строится, главным образом, во имя профессиональной, т.-е. повседневной экономической борьбы. Подчинить ей „Союз борьбы“ это значит—принизить политическую борьбу до трэдюнионизма,—иными словами, отказаться от развернутой классовой борьбы, забыть историческую задачу российского пролетариата, как она была формулирована Лениным в 1894 году.

В ссылку,—продолжает далее Мартов,—доходили сведения о происходящих в организации трениях между „централистами из поколения основателей „Союза борьбы“ и более молодыми деятелями, которые упрекали первых в недостаточном приближении партийной работы к потребностям самых широких и самых серых масс и в стремлении сохранить авторитарно-интеллигентский тип организации, которому они сами противопоставляли организацию, базирующуюся на проф. союзах или кассах и сводящую центры на чисто-служебную роль. То были зародыши тех настроений, которые в дальнейшем развитии дали экономизм“.

„Молодые деятели“ представляли собою зародыш экономизма, меньшевизма. Их организационный план копировал такие европейские партии, как бельгийская рабочая партия Вандервельде или английская рабочая партия Гендерсона-Макдональда. Крики о „недостаточном приближении партийной работы к потребностям самых широких и самых серых масс“ прикрывали собою желание превратить партию из революционного авангарда в оппортунистический хвост стихийного рабочего движения. Партийный центр не должен руководить—„приказывать“ и „командовать“,—он должен исполнять „волю масс“, т.-е. опять-таки из авангарда превратиться в хвост движения.

Б. Горев бесспорно прав, когда говорит, что в спорах между „стариками“ и „молодыми“ скрывались „зародыши всех грядущих фракционных споров и расколов“. В 1898—903 гг. экономизм про-

должает линию „молодых“. Далее эта линия передается по наследству меньшевизму, который вносит в нее ряд поправок, но основные пункты о „демократизме“ „самодеятельности“, организационном федерализме постоянно держит в своем арсенале.

Мало того. Внимательный читатель мог заметить, что даже в рядах РКП в 1921—1923 гг. нашлись „демократы“, занявшие в организационных вопросах позицию, весьма сходную с позицией „молодых“ 1897 года... Оппортунизм живуч и обладает удивительной способностью облачаться во всякие одежды.

Ленин,—сообщает Б. Горев,—„обрушился“ на „демократические“ „новшества“ „молодых“ „самым резким и решительным образом“. Почему? Потому, что он видел перед собой людей, которые „демократической“ „рабочефильской“ словесностью хотели прикрыть свое намерение ликвидировать революционную руководящую организацию. Он нападал на демагогов, которые кричали о „чисто-рабочей“ организации, а на самом деле хотели уничтожить революционную боевую организацию.

В своей книге „Что делать“ Ленин так излагает позицию „стариков“ на этом совещании:

„Старики“ говорили, что нам нужно прежде всего... упрочение „Союза борьбы“ в организацию революционеров, которой должны быть соподчинены различные рабочие кассы, кружки для пропаганды среди учащейся молодежи и т. д.

Словом, партийная организация направляет, руководит всеми формами рабочего движения, ибо только она выражает высшие, общие, длительные, исторические цели и задачи класса.

Какова была организационная политика Ленина, а следовательно, и „стариков“? В брошюре „Задачи русских социал-демократов“ Ленин, между прочим, полемизирует с Лавровым, который смешивает политическую борьбу с заговором. Ленин разъясняет Лаврову, что политическую борьбу „должны вести не заговорщики, а революционная партия, опирающаяся на рабочее движение“, что „борьба против абсолютизма должна состоять не в устройстве заговоров, а в воспитании, дисциплинировании и организации пролетариата в политической агитации среди рабочих“. И Ленин спрашивает: что такое, с этой точки зрения, петербургский „Союз борьбы“:

„Разве эта организация не представляет из себя именно зачатка революционной партии, которая опирается на рабочее движение, руководит классовой борьбой пролетарита, борьбой против капитала и против абсолютисткого правительства, не устраивая никаких заговоров и почерпая свои силы именно из соединения социалистической и демократической борьбы в одну нераздельную классовую борьбу петербургского пролетариата? Разве деятельность „Союза“, при всей ее краткости, не доказала уже, что руководимый социал-демократией пролетариат представляет из себя крупную политическую силу, с которой вынуждено считаться уже правительство“? („За 12 лет“, стр. 150).

Да, таким именно был „Союз борьбы". Но его руководитель эти строки писал в Сибири, а в это время „молодые деятели"—будущие экономисты, будущие меньшевики—ликвидировали первую боевую организацию российского пролетариата. В рабочем движении наступила заминка,—оппортунизм поднял голову.

1-й съезд партии (март 1898 г.) подвел итоги периоду первых революционных „Союзов борьбы", возникших на основе массового рабочего движения. Манифест съезда носил ярко выраженный революционный характер. Он был написан Петром Струве, тогда еще „легальным марксистом". Но Струве в данном случае исполнял роль писаря. В манифесте он сформулировал ту точку зрения, которая господствовала в „Союзах борьбы", руководимых поколением „стариков", во главе с Лениным.

* * *

А. С. Мартынов в известном меньшевистском пятитомнике подтверждал, что из „легального марксизма" „взяли начало, с одной стороны, экономизм, с другой—либерализм нового типа". Но экономизм влился в меньшевизм, составив его правый фланг. Следовательно, „легальный марксизм" оплодотворил собою в конечном счете и русский меньшевизм.

Но в чем сущность „легального марксизма"? Капитализм необходим, он прогрессивен, он дает толчок гигантскому развитию производительных сил. Стало-быть, политическая гегемония над всеми классами должна принадлежать буржуазии. Буржуазный строй—наилучший строй. Революционная борьба против него—безумие и преступление. Классовая борьба—явление антиобщественное. Ее место должно занять классовое сотрудничество. От этого сотрудничества выиграют и буржуа, и рабочие. В установлении полезного для всех гражданского мира между классами должно сыграть выдающуюся роль правовое государство, которое, разумеется, ни в коем случае не является классовым орудием в руках буржуазии...

Экономизм почти начисто обобрал „легальный марксизм" Струве, Булгаков, Туган-Барановский стали фактически духовными отцами правого крыла российского меньшевизма. В чем сущность экономизма?

Он отрицает необходимость для пролетариата иметь самостоятельную политическую партию, руководящую всеми формами рабочего движения. Вместо боевой самостоятельной политической партии экономизм предлагает создать широкое объединение, включающее в себя различные политические группы, сочувствующие рабочему делу, профессиональные союзы, кооперативы, просветительные общества, кассы взаимопомощи и т. д., и т. п.

По теории экономистов, пролетариат совершенно не должен вести политической борьбы за обладание политической властью в государстве и добиваться гегемонии над другими классами, а тем более диктатуры. Основа политики—сотрудничество классов. Не революция, а реформа.

Это, однако, не значит, что экономисты отказывались от всякой политики. Они были за политику, но только за такую, которая непосредственно служила целям повседневной экономической борьбы. Программная статья № 1 газ. „Рабочая Мысль“ говорила:

„Политика всегда послушно следует за экономикой, и в общем итоге политические оковы разбиваются попутно. Борьба за экономическое положение, борьба с капиталом на почве ежедневных насущных интересов и стачки, как средство этой борьбы,—вот девиз рабочего движения. Эта борьба понятна всем, она закаляет силы и сплачивает рабочих. В ней каждый шаг вперед есть улучшение в жизни, есть новое средство к дальнейшим победам. Пусть рабочие ведут борьбу, зная, что борются они не для каких-то будущих поколений, а для себя и для своих детей; пусть помнят, что каждая победа, каждая пядь, отбитая от врага, есть пройденная ступень лестницы, ведущей к их собственному благополучию; пусть имеющие силы призывают слабых к борьбе и строят их в ряды сами, не рассчитывая ни на чью помощь. Победа впереди, и только тогда верх будет одержан бойцами, когда девизом их будет: „рабочие для рабочих“.

Мысль о том, что политика есть концентрированное выражение экономики, была недоступна авторам этих строк. Они не понимали, что буржуазно-помещичье государство охраняет основы капиталистической системы, т.-е. охраняет наемное рабство, что пролетариат не имеет никаких других путей к освобождению, кроме революционного свержения власти имущих классов и установления своей классовой диктатуры.

Отказ вести борьбу „для каких-то будущих поколений“ означал отказ от борьбы за освобождение пролетариата от политического и экономического гнета капитала. Сосредоточение всего внимания на экономической борьбе с капиталом был возвратом к „первому фазису“ виленской программы. После блестящей работы „Союзов борьбы“ это был огромный шаг назад, это было возмутительное ликвидаторство и ренегатство.

Далее, в 1896—97 гг. на майских праздниках выдвигались лозунги 8-часового рабочего дня и политических свобод. В 1898—99 гг. экономисты выдвигают требование 10-часового рабочего дня, о политической же свободе—ни слова! Это была прямая измена пролетарскому делу, измена майскому знамени!

Реакция снова сжала в тиски рабочий класс, революционная социал-демократия была разбита,—экономисты становятся на колени перед царизмом и совершают одну измену за другой.

Вернемся к программе „Рабочей Мысли“.

Глупо-демагогический лозунг: „Рабочие для рабочих!“ имел единственный смысл: отказываясь от борьбы в интересах „каких-то будущих поколений“, экономисты тем самым отбрасывали всякую мысль о руководстве народными массами в их борьбе с царизмом.

Основная идея периода 1894—1897 годов о гегемонии пролетариата экономистами решительно отвергалась. Политическая роль рабочего класса должна ограничиться „участием в либерально-оппозиционной деятельности“. Только и всего. Наша программа должна ограничиваться требованием осуществления частичных лозунгов: свобода печати, собраний, стачек, союзов и т. д. Решение вопроса о власти—дело буржуазии. Она будет бороться с царизмом, пролетариат окажет ей поддержку.

Виленская теория „фазисов борьбы“ заменяется теорией „стадий“. Всего сразу достигнуть нельзя, нужно итти вперед медленно и постепенно. По линии политической: сначала борьба за права. Потом политическая агитация. Далее уже политическая борьба—под руководством либералов, разумеется. По линии экономической: сначала 10-часовой рабочий день, потом 9-часовой, наконец, 8-часовой.

Виленская программа принижала значение партии, предоставляя ей пассивную роль, она суживала классовые задачи пролетариата. Экономисты усиливают все отрицательные стороны программы Мартова-Кремера. Они в смысле сужения задач пролетариата побивают рекорд, они теорию стадий доводят до абсурда, они не хотят ни на шаг итти вперед от стихийного движения. „Желательна та борьба, которая возможна, а возможна та, которая идет сейчас“,—глубокомысленно заявляли экономисты. Это был гимн пассивности, бездеятельности, хвостизма. Никакой попытки сознательными усилиями пролетариата подтолкнуть вперед воз общественной жизни, никаких вообще сознательных политических усилий. Пусть идет все по божьему благоволению. Никакого руководства рабочим классом. „Оригинальной и характерной чертой группы „Рабочая Мысль“ было ее сознательное стремление сделать свою газету лишь отражением мысли петербургских рабочих... „Рабочая Мысль“ задавалась целью быть не чем иным, как отпечатком мысли широких слоев рабочих“ (Акимов). „Сознательное стремление“ не оказывать рабочему движению никакой сознательной помощи,—это звучит чудовищно-нелепо, но это был один из принципов экономизма.

Из такого умаления значения сознательности вытекало пренебрежительное отношение к вопросам теории, преклонение перед стихийностью, замыкание в круг только лишь „практических“ вопросов. Но пренебрежение к пролетарской революционной теории означало подчинение рабочего движения буржуазной идеологии, ибо при всем практицизме какая-нибудь идеология, хоть самая паршивенькая, необходима, совсем без мысли все же нельзя. Там, где нет теории и идеологии пролетариата, там пустое место занимает идеология буржуазная, как наиболее прочная, традиционная, сильная...

Экономизм органически связан с легальным марксизмом, его программа—несколько видоизмененная программа Струве и заметно ухудшенная программа виленцев. Все три программы вместе имеют единую сущность: подчинение пролетариата буржуазному руководству.

* * *

Против попытки экономистов совершенно подчинить рабочий класс буржуазии, лишить его самостоятельной партии, самостоятельной классовой политики поднялись довольно широкие круги социал-демократов. В России ссыльные социал-демократы, во главе с Лениным, за границей—„Группа освобождения труда", во главе с Плехановым, ведут решительную атаку против экономизма. В конце 1900 года начинает выходить „Искра". Перед лицом широкой публики выступает единая прочно спаянная армия искровцев. На деле искровцы не едины: они делятся на „твердых" и „мягких". Порою разногласия достигают большой остроты. „Твердое" направление представляет, разумеется, Ленин. Сегодня он опирается на Мартова против Плеханова, завтра на Плеханова против Мартова, в общем сохраняя в своих руках фактическое руководство „Искрой"... В то время вряд ли возможно было точно предвидеть неизбежность разрыва между „твердыми" и „мягкими" искровцами. Теперь ясно видно, что в недрах „Искры" существовали ячейки двух партий. История показала, что это было вовсе не случайно, что Мартов был редактором виленской брошюры... С другой стороны, еще до возникновения „Искры" в 1899 году, Аксельрод развернул тактическую платформу, которая в сущности кладет начало центровому меньшевизму.

В двух статьях Аксельрод определил свое отношение к вопросу о задачах и тактике социал-демократии и об отношении к либералам. Он высказал целый ряд правильных мыслей: пролетариат должен организоваться в „самостоятельную революционную партию и выступать как самостоятельная политическая сила". Первая задача этой партии—низвержение абсолютизма. Социал-демократия должна взять на себя роль гегемона в освободительной борьбе. Рабочему движению угрожает опасность застрять на колее частных столкновений с предпринимателями.

Но эти верные мысли, целиком направленные против экономистов, плохо гармонировали, вернее, противоречили ряду других центральных положений, приведенных в тех же статьях.

Аксельрод констатировал „политическую слабость русского либерализма". Причина слабости—отсутствие у либералов своей массы. Вследствие этого, они бессильны в борьбе с правительством. Но либералы сидят в земских и городских самоуправлениях. Они обладают знаниями, которых нет у пролетариата. Они способствуют распространению народного образования. Это обстоятельство имеет большое политическое значение:

„Постепенное проникновение культурных и общественных элементов в русскую жизнь создает почву и орудие для политического пробуждения пролетариата уже в тисках абсолютизма. В том-то и заключается революционное значение и центр тяжести с формальной, внешней стороны политически совершенно невинных усилий нашего либерализма преобразовать русскую действительность".

Словом, либералы весьма важны для революции. Даже больше: либералы *необходимы* революции. По мнению Аксельрода, в России пролетариат находится в таком безотрадном положении, на такой низкой ступени развития, что... „*не в состоянии возвыситься до роли сознательной революционной силы, без прямой или косвенной помощи со стороны буржуазии*“.

Но тогда спрашивается: если пролетариат без буржуазии и шагу не может ступить, то как же он сможет выступить в качестве „самостоятельной политической силы“? Очевидно, что эта „самостоятельность“ будет фиктивной. Если без поддержки либералов рабочий класс „не в состоянии возвыситься до роли сознательной революционной силы“, то какая же это гегемония пролетарита возможна? Очевидно, пролетарская гегемония будет фиктивной. На деле рабочий класс неизбежно будет находиться под „началом“ буржуазии, ибо без ее просвещенного содействия этот некультурный полудикарь может только испортить дело.

Так „гегемония“ социал-демократии превратилась в „гегемонию“ с соизволения просвещенного либерализма, и „самостоятельная“ партия—в ученицу либеральных школ грамотности. Странная вышла „гегемония“ и странная самостоятельность.

Но либералы, по мнению Аксельрода, играют большую революционную роль не только своей просветительной деятельностью. Сверх всего этого, они—и это явление важнейшее — суть „зачатки элементарной конституционной жизни“. Дело вот в чем. Существуют земские и городские самоуправления, созываются съезды и общественные собрания, имеется либеральная печать и прочие легальные организации общественной самодеятельности. Аксельрод считает, что:

„как они ни слабы, и эти зародыши общественного самоуправления и свободы могут служить *опорными точками и двигателями для пробуждения и воспитания русского пролетариата к политической жизни*. Несмотря на свою телесную слабость, они *заключают в себе огромную революционную силу*, находящуюся теперь еще в скрытом, неразвитом состоянии, но могущую легко превратиться в живую, действующую под влиянием энергичной работы социал-демократов. Можно даже сказать (с известными оговорками), что *зачатки элементарной конституционной жизни современной России непосредственно заключают в себе больше революционного духа, чем развитые конституционные формы на Западе*“.

Итак, „опорные точки и двигатели для пробуждения и воспитания русского пролетариата к политической жизни“ суть дворянские земства, купеческие думы, „прогрессивно-обывательские газеты! Здесь все перевернуто вверх ногами. Пролетариат России находил „опорные точки“ в своем собственном движении. Он, именно он, „двигал“, „пробуждал“ и даже давал первоначальное политическое „воспитание“ непролетарским слоям страны. Аксельрод *клеветал* на русский пролетариат, когда представлял дело таким образом, будто он

без помощи буржуазии не был в состоянии „возвыситься до роли сознательной революционной силы“. За 8 лет перед тем Плеханов, как мы знаем, дал совершенно иную характеристику русскому рабочему. За 8 лет он безостановочно шел вперед. В 1894—98 годах он прошел такую политическую школу, которая не снилась всем этим земцам, думцам и либеральным газетчикам. Он шел все время в авангарде, он раскачал все другие классы, его партия сложилась раньше всех. Аксельрод знал все эти бесспорные факты, и, тем не менее, он считал возможным посоветовать пролетариату „опорные точки и двигатели“ для своего „пробуждения“ и „воспитания“ искать среди им же (пролетариатом) „пробуждаемых“ и „воспитываемых“ думцев и земцев! Рабочему классу предлагалось отныне ждать „последствий“ от „зародышей общественного самоуправления и свободы“; самому же особенно порядка не „нарушать“. Будущий лидер меньшевизма пытался превратить самый передовой класс общества в хвост немощного земско-городского, купецко-дворянского либерализма!

„Зародыши общественного самоуправления, — уверял Аксельрод,—заключают в себе огромную революционную силу“. И это была явная неправда. Сами по себе цензовые земства и думы никакой революционной силы собою не представляли и представлять не могли, хотя бы потому, что купечество, домовладельцы, дворянство больше всего на свете боялись именно революции. Земства и думы до некоторой степени могли отразить на себе влияние настоящей революции, сыграть кое-какую прогрессивную роль при условии широкого, массового революционного движения. Пытаясь подчинить основную силу революции антиреволюционным по существу „зародышам общественного самоуправления“, Аксельрод тем самым наносил величайший вред революции. Страшно преувеличивая значение земско-городской пустышки, он хотел одновременно до невозможности принизить и умалить революционное значение самого передового класса.

Однако, наиболее замечательное заявление Аксельрода о либералах мы еще не выслушали. На Западе,—заявлял он,—высшие классы консервативны. Иное дело—Россия. Здесь

„значительная часть этих классов, и в особенности наиболее политически развитые слои, сами заражены „разрушительными стремлениями“ и не могут не пользоваться всеми доступными им путями и средствами для скрытой или явной борьбы против царско-полицейского всевластия и против бесправия народных масс, служащего фундаментом для этого всевластия“.

В этом заявлении содержалась одна безусловная неправда и одна бесспорная правда. Неправда, будто в России „высшие классы“ были „заражены разрушительными стремлениями“. Этого не было. Имущие классы были заражены не „разрушительными“, а охранительными стремлениями. Самый „левый“ представитель буржуазно-земского либерализма Струве был весьма и весьма далек от „разрушительных стремлений“. О других представителях „демократического либерализма“ и говорить нечего. Даже такие деятели, как народник

Михайловский, были против революции, не верили в нее, издевались над ней...

Утверждение о „революционности“ имущих классов было ложью, рассчитанной на обман пролетариата. Утверждение о том, что имущие классы „не могут не пользоваться всеми доступными им путями и средствами...“ было правильным. Аксельрод предлагал пролетариату превратиться в „средство“, орудие в руках буржуазии.

Выступление Аксельрода вызвало неудовольствие в рядах русских социал-демократов. Ленин и Мартов, во время выхода в свет аксельродовских статей находившиеся в сылке, были весьма смущены выступлением виднейшего члена „Группы освобождения труда“. Мартов в своих „Записках“ пишет:

„Неприятно в брошюре Аксельрода поразили меня если не самые надежды на политическую роль, которую, по его мнению, должна сыграть борьба цензовых органов самоуправления против бюрократии, то его советы приурочить тактику партии к использованию этой борьбы... Аксельрод несвоевременно затрогивает вопрос о (принципиально допускавшемся мною) координировании рабочего движения с буржуазно-либеральным“.

Чем объяснялось выступление Аксельрода, являвшееся несомненным отступлением от основ тактики „Гр. осв. труда“? В 1899 году началось студенческое движение, наметилось политическое оживление в рядах интеллигенции и либеральных слоев „общества“.

Аксельрод спешит навстречу буржуазно-интеллигентскому либерализму. Сохраняя старую фразеологию о „гегемонии“ и „самостоятельной партии“, он фактически готов освободить место для буржуазии, которая „должна“ сделать свою буржуазную революцию. Отсюда — чудовищное преувеличение „революционно“-просветительной роли либерализма, отсюда—басни о „революционности“ земцев, думцев, „имущих классов“.

Аксельрод в разобранных нами статьях занял типичную центристско-меньшевистскую позицию. Пролетариату необходима „самостоятельная партия“, с „независимой политикой“, но свою тактику эта партия должна „согласовать“ с буржуазным либерализмом.

Как смотрел Ленин на основные вопросы, затронутые Аксельродом? Возьмем прежде всего вопрос о состоянии пролетариата. Мы помним блестящую характеристику русского рабочего, данную Плехановым в 1891 году. Мы помним убийственную характеристику, данную Аксельродом в 1899 году. В брошюре: „Задачи русских социал-демократов“ Ленин в 1897 году писал:

„Пробуждение русского рабочего класса, его стихийное стремление к знанию, и объединению, к социализму, к борьбе против своих эксплоататоров и угнетателей проявляется с каждым днем все ярче и шире. Гигантские успехи, которые делает русский капитализм в последнее время, ручаются за то, что

рабочее движение будет безостановочно расти вширь и вглубь". („За 12 лет", стр. 154).

Вопрос ясен: вслед за Плехановым, Ленин рисует правильную картину состояния русского пролетариата,—Ленин хочет его победы. Аксельрод же выступает в качестве пораженца по отношению к пролетариату,—поэтому не жалеет он черных красок для его характеристики.

Будущий вождь меньшевизма уверял, что без помощи буржуазии рабочий класс пропадет. Ленин писал:

„Только один пролетариат может быть передовым борцом за политическую свободу и за демократические учреждения, ибо, во-первых, на пролетариате политический гнет отражается всего сильнее, не находя никаких коррективов в положении этого класса, не имеющего ни доступа к верховной власти, ни даже доступа к чиновникам, ни влияния на общественное мнение. А во-вторых, только пролетариат способен до конца довести демократизацию политического и общественного строя, ибо такая демократизация отдала бы этот строй в руки рабочих". („За 12 лет", стр. 146).

Какие задачи стоят перед социал-демократией? Ленин отвечает: в данное время налицо расцвет промышленности. Но кризис неизбежен, экономический крах неминуем. Отсюда вывод:

„Русские с.-д. должны позаботиться о том, чтобы этот крах застал русский пролетариат более сознательным, более объединенным, понимающим задачи русского рабочего класса, способным дать отпор классу капиталистов, пожинающих нынче гигантские барыши и стремящихся всегда сваливать убытки на рабочих, — способным вступить во главе русской демократии в решительную борьбу против полицейского абсолютизма, связывающего по рукам и ногам русских рабочих и весь русский народ".

Ленин готовит русский пролетариат к решительной борьбе против царизма и буржуазии,—Аксельрод пытается превратить его в „средство" в руках либерализма. Ленин—большевик, Аксельрод—меньшевик.

* * *

Пятилетие 1898—1903 годы—это период борьбы за самостоятельную партию пролетариата. „Искра" побеждает, экономисты разбиты. Партия рабочего класса будет создана.

Но какая партия? Во имя каких задач? На каких основах? В каких отношениях эта партия будет находиться с либерализмом—главным конкурентом пролетарской партии.

На эти вопросы должен ответить второй съезд, в подавляющем большинстве составленный из искровцев. Но искровцы не едины. Искровскому „твердокаменному" большинству противостоит „мягкое" искровское меньшинство.

Борьба кончается расколом. „Мягкие" блокируются с экономистами, бундовцами, „болотом",—со всеми теми группами, которые в

течение ряда лет вели бешеную борьбу с единым фронтом искровцев. Все оппортунистическое, „мягкое“, колеблющееся сплачивается против твердокаменного, революционного крыла съезда.

Партия узкая или широкая, боевая или болтающая, партия для беспощадной, ни перед чем не останавливающейся борьбы или для договоров, соглашений, для торгов и переторжков с либералами?

Централизм или автономизм, руководство со стороны центра или ни для кого не обязательные советы?

Гегемония пролетариата или гегемония буржуазии?

Иными словами,— старый боевой революционный путь „Группы освобождения труда“, руководимых „стариками“ „Союзов борьбы“, ленинско-плехановской „Искры“,—или путь виленской программы, „молодых“, экономистов, Аксельрода?

Вот основные вопросы, которые разделили съезд на две части, на две партии,—на партию революции и партию реформ.

Блок „мягких“ искровцев, экономистов, бундовцев, „болота“ сплачивается на платформе „широкой“, „демократически“ построенной партии (формально фракции), на почве признания гегемонии либерализма. Рождается меньшевизм, как сумма разнородных оппортунистических течений. Становым хребтом партии, ее центром становится Аксельрод, на правом фланге располагаются экономисты, на левом фланге—Мартов.

Партия составлена из лоскутков, социально неоднородна: интеллигенция, радикальное мещанство, аристократическая верхушка пролетариата, наименее сознательные слои рабочего класса,—вот ее масса.

Правое, экономистское, отчасти аксельродовское крыло преемственно связывает новую партию с виленской программой, с „молодыми“, экономизмом.

Но партия сложилась в предреволюционную эпоху. Она вынуждена приспособляться к революционной обстановке, несколько прятать правый свой фланг, выдвигать на первый план левый фланг.

Но революционная обстановка сменится реакцией, пролетариат потерпит поражение, и меньшевизм решительно повернет направо. На передний план будет выдвинут правый фланг. Партия вступит в блок с кадетами против большевиков—партии рабочего класса.

Когда царистская реакция упрочится, меньшевизм открыто поставит вопрос о ликвидации старой партии, старой программы, тактики, традиций. Меньшевизм превратится в ликвидаторство, он напишет на своем знамени ренегатство и отреченство. Он откажется от революционной „утопии“ и „романтики“, начнет проповедь вползания в столыпинскую „легальность“.

При новом подъеме рабочего движения меньшевизм все силы приложит к тому, чтобы внимание рабочего класса отвлечь от революционной борьбы, чтобы движение пролетариата поставить на реформистские рельсы.

Когда вспыхнет мировая война, меньшевизм выкинет знамя „оборончества“ и превратится в кровавую шавку империализма.

Февральская революция.

Меньшевизм утверждает власть буржуазии.

Февральская революция „Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию“ меньшевиков застала в положении глубокого идейного и организационного кризиса. По основному для эпохи вопросу об отношении к войне и империалистической буржуазии в рядах русского меньшевизма имелись следующие течения:

1) Меньшевики-оборонцы (Потресов—Либер—Маслов), 2) меньшевики-интернационалисты (Мартов—Мартынов), 3) „центр“ (Дан—Церетели). С своей стороны, оборонцы делились на две группы: на „умеренных“ (сборник „Самозащита“) и крайних оборонцев (Плеханов—Алексинский). Центр делился на „левый центр“ и „правый центр“. Не была вполне однородной и группа интернационалистов.

Фракции Дана—Мартова в общем стояли на точке зрения правого циммервальдизма. Однако, это обстоятельство нисколько не мешало меньшевистскому центру—фракции Дана—работать совместно с оборонцами, входить в военно-промышленные комитеты и вообще фактически проводить политику сотрудничества с воинствующей буржуазией. С другой стороны, и крайнее левое крыло меньшевизма—фракция Мартова—сохраняло единство со всеми социал-патриотическими элементами партии.

В организационном отношении русский меньшевизм накануне февраля располагал следующими основными пунктами. По линии нелегальной существовал Организационный (Центральный) Комитет („ОК“). Политика ОК была центристской. В Европе русский меньшевизм был представлен „Заграничным Секретариатом ОК“ (Мартов, Мартынов, Аксельрод, Астров, Семковский). Большинство членов Секретариата занимали левую позицию. Аксельрод стоял на точке зрения центризма. В Петрограде существовала „Инициативная группа“, состоявшая из интернационалистов и центристов. Временами группа довольно резко выступала против оборонцев, с которыми вместе работала в военно-промышленных комитетах. В провинции партия меньшевиков располагала весьма слабыми подпольными группами. Оборонцы нелегальную работу проводили под прикрытием, главным образом, рабочих групп военно-промышленных комитетов.

На легальной арене партия имела: 1) думскую фракцию, руководимую Чхеидзе и Скобелевым и стоявшую на точке зрения правого циммервальдизма, 2) рабочую группу центрального военно-промышленного комитета, состоявшую из решительных оборонцев, 3) ряд провинциальных групп при местных военно-промышленных комитетах, 4) редакцию оборонческого журнала „Наше Дело“ в Петрограде.

В первые дни февральской революции все меньшевистские течения сплачиваются в единую партийную организацию. „Центристы“ выступают отныне под флагом „революционных“ оборонцев и вместе с „просто“ оборонцами представляют фактически и формально русский меньшевизм. На первых порах даже интернационалисты оказываются поглощенными потоками событий и совместно с оборонцами работают во имя „всенародной революции“. Но вскоре обнаруживается, что политика оборонческого блока для левых меньшевиков неприемлема, и они, формально оставаясь в рядах единой партии, фактически обособляются организационно в самостоятельную группу меньшевиков-интернационалистов. Официальный меньшевизм 1917 года—это право-центровый, оборонческий, „либердановский“ меньшевизм. Как действовал он в революции?

* * *

То, что произошло за период 27-го февраля—2-го марта,—свержение царизма и создание чисто-буржуазного правительства,—для имущих классов было слишком много, а для меньшевиков, эсеров, для всех вообще „демократических социалистов“,—на ближайший, по крайней мере, период,—было совершенно достаточно.

Революционное свержение царизма для буржуазии было слишком много потому, что таким образом отбрасывалась совершенно от власти „историческая сила“, наносился смертельный удар монархизму и дворянству, буржуазия оказывалась без союзников справа, одна лицом к лицу с революционным рабочим классом. Имущие классы России постоянно стремились к разделу власти с царизмом и дворянством, а не к их уничтожению. Только в союзе с монархией, с этой мощной „исторической силой“ буржуазия рассчитывала держать в подчинении рабочий класс, создать в стране прочные устои господства имущих слоев. Поэтому либерализм, когда увидел, что данный царский режим ведет к гибели буржуазно-помещичью Россию, принял решение осторожно, сверху снять с монархии больную головку и заменить ее здоровой. План дворцового переворота имел в виду приобщение буржуазии и либерального дворянства к власти без потрясения основ „исторической власти“.

Революция отдала буржуазии всю власть. Это была слишком опасная ноша для нее. „Бремя власти“ Милюковы и Гучковы хотели делить со старой монархией и „первенствующим сословием“. Отсюда—отчаянное цепляние вождя либерализма Милюкова за обломки трона даже после того, как воля революционных масс выразилась твердо,

и эта попытка спасти монархию являлась уже предприятием весьма рискованным...

Меньшевизм первые итоги революции на данный исторический период считал совершенно достаточными, ибо по „законам истории“ России полагалась „по штату“ буржуазная революция, а она, как известно, делается буржуазной властью. Правительство Львова—Милюкова, намеченное еще в ожидании дворцового переворота, и было признано меньшевизмом тем исторически возможным правительством, которого только и могла желать освобожденная рабочим классом Россия.

Если бы меньшевики делали революцию, все кончилось бы 2-го марта, в день сформирования правительства. Через короткое время Милюков—министр милостью революции—был бы министром милостью его величества царя, война бы продолжалась в „полном согласии с доблестными союзниками“, „священная частная собственность“ на землю была бы нетронута,—революция свелась бы к реформам. Такое положение вещей резко противоречило бы писаной программе меньшевизма, но оно естественно вытекало бы из фактической программы и тактики меньшевизма.

Но на улицу вышли вооруженные массы и совсем не по-меньшевистски стали решать вопросы. 27-го февраля, вечером, сформировался уже Петроградский Совет. С точки зрения утверждения буржуазной революции, рабоче-солдатский Совет—явная „ненормальность“, он может только мешать „прогрессивной“ и „культурной“ буржуазии спокойно делать дело создания буржуазного правопорядка. Между тем, уже 28-го февраля Петроградский Совет Рабочих Депутатов „к населению Петрограда и России“ обращался вот с какого рода воззванием:

„Для успешного завершения борьбы в интересах демократии народ должен создать свою собственную властную организацию.

Вчера, 27-го февраля, в столице образовался Совет Рабочих Депутатов из выборных представителей заводов и фабрик, восставших воинских частей, а также демократических и социалистических партий и групп.

Совет Рабочих Депутатов, заседающий в государственной думе, ставит своей основной задачей организацию народных сил и борьбу за окончательное упрочение политической свободы и народного правления в России.

Совет назначил районных комиссаров для установления народной власти в районах Петрограда.

Приглашаем все население столицы немедленно сплотиться вокруг Совета, образовать местные комитеты в районах и взять в свои руки управление всеми местными делами“.

Революционный народ в интересах победы „должен создать свою собственную властную организацию“. Совет и есть выдвинутая массовым движением „властная организация“. Он „назначил

районных комиссаров", он захватил фактически в свои руки управление столицей... Впоследствии Милюков, из министра превратившийся в летописца неудачной буржуазной революции, жаловался на то именно обстоятельство, что в первые же дни Советы захватили местную власть, и временному правительству пришлось испытывать удовольствие висеть в воздухе...

Но этого мало. Армия фактически была подчинена Совету,— буржуазия уже не могла бесконтрольно распоряжаться ею. Наконец,— что самое существенное,—само временное правительство, образованное на основе соглашения между политическим центром буржуазии— думский комитет—и политическим центром революции—Исполнительный Комитет Совета,—само это „правительство революции" находилось в зависимости от Совета.

Все это противоречило теории меньшевизма. Если революция буржуазная,—а она, несомненно, буржуазная,—то какая же еще может быть власть, параллельная с буржуазной властью? А Совет стоял не только рядом, но фактически и над правительством. Олицетворением высшей власти являлся Совет, черпавший свою силу в рабоче-солдатской революции. Фактически власть первых недель февраля была властью Советов. Вся история господства эсеров и меньшевиков в 1917 году сводится к их неуклонному стремлению постепенно сузить первоначальный размах февральской революции, ликвидировать двоевластие, утвердить единовластие буржуазии. Если меньшевики (и эсеры) не смогли уничтожить фактическую власть Советов, то в этом „виновата" исключительно революционная масса. Меньшевизм делал все возможное, чтобы „властная организация", созданная революцией, фактически была низведена до роли городских дум при царизме... Интересно в связи с этим послушать гр. Милюкова. В своей „Истории второй русской революции" он пишет:

> „Государственная дума сдала революции идею монархии. Кабинет князя Г. Е. Львова сдал позицию буржуазной революции, подчинившись требованиям и формулам социалистических партий... Выпущенный буржуазией из рук принцип буржуазной революции приняли под свою защиту умеренные социалисты. Как и можно было ожидать, эта двусмысленная позиция погубила их во мнении рабочего класса и чрезвычайно усилила левый фланг русского социализма, „большевизм".

Что подтверждает Милюков этим заявлением? Имущие классы под давлением революции вынуждены были сдать свои позиции, но за их спасение взялись „умеренные социалисты". Милюковы, Гучковы, Родзянки были отброшены назад, но их дело делали Керенские, Даны, Либеры, Церетели, Черновы. Родзянки и Львовы подчинились фактически не „требованиям и формулам социалистических партий",— они подчинились, они отступили перед „требованиями и формулами" восставшего рабочего класса, восставшей армии.

Политика эсеров и меньшевиков, — говорит Милюков, — была „двусмысленная". Это совершенно правильное указание. Двусмысленность заключалась в том, что „умеренные социалисты", возглавляя фактическую власть революции—Советы, одновременно всячески эту власть подрывали и старались как можно больше позиций сдать буржуазии. Двусмысленность и двурушничество пронизывают собою всю политику меньшевиков и эсеров.

В самом деле. Революция произошла не только против царизма, но и против воли буржуазии. „Умеренные социалисты", приняв на себя руководство революцией, целиком сдали ее буржуазии. Революция произошла во имя мира, земли, хлеба,—„умеренные социалисты" целиком подчинили ее интересам ведения войны, они не осмелились революционно поставить вопрос о мире и земле. Даже серьезно не попытавшись разрешить основные задачи, поставленные восстанием пролетариата и армии, „умеренные социалисты" революцию объявили законченной на ее февральском этапе. Тем самым партии меньшевиков и эсеров превращались в реакционную силу, служившую буржуазии и дворянству.

Каковы были итоги первых дней революции? Власть была передана буржуазии, и на ее господство никто не покушался. Но это означало, что и опора царизма—дворянство—не потерпела бы серьезного ущерба. Русский либерализм, теснейшим образом связанный с дворянством и политически, и экономически, понимавший необходимость союза с землевладельцами для защиты от напора рабочего класса, ни в коем случае не согласился бы на ликвидацию дворянского землевладения. В этот период и дворянство ничего иного, кроме сохранения власти буржуазии, не хотело. Позиция землевладельцев в первые недели февральской революции в основном совпадала с позицией „умеренных социалистов".

Вот огромного значения исторический факт. 10-го марта Совет объединенного дворянства призвал всех „русских людей" „сплотиться вокруг временного правительства, как единой ныне в России законной власти, поставившей себе целью защиту государства и порядка и доведения войны до победного конца". Дворянство быстро сообразило, что сохранить самого себя, свои экономические права и привилегии оно сможет не в борьбе с буржуазией, а опираясь на буржуазию. Правительство Милюкова-Львова—это правительство „порядка", правительство борьбы с рабочим классом и крестьянством, правительство империалистической войны. На этот счет „опора престола" — совет объединенного дворянства—не ошибался. И он снова призывал „русских людей", все русское дворянство, „признать эту власть и всемерно содействовать ей в достижении поставленных ею задач". (См. „Известия Петроградского Совета", № 12, от 11 марта 1917 г.).

Таким образом, бесспорно, что задержка революции на февральском буржуазном этапе отвечала интересам именно имущих классов,

которые немедленно повернули бы назад, как только им удалось бы упрочиться у власти. Следовательно, „умеренные социалисты“ работали не только на буржуазию, но и на помещиков-дворян.

* * *

Первые четыре месяца февральской революции можно разделить на два периода.

Март—апрель. Временное правительство целиком в руках буржуазии. Но она не в состоянии в полной мере выполнять свою контр-революционную программу. Революция живет, и меньшевистско-эсеровские Советы вынуждены оказывать противодействие домогательствам имущих классов. Двоевластие мешает буржуазии. Связанная Советами, она должна ограничиться только *саботажем* революции. Если сегодня еще нельзя повернуть назад, то и вперед, во всяком случае, ни шагу сделать не позволим. Вот лозунг буржуазно-помещичьих слоев.

Но этот саботаж, в области войны фактически сводившийся к продолжению старой царской политики, выводит революционные массы на улицу 20—21-го апреля. В лице партии большевиков они находят своего вождя. В результате напора революции создается первый „кризис власти“. Вождь буржуазии, ее наиболее умелый руководитель Милюков вынужден выйти в отставку (не я ушел, а „меня ушли“,— заявил откровенно Милюков). Буржуазия уже не в состоянии одна стоять у власти и утверждать свое господство. Тогда на помощь к ней спешит „умеренный социализм“. Вожди меньшевиков и эсеров вступают в правительство. Создается коалиция во имя все той же старой цели утверждения буржуазного правопорядка. Вступление в правительство „социалистов“ не вносит в его политику никаких изменений к лучшему. В частности, заменивший Милюкова на посту министра иностранных дел Терещенко целиком продолжает политику своего предшественника.

Май—июль. Борьба классов обостряется. Правительство коалиции не удовлетворяет: народные массы—потому, что оно ничего не дает, имущие классы—потому, что оно не может раздавить революцию. *Начинается мобилизация активных сил реакции*. Буржуазия, землевладельцы, военщина, мещанство организуются для активных действий против революции, производят сильнейшее давление на власть и заставляют ее начать поход против поднимающегося к новой борьбе рабочего класса, прежде всего против его авангарда—большевистской партии. *Власть постепенно подпадает под влияние контр-революции, становится ее орудием в борьбе с революцией*. Влияние Советов падает. „Министры-социалисты“ целиком захвачены потоком реакции.

I Съезд Советов (5—23-го июня) проходит под знаком полного подчинения революции интересам буржуазии, интересам ведения войны. Руководящие Съездом меньшевики и эсеры ведут ожесточенную борьбу с большевизмом. В связи с предполагавшейся больше-

вистской демонстрацией 10-го июня они делают попытки разоружить петроградских рабочих, но страх перед революционными массами удерживает их от этого шага.

18-го июня петроградский пролетариат и гарнизон в грандиозной демонстрации выражают свою волю против войны, против буржуазной власти, за власть Советов. И того же 18-го июня эсеры и меньшевики празднуют... переход русской армии в наступление. Церетели по этому поводу говорил на Съезде Советов:

> „Товарищи! Наша революционная армия перешла в наступление (рукоплескания). Она показала всему миру, что демократические начала, укрепленные русской революцией, не ослабили, а укрепили мощь армии.
>
> Она показала, товарищи, всему миру, что демократические идеалы во внутренней и внешней политике не только не деморализовали армию, как это пытались утверждать враги революции, но что это воодушевление усилило боеспособность армии.
>
> Настал, товарищи, поворотный момент в русской революции, когда она должна обнаружить все силы, всю крепость новых демократических идеалов, осуществляемых ею в тылу и на фронте... Открывается новая страница в истории великой русской революции с переходом нашей революционной армии в наступление". („Известия Петроградского Совета", № 96, 20 июня 1917 г.).

Речь Церетели, это был пустой набор насквозь лживых фраз. Никакого „воодушевления" в армии не было и быть не могло, ибо война попрежнему носила империалистический характер. Никакого усиления „боеспособности армии" не было и быть не могло, ибо старая армия была осколком старой России,—с ее развалом неизбежно должна была развалиться и старая армия. Пустота церетелевских фраз стала до ужаса очевидной, когда наступление через несколько дней превратилось в катастрофическое отступление русской армии.

Но Церетели был прав в одном отношении: наступление 18-го июня в самом деле открывало „новую страницу в истории великой русской революции". В каком смысле? В смысле прямого подчинения российской революции приказам генерального штаба Антанты. Это прекрасно выяснил тогда же Мартов в речи, произнесенной в ответ на восторженную речь Церетели. Мартов говорил:

„Российское революционное временное правительство дает приказ о наступлении прежде, чем определились цели этой войны, прежде, чем дать ответ на поставленный российским правительством, по поручению революционной демократии, вопрос, согласны ли союзники отказаться от захватной цели. И пока это есть, пустыми являются сказанные здесь слова, что ни одна капля русской крови русского солдата не будет пролита за захватные цели. Истиной, напротив того, горькой и оскорбительной истиной, является то, что, пока цели войны не пересмотрены, каждая капля крови, проливаемая там и нами оплакиваемая, проливается за по-

зорные цели. (Аплодисменты части собрания. Шум. Возгласы: „Ерунда!“). Я вижу лица всемирного империализма, которые хихикают, слыша эти речи, и которые знают, что, по его велению, уже не однажды самые свободолюбивые нации бросают своими руками своих детей в эту жаровню, в этот огонь“. (Аплодисменты. Шум). („Изв. Петрогр. Совета“, № 97, 21 июня 1917 г.).

К словам Мартова прибавить нечего. Все ясно. Революция бесстыдно была предана. Буржуазия праздновала свою победу. Даже когда наступление окончилось поражением, буржуазия могла считать себя победительницей, ибо самое главное заключалось в том, что она сумела поставить себе на службу революцию, произведенную против царизма, против буржуазии, против войны...

Меньшевизм хотел утверждения у власти буржуазии. Но буржуазия у власти — это неизбежно война в союзе с антантовским капиталом. Далее, буржуазия у власти—это сохранение в армии царистского режима, это оставление земли в руках помещиков. Буржуазия у власти означала жесточайшее поражение рабочего класса и крестьянства, ликвидацию революции.

Когда борьба обострилась, когда кадетская партия активно начала вести борьбу против революции, официальный меньшевизм стал уверять, что, мол, есть какие-то „левые элементы буржуазии“, которые, будто бы, готовы честно работать с меньшевиками и эсерами на пользу революции. Но на это наивное искание „хорошей“ буржуазии вождь правого меньшевизма Потресов отвечал:

„Нам нужна буржуазия буржуазной революции не как фиговый лист, а как союзник“.

Такой буржуазии в природе не было, ибо не было меньшевистской „буржуазной революции“, ибо буржуазия ненавидела революцию и готова была ее задушить. Это был факт, „простой, как мычание“. В природе имелась антиреволюционная, антирабочая, антинародная буржуазия. С ней меньшевизм и связал неразрывно свою судьбу, в заботах об утверждении ее господства он и погубил себя.

„Прорыв фронта Ленина“.

Контр-революция все более наглела. Активные силы буржуазно-помещичьей реакции готовились к бою. Массы ясно видели, что революции угрожает величайшая опасность. Они понимали, что союз с буржуазией губит все дело...

2 июля три министра-кадета, недовольных уступкой, которую должно было сделать временное правительство украинским националистам, вышли в отставку. Новый кризис власти послужил сигналом для грандиозного революционного выступления масс под лозунгами: „Долой министров-капиталистов!“, „Вся власть Советам!“. Выступление имело исключительной целью произвести давление на меньшевиков и с.-р., чтобы они взяли власть в свои руки. Демонстрация началась стихийно. Масса, чувствуя опасность, подня-

лась инстинктивно и устремилась к Таврическому дворцу—центру революции. Партия большевиков не призывала к выступлению, она оказалась поставленной перед фактом грандиозной революционной демонстрации и приложила все усилия, чтобы придать ей мирный и организованный характер.

Меньшевики и эсеры объявили, что выступление имеет характер заговора, мятежа, восстания. В ночь на 4-е июля на заседании Центрального Исполнительного Комитета руководитель меньшевиков Церетели говорил:

„Выходить на улицы с требованием: „Вся власть Советам"— есть ли это поддержка Советов? Если бы Советы пожелали, власть могла бы перейти к ним. Препятствий ни с какой стороны воле Советов нет... Такие выступления идут не по пути революции, а по пути контр-революции".

Почему взятие власти меньшевиками и эсерами должно было быть контр-революцией,—Церетели не объяснил. По мнению меньшевиков, контр-революция заключалась в разрыве с буржуазией. Другой вождь и руководитель партии меньшевиков Дан говорил:

„На улицах революционный народ, но этот народ совершает контр-революционное дело".

А представители фабрик и заводов, выступавшие на заседании Центрального Исполнительного Комитета, заявляли:

„Мы не разойдемся, пока 10 министров-капиталистов не будут арестованы, и Совет не возьмет власть в свои руки. Мы доверяем Совету, но не тем, кому доверяет Совет. Наши товарищи, министры-социалисты, пошли на соглашение с капиталистами, но эти капиталисты—наши кровные враги".

Конечно, это была ужасная контр-революция. Это был „мятеж", который нужно было усмирить железом и кровью. Временное правительство и Центральный Исполнительный Комитет образовали особую комиссию в составе двух эсеров и двух меньшевиков, которая должна была усмирить демонстрантов. Во главе усмирителей стал известный меньшевик Войтинский. 4-го июля на заседании ЦИК он так рассказывал о своем подвиге:

„Весь день 3-го июля ушел у нас на то, чтобы стянуть войска, чтобы укрепить Таврический дворец... У нас была задача втянуть хоть несколько рот... Одно время у нас совершенно не было сил. У входных дверей Таврического дворца стояли шесть человек, которые не в силах были сдержать толпу. Первая часть, пришедшая к нам на помощь,—это броневые машины. Мы вызвали их не демонстрировать броневики, а как боевую силу. Вечером мы дали приказ некоторым фронтовым частям грузиться и направляться сюда". („Известия Петрогр. Совета", 4 июля 1917 г.).

6-го июля на заседании представителей воинских частей в присутствии большого числа офицеров и юнкеров Войтинский говорил по этому же поводу еще более подробно и красноречиво:

„В первый день демонстрации в нашем распоряжении было только 100 человек,—больше сил у нас не было. Мы разослали комиссаров по всем полкам с просьбой дать нам солдат для несения караула... Но каждый полк озирался на другой,— как тот поступит. Нужно было во что бы то ни стало прекратить это безобразие, и мы вызвали с фронта войска... Вот теперь по Миллионной улице проходят войска и броневики по направлению к Дворцовой площади, чтобы стать в распоряжение ген. Половцева. Вот это и есть наша реальная сила, на которую мы опираемся". („Известия" 7 июля 1917 г.).

И эти люди, которые публично признавались, что в их распоряжении не было никакой реальной силы, стали изображать дело так, будто вооруженные рабочие, солдаты и матросы восстали против Совета и „революционного" правительства! Если бы демонстрация перешла в восстание, вопрос о власти для данного момента, во всяком случае, был бы решен: временное правительство одним легким ударом было бы свергнуто. Но 3-го июля революционный Петроград не восставал. Он демонстрировал свою волю. Эсеры и меньшевики сочинили сказку о мятеже, чтобы расправиться с революционными рабочими, солдатами, матросами, расправиться с революционной партией большевиков. Для этого были разнузданы белогвардейские банды юнкеров и офицеров; с целью „успокоения" революционного Петрограда были вызваны с фронта контр-революционные части войск.

Рабочие и солдаты не восставали 3-го июля против меньшевиков и эсеров, но они хотели разорвать коалицию. Эсеры и меньшевики решили обуздать революционных рабочих и солдат, чтобы они не мешали впредь братскому союзу между социал-патриотами и буржуазными партиями.

4-го июля эсеры и меньшевики спустили с цепей контр-революционных собак, которые с зверским ожесточением набросились на революцию и ее главную партию.

Белогвардейцы первые открыли огонь по демонстрантам и тем вызвали перестрелку... Ведь, без стрельбы не бывает „восстания"! Юнкера ворвались в редакцию „Правды" – центрального органа партии большевиков—и разгромили ее до основания. Юнкера и казаки разгромили типографию партии большевиков, убили рабочего-большевика Воинова за распространение „Правды".

Контр-революционная печать повела бешеную, гнуснейшую кампанию против вождей большевиков, обвиняя их в измене в пользу Германии, в получении денег от немецкого генерального штаба. „Революционная" юстиция меньшевиков и эсеров издала приказ об аресте руководителей большевистской партии, обвиняя их в организации восстания 3—5-го июля и... в получении денег от Германии.

Контр-революция пошла походом на рабочий класс и его партию. Вождь меньшевиков, „благородный" Церетели, явился инициатором разоружения петроградских рабочих.

Юнкера и казаки появились в рабочих районах и стали отбирать оружие. Партия большевиков оказалась на полулегальном положении. Часть ее вождей была брошена в тюрьму, другая часть должна была скрываться, чтобы не разделить участи рабочего Воинова.

Одновременно начался поход на революционную часть армии. Дивизии и полки расформировывались. „Непокорных" солдат бросали в тюрьмы...

Буржуазия радовалась. Эту радость выразил князь Львов — министр-председатель „революционного" правительства. Он говорил:

> „Наш глубокий прорыв на фронте Ленина имеет, по моему глубокому убеждению, несравненно большее значение для России, чем прорыв немцев на юго-западном фронте... К сожалению, в Советах до сего времени остаются элементы, морально ответственные за события 3—5-го июля".

Буржуазия готова была мириться с каким-угодно внешним поражением, лишь бы победить внутреннего врага. Когда Войтинский, отзывая с фронта войска для подавления большевиков, ослаблял его, он поступал вполне „патриотично" с точки зрения буржуазии, которой патриотизм служит орудием классового обмана и подавления. Прорыв на фронтах рабочего класса в сто раз важнее, чем прорывы на фронтах внешней войны. Меньшевики и эсеры этот внутренний прорыв, к великой радости буржуазии, устроили, поставив рабочий класс и его партию под удары белого террора. С своей стороны, и пролетариат все мог простить партии меньшевиков, но не эту подлую измену, не это гнусное преступление.

Но обратите внимание: изменив рабочему классу, предав его в руки белой гвардии, партия меньшевиков и самое себя подставляла под удары буржуазии. В районах юнкерско-офицерская белая сволочь, „увлекшись", приступила к разгрому некоторых меньшевистских организаций. Начали с левых меньшевиков... Но белая гвардия всегда идет слева направо, и, в конце-концов, ее удары неизбежно обрушиваются даже на самых умеренных, на самых патриотических „социалистов".

Параллельно с этим князь Львов подготовлял политическую отставку меньшевиков. В Советах еще остались элементы, „морально ответственные" за события 3—5-го июля,—говорил он. „Революционный" князь предлагал меньшевикам и эсерам произвести „чистку" Советов от всех лево-настроенных элементов. Назавтра буржуазия выступила бы с утверждениями, что весь Совет „морально ответственен" за „мятеж" 3—5-го июля, что, следовательно, все советские партии должны быть отстранены от всякого влияния на власть... Да, буржуазия умеет руками меньшевиков и на спинах меньшевиков пробираться к власти и безраздельному господству. Мешают только большевики.

Правительство „порядка“ и партии версальцев.

4-го июля, когда массы были еще на улицах, когда „надежных“ войск не было еще в столице, меньшевики и эсеры не смели говорить открыто о преследовании партии большевиков. Но вот массы ушли в свои узкие и грязные кварталы, белые шайки овладели улицей, с фронта прибыла кавалерия и артиллерия... Меньшевики и эсеры заговорили иначе...

13-е июля. Объединенное заседание ЦИК'а и Всерос. Совета Крестьянских Депутатов. Выступает Керенский, глава „нового“ коалиционного правительства, окрещенного эсерами и меньшевиками „правительством спасения революции“. Керенский грозит большевикам „полным и решительным уничтожением“.

От имени меньшевиков и эсеров выступает Дан и заявляет, что они предоставили правительству „полноту власти“. Дан предлагает резолюцию, в которой говорится:

„1) Вся революционная демократия заинтересована в гласном суде над всеми группами большевиков, против которых выдвинуты обвинения в подстрекательстве к мятежу и организации его, а также в получении денег из немецких источников. ЦИК считает совершенно недопустимым уклонение Ленина и Зиновьева от суда и требует от большевистской фракции немедленного категорического и ясного осуждения такового поведения их вождей.

2) В виду исключительности положения, ЦИК требует от всех членов своих и от всех фракций, входящих в его состав, а также от всех членов соответствующих местных Советов безусловного выполнения всех решений, принимаемых большинством центральных всероссийских органов.

3) Все лица, к которым предъявляются обвинения судебной властью, отстраняются от участия в Исполнительных Комитетах впредь до судебного приговора“.

Резолюция, предложенная Даном, была принята большинством всех против 11. Таким образом, большевики были поставлены „вне закона“. Им было предъявлено гнуснейшее, омерзительное обвинение, беспочвенность которого была ясна для всех. От травимой со всех сторон партии рабочего класса потребовали, чтобы она отдала своих вождей в руки озверелых бандитов реакции..

Большевиков решили фактически изгнать из Советов.

Каков был смысл резолюции меньшевистско-эсеровского ЦИК'а? Вот некоторые заявления, сделанные на том же заседании ЦИК'а и могущие дать точное представление о том, что именно делали, кому именно служили партии меньшевиков и эсеров.

Авксентьев, один из эсеровских вождей, говорил:

„Теперь или никогда. Мы не можем медлить с самыми решительными мерами и должны ясно и определенно про-

диктовать свою волю, свой призыв к категорическому исполнению своего долга.

Довольно дискуссий. Настало время действовать. Мы много дискутировали, и я боюсь, что мы продискутируем и настоящий момент.

Мы не должны чем-либо затруднять деятельность правительства и должны помогать ему своим примером и своими действиями, мы должны провести в жизнь диктатуру революционной демократии".

Либер, один из руководителей партии меньшевиков, заявлял:

„Правительство теперь вынуждено наносить удары не только черной сотне, но и большевикам. Диктатура репрессий долго существовать не может. Необходима диктатура творческая. Но нужно отречься от утопизма, что стоит правительству захотеть, как все будет спасено. Те, кто так говорит,—демагоги. Страна наша так тяжело больна, что это невозможно. Нельзя и вредно думать, что по каждому конкретному вопросу правительство должно обращаться к нам. Тогда создалась бы не диктатура революционного правительства, а диктатура пролетариата и крестьянства".

„Диктатура революционной демократии", „диктатура репрессий", „диктатура революционного правительства",—вот каким „большевистским" языком говорили меньшевики и эсеры, когда нужно было громить... большевиков.

Но послушаем „рыцаря революции" г-на Церетели:

„События 3—5-го июля послужили нам суровым уроком и положили грань между двумя периодами революции.

С этого момента революция от розовой мечтательной юности переходит в суровую полосу, когда железной рукой приходится оборонять революцию от анархии и спасать страну мерами репрессий, которые мы считали похороненными навсегда.

Мерами репрессий и даже применением смертной казни должны мы спасать страну и революцию и наносить удары очень близко от демократических организаций революции. Нам нужно бить по анархии, но, ведь, она свила себе гнездо близко от революции. События 3—5-го июля показали это".

„Под бурные аплодисменты всего собрания, при молчании незначительной части большевиков, Церетели покидает трибуну".

Так говорится в „Известиях Петроградского Совета", откуда мы взяли приведенные выше цитаты. Редактором „Известий" в то время являлся г-н Дан, а общее направление давал им министр Церетели...

Так вот какова была меньшевистско-эсеровская „демократия"!

„Железной рукой приходится оборонять революцию от анархии", т.-е. от большевизма, от рабочих, солдат, крестьян, матросов, от их требований, от их возмущения и негодования. „Мерами репрессий и даже применением смертной казни должны мы спасать революцию", т.-е. спасать союз соглашателей с буржуазией, союз, обеспечивающий власть и господство помещиков и буржуа... Г-да Церетели и Даны „били по анархии" в угоду буржуазии. Это удостоверил на том же заседании ЦИК'а член партии меньшевиков... Мартов. Послушаем его, он говорил очень мило:

„Товарищи, всем известно, что исключение большевиков вызвано давлением контр-революционной улицы и прессы. Резолюция, вынесенная товарищами меньшевиками и социалистами-революционерами, предлагая большевикам выразить осуждение своим лидерам, нарушает не только свободу действия, но и слова, и печати. Исключая товарищей большевиков, вы исключаете из рядов демократии часть того рабочего класса, который идет за ними. Нам ясно сказали, что это правительство порядка, и только порядка. И хотя нам и говорят, что мы отмежуемся, мол, от контр-революции, но это отмежевание похоже на то, когда, спасаясь от дождя, бросаются в воду".

Что можно прибавить к этим убийственным словам Мартова? Меньшевики и эсеры были орудием контр-революционной улицы, они действовали, как версальские палачи, их правительство было правительством буржуазно-генеральского „порядка"...

Такие уроки рабочим классом не забываются. Такая партия более не найдет дороги к уму и сердцу пролетариата.

Накануне.

Диктатура, наносившая удары налево, укрепила положение буржуазно-помещичьей, казацко-генеральской контр-революции. Она почувствовала себя силой и стала протягивать руку к власти. Правительство Керенского все более теряло почву под ногами. Справа буржуазно-помещичий блок создавал свой боевой центр вокруг ставки, слева рабочий класс становился в угрожающее положение.

При таких условиях меньшевики и эсеры стали искать и собирать „живые силы страны", которые бы объединились вокруг правительства Керенского и спасли бы „страну" „от анархии". Сборным пунктом для „живых сил" явилось московское „государственное совещание".

„Рабочая Газета", орган Центрального Комитета партии меньшевиков, так описывает это „историческое событие":

„После Кутлера, который говорит о финансовом положении страны, выступает Бубликов. Во время выступления Бубликова происходит инцидент, который производит глубокое впечатление на всех участников совещания. Он начинает свою речь заявлением, что выступает здесь не для того, чтобы

разжигать страсти, а для того, чтобы помочь инициаторам совещания найти путь, который бы дал возможность всем участникам объединиться в целях спасения родины. И если вчера, заявляет Бубликов, благородный вождь революции Церетели протянул руку промышленному миру, то пусть он знает, что рука эта не останется висеть в воздухе, и промышленный мир с открытой душой оценит этот благородный жест. Когда Бубликов кончает, то к нему подходит Церетели и пожимает ему руку. Бурные овации".

Рукопожатию, так красочно описанному центральным органом партии меньшевиков, непосредственно предшествовала, во-первых, попытка генералов Корнилова, Каледина, Алексеева низложить правительство Керенского, во-вторых, всеобщая забастовка московских рабочих, спутавшая карты отважных генералов.

Две недели спустя генералы, во главе с Корниловым, подняли мятеж. Революционные солдаты, под руководством партии большевиков, разбили контр-революционных „повстанцев". Корниловщина открыла глаза миллионам трудящихся. Широкая масса поняла, что восстание генералов—плод соглашательства. „Вся власть Советам!",— этот лозунг снова пронесся по всей стране и привлек на сторону партии большевиков миллионы трудящихся. Советы один за другим стали переходить на сторону большевиков. 31-го августа, когда корниловский мятеж еще не был ликвидирован, Петроградский Совет впервые принял политическую резолюцию партии большевиков. Три недели спустя председателем Совета был избран Л. Д. Троцкий, только-что выпущенный из тюрьмы.

12-го сентября было созвано так-называемое „демократическое совещание". В совещании принимали участие представители Советов, городских и земских самоуправлений, профсоюзов, кооперативов, армейских организаций. Совещание, созванное эсеро-меньшевистским правительством и ЦИК'ом, было составлено таким образом, что представители Советов были там в меньшинстве. И, тем не менее, даже такое искусственно подобранное собрание не решилось пойти по пути, намеченному Даном, Церетели, Керенским.

В основном вопросе о власти правительство провалилось. Давление революционной массы было настолько сильным, что вся эта, с позволения сказать, революционная демократия на совещании явила собою образец растерянности, распада, разложения, безволия и бездорожья. По вопросу о коалиции Чернов—вождь партии эсеров — воздержался. Меньшевики раскололись на несколько групп. Церетели, Дан, Либер попрежнему стояли за коалицию с буржуазией в лице кадетов. Мартов высказывался против коалиции и за „однородное революционное правительство". Ряд провинциальных организаций, и прежде всего кавказские меньшевики, горячо выступали против коалиции.

Большинство советской делегации „демократического совещания"

решительно выступило против коалиции. К этому времени даже наиболее политически отсталые Крестьянские Советы в значительной своей части стояли за власть Советов. Советская делегация „демократического совещания“ не решилась еще принять этот основной для того момента лозунг большевистской партии. Но делегация, отражая общее полевение Советов, заняла резко отрицательную позицию в отношении политики меньшевистско-эсеровского ЦИК‘а и временного „революционного“ правительства. Уже в этот период— за полтора месяца до Октября—подавляющее большинство Советов было против ЦИК‘а, избранного на Первом Съезде Советов в июне.

18-го сентября от имени советской делегации Мартов огласил на совещании декларацию по вопросу о власти. Декларация начинается с упрека по адресу ЦИК‘а по поводу того, что „Советы, объединяющие в своих организациях миллионы трудящегося населения и представляющие собою средоточие революционной энергии народа и его политической активности“, представлены на совещании неполно, не в соответствии с „действительным политическим их значением, как органов руководства великой российской революции“.

После этого „выговора“ „своему“ ЦИК‘у декларация советской делегации заявляет:

> „Советы депутатов, созданные в первые дни революции могучим порывом подлинного народного творчества, образовали собой ту новую ткань революционной государственности, которая заменила обветшалую ткань государственности старого режима. Все политическое самоуправление великого народа, сбросившего с себя путы царистского рабства, совершилось и совершается через посредство Советов. Тем самым Советы являются по всей России непосредственными носителями идей народовластия, органами, осуществляющими на деле демократическую республику и фактически концентрирующими в своих руках государственную власть на местах“.

Далее в декларации говорится о том, что эту великую роль Советы могут выполнить и впредь „в единении“ с органами самоуправления, армейскими организациями, земельными комитетами и т. д. Только благодаря этой „сети демократических организаций, политически руководимых Советами“, страна, по словам декларации, справлялась и справляется с различными факторами распада, с хозяйственным кризисом и т. д. В заключение декларация решительно высказывается против коалиции с имущими и за создание „истинно-революционной власти“.

На декларации лежит печать компромисса. Чисто-большевистская декларация не могла бы быть еще принята, поэтому большевики, левые эсеры, меньшевики-интернационалисты сошлись на

„почти-большевистской“ декларации Мартова. Она являлась огромным шагом вперед, ибо правильно характеризовала сущность и роль Советов в революции. Советы — это „новая ткань революционной государственности“, они заменили собою „обветшалую ткань государственности старого режима“. Что это значит? Не что иное, как то, что революция создала новую форму государственной организации. Меньшевики и эсеры не хотели „признать“ этой новой, небывалой в истории формы, они пытались революцию вставить в те старые формы типично буржуазной демократии, мимо которых революция прошла. Наиболее левые элементы меньшевизма пытались сочетать „новую ткань“ со старыми, исторически старыми формами демократии, сочетать Советы с городскими думами и земствами, учредилку с ЦИК‘ом. Как известно, два года спустя такая попытка сочетания советизма и демократии под влиянием революционного подъема была сделана немецкой независимой партией с тем, чтобы при победе капиталистической реакции предать советизм в пользу стиннесовской демократии...

Но тогда, в сентябре 1917 года, в стране, где на основе демократии буржуазия пыталась задушить революцию, где социал-демократия всячески пыталась принизить значение Советов, где начинали уже раздаваться голоса, что Советы, мол, уже отжили свой век,—в этот период признание советов „новой тканью революционной государственности“ было огромным шагом вперед. Двух „тканей“ у революции не бывает, и поэтому фактически такие „ткани“, как „органы самоуправления“, являлись тканями не революции, а буржуазной контр-революции. Органами, двигавшими революцию вперед, были Советы и их „спутники“, вместе с ними родившиеся в огне революции: фабричные, армейские, земельные комитеты... Все эти органы революции фактически, как говорилось в декларации Мартова, „концентрировали в своих руках государственную власть на местах“. Для того, чтобы революционное здание было достроено, необходимо было и в центре сконцентрировать государственную власть в руках Советов. „Новая ткань“ должна была быть упрочена по всей линии, иначе она неизбежно отмерла бы, и на ее место укрепилась бы старая „ткань“ буржуазной государственности...

Мысль эту впоследствии сформулировал весьма точно гр. Милюков, признавший, что накануне Октября стояла дилемма: „Корнилов или Ленин“. Корнилов сидел в Быховской тюрьме, но Керенский не осмелился предать его суду, а в Москве „совещание государственных деятелей“ вело открытую атаку против „партии развала“, партии Керенского, за „партию порядка“, партию Корнилова.

Линия буржуазии в этот период была совершенно определенна: против всей „объединенной демократии“, против эсеров, меньшевиков, большевиков, против „Советов и комитетов“, против всех основных завоеваний революции,—за железную диктатуру капитала, землевладения, генералитета. Эта ясная и твердая линия не исключала, а

предполагала использование меньшевиков и эсеров, использование правительства Керенского в борьбе с главными силами революции в лице партии большевиков.

Меньшевики и эсеры целиком позволяли буржуазии использовать себя против революции. Керенский шел буржуазии на все уступки, вплоть до того, что вместе с Корниловым и Савинковым разрабатывал план утверждения диктатуры. Именно с этой целью в 20-х числах августа к Петрограду, с ведома и согласия Керенского, был двинут третий конный корпус, через несколько дней составивший главную ударную силу Корнилова, а впоследствии, в дни Октября, главную ударную силу ген. Краснова... Керенский, Церетели, Дан, Чхеидзе по требованию буржуазии установили смертную казнь. Партии меньшевиков и эсеров, уступая давлению буржуазии, откладывали осуществление всех более или менее серьезных мероприятий, прежде всего в вопросах земли и мира.

Это были буквально пленники буржуазии,—против нее ни одного серьезного шага эти партии сделать не смели. Даже восстание Корнилова могло быть подавлено потому, что Советы повсеместно создали военно-революционные комитеты, в которых наиболее активная, если не решающая, роль принадлежала партии большевиков. Энергия и решительность в период корниловщины были проявлены в той мере, в какой действовали Советы. Когда все „дело Корнилова" сосредоточилось в руках временного правительства, оно безнадежно застряло, Корнилов суду предан не был, а затем и вовсе бежал из-под ареста.

Наиболее резко жалкая зависимость партий меньшевиков и эсеров от буржуазии, естественно, проявилась в вопросе о власти 18-го сентября „демократическое совещание" отвергает коалицию с кадетами, а 25-го сентября Керенский составляет „новый" кабинет с участием виднейших кадетов. И меньшевики, и эсеры в этом кабинете участвуют после решения „демократического совещания", после резкого протеста советской делегации против коалиции, после выступления ряда даже меньшевистских организаций против позорного блока с кадетами главной партией российской буржуазно-помещичьей контр-революции!

Правительство 25-го сентября Петроградский Совет объявил правительством гражданской войны, правительством беспощадной борьбы с рабоче-крестьянскими массами. Составляя такое правительство, партии меньшевиков и эсеров бросали вызов всему революционному народу. После корниловщины, после „демократического совещания", после резкого выявления воли буржуазии, помещиков и генералов, с одной стороны, рабочих, солдат и крестьян—с другой, после того, как страна фактически разделилась на два боевых лагеря, после всего этого в состав „революционного правительства" вводятся явные корниловцы, виднейшие кадеты и деятели буржуазии Коновалов, Кишкин, Смирнов (председатель московского военно-промышленного комитета), Третьяков (пред-

седатель московского биржевого комитета). Такое правительство могло жить только в результате победы над революционными массами. Такое правительство могло опираться только на силы реакции. Свержение правительства Керенского-Коновалова стало вопросом жизни или смерти для поднявшегося к борьбе и победе рабочего класса.

Гражданская война стала неизбежной. Ее можно было избежать, если бы меньшевики и эсеры разорвали единый фронт с кадетами и установили единый фронт с большевиками. Без поддержки меньшевиков и эсеров российская буржуазия никогда не смогла бы поднять в стране чудовищную войну, создать бесчисленные внутренние фронты. Восстания одних буржуазно-помещичьих элементов сравнительно легко были бы подавлены блоком советских партий. Но самое характерное для меньшевиков и эсеров в том и заключается, что эти, с позволения сказать, „социалистические“ партии ни за что не хотели коалиции налево, постоянно коалируясь направо. Отвергнув единый советский фронт в пользу единого фронта с кадетами, подавляя движение революционных масс и в то же время прикрывая корниловщину, меньшевики и эсеры тем самым толкали широкие массы на путь решительной борьбы.

И только тогда, когда новая революция уже началась, когда над правительством Керенского уже был занесен меч истории, когда гибель и керенщины, и корниловщины, и церетелевщины, каждой в отдельности и всех вместе, стала почти фактом, только тогда меньшевики и эсеры отступились от идеи коалиции, только тогда решились они разорвать блок с кадетами. Случилось это в ночь на 25-е октября 1917 г., всего за 4—5 часов до низложения правительства Керенского, Кишкина, Коновалова. Увы!—история не хотела уже повернуть назад, когда Дан-Церетели соблаговолили сделать маленький, уже ненужный шаг вперед. „Контакт“ между историей и меньшевизмом был к этому времени уже безнадежно нарушен.

Однако, остановимся несколько подробнее на последних днях последнего правительства буржуазно-демократической России.

В течение октября революционизирование Советов идет вперед гигантскими шагами. Ряд областных съездов Советов поставил в порядок дня непосредственную борьбу за власть Советов. Открывшийся 10-го октября Съезд Советов Северной области заявил:

> „Временное правительство губит страну и держится только на силе. Но страна хочет жить, и временное правительство должно сойти с ее дороги. На стороне Советов не только право, но и сила. Время слов прошло. Наступил час, когда только решительным и единодушным порывом всех Советов может быть спасена страна и революция и решен вопрос о центральной власти“.

Съезд Советов Северной области фактически положил начало организационной работе по свержению керенщины. Не только право революции, но и сила масс была на стороне Советов. Но

эту силу нужно было мобилизовать, собрать, направить твердой рукой. Центром идейно-политической мобилизации масс являлся созываемый на 25-е октября II Всероссийский Съезд Советов, центром практического руководства боевых сил революции явился образованный 16-го октября Военно-Революционный Комитет Петроградского Совета.

25-е октября—день созыва Съезда Советов—должно было стать днем решающим. Правительство Керенского первое перешло в наступление, мобилизовало „верные" части, закрыло большевистскую прессу, развело мосты, выключило штаб революции—Смольный—из телефонной сети. Контр-революция готовилась к осаде Съезда Советов, его воле она противопоставляла штык. План контр-революции изложил Керенский. В своей последней министерской речи в заседании Совета республики („предпарламента") вечером 24-го октября Керенский говорил:

„В последнее время вся Россия, и, в особенности, население столицы, встревожена открытыми призывами к восстанию, которые делались со стороны безответственной, отколовшейся от революционной демократии, крайней в смысле отсутствия разума части этой демократии... Призывы к восстанию ежедневно помещались в газетах „Рабочий Путь" и „Солдат"... Особенно нужно отметить выступления председателя Петроградского Совета Бронштейна-Троцкого... После открытых подготовительных действий и пропаганды восстания группа, именующая себя большевиками, приступила к его выполнению... Таким образом, я должен установить перед временным советом полное, явное и определенное состояние известной части населения Петрограда как состояние восстания".

Итак, Керенский прежде всего не мог скрыть открытый характер подготовки восстания. Советы шли к власти открыто, партия большевиков подготовляла свержение керенщины открыто. Так могла действовать только партия, которая опиралась на миллионные массы, опиралась на могущественные Советы, на эту „новую ткань государственности". „Кучка заговорщиков", каковым именем окрестила большевистскую партию всемирная контр-революция, не могла итти к восстанию так открыто и смело, как шла партия октябрьской победы.

С другой стороны, и Керенский вынужден был „установить" перед злосчастным „предпарламентом", что налицо восстание „известной части населения Петрограда", т.-е. восстание пролетариата и гарнизона. И рабочие, и солдаты столицы в своем подавляющем большинстве были на стороне большевиков. В последний час своей власти этого не мог уже скрыть Керенский. Он прямо глядел правде в глаза и призывал „высокое собрание" также прямо смотреть на нее открытыми глазами, чтобы сделать практический вывод—вооруженное подавление „известной части населения"... Керенский продолжал:

„Я пришел сюда, чтобы призвать вас к бдительности. Я при-

шел сюда не с просьбой, а с уверенностью, что временное правительство... встретит единодушную поддержку. Те элементы русского общества, те группы и партии, которые осмелились поднять руку на свободную волю русского народа..., подлежат немедленной, решительной и окончательной ликвидации. Требую, чтобы сегодня же в этом заседании временное правительство получило от вас ответ, может ли оно исполнить свой долг с уверенностью в поддержке этого высокого собрания".

Керенский пришел искать поддержки у этого бессильного и безвольного „высокого собрания" слишком поздно. В момент, когда он грозил „известной части населения", прежде всего партии большевиков, „немедленной, решительной и окончательной ликвидацией", в этот момент явно для „высокого собрания" Военно-Революционный Комитет был сильнее правительства Керенского - Кишкина - Коновалова. Поэтому „высокое собрание" повернулось спиною к премьерминистру „демократии",—иными словами, меньшевики и эсеры в последний решающий час отказались от своего собственного детища.

Заявление Керенского „предпарламент" разделило на две части. Меньшевики (Либер, Дан), меньшевики-интернационалисты (Мартов), левые эсеры и правые эсеры после бесконечных „фракционных заседаний" объединились на предложенной Даном формуле перехода, принятой большинством голосов. В формуле говорилось, что почва для успеха большевистской агитации создана:

> „помимо объективных условий войны и разрухи, промедлением в проведении неотложных мер, и потому прежде всего необходим немедленный декрет о передаче земли в ведение земельных комитетов и решительное выступление во внешней политике с предложением союзникам провозгласить условия мира и начать мирные переговоры".

Принятием почти большевистской резолюции меньшевики и эсеры думали остановить ход революции. Но история зло посмеялась над ними. Год спустя после октябрьского переворота гр. Дан, уже не в качестве „вождя демократии", а в качестве „историка", в меньшевистском сборнике „За год" писал следующее:

> „После долгой внутренней борьбы, шатаний, колебаний социал-демократии удается 24-го октября объединить в предпарламенте значительную часть демократии на требовании немедленного приступа к мирным переговорам и немедленной передаче земли земельным комитетам. Но уже поздно"...

Да, очень это, разумеется, плохо, что бывает „уже поздно". Но в данном случае имело место не только опоздание, но и весьма прозрачное лицемерие. Партии, в течение 8-ми месяцев защищавшие всеми силами неприкосновенность помещичьей собственности, отстаивавшие войну „в единении с доблестными союзниками", вдруг де-

лают резкое „равнение налево“ и принимают революционные лозунги земли и мира. Это могло быть только маневром, только ловким ходом политических шулеров, рассчитывающих на простодушие массы. Но рабочие и солдаты знали уже меньшевиков и эсеров и не питали к ним никакого доверия. Дело земли и мира массы уже не могли вверять партиям, окончательно обанкротившимся в ходе революции. Маневр был делом безнадежным. Обмануть восставший народ было невозможно.

А что радикальная резолюция имела целью обман,—доказывает тот факт, что коалиция отвергнута не была, блок с кадетами разорван не был. Дан продолжал переговоры с лидерами кадетов Набоковым и Аджемовым о составе правительства. Отказывая правительству в прямой поддержке против начавшегося восстания, меньшевики и эсеры ни словом не заикались об изменении структуры власти. При сохранении коалиции ни земли, ни мира народ не получил бы. Если бы Керенский принял формулу перехода Дана-Чернова, а восстание на этом основании было бы приостановлено, то это означало бы крах революции, ее разложение, ее распыление. Кишкин-Коновалов оставались у власти, контр-революция была вооружена до зубов,—она ждала удобного момента для перехода в решительное наступление. Если бы революция приостановила свой натиск, если бы она стала топтаться на одном месте,—это явилось бы сигналом для бешеной атаки со стороны контр-революции, которая имела опорные пункты в правительстве, в ставке, в каждом штабе...

Свою историческую задачу партия меньшевиков в этот период видела именно в том, чтобы остановить революцию хотя бы на момент. Поэтому Дан, положив в левый карман принятую в предпарламенте „радикальную“ резолюцию, явился в Смольный и в первом часу ночи на 25-е октября открыл заседание ЦИК'а первого созыва. Мы уже знаем, что еще 18-го сентября подавляющее большинство Советов устами Мартова решительно высказалось против политики ЦИК'а. Через несколько часов должен был открыться II Всероссийский Съезд Советов, предварительные данные о котором не оставляли сомнения в том, что ЦИК первого созыва представляет только вчерашний день революции.

И, тем не менее, это собрание политических покойников считало себя в праве делать шествовавшей вперед революции указания относительно того, что ей делать можно и чего ей делать ни в коем случае не полагается. Докладывал перепуганным от страха перед революцией политическим ничтожествам все тот же гр. Дан. Он говорил:

„Враг приближается к столице, внутри страны—ужасающая разруха во всех отраслях народно-хозяйственной жизни. Никогда контр-революция не была еще так сильна, как в данный момент. Большинство масс рабочих и солдатских индиферентно относится к политическим вопросам... Беспорядки в Петербурге найдут немедленный отклик в провинции, в ре-

зультате чего Петербург через короткий промежуток времени будет лишен хлеба, и власть, организованная большевиками, будет свергнута немедленно же широким недовольством масс".

Таким образом Дан пугал, предостерегал, но он вместе с тем и просил и умолял не устраивать восстания. Оно гибельно, да и не нужно теперь, ибо „мы сегодня провели резолюцию голосами всех левых фракций" предпарламента, и после этой резолюции будет и земля, и мир. „Будет поздно, если вы не посчитаетесь с этим решением Совета республики",—снова грозно предостерегал Дан и снова пугал тенью неудачной революции 1905 года, „когда во главе Петроградского Совета стоял тот же Троцкий", снова каркал о том, что „победа большевиков будет недолговечна", что „победители будут раздавлены, пролетариат потерпит поражение"...

Большевики, наслушавшись поучений Дана, покинули заседание. В минуты, когда Дан „пужал" и предостерегал, захват власти уже начался.

ЦИК принял резолюцию, аналогичную „формуле перехода" предпарламента, и призвал „всю революционную демократию страны" оказать ему, ЦИК'у, „организованную поддержку". О поддержке правительства Керенского ни слова. Вот замечательный исторический факт: за несколько часов до своей гибели „демократическая" власть Керенского не получила поддержки от высших органов „организованной демократии". Коалиция была настолько скомпрометирована, что в момент начала восстания меньшевики и эсеры не осмелились выразить доверие своему правительству. В предпарламенте за поддержку Керенского голосовали только кадеты, кооператоры и казаки.

Таким образом, революционным восстанием 25-го октября была свергнута власть, которую в последний момент не решалась открыто поддержать даже мелкобуржуазная демократия. „Всенародная" власть повисла в воздухе, чтобы уступить место власти, органически выросшей на основе „новой ткани" невиданной в мире революционной советской государственности.

Октябрьская революция.

Реакционная демократия.

Октябрьская баррикада резко разделила страну на две неравные части. На одной стороне—подавляющее большинство рабочего класса, армии и трудового крестьянства, на другой стороне — все эксплоататорские элементы, общественные паразиты, политические партии помещиков, крупной, средней и мелкой буржуазии, интеллигенция, высшие и средние служащие, тоненький верхушечный обмещанившийся слой пролетариата.

Между этими двумя частями страны началась непримиримая борьба. Партия меньшевиков, целиком оставшаяся по ту сторону баррикады, играла в этой борьбе политически руководящую роль.

Ненависть к пролетарской революции сразу объединила все фракции меньшевизма. Дан, Мартов, Либер почти в одинаковых выражениях клеймили „безумную авантюру". Покидая Всероссийский Съезд Советов, меньшевистская фракция Съезда говорила:

> „Р.С.-Д.Р.П. (объединенная) считает своей обязанностью перед рабочим классом не только снять с себя всякую ответственность за действия большевиков, прикрывающихся советским знаменем, но и предостеречь рабочих и солдат от пагубной для страны и революции политики авантюры". Далее в заявлении указывалось, что „единственным возможным мирным выходом из положения остаются переговоры с временным правительством об образовании власти, опирающейся на все слои демократии".

25-го октября на заседании Петроградского Совета было оглашено следующее заявление:

> „Меньшевистская фракция без различия течений, протестуя против преступной авантюры, отказалась выставить представителей в Военно-Революционный Комитет и публично заявила о своем протесте на заседании Совета при обсуждении вопроса об организации Военно-Революционного Комитета, ставшего ныне во главе заговора.
>
> Теперь, когда эта авантюра стала фактом, фракция слагает с себя всякую ответственность за гибельные по-

следствия заговора и в *согласии* с Центральным Комитетом Р. С.-Д. Р. П., заявляет о своем уходе из состава Президиума и Исполнительного Комитета Совета".

На Съезде Советов *Мартов* от ..ени меньшевиков-интернационалистов требовал

„*соглашения* между восставшей частью демократии и остальными демократическими организациями об образовании *демократического правительства*, которое было бы признано всей революционной демократией, и которому *могло бы сдать временное правительство власть безболыно*".

Наконец, *Центральный Комитет* меньшевиков также стал на точку зрения „равноправного участия всех слоев демократии и представляющих их партий и организаций в создании *однородной демократической власти*".

Таким образом, после свержения керенщины меньшевистская партия как-будто сделала еще один шаг вперед: официально выдвинула лозунг коалиции налево. 24-го октября, как известно, вопрос этот еще не ставился: об „однородной демократической власти" не было речи ни в предпарламенте, ни в ЦИК'е. 24-го октября Дан предлагал Керенскому принять „радикальную" программу, чтобы можно было вообще выступить на его защиту. В предпарламенте Дан говорил по поводу требования правительства о поддержке:

„Мы, меньшевики, *не хотим кризиса власти*; мы готовы до последней капли крови защищать временное правительство, но *пусть оно даст возможность демократии сплотиться вокруг него*, пусть оно скажет ясно и определенно то свое слово по больным вопросам момента, которого с нетерпением ждет весь народ".

Итак, вечером 24-го октября партия меньшевиков не хочет „кризиса власти", она готова „до последней капли крови" защищать коалицию, но пусть только правительство согласится на *маневр*, пусть оно даст *обещание*, пусть оно примет внешне несколько более приличный вид, чтобы „порядочным демократам" можно было „сплотиться вокруг него".

Революция вызвала смертельный „кризис власти", она превратила в щепки кадетско-эсеро-меньшевистскую коалицию. Хвататься за нее было уже невозможно. Коалиция представляла собою пустое место. Новыми путями надо было итти к старой цели ликвидации революции. В результате—лозунг об „однородной демократической власти". Эта „однородная власть" мирными внутренними „демократическими" средствами должна была связать большевистскую власть по рукам и ногам...

Итак, вместо коалиции направо—коалиция налево, „соглашение всех частей демократии". Но это был новый *чудовищный обман* в самом буквальном смысле слова. *Коалиция продолжалась, боевой блок с кадетами сохранялся*.

24-го октября предпарламент и ЦИК постановили создать „Коми-

тет Спасения родины и революции". После свержения правительства его пытался заместить именно Комитет Спасения, войну против новой Советской власти вел Комитет Спасения. И в этом Комитете вместе заседали эсеры, кадеты, меньшевики. Победа над Советом явилась бы победой старой кадетско-эсеро-меньшевистской коалиции. Ведя разговоры о коалиции налево, меньшевики и эсеры только пытались выиграть время, дать антисоветскому лагерю собрать необходимые для подавления „преступной авантюры" силы. На деле никакого соглашения налево партия меньшевиков не хотела. Это стало очевидным в процессе дальнейшей борьбы.

В состав Комитета Спасения входили все антибольшевистские партии и группы: кадеты, октябристы, эсеры, меньшевики, представители промышленников, интеллигенции, офицерства, юнкеров, казачества. Задача Комитета заключалась в том, чтобы немедленно свергнуть большевиков, восстановить „революционный порядок" и создать „преемственно-образованную демократическую власть", без участия большевиков.

В военном отделе Комитета работали видные меньшевики Шеин, Мазуренко, Гомбарт, Синани. Среди военных работников-меньшевиков существовала мысль о приемлемости помощи союзников. В одном из заседаний военного отдела меньшевик Тумаркин выдвинул идею „займа" у союзников для организации военной борьбы с Советской властью.

Молодая власть одновременно должна была получить удар изнутри и извне. В самом Петрограде Комитет Спасения организовывал отряды юнкеров и офицеров. Со стороны Пскова шел Керенский во главе войск, которым командовал черносотенный генерал Краснов. Душой предприятия Керенского был меньшевик Войтинский, бывший в то время комиссаром северного фронта.

27-го октября Керенский уже был в Гатчине, в 25 верстах от Петрограда. Там он издал следующий приказ:

„Объявляю, что я, министр-председатель временного правительства и верховный главнокомандующий всеми вооруженными силами Российской республики, прибыл сегодня во главе войск фронта, преданных родине.

Приказываю всем частям петроградского военного округа, по неразумению и заблуждению примкнувших к шайке изменников родины и революции, вернуться, не медля ни часу, к исполнению своего долга.

Приказ этот прочесть во всех ротах, командах и эскадронах.

Министр-председатель временного правительства и верховный главнокомандующий *А. Керенский*.

Гатчина, 27 октября 1917 г.".

В „Рабочей Газете", в центральном органе партии меньшевиков, приказ этот был напечатан на первом месте. В Петрограде эсеро-кадето-меньшевистский „Комитет Спасения" в своем воззвании говорил:

„С оружием в руках боритесь с безумной авантюрой большевистского военно-революционного комитета. Не дайте безумцам погубить родину и революцию.

Мы зовем все войска, верные революции, итти к инженерному Николаевскому училищу и там сгрудиться около Комитета Спасения. Идите туда полками, батальонами, ротами, идите туда группами и в одиночку.

Помощь близка. К Петрограду подступают верные революции войска, руководимые своими выборными полковыми и дивизионными комитетами. Вместе с ними вождь партии социалистов-революционеров и всего русского крестьянства товарищ Чернов.

Все за спасение родины и революции!

Время не терпит!".

Чернова с войсками не было. Там были Керенский, Войтинский, Савинков. Но Комитет Спасения понимал, что имя „товарища" Керенского ненавистно народу, и выдвигал на первый план чуточку менее скомпрометированного „селянского министра".

Старания Комитета Спасения привели 29-го октября к восстанию юнкеров. Восстание окончилось полной неудачей: красногвардейцы проучили как следует сынков буржуазии. Но оставалась еще надежда на ген. Краснова. 28-го октября „Рабочая Газета" напечатала приказ этого „командующего войсками петроградского округа". Мы приводим этот документ полностью, чтобы показать, до какого падения дошла обезумевшая от ненависти к революции главная газета партии меньшевиков. Вот этот приказ:

„Волею верховного главнокомандующего я назначен командующим войсками, сосредоточенными под Петроградом.

Граждане, солдаты, доблестные казаки—донцы, кубанцы, забайкальцы, уссурийцы, амурцы и енисейцы, вы все, оставшиеся верными своей солдатской присяге, вы, поклявшиеся крепко и нерушимо держать клятву казачью, к вам обращаюсь я с призывом итти и спасти Петроград от анархии, насилий и голода, а Россию—от несмываемого пятна позора, наброшенного темною кучкой невежественных людей, руководимых волею и деньгами императора Вильгельма.

Временное правительство, которому вы присягали в великие мартовские дни, не свергнуто, но насильственным путем удалено из своего помещения и собирается при великой армии с фронта.

Верный своему долгу, совет союза казачьих войск объединил все казачество, и оно, бодрое казачьим духом, опираясь на волю всего русского народа, поклялось послужить родине так, как служили наши деды в страшное смутное время 1612 г., когда донцы спасли Москву, угрожаемую со стороны шведов, поляков, Литвы и раздираемую внутренней смутой.

В Киеве фронтовой съезд казачества, захватив власть в свои руки с верными долгу украинцами и войсками, находится в полном повиновении временному правительству.

Все съезды крестьянских депутатов отказались иметь дело с кучкой изменников и предателей.

Боевой фронт с невыразимым ужасом и презрением смотрит на врагов и изменников. Их грабежи, убийства и насилия, их чисто-немецкие выходки над побежденными, но не сдавшимися, отшатнули от них всю Россию.

Граждане, солдаты и доблестные казаки петроградского гарнизона. Немедленно присылайте своих делегатов ко мне, чтобы я мог знать, кто изменник свободе и родине, и кто нет, и чтобы не пролить случайно невинной крови.

Командующий войсками Российской Республики, сосредоточенными под Петроградом, ген.-майор *Краснов.*

За начальника штаба подп. *Попов*".

Приказ этот должен быть высечен на могильной плите партии меньшевиков. Это произведение ловкого черносотенного демагога является составной частью истории и литературы меньшевизма. В дни Октября ген. Краснов не только спасал „демократию" и временное правительство, которое, оказывается, было „не свергнуто", а только „удалено из своего помещения",—он еще излагал мысли, чувства и настроения пресловутой „социалистической демократии", которая в огне пролетарской революции превратилась в подлинную реакционную демократию... В свое время Карл Каутский хорошо объяснил природу и сущность реакционной демократии.

Октябрь объединил реакционную демократию с реакционной аристократией. Военное сотрудничество меньшевиков, эсеров, кадетов, монархистов; назначение командующим „республиканской" армии явного монархиста Краснова; напечатание гнуснейшего приказа черносотенного генерала на первой полосе главной меньшевистской газеты,—все это стало возможным и естественным потому, что партии меньшевиков и эсеров перешли в лагерь реакции...

Краснов потерпел поражение и был взят в плен вместе с Войтинским. Через несколько дней он, дав „честное слово", что отказывается навсегда от участия в гражданской войне, был отпущен на Дон. Однако, этот эсеро-меньшевистский генерал „честного слова" не сдержал, и весною 1918 г. он уже стоял на Дону во главе местного реакционного правительства германской ориентации. Краснов, в центральном органе меньшевистской партии изобличавший большевиков в „чисто-немецких выходках", глупо клеветавший на Советскую власть, что она „руководима волею и деньгами императора Вильгельма,—этот самый Краснов весьма быстро изменил „доблестным союзникам" и обратился с „дружеским" письмом к германскому кайзеру о необходимости установления союза между „вольным Доном" и великой Германией. Когда бывший думский губернатор Родзянко

выступил с протестом против фактической отдачи Дона Германии, Краснов немедленно выслал его из пределов донской сатрапии...

Вот кого меньшевистская партия поддерживала в борьбе с большевизмом, вот чьи приказы печатала она на первой странице своего центрального органа!..

Впоследствии, когда гражданская война была окончена, вожди меньшевизма имели возможность встретить доблестного генерала Краснова в германском городе Берлине. Генерал сочинял там черносотенные романы, а меньшевики издавали — „Социалистический Вестник"...

Но вернемся к первым дням Октября. Еще до сдачи Краснова Керенский скрылся. Военно-Рев. Комитет издал приказ об аресте Керенского, а также и других лиц, стоявших во главе вооруженной борьбы с Советами. Партия меньшевиков решительно протестовала против этого приказа. Центральный Комитет решительно требовал отмены приказа об аресте Керенского и других вождей контрреволюции. В резолюции петроградской губернской организации меньшевиков по этому поводу говорилось:

> „Ознакомившись с приказом авантюристов-захватчиков, именующих себя Военно-Революционным Комитетом, об аресте А. Ф. Керенского, петроградская губернская организация Р.С.-Д.Р.П. (объединенной) постановила: решительно протестовать против этого приказа, требовать его отмены. Выразить тов. Керенскому свое горячее сочувствие и обещание поддержки. Организация призывает всех граждан и все организации возвысить свой голос протеста против этого покушения на совесть(!!!) русской революции и заявляет, что тов. Керенский суду захватчиков не подлежит. Он ответственен лишь перед народом, в лице Учредительного Собрания".

Какой совестью должны были обладать люди, признавшие Керенского „совестью русской революции!"

А „Рабочая Газета" с наивностью проститутки вопрошала по адресу большевиков:

> „Который день держат они в Смольном тов. Войтинского? И на каком основании держат они его, комиссара, рекомендованного Центральным Исполнительным Комитетом Советов Рабочих и Солдатских Депутатов?"

На каком основании! Ну, конечно, оснований было совсем пустяки: усмирение петроградских рабочих и солдат, организация казацко-генеральского похода на Петроград для устройства кровавой бани,—разве из-за таких мелочей можно было беспокоить такого важного господина?..

Хотели ли меньшевики соглашения с большевиками? Нет, они хотели подавления большевиков вооруженной силой. Они хотели победы Керенского, Краснова, юнкеров, казаков. Разговоры о соглашении имели целью расколоть, разложить, деморализовать силы революции.

Большевики „одиноки".

Большевики были „одиноки". 26-го октября (8-го ноября) „Рабочая Газета" писала:

„Сутки всего прошло со дня „победы" большевиков, и исторический рок уже начинает жестоко мстить им... Они... попросту не могут взять государственную власть. Она ускользает из их рук потому, что вокруг них пустота, созданная ими самими; потому, что они изолированы от всех; потому, что весь служебный и технический аппарат отказывается им служить: и министерские канцелярии, и почта, и телеграф, и железные дороги не желают быть орудием в руках заговорщиков. Они... проваливаются в самый момент своего „торжества" в пропасть"...

Мы знаем, здесь перечислено не все то, что в первые же часы революции было направлено против „изолированной" партии большевиков: казаки генерала Краснова, юнкера и офицерство, власть биржи и банков, влияние союзнических миссий, многообразная, но одной общей ядовитой слюной брызжущая буржуазно-демократическая печать...

Прошло шесть лет, в течение которых большевистская партия бывала еще более „одинокой", чем даже в первые часы революции, и в результате победоносной оказывается именно эта „изолированная", „всеми" отвергнутая, „всеми" ненавидимая партия, а огромный, на вид могущественный единый фронт антисоветских партий разбит наголову.

Как это могло случиться?

Большевистская партия, будучи изолированной от бесчисленных буржуазных, „социалистических", „демократических" партий, имея по соседству справа „нейтральную", как-будто несколько „сочувствующую", но в общем оппозиционную к новой власти партию левых эсеров,—большевистская партия находилась в то же время в теснейшем политическом и духовном контакте с революционными массами. Большевистская партия знала, как нужно двигать революцию вперед, как можно и должно решать поставленные восстанием трудящихся исторические задачи. Большевистская партия обладала волей к борьбе, смелостью и отвагой. Она единственная шла в уровень с великой революцией.

Антисоветские партии и партия меньшевиков, прежде всего, ни одним из этих качеств не обладали. Все они были объяты страхом перед поступательным ходом революции. Все они ставили целью преграждение ей дороги. И ни одна из них не поняла значения и смысла Октябрьской революции.

„Чудовищная авантюра". „Безумная попытка". Большевики—„захватчики и насильники". Большевики-„узурпаторы", „бонапартисты", „искатели приключений", „предатели революции".

Так квалифицировали все без исключения антисоветские партии Октябрьскую революцию и ее руководителя—партию большевиков. В этих эпитетах было больше, чем простая демагогия: в них формулировался взгляд буржуазно-„социалистической" России на величайшую в мире революцию. Буржуа и „демократы" были не в состоянии понять ту простую истину, что большевистская партия была вождем русского рабочего класса, впервые в истории совершившего революцию в своих собственных интересах, впервые выступившего в роли авангарда всех трудящихся.

Революция, противоречившая интересам буржуазии, выходившая за рамки шаблонных представлений господ „социалистов" и „демократов", даже не была ими признана революцией—ее просто объявили нелепым уголовным „происшествием". Революция на это ее „непризнание" ответила тем, что переломила спинной хребет и обломала зубы у своих врагов.

Но тогда, в первые дни и недели Октября, сколько у всех этих „социалистов" и демократов было самоуверенности, как они „солидно" и безапелляционно пророчествовали! 28-го октября „Рабочая Газета" дала классический образец исторического предвидения. Она писала:

> „Когда большевики горделиво заявляют: „мы берем власть одни"—они лгут. Никакой власти они не берут и взять не могут. Революция еще жива, а пока она жива, не может быть в России власти, не исходящей от демократии. Имея в своем распоряжении тысячу-другую штыков, можно день и два, и три творить насилия над безоружными и заниматься бандитизмом. Но власти, государственной власти, управляющей 200-миллионной Россией, создать нельзя, и сейчас Россия—без власти".

Откровенно говоря, приятно читать такие строки на шестом году победоносной революции. Приятно, особенно, когда знаешь, что их авторы с тех пор дальновиднее и политически умнее не стали...

Прошло две недели со дня переворота. Большевики „не сдавались". Керенский исчез. Краснов был отпущен и уехал на Дон. Комитет Спасения оказался неспособным спасти контр-революцию. И тут ЦК меньшевиков сообразил, что нести дальше ответственность за этот Комитет, пожалуй, уже не стоит. В результате—резолюция:

> „ЦК Р.С.-Д.Р.П. постановляет сохранить в Комитете Спасения представительство партии лишь с совещательным голосом"...

* * *

Первый натиск Советская власть отбила. Но как же все-таки ее ликвидировать? Этот вопрос в первых числах ноября снова расколол только-что перед лицом восстания сплотившуюся партию меньшевиков. Большинство ЦК высказалось за „мирную" ликвидацию Советской власти. Большевики сами отказываются от диктатуры, согла-

шаются на „общедемократическую“ власть, в которой сами принимают участие наравне с другими партиями. Меньшинство ЦК (почти половина состава ЦК) стояло на той точке зрения, что никаких вообще разговоров с большевиками быть не может: их нужно раздавить, уничтожить, утопить в крови...

Необходимо подчеркнуть, что разногласия выявились резко после того, как военное подавление большевиков не удалось. В момент наступления Краснова-Керенского, в период военной работы Комитета Спасения разговоров о соглашении почти не было слышно. После неудачи Керенского-Краснова разногласия в ЦК меньшевиков приняли характер раскола: непримиримое меньшинство вышло из его состава. Каково было в этот период мнение партийного большинства?

„Чисто-штыковая аргументация“.

Ответ на этот вопрос дало историческое заседание всех руководящих органов меньшевистской партии, состоявшееся 3-го (16-го) ноября 1917 г. На заседании присутствовали ЦК партии, фракции Совета республики, ЦИК'а первого созыва, 2-го съезда Советов и Петроградского Совета. Здесь, таким образом, была представлена вся руководящая часть партии.

Обсуждался вопрос о расколе в ЦК в связи с „текущим политическим моментом“. Докладчиками от большинства ЦК (большинства в один или два голоса) выступали Абрамович и Дан, позицию меньшинства ЦК отстаивали Зарецкая и Вайнштейн (Звездин). „Рабочая Газета“, центральный орган меньшевистской партии, ход прений на этом важнейшем заседании рисует следующим образом.

Первым выступает Абрамович, который говорит:

„Разница между большинством и меньшинством ЦК—в методах предотвращения гибельных последствий большевистского восстания. Меньшинство говорит: „Силе большевиков противопоставляется другая сила—политическая сила и сила штыков“. Большинство говорит: „Заговор зиждется на сочувствии больших пролетарских и солдатских масс, а потому это—восстание санкюлотов... Подавляя большевизм, мы ввергаем солдат в черносотенство и антисемитизм, вызовем разгул черных сил справа... Поэтому наш лозунг—предотвратить гражданскую войну путем соглашения“.

Зарецкая от имени меньшинства ЦК говорила:

„Надо собрать все в демократии, готовое на борьбу против большевиков, изолировав политически большевизм. На эту точку зрения стал раньше ЦК, взяв инициативу создания Комитета Спасения родины и революции.

Представительница непримиримого меньшинства ЦК Зарецкая

была безусловно права, когда она упрекала ЦК в изменении позиции. 27-го октября вся партия меньшевиков призывала к борьбе „с оружием в руках" против „безумной авантюры" большевиков, звала всех к „инженерному николаевскому училищу", где были собраны юнкерские части. 28-го она на страницах своего центрального органа в виде манифеста печатала приказ Краснова, 29-го с замиранием сердца ожидала исхода юнкерского восстания...

В те дни Абрамовича не было слышно. В те дни молчал Дан. На девятый день после восстания Абрамовичи и Даны ощутили в себе непреодолимую потребность говорить о „соглашении" с большевиками и на этой почве даже раскололись со своими друзьями по ЦК. Итак, говорит гражданин Дан. Слушайте:

„Наша задача отделить большевизм от рабочего движения. Сохраняя преемственность этой линии, можно менять свое практическое поведение в зависимости от обстановки момента. В первые дни заговора была надежда (слушайте, слушайте: „была надежда"!), что он (т.-е. большевистский заговор) может быть ликвидирован военной силой. Но попытка оказалась неудачной, нападение на Петроград сделало защиту Петрограда делом пролетариата... Поэтому мы встали на точку соглашения. Соглашение невозможно без раскола в большевизме"...

Все ясно,—меньшевистский иудушка Дан выражается откровенно. Он выдвигает „мудрую" тактику, обеспечивающую верный успех. Раз „военная сила" подвела, пойдем на соглашение, расколем большевиков, и тогда уж наверное победа обеспечена.

Однако, меньшинство несогласно. Ему не терпится. Оно требует немедленной решительной борьбы. Говорит Вайнштейн:

— „Гражданская война — факт, тактика соглашения безжизненна. В Москве она не дала никаких результатов. Арифметические манипуляции Дана топят линию меньшевизма. Изменение точки зрения Дана покоится на чисто-штыковой аргументации сегодняшнего дня. Большевизм изолирован, и вы хотите его гальванизировать. Если демократия не подавит большевизм даже военной силой, это сделают за нее другие... Нам удалось создать в Петрограде центр—Комитет Спасения. Мы должны окружить его всеми силами демократии".

Заключительное слово гр. Дана. Он говорит:

— „Не соглашение меньшевиков и большевиков, а соглашение всей демократии. Когда этим соглашением мы отвлечем от большевиков более здоровые элементы пролетарских масс, тогда создастся почва для подавления солдатчины, группирующейся вокруг Ленина и Троцкого".

Так говорили на девятый день октября представители большин-

ства и меньшинства центрального комитета партии меньшевиков. И трудно решить: какая точка зрения была более контр-революционной, более гнусной, более подлой и негодяйской,—меньшинства или большинства, Дана или Вайнштейна?

Финал собрания руководящих верхов меньшевистской партии в „Рабочей Газете“ изложен следующим образом:

„Голосуется общий вопрос, разделяет ли собрание позицию ЦК по вопросу о соглашении с большевиками. Собрание дает на этот вопрос отрицательный ответ большинством всех против 14 при 12 воздержавшихся, из коих 6 членов ЦК. Затем тов. Дан вносит резолюцию: „Собрание находит, что, несмотря на разногласия, 11 ушедших членов должны вернуться в ЦК“. Резолюция эта отклоняется большинством всех против 18 при 12 воздержавшихся. Большинством всех против 15 при 9 воздержавшихся принимается следующая резолюция тов. Богданова: „Собрание одобряет поведение 11 членов ЦК, вышедших в виду разногласия, и предлагает ЦК изменить свою позицию, после чего 11 членов должны вернуться в ЦК“ (см. „Раб. Газ.“ № 204, 5/18 ноября 1917 г., стр. 3, столбцы 2—3).

Таким образом, непримиримое активистское меньшинство одержало полную победу на важнейшем партийном собрании. Меньшевики, входившие в Совет республики, ЦИК, Петроградский Совет, плюс 11 членов ЦК, в тот момент представляли, вне всякого сомнения, партию меньшевиков. Мы видели, как выглядело дановское большинство ЦК. Но и такое большинство оказалось слишком „левым“ для меньшевистской партии. ЦК Дана-Абрамовича висел в воздухе. Мартов и его ничтожная группа „интернационалистов“ была в нетях. Партией руководили непримиримые белогвардейцы, которые не только в Питере, но и по всей стране советскому лагерю противопоставляли офицерско-юнкерский фронт...

Когда Советская власть решительными контр-ударами отразила первый натиск контр-революции, центр меньшевистской партии заключил блок с левыми меньшевиками. В начале декабря меньшевистский центральный орган „Новый Луч“ (заменил собою закрытую „Рабочую Газету“) вышел под обновленной редакцией в составе Дана, Мартова, Мартынова. В редакционном заявлении указывалось на то, что в партии „ликвидированы распри“, что единая дружная работа отныне обеспечена.

По поводу этого „объединения“ „Известия ВЦИК“ в статье Ю. М. Стеклова ставили тогда весьма правильный вопрос: „Кто кого взял в плен: Мартов—Дана или Дан—Мартова?“ Ответ не мог вызывать больших сомнений: левая в лице Мартова была пленником контр-революционного центра партии.

Однако, единение не было полным. „Распри“ были „ликвидированы“ между центром и левой, но правая оставалась в оппозиции. И после провозглашения объединения правые (Либер, Потресов,

Маслов) продолжали издание фракционного бело-социал-демократического журнала „Рабочая Мысль“.

В декабре состоялся чрезвычайный съезд партии. На нем были представлены все три течения. Правая в лице Либера широко развернула свою платформу. Основа этой платформы — признание необходимости вооруженной борьбы с большевизмом в коалиции с кадетами, в союзе с Корниловым, Калединым, украинской радой.

Большинство съезда заняло „левую“ позицию. Большевизм необходимо ликвидировать, но „демократическим“ путем, коалицию с кадетами заключать сейчас невозможно, проповедывать союз с явными белогвардейцами нецелесообразно.

Однако, левое большинство на съезде было непрочным. Поэтому решения съезда носили характер компромиссный, противоречивый.

Тем не менее, правые отказались войти в центральные органы партии. Они создали свою обособленную внутрипартийную организацию „активистов“, организацию последовательных, решительных, беспощадных врагов молодой социалистической Республики Советов.

До Октября левое крыло было обособлено в партии: центр делал партийную политику вместе с правой. После Октября правое крыло оказалось на некоторое время обособленным: центр делал партийную политику вместе с левой. Но и в том, и в другом случае это была меньшевистская политика; разница заключалась лишь в оттенках, нюансах...

Восемнадцатый год.

Учредительное собрание.

На выборах в учредительное собрание партия меньшевиков собрала 670.000 голосов. В Закавказье местная социал-демократия получила почти столько же,—значит, всего эта недавно руководящая партия революции собрала немногим более 1 милл. голосов.

В Петрограде меньшевики получили три процента всех голосов, в Москве—тоже три проц. Это значило, что в центре страны, и прежде всего в ее столицах, меньшевистская партия фактически была поставлена вне политической жизни, она превратилась в партию „для себя". За нею шли небольшие сравнительно группы рабочей аристократии; масса городов и деревень была против нее.

К осени 1917 года, в дни и недели Октября, революция в городах убрала с политической арены меньшевистскую партию. Руководящей силой революции является большевистская партия. Она получила в стране 9 милл. голосов. Ей противостояла, с одной стороны, партия эсеров, с ее 21 милл. голосов, а с другой—партия кадетов, собравшая **1.800.000** голосов.

Партия эсеров опиралась на еще недостаточно развороченную революцией деревню и деревенщину (половина армейских голосов была подана за эсеров). Партия кадетов опиралась на все имущие слои в стране. Большевики опирались на подавляющее большинство рабочего класса, половину армии, на некоторые слои крестьянства. Меньшевистская партия ощущала убийственную пустоту кругом.

Почему могли победить большевики, когда большинство было не с ними? Потому, что наиболее активная решающая сила революции—рабочий класс был с ними, весь флот и половина армии были с ними, а другая половина армии была нейтральна. Большевики победили потому, что в центрах революции они имели прочное большинство за собою. Наконец, миллионы крестьянства, голосовавшие за эсеров, отчасти в лице левых эсеров, поддержали революцию после неизбежных, правда, колебаний; в своем же подавляющем большинстве были нейтральны, политически пассивны. Из своих двадцати миллионов голосов партия

эсёров не смогла двинуть против большевистской партии и двадцати тысяч. Меньшевикам и вовсе некого было „двигать“. Реальная сила была, с одной стороны, у большевиков, с другой—у кадетов. Но силы эти были неравные. Могущество революции было подавляющим.

И вот, в эту великую эпоху, когда миллионы в грандиозном движении впервые творили свою историю, когда власть на необъятном пространстве и фактически, и формально была захвачена этими миллионами в лице Советов, когда „новая ткань государственности“ нашла свое завершение в центральной правительственной организации Советов,—меньшевики и эсеры, как ни в чем не бывало, продолжали свою агитацию за власть учредительному собранию. Но что этот лозунг реально означал? Ничего, кроме возвращения власти старой коалиции. Фактически учредилка была вторым, „народным“, популярным изданием керенщины. Учредилка отражала то, что уже было и прошло. Поэтому,—если в первые дни и недели февраля лозунг учредилки мог быть еще лозунгом революционным, то в первые дни и недели октября он был уже лозунгом реакционным.

Что эту реакционную учредилку нужно защищать против Советов, что „диктатуре“ нужно противопоставить „демократию“, республике Советов противопоставить республику „всенародную“,—относительно всего этого в меньшевистской партии разногласий не было. Спор вызывал лишь вопрос о том, как, какими средствами отстоять „всенародный парламент“ перед лицом грозной революции? Вопрос обсуждался еще на декабрьском съезде партии. Представитель правой Либер говорил:

> „Действовать в обстановке отсутствия демократических органов мы не можем. Мы должны быть в первых рядах защитников органов всеобщего избирательного права — самоуправления и учредительного собрания... Если на эти завоевания подымается брутальная физическая сила, то вопрос о методах борьбы есть вопрос исключительно целесообразности и соотношения сил... Мы должны требовать предоставления всей власти учредительному собранию, которое и образует законное правительство в стране. Все комиссары всех рангов, видов и родов оружия должны быть сметены“.

Таким образом, правая требовала вооруженной защиты учредительного собрания. У нее хватило смелости ясно, резко, реально поставить вопрос. У лево-центрового большинства съезда, а затем и ЦК партии этой смелости не было. Стремясь всемерно к ликвидации „комиссаров всех рангов“, большинство, однако, ограничивалось общими фразами о защите верховного органа народовластия...

Но что конкретно означала власть учредилки? Какое оно могло создать правительство? Либер так отвечал на этот вопрос:

> „Для меня безразлично, какая будет правитель-

ственная комбинация. Мы будем поддерживать то правительство, которое будет проводить законы в интересах рабочего класса. Может быть ряд случаев, когда мы, социал-демократы, в интересах рабочего класса будем поддерживать временный блок с участием к.-д. и с.-р.".

Иными словами, Либер, отказываясь за рабочий класс от власти, готов поддерживать любую буржуазную правительственную комбинацию, готов участвовать в коалиции и т. д. Лево-центровое большинство съезда на другой день после позорного краха коалиции высказаться прямо за нее не решается,—оно за „однородную демократическую власть". Но какую власть могла создать эсеровская учредилка, кроме мелко-буржуазной, кулацко-мещанско-интеллигентской, т.-е. всеми нитями связанной с буржуазией, всецело от нее зависимой, ее неотразимое духовное и политическое влияние испытывающей? При таких условиях „правительственная комбинация" действительно не имеет серьезного значения,—важна сущность, важна природа власти.

Вождь правой Либер превосходно понимал роль и значение учредительного собрания и говорил об этом прямо. Власть должна принадлежать „органу всеобщего избирательного права". Что это значит для захватившего власть в свои руки пролетариата? Что это значит для партии октябрьского переворота? Либер отвечал:

„Большевики смогут уцелеть в учредительном собрании лишь постольку, поскольку часть их публично отречется от своих лидеров, и не потому, что мы этого потребуем, а потому, что учредительное собрание будет работать в такой обстановке, что иное положение будет невозможно психологически".

Эти несколько строк дают для понимания значения и судьбы российского учредительного собрания несравненно больше, чем целые „ученейшие" томы Каутских и Бауэров всего мира. В этом заявлении Либера мы имеем объяснение и историческое оправдание тактики партии большевиков. Что говорит Либер?

Во „всенародном", демократическом учредительном собрании „большевики смогут уцелеть", если они „публично отрекутся от своих лидеров"! Что это значит? Почему вообще такой вопрос мог встать? Почему в органе „всенародного представительства" для большевистской партии оказывается место постольку, поскольку эта партия „отречется от своих лидеров", т.-е. отречется от самое себя, перестанет, как революционная партия, существовать? Либер знал, что за большевиками идут большие массы. И вот, эта партия масс в учредилке должна быть ликвидирована,—только тогда она „сможет уцелеть"! Иными словами, „сможет уцелеть" уже не прежняя партия, а ее обломки, уцелеют отдельные отреченские группы... Но почему все это неизбежно? В чем дело? Либер уверяет, что „мы", т.-е. очевидно, меньшевики, этого не потребуем. Но,—объясняет он,—„учредительное собрание будет работать в такой обстановке, что иное

положение будет невозможно психологически". О какой „обстановке" говорил лидер правого крыла меньшевизма?

После Октября власть берет в свои руки учредительное собрание. Это значит революция отступает, это значит рабочий класс и его партия проявляют нерешительность, робость. Но отступление революции означает наступление контр-революции, нерешительность пролетариата вызывает усиление решительности буржуазии. Она все более смелеет, она перетягивает на свою сторону промежуточные, колеблющиеся элементы. Буржуазия с каждым днем усиливается. Ее пресса, ее ораторы открывают бешеную кампанию против отступившей революции. Учредительное собрание „поддерживается" охранной гвардией капиталистов и помещиков—офицерством, юнкерами, казаками, ударниками, георгиевскими кавалерами.

Рабочий класс отступил, но буржуазии этого мало. Она не может успокоиться до тех пор, пока пролетариат не будет ликвидирован как политическая сила. „Рабочие должны быть разоружены", „большевистская партия должна быть подавлена", „все комиссары всех рангов, видов и родов оружия должны быть сметены",—вот боевые лозунги всего антисоветского фронта от меньшевиков до монархистов включительно. „Общественное мнение" требует от „органа всенародной власти" установления „порядка" и „законности", ликвидации „анархических", „антидемократических", „антигосударственных" сил. „Общественное мнение" не только России, но и Европы и Америки, требует от учредительного собрания уничтожения большевизма в рабочем классе, армии, крестьянстве. Пролетариат должен быть беспощадно раздавлен, иначе он постоянно будет рваться к власти, иначе он постоянно будет нарушать покой имущих классов.

Находясь в такой „обстановке", испытывая всемерное и политическое, и военное, и моральное давление буржуазно-помещичьего блока, учредительное собрание идет на уступки „общественному мнению" всего мира и заносит меч над большевизмом, над революцией. Совершенно правильно предвидел Либер: „иное положение будет невозможно психологически", т.-е. с „иным положением", кроме уничтожения большевизма, наступающая буржуазно-помещичья контрреволюция никогда бы не примирилась, никогда бы не захотела примириться.

Большевики,—говорил Либер,—„уцелеют" в учредительном собрании, если они „отрекутся". Произнося эти слова, Либер, очевидно, вспоминал июльские дни. Именно тогда впервые от большевиков потребовали „отречения". Именно тогда Дан, Либер, Церетели, Гоц, Авксентьев требовали от большевиков „немедленного, категорического и ясного осуждения поведения своих вождей". В учредительном собрании Либер сулил нам повторение июльского погрома в еще более грандиозных размерах...

Второй раз об „отречении" заговорили в дни Октября. Предвку-

шая быстрый военный разгром „большевистских авантюристов“, меньшевистско-эсеровские могильщики революции стали уже поговаривать о том, что если большевики „осудят“ поведение „Ленина-Троцкого“, объединение всей „демократии“ станет возможным... В учредительном собрании, если бы мы заколебались, если бы хоть на один шаг отступили, если бы хоть на один момент отдали врагу инициативу,— в учред. собрании революция и большевизм нашли бы позорную смерть, здесь рабочий класс был бы закован в железо...

„Корнилов или Ленин“? Вождь правого меньшевизма вольно или невольно подтверждает, что и в дни учредилки так именно стоял вопрос. Перед революцией стояла дилемма:

Или смести учредительное собрание и те общественные классы, знаменем которых оно являлось, или быть сметенной буржуазно-помещичьим блоком, составлявшим основную реальную силу „всенародной“ власти.

Революция одним ударом превратила в щепки этот политический центр реакции и тем спасла себя. „Демократические“ враги пролетарской революции были „сметены“, „комиссары всех рангов, видов и родов оружия“, остались. Осталась новая сила, пришедшая в мир.

Вернемся к тактике меньшевистской партии в отношении к учредительному собранию. Вся партия, как указано выше, была единодушна в том, что революция должна отступить перед „всенародной“ учредилкой. Но вступить в прямую вооруженную борьбу с властью советов во имя учредительного собрания большинство партии не решалось. Оно выдвинуло лозунг всемерной политической поддержки лозунгу „вся власть учредительному собранию“. Но вооруженная борьба подготовлялась. Контр-революция мобилизовала силы. Эсеры, кадеты, савинковцы образовали „Союз защиты учредительного собрания“. Разумеется, этот „Союз защиты“ целиком стоял на платформе, развитой Либером на съезде партии. Разумеется, вся правая часть партии была за энергичнейшее участие в работах „Союза“. Центральный Комитет, избранный на декабрьском съезде, однако, отказался от посылки своего представителя в комитет „Союза“, но об этом своем решении он умолчал. Лишь в ответ на вопросы советской прессы центральный орган партии меньшевиков „Новый Луч“, в № от 22-го декабря 1917 г., опубликовал следующее поразительное „разъяснение“:

„ЦК не опубликовал своего решения о неучастии в комитете „Союза“ по простой причине: чтобы не ослаблять „союза“ в такой момент, когда он, делая полезное дело, подвергается преследованию большевистской власти. По той же причине ЦК считает неудобным опубликовать все те соображения, которые убедили его в том, что участие в „Союзе“ его официальных представителей могло бы связать партию в ее самостоятельной классовой политике“.

Вот вам классическое „разъяснение“ ЦК партии меньшевиков по одному из важнейших вопросов. В этом документе—вся меньшевистская партия, как на ладони. Если бы каким-либо чудом исчезла вся меньшевистская литература, все меньшевистские документы, но осталось вот это одно только разъяснение, — достаточно, „портрет“ меньшевистской партии налицо...

Эсеро-кадетско-савинковский „Союз защиты учредительного собрания“ делает „полезное дело“. В чем заключается полезность? В том, что вместо Советской власти он при помощи оружия пытается утвердить власть учредительного собрания. Но если это—„полезное дело“, то почему не принять в нем прямого участия? Если это нужное дело, почему нельзя в нем участвовать „официальным представителям“ партии? Но ЦК заявляет, что участие „официальных представителей“ „могло бы связать партию в ее самостоятельной классовой политике“. Что это значит? Участвуя в комитете „Союза“, меньшевики должны были сотрудничать с кадетами и савинковцами, должны были формально участвовать в коалиции, должны были продолжить опыт временного правительства и „Комитета спасения“. В декабре 1917 г., после левого партийного съезда, официально на это меньшевистская партия не решается. Она дает согласие на неофициальное представительство, на фактическую коалицию. Мало того,—ЦК скрывает от широкой публики „решение о неучастии“ в белогвардейском „Союзе защиты“, дабы „не ослаблять“ его, дабы не наносить хотя бы ничтожного политического удара делу мобилизации военнополитических сил против власти Советов.

Таким образом, меньшевистская партия, прячась и увиливая от прямой постановки вопроса, фактически целиком поддерживала организацию военно-политических сил под флагом учредительного собрания против Советской республики.

Открытие учредительного собрания было назначено на 5-е января 1918 г. На 8-е января ВЦИК постановил созвать 3-й съезд Советов, на 15-е января собирался Всероссийский съезд крестьянских депутатов. 5-е января должно было решить: власть Советам или власть учредилке? Было очевидно: мирно этот вопрос не мог быть решен, ибо Советская власть существовала и защищалась вооруженными рабочими и солдатами, учредиловская власть только еще должна была осуществиться при помощи вооруженных сил, собираемых контрреволюционным „Союзом защиты“.

Столкновение было неизбежно. Меньшевистская партия лицемерно выкидывала лозунг: „Долой гражданскую войну!“ Фактически и формально она целиком находилась на стороне антисоветского, учредиловского боевого фронта. Она, как и эсеры, как и кадеты, савинковцы, черносотенцы, была воюющей против Советской власти стороной. Она шла под лозунгом: „Вся власть учредительному собранию“. Она принимала официальное участие в демонстрации 5-го января, имевшей основной задачей свержение Советского правительства и вручение власти учредилке. Она, как мы видели

выше, фактически принимала участие и политически целиком поддерживала военно-политическую подготовку по свержению власти Советов в пользу учредилки.

Ничто не помогло! Учредительное собрание крахнуло, и меньшевики, с проклятиями на устах покинувшие 2-й съезд Советов и перешедшие в белый лагерь, на 3-й съезд Советов снова явились. Между тем, этот новый съезд был „ужаснее“ предыдущего: 2-й съезд Советов создал временное рабоче-крестьянское правительство, 3-й съезд на костях учредилки Советское правительство объявил постоянным. Меньшевики все эти „ужасы“ „героически“ переносили и даже вошли в состав нового ВЦИК'а. Почему меньшевики сменили гнев на милость, почему вернулись они в лагерь „захватчиков“, „насильников“, „узурпаторов“, „авантюристов“? Дан этому „событию“ дал следующее объяснение:

„Изменилось, прежде всего, представление о длительности большевистской власти. Если тогда, в конце октября, казалось, что жизнь этой власти исчисляется парою-другой дней, то теперь мы стоим перед фактом ее бесчинства в течение вот уже трех месяцев“.

Советская власть утвердилась на российской земле, а первый натиск контр-революции был отбит с большим для нее уроном. Белый лагерь переживал глубокий кризис. Внешним выражением этого кризиса явилось самоубийство ген. Каледина—вождя и знаменосца российской контр-революции. И меньшевистская партия, как побитая собака, вернулась в советский лагерь в качестве „легальной оппозиции“, чтобы при первых же признаках его ослабления начать против него бешеную борьбу.

Брестский мир.

На третьем съезде Советов (январь 1918 г.) по вопросу о мире выступал Мартов. „Немецкие условия мира,—говорил он,—неприемлемы: „Российская революция не пойдет на этот шаг и не принесет в жертву алчности германского хищничества ни польский, ни эстонский, ни латышский народы“. Переходя к мирной политике Советской власти, Мартов указывал, что, несмотря на многие промахи, шаги к заключению всеобщего мира в самый разгар империалистической войны являются „поразительным по своей смелости революционным актом“. В те дни Мартов вообще старался быть возможно более „левым“, говорил в общем примирительно. Он сумел схватить и отметить великий исторический смысл советской политики мира.

Но на „поразительный по своей смелости революционный акт“ западно-европейский пролетариат не смог в то время ответить должным образом. Российская революция оказалась лицом к лицу с чудовищным германским империализмом, и ей пришлось отступить, пришлось пойти на огромные уступки, чтобы сохранить себя. Меньшевистская

партия не дорожила революцией, и потому она „не признала“ уступок, сделанных во имя сохранения Октябрьской революции, ее основных завоеваний. Против брестских уступок, против брестского договора партия меньшевиков повела отчаянную борьбу. Она толкала Советскую власть на срыв мирных переговоров, на войну, в надежде, что в результате войны Советская республика погибнет.

В средних числах февраля Центральный Комитет выступил с декларацией по поводу брестских переговоров. Констатируя неудачу России в Бресте, ЦК меньшевиков переходит к причинам этих неудач. По мнению ЦК, дело объясняется следующими обстоятельствами:

> „Рядом с аннексионистскими стремлениями германского империализма и противодействием, которое оказывали политике мира империалистские правительства союзных стран, основною причиною этой неудачи является сопровождавшая мирные переговоры демагогическая политика Советской власти, которая, взяв на себя переговоры о мире, в то же время окончательно разлагала армию на фронте, раздувала пламя гражданской войны во всей России, дезорганизовала всю ее хозяйственную жизнь, истребляла боеспособные элементы народа в сражениях на многочисленных внутренних фронтах и всем этим укрепляла позицию австро-германских имериалистов.“

Вот образец совершенно недобросовестного, именно демагогического анализа основных причин брестского поражения. „Основной причиной“ этого поражения выставляется „демагогическая политика“, вообще вся внутренняя политика Советской власти. Меньшевистская декларация пытается создать впечатление, что, не будь большевиков, то и Бреста, будто бы, не было бы, что Россия смогла бы оказать германскому хищнику сопротивление. Это именно совершенно неверно. Армия стала небоеспособной до Октября, хозяйственная разруха, гражданская война, восстания, волнения, погромы, разгромы прокатывались по всей России до Октября. За месяц до опубликования цекистской декларации, советская политика мира, как мы только-что видели, нашла положительную оценку в устах меньшевистского вождя Мартова.

Брестское поражение стало неизбежным, ибо в Германии революция тогда еще не вспыхнула, Антанта на мирные переговоры не пошла, „демократическая“ украинская рада гнусно изменила революционной России, заключив с немцами сепаратный мир, а Россия была фактически безоружна, она осталась без армии еще до Октября.

Наиболее передовые элементы этой армии готовы были участвовать в классовой войне против буржуа и помещиков, в защиту земли, в защиту октябрьских завоеваний, но вести большую войну с могущественным тогда австро-германским империализмом они были не в состоянии. „Многочисленные внутренние фронты“, разумеется, были созданы не „демагогической политикой“ Советской власти,—это именно пустейшее, несерьезное, демагогическое объяснение великого

исторического факта,—фронты эти были созданы стихией классовой борьбы, постепенно развертывавшейся за период февраль—октябрь. Каледин, Корнилов, Дутов создали фронты гражданской войны до захвата власти большевиками. Это совершенно неопровержимый факт...

Основная причина брестской неудачи меньшевистской партией была указана абсолютно неверно. Год спустя после Октября, в сборнике „За год" гражданин Дан откровенно рассказал об этом предмете кое-что весьма интересное. Изложив историю „борьбы за мир" (мы к ней ниже еще вернемся), Дан сообщает, что после неудачи наступления 18-го июня, в особенности после событий 3—5-го июля,—

> „в среде революционной демократии, особенно в социал-демократической части ее, зреет сознание необходимости признать поражение за исходный факт политики мира и потому от политики мира демократического перейти к политике мира компромиссного."

Слова: „поражение" и „компромиссного" подчеркнуты Даном. Смысл дановского сообщения совершенно ясен. После преступнейшего наступления 18-го июня, после грандиозных событий 3—5-го июля для наиболее зрячих демократов (принадлежал ли гр. Дан к их числу?) становится ясным, что армия вести войну не в состоянии, что нужно итти на „компромиссный" мир, на мир с жертвами, на мир недемократический, насильнический, грабительский, империалистический. Ибо раз поражение берется „за исходный факт политики мира", то тут без тяжких жертв дело заведомо обойтись не может.

Следует отметить, что необходимость „мира компромиссного" понимали не только некоторые „демократы", но и часть кадетов. В августе—сентябре 1917 г. центр. комитет партии кадетов несколько раз заслушал доклад о безнадежном положении фронта. Набоков, бар. Нольде, Гессен и ряд других кадетов также стояли за необходимость „признания поражения за исходный факт политики мира".

Таким образом, в рядах меньшевиков, эсеров, даже кадетов было немало людей, еще летом 1917 года понимавших совершенную невозможность вести войну. Тем не менее, она продолжалась, тем не менее, вся эта трусливая и блудливая „революционная демократия" с животным страхом смотрела в глаза антантовским хозяевам, беспрекословно исполняла их приказания, не смея сказать смелого слова о мире. Тем самым эта преступная „демократия" создавала у миллионов солдат впечатление полной безнадежности заключения мира силами „демократии". Это именно обстоятельство больше всего разлагало армию, толкало солдат на дезертирство, провоцировало их на „втыкание штыка в землю"...

Но вот брестская неудача пришла. И партия, в июле 1917 года считавшая необходимым „признать поражение", в феврале 1918 года это самое поражение объявляет, главным образом, результатом большевистской дема-

гогии! Редко бесстыдство и бесчестие политической партии доходили до таких пределов, как в данном случае...

Но вернемся к февральской декларации меньшевистского центрального комитета. Мы видели, как этот ЦК объяснял причины брестского поражения. Что же он советовал трудящимся массам России в этот трагический момент?

Констатируя „полную невозможность для Советской власти организовать действительное сопротивление“ германскому натиску, ЦК меньшевиков, в виде практической меры, предлагал признание верховной власти учредительного собрания и созыв международной социалистической конференции. Получив верховную власть, учредилка прекратит гражданскую войну, сорганизует боеспособную вооруженную силу. А пока всего этого нет, Советской власти запрещалось подписывать Брестский мир.

Нужно ли говорить о том, что учредилка не смогла бы ни прекратить гражданской войны, ни создать боеспособности армии? Учредилка сама являлась знаменем и прикрытием для одной из воюющих сторон, „демократическая“ власть Керенского сама явилась одной из основных причин развала старой армии. Нужно ли говорить о том, что „социалистическая конференция“ была сплошным обманом в момент, когда социал-домократия каждой данной страны целиком поддерживала „свои“ правительства, когда немецкая социал-демократия одобрила наступление ген. Гофмана на революционную Россию?

Меры, предлагавшиеся партией меньшевиков, имели целью не улучшение военного положения России,—это было тогда совершенно невозможно,—а ликвидацию Советской власти. Прикрываясь патриотическим знаменем, меньшевистская партия пыталась осуществить классово-политическую задачу буржуазии—уничтожение пролетарской диктатуры.

12-го марта в Москве открылся 4-й Всероссийский съезд Советов. Этот съезд должен был сказать окончательное слово о войне и мире. Как только съезд открылся, Мартов сделал следующее заявление:

> „На этом съезде решается вопрос о первом разделе России и о продаже русской революции германскому империализму... Помните, ничто никогда не спасет, не позволит скрыться ни одному из тех, которые здесь, в этом зале примут участие в решении этого вопроса. Годы, десятки лет пройдут, но с проклятием будет международный пролетариат вспоминать вас“.

Эту грозную филиппику Мартов произнес в связи с требованием допущения представителей меньшевиков в... мандатную комиссию съезда. Мартов доказывал, что съезд, долженствующий решить вопрос о мире, „впотьмах собрался“. Мандатная комиссия была составлена на основе пропорциональности. От меньшевиков в нее вошел Левин. Но никаких признаков „подтасовки“ съезда он, разумеется, обнаружить не мог.

Смешно ныне читать истерические вопли Мартова о „продаже русской революции“, о том, что „международный пролетариат с проклятием будет вспоминать“ партию, заключившую Брестский мир. Если уже говорить о „проклятии“, то проклятие истории обрушилось именно на меньшевистскую партию, которая при власти буржуазии готова была пойти на компромиссный мир во имя сохранения буржуазного господства, при власти же рабочего класса о компромиссе, необходимом для сохранения пролетарской власти, и слышать не хотела...

Выступая по докладу тов. Ленина о войне и мире, Мартов заявил:

— „Ничего не было сделано для организации сопротивления. Я требую назначения следственной комиссии, которая выяснила бы, почему в момент нашествия германской армии русская армия была способна только бежать? Мы требуем, чтобы Совет Народных Комиссаров, подписавший этот мир, сложил свои полномочия, чтобы была организована новая власть...“

Почему в феврале 1918 г. „русская армия была способна только бежать“? Но почему после наступления 18 июня 1917 года „русская армия была способна только бежать“? Почему она на протяжении всего лета и осени 1917 г. все время отступала? Почему была сдана Рига? Почему в сентябре 1917 года Петроград очутился в непосредственной опасности?

„Если, — угрожал Мартов, — Брестский мир будет подписан, то российский пролетариат объявит непримиримую войну, как правительству, которое заключило мир, так и правительству, которое погубило Россию“. Но что нужно было делать немедленно, с сегодня на завтра, при отсутствии армии, при всеобщей разрухе? Вести, как предлагали левые эсеры, партизанскую войну? Но меньшевики эту мысль решительно отвергали. В резолюции, которую меньшевики предлагали Съезду, говорилось, что „выходом из создавшегося положения не может быть так-называемая партизанская война“. Где же этот выход? Меньшевики предлагали съезду признать, что:

1) мир не утверждается;

2) Совет Народных Комиссаров должен сложить полномочия;

3) должна быть учреждена верховная следственная комиссия „для выяснения всех обстоятельств, которые привели к окончательной дезорганизации обороны“;

4) должно быть созвано „учредительное собрание для восстановления „демократической республики и организации власти, пользующейся доверием всей демократии“;

5) против наступления германского империализма должно быть организовано „всенародное ополчение“.

Опять-таки в конце-концов все дело сводится к ликвидации Советской власти. Двумя путями могла быть она ликвидирована.

Первый путь—продолжение заведомо безнадежной борьбы с Германией. В этом случае она наверняка была бы низложена, и вместо нее было бы создано правительство, которое дало бы Германии мир. Впоследствии из воспоминаний проф. Устрялова мы узнаем, что некоторые кадетские круги в Москве строили совершенно конкретные планы в этом направлении.

Второй путь—это самоликвидация, передача „верховной власти" учредительному собранию. Нечего и говорить, что ликвидация республики Советов под любым соусом, нисколько не улучшая внешнего положения России, явилась бы страшным поражением революции, открыла бы собою эпоху контр-революции, которая в скором времени привела бы к реставрации буржуазно-помещичьего режима. Поражение российской революции, в свою очередь, явилось бы огромным ударом для всего мирового рабочего движения. Наконец, крах республики Советов явился бы крахом первой революционной попытки поставить вопрос о мире. Вспомним: в январе Мартов считал, что советская политика мира является „поразительным по своей смелости революционным актом". В феврале-марте он уже ничего не видел, ничего не понимал; уступка, делаемая пролетарской революцией в целях самосохранения, приводила его и вместе с ним всю мелкобуржуазную демократию в дикое бешенство...

* * *

Наступило время подведения первых итогов. Оглядываясь на недавнее прошлое, гр. Дан в сборнике „За год" осенью 1918 г. писал:

> „Отвергая сепаратный мир, **демократия** стремилась ослабить, но не **могла порвать уз, привязывавших революционную Россию к одной из воюющих коалиций... Обреченная на продолжение войны** в течение некоторого времени ради всеобщности и демократичности будущего мира, она **избегала острых политических и социальных конфликтов**, которые могли бы подорвать „устойчивость и крепость фронта". Отсюда—коалиция"...

Признания, как видите, замечательные. „Демократия"... „не могла порвать уз", привязывавших ее к колеснице антантовского империализма. Но **пыталась ли** она эти узы порвать? Проявляла ли она хоть какую-либо активность в вопросах внешней политики? Хоть раз эсеро-меньшевистская „социалистическая" демократия дерзнула **по-революционному** поставить вопрос о войне и мире?

„Обреченная на продолжение войны!.." Какая сила могла „обречь" страну революции, страну восставших рабочих, солдат и крестьян на продолжение разбойничьей войны, если бы ее не опутали демократические лакеи мировой буржуазии? Какое правительство в мире дерзнуло бы притвориться глухим, если бы революционная Россия, поднявшись во весь свой рост, категорически и смело поставила бы вопрос о прекращении чудовищной войны? Будто рок или неведомая

сила божества давила на Россию и „обрекала“ ее на продолжение войны, — так изображает дело Дан.

Но вот армия начинает разлагаться. В стране разруха увеличивается. Новая революция нарастает, и „обреченная“ демократия, как было отмечено выше, начинает поговаривать о необходимости „признать поражение“, поставить вопрос о „компромиссном“ мире. „Но,— сообщает гр. Дан, — новая программа встречает решительное сопротивление в организованных элементах мелкобуржуазной демократии“. Верхи крестьянства, кооператоры, городское мещанство, интеллигенция и слышать не хотят о „компромиссном“ мире. Они — за „войну до победного конца“, они вместе с Милюковым мечтают о Стамбуле и Галиции. „Социалистическая демократия“ бессильна повлиять на „мелкобуржуазную демократию“. Лишь в момент начала пролетарской революции—24-го октября 1917 г.—этот фракционный спор внутри мелкой буржуазии был разрешен в пользу „левого“ крыла: предпарламент принял „радикальную“ резолюцию о мире. „Но,—меланхолически замечает гражданин Дан,—„уже поздно“: революция поставила вопрос о мире по-настоящему радикально...

Что сделал Октябрьский переворот в области мирного вопроса? Возьмем другую итоговую статью из того же сборника „За год“,— статью Ерманского о советском строе. Ерманский пишет:

> „Режим, установившийся в результате переворота..., покончил с зависимостью внешней политики революционной демократии России от вожделений империализма союзников. Он открыто и радикально выдвинул требование мира и этим не только устранил гибельное для революции России влияние факта ее участия в империалистической войне, но и пробил серьезную брешь в системе „священного единения“, державшей в общем народные массы всех стран в положении покорных рабов воинствующего империализма“.

Таким образом, как только явилась настоящая революционная власть, она быстро нашла выход там, где прославленная „демократия“ тупо и бессмысленно топталась на одном месте. Революционная власть решительно покончила с преступно-идиотским положением, когда страна восставшего народа была обречена продолжать бойню в интересах мирового капитала. Она одним ударом оборвала преступную связь с империализмом. Наконец, Советская революция „пробила серьезную брешь“ в системе проклятого „священного единения“, позорно-преступного „сотрудничества классов“, духовно-политического пленения наемных рабов „воинствующим империализмом“. Советская революция дала сигнал к возобновлению классовой борьбы, она начала собою эпоху всемирной пролетарской революции.

Если бы даже больше ничего не удалось сделать Октябрьской революции, отмеченного Ерманским было бы достаточно, чтобы признать за ней всемирно-историческое значение. Но Октябрьская революция разрешила аграрный вопрос, вымела начисто дворянский на-

воз из страны, впервые в истории превратила пролетариат в руководящий государством класс.

Октябрьская революция „открыто и радикально“ поставила вопрос о мире и добилась прекращения войны на возможных при тогдашнем соотношении сил условиях. С другой стороны, правильное решение вопроса о мире укрепило Октябрьскую революцию. „Победа большевизма,—писал гр. Дан в цитированной статье,—стала исторически неизбежна в отсталой стране, когда выяснилось, что в течение 8-ми месяцев революция оказалась не в состоянии дать обещанного ею демократического мира“. „Победа большевизма“ пришла потому, что меньшевизм оказался полным банкротом, что он рабски тащился в хвосте у буржуазии, что он был живое олицетворение безволия и бездеятельности, что он пытался остановить революцию на буржуазно-демократическом рубеже...

Наконец, итог Мартова все из того же сборника „За год“. В статье „Диктатура и демократия“ Мартов писал:

> „Ценою принятия аграрной программы левых эсеров... большевизм приобретает поддержку крестьянских масс, ценой подписания Брестского мира отрывает эти массы от левых эсеров“.

Значит, в конце 1918 г. Мартов признал, что крестьянские массы были за подписание Брестского мира, что, выступая против Бреста, левые эсеры тем самым лишились доверия крестьянства и обрекли себя на гибель. А партия меньшевиков? А Мартов, бешено выступавший против Бреста? Кого они представляли? Рабочий класс? Но он, очевидно для всех, был за мир; он лучше левых эсеров понимал, что крестьянин войны не хочет, а один пролетариат вести ее не в состоянии. Кто хотел весною 1918 года войны с немцами? Имущие классы, питавшие надежду в огне войны ликвидировать большевизм. Мещанство, кулачество, интеллигенция, тесными узами связанные с „верхними слоями“ общества. Вот чьи настроения отражали Мартовы, когда они обрушивали на головы большевиков громы и молнии за Брестский мир.

В феврале меньшевистская партия выдвигает лозунг „всенародного ополчения“. При отрицательном отношении рабочих, крестьян и солдат к войне „всенародное ополчение“ на деле быстро превратилось бы в охранную гвардию буржуазии, которая первым долгом набросилась бы на революцию, на ее основные завоевания. Вместо мобилизации „всенародных сил“ против внешнего врага, получилось бы усиление межклассовой войны при худших для трудящихся условиях. Путь продолжения войны был путем несомненной гибели революции.

Декретом о земле и Брестским миром большевизм перетянул на свою сторону крестьянство, установил прочный союз между рабочим классом и крестьянством. Это указание Мартова, разумеется, правильно. Большевистская партия сознательно стремилась к этому, она

всегда считала, что из двух основных классов современного общества победит тот, кто подчинит крестьянство своему руководству. Оторвав деревню от эсеров (правых и левых), большевистская партия тем самым вырвала ее из-под влияния буржуазии. Без подписания какого-угодно мира это было невозможно. Брест исторически оправдал себя не только тем, что в самый критический период дал революции передышку, но еще более тем, что позволил пролетариату теснейшим образом связаться с крестьянством и тем обеспечить за собою руководство социалистическим государством.

Против „погибающих Советов"!

На 3-м съезде Советов—12—15-го января—меньшевики вели себя в общем прилично. Прежде всего на съезде не выступал ни один из правых вождей меньшевизма: герои коалиции—все эти Даны, Либеры, Церетели не смели показываться на глаза высшему представительному органу рабочей страны. По всем основным вопросам порядка дня съезда выступал „левейший" Мартов. Говорил он в общем примирительно. Протестовал против лишения буржуазии гражданских свобод, против террора, но без истерики и бешенства. Оправдывался в „ошибках". Относительно „комитета спасения" признавался, что „многие партии, в том числе и меньшевики, быть-может, были запутаны в этой авантюре, помимо их воли", но что они ничего общего не имели с восстанием юнкеров и вооруженной борьбой с властью Советов.

Выше мы видели, что и „комитет спасения", и юнкерское восстание, и „армию" Керенского-Краснова партия меньшевиков поддерживала с той энергией и активностью, на которую она вообще была способна. В отношении агитации и пропаганды против власти Советов и большевистской партии роль меньшевиков в те дни была значительна. Когда центральная меньшевистская газета печатала агитационный приказ ген. Краснова и боевые воззвания „комитета спасения", когда она заполняла страницы своей прессы бешеной травлей большевистской партии, тем самым она значительно облегчала вооруженную борьбу белому лагерю. Но и практически организационно, как мы видили выше, меньшевистская партия была связана с вооруженной борьбой против Советов. Следовательно, оправдания Мартова были лишены фактического основания. За свою группу „левых" меньшевиков Мартов мог сказать, что она не участвовала в вооруженной антисоветской борьбе,—за меньшевистскую партию в целом он ни в коем случае этого утверждать не мог.

Однако, интерес в данном случае представлял не вопрос о том, как Мартов от имени меньшевиков оправдывался,—знаменательно было то, что он вообще явился на съезд Советов оправдываться, что он пытался сделать „равнение налево". Чем объяснялось это полевение?

Учредительное собрание было разогнанно без малейшего затруднения,—оно оказалось пустышкой. Советская власть укреплялась и расширялась, завоевывая себе все новые области. Переговоры в Бресте пока-что протекали удовлетворительно. Советская мирная политика, — этот, по выражению Мартова, „поразительный по своей смелости революционный акт“,—нашел первый отклик: по Германии прокатилась грозная волна политической стачки. Это был период „триумфального шествия советской власти“, как выразился Ленин на 7-м Съезде РКП (март 1918 г.). Советская республика казалась во всех отношениях всемогущей. Она давила на меньшевистскую партию, она заставляла всех колеблющихся ковылять за ней. И меньшевистская партия старалась по возможности не слишком отстать от победоносной революции. Третий съезд Советов Мартов называл „верховным органом демократии“...

А два месяца спустя Мартов угрожал правительству Советов, что „рабочий класс“ объявит ему непримиримую войну! Дело было не в рабочем классе, разумеется, а в мелкой буржуазии, которая снова колебнулась вправо, как только брестское поражение обнаружило слабость Советской власти. Партии меньшевиков и эсеров кричали о „продаже России“, о „первом разделе России“, изображали на лице величайшее патриотическое возмущение и негодование. Но дело было не в патриотизме. Буржуазная демократия, сдавшая немцам Ригу и подготовлявшая сдачу Петрограда, не могла не понимать, что лучшего мира, чем Брестский, она получить не сможет, а худшие условия, в награду за особую любовь к Антанте, немцы прописать ей могут. Мелкобуржуазные партии, прежде всего меньшевики, резко повернули вправо потому именно, что им показалось, что после Брестского поражения большевики легко могут быть свергнуты.

Сейчас же после Бреста организуется ряд антисоветских политических центров. Эсеры, кадеты и правые меньшевики создают „Союз возрождения“,—заговорщическую организацию, при помощи Антанты подготовлявшую свержение Советской власти. Кадеты, промышленники, землевладельцы, некоторые военные группы организуют „Национальный Центр“,—заговорщическое объединение с аналогичными „Союзу возрождения“ задачами, но более правое, выдвигавшее лозунг военной диктатуры. Савинков стоит во главе „Народн. Союза родины и свободы“. Наконец, меньшевики и эсеры создали организацию „уполномоченных фабрик и заводов“. Задача этой новой „рабочей“ организации сводилась к мобилизации рабочего класса под лозунгом ликвидации власти Советов.

Повторяем, все эти антисоветские организации, объединенные единством ненависти к республике Советов, возникли всего на протяжении нескольких недель. Мобилизация непримиримо враждебных революции сил прошла достаточно быстро и дружно.

Мы можем остановиться лишь на той организации, в которой

меньшевики играли руководящую роль,—на „уполномоченных фабрик и заводов". Вот ее краткая история.

Во время 4-го съезда Советов в Москве состоялось всероссийское совещание меньшевиков. Совещание обсуждало вопрос об участии меньшевиков в органах Советской власти. Совещание провозгласило „категорический отказ меньшевистских организаций от участия в органах власти",—в исполкомах, президиумах Советов и т. д. Там, где в Советах „нет меньшевистско-лево-эсеровского большинства" необходимо, по мнению совещания, стремиться к „скорейшему восстановлению органов местного самоуправления и передачи им всей полноты власти на местах".

Таким образом, если Советы меньшевистские, они саботируют проведение в жизнь постановлений центральной власти, если Советы большевистские, им противопоставляется „местное самоуправление". Но этого меньшевикам показалось мало. В противовес Советам они выставили лозунг „беспартийных рабочих конференций". Из местных конференций должен был вырасти всероссийский „рабочий съезд".

Представители этих „беспартийных" конференций, целиком руководимых эсерами и меньшевиками, составили „собрание уполномоченных фабрик и заводов". Это была параллельная Советам организация. Опираясь на нее, эсеро-меньшевистский блок пытался разрушать организацию Советов снизу и подготовлять момент, когда можно будет обрушить решающий удар и на верхушку Советской власти.

В этот период внутри меньшевистской партии возникает небольшой тактический спор. Правые выдвигают лозунг: рвать с Советами, уходить из Советов! Мимо Советов, против Советов! „Левые" не соглашаются на такую резкую постановку вопроса. Они выдвигают лозунг отказа Советов от функций власти, превращения их в „чисто-классовые" организации,—разговаривающие, ходатайствующие, порою, быть-может, протестующие, но бессильные что-либо сделать. По существу и „левые", и правые вели одну политику ликвидации Советской власти, советской системы, что равносильно ликвидации самих Советов. Ибо Советы будут существовать, как органы власти, или они вовсе не будут существовать. Политическое представительство рабочего класса осуществляет партия, экономические интересы под общим руководством партии защищают профсоюзы,—Советы представляют собою форму власти, форму диктатуры пролетариата...

Но пролетариату,—заявляла и заявляет меньшевистская партия,—не нужно власти. Рабочий класс,—писал Мартов в журнале „Новая Заря" (№ 1, 22-го апреля 1918 г.),—должен отказаться от власти Советов, чтобы „получить в демократической республике ту долю влияния на государство, которая ему по силам". Вот оно, настоящее откровение меньшевизма: вместо власти—„доля влия-

ния", вместо руководства страной—роль чернорабочей силы! Пусть властвует испытанная „в сем деле" буржуазия,—с рабочего достаточно и „доли влияния". То же самое говорилось в „наказе" делегации петроградского „собрания уполномоченных". „Несчастная мысль превратить рабочих в хозяев сделала их последними рабами (!)". Великую всемирно-историческую идею освобождения рабочего класса из-под власти капитала меньшевики объявили „несчастной мыслью". Поистине это партия рабов, неспособная стать партией свободных!

Положение Советской республики становится критическим. Окруженная со всех сторон врагами, внутри она борется со страшным голодом. Вражеское кольцо все более суживается. На Украине к власти пришел гетман Скоропадский. На Дону укрепился Краснов. На Кубани формировалась добровольческая армия Алексеева-Деникина. Во Владивостоке высадился японский десант. В Саратове—мятеж бело-эсеров. Подняли восстание чехословаки. Создался фронт самарской учредилки.

Агрессивность меньшевистской партии возрастала по мере роста затруднений Советской власти. „Собрания уполномоченных" в Петрограде и Москве выдвинули лозунг всероссийского рабочего съезда и стали подготовлять всеобщую забастовку. Кое-где на почве голода частичные забастовки меньшевикам провести удалось.

На-ряду с большими восстаниями и правильными фронтами происходили небольшие восстания, вспышки, волнения местного размаха и значения. Враги Советской власти пытались эти мелкие восстания и вспышки раздуть, связать друг с другом, дать им политический лозунг и двинуть против власти. Какой тактики придерживалась меньшевистская партия в этот тягчайший для Советской республики период?

10-го июня 1918 г. в журнале „Новая Заря"—органе комитета центральной области Р.С.-Д.Р.П.—появляется директивная статья Кучина-Оранского, озаглавленная: „Под знаком голода и народных восстаний". В статье читаем следующее:

> „Тревога разливается повсюду. Задача наших организаций—быть в этом движении, быть вместе с массой, давать ей руководство, расчищая для нее демократические пути, разгоняя реакционные туманы, сплачивая ее силы в этот период последней борьбы народного отчаяния.
>
> Более, чем когда-либо, необходимы сейчас определенные, четкие лозунги для движения, трезвая оценка положения, соединенная с бескомпромиссным направлением борьбы. Более, чем когда-либо, вредны сейчас соглашательская позиция, отсутствие перспективы в руководстве, „боязнь" стихии, утопическое стремление ее „остановить" и на этом строить свою тактику. Мы не должны забывать, что мы вступили в полосу народных восстаний, неудержимо развивающихся. Назад мы

ничего не повернем, то, что движется, мы должны организовать. Наша задача—создавать свободную арену для организации движения, порывая с погибающими Советами и обеспечивая стихии организованный и политически-плодотворный выход на демократические позиции..."

Ближайшими сотрудниками журнала „Новая Заря" состояли Мартов, Дан, Далин, Абрамович и другие вожди меньшевизма. Никем директива Кучина оспорена не была. Лозунг о „бескомпромиссном направлении борьбы" был дан, и он осуществлялся везде, где только представлялась возможность к его осуществлению. Центральный комитет меньшевиков был достаточно „мудрым" и осторожным, чтобы в резолюции не повторить формулировки Кучина. Но разве это имело какое-нибудь серьезное значение? В стране, где кипит гражданская война, центральный партийный журнал выбрасывает лозунги: Не бояться „стихии"! Организовать „движение"! Рвать с „погибающими Советами"! Покончить с „соглашательством"! Дать борьбе „бескомпромиссное направление"!..

Более ясного, точного, категорического призыва к вооруженной борьбе с властью Советов ни одна меньшевистская организация, вероятно, не ожидала и ожидать не могла.

Ниже мы увидим, что директива Кучина не осталась пустым звуком; повсюду, где только начиналась борьба против Советов, меньшевики принимали в ней прямое участие. Все это было в порядке вещей. Удивление вызывает ныне одно только обстоятельство: почему мы, большевики, были так безгранично терпимы к меньшевистским воинам белой гвардии? Почему 14-го июня мы ограничились только изгнанием этой подлой партии из Советов? Почему наиболее „бескомпромиссные" из них не были поставлены к „стенке" за чудовищную измену революции? Мы не обезглавили Жиронды, и все же победили. Но может-быть, победа досталась бы легче, если бы Жиронда во-время была как следует обезврежена?

Подумать только: Кучин в 1918 году пытается организовать „стихию" против „погибающих Советов", в 1919 году он сотрудничает с Деникиным, помогает ему восстанавливать промышленность, получает от него субсидию на „нужды профсоюзов", в 1921 году поддерживает снова начавшееся „народное движение" против Советов, а на шестом году революции сидит в Берлине и на страницах „Социалистического Вестника" проповедуют новую „бескомпромиссную" борьбу против Советской власти, строит планы насчет того, как организовать новую „стихию" против республики Советов! Ведь, история Кучиных—это история почти всей руководящей, активной, „бескомпромиссной" части меньшевистской партии...

Красная армия.

Социалистическая Красная армия... Декрет о ней был опубликован 20-го февраля. Меньшевики, раньше всемерно травившие Красную гвардию, ныне принялись за бесшабашную травлю Красной армии. Первую в мире армию пролетарской революции они обзывали наемной бандой, преторианской гвардией. Эсеры, савинковцы, вообще белые заговорщики, проникая в ряды молодой Красной армии, пытались изнутри разложить и убить ее,—меньшевики извне наносили политические удары армии революции.

22-го апреля во ВЦИК'е был заслушан доклад Троцкого об обязательном обучении военному искусству, о порядке замещения должностей и сроке службы в Красной армии. Меньшевики получили возможность широко развернуть свою точку зрения в вопросе об организации армии. Что же они сказали?

Мартов и Дан предложили отвергнуть вообще идею об организации Красной армии. Она строится по классовому признаку,—буржуазия лишается права владения оружием,—она оторвана от народа, такая армия погубит революцию, ибо явится орудием в руках будущего Бонапарта. Да и вообще ничего из такой армии не выйдет,— создать Красную армию большевикам не удастся. Вместо Красной армии нужно создать „демократическую милицию", вместо вооружения трудящихся необходимо „всеобщее вооружение народа".

Но „демократическая" армия подразумевала „демократическую" республику, всеобщее вооружение—всеобщие „права" и „свободы", т.-е. ликвидацию диктатуры, восстановление учредилки. Так это именно все и понимали. Организация армии неизбежно копирует организацию данного общества...

29-го мая ВЦИК обсуждал вопрос об обязательном призыве в армию рабочих Москвы, Петрограда и Донской области. Докладчик Сокольников нарисовал сложившуюся к тому времени политическую обстановку. В стране враги Советской власти все чаще поднимают восстания. Между ген. Красновым и гетманом Скоропадским устанавливается тесная связь, и, таким образом, на всем Юге произведена буржуазно-помещичья реставрация. В Сибири делаются попытки свержения Советской власти. Подозрительно ведут себя чехо-словаки...

Докладчик не знал еще о только-что закрывшемся 8-м совете партии эсеров. Совет постановил поднять на Волге восстание, опираясь на чехо-словацкие части и помощь Антанты. Через неделю— 8-го июня—в Самаре была объявлена власть Комитета членов учредительного собрания. („Комуча").

Словом, положение Советской республики было отчаянное. К военной опасности присоединялась страшная голодная опасность. Это был кошмарный период „осьмушки" хлеба... Докладчик предложил

резолюцию, в которой признавалось, что „переход от добровольческой армии ко всеобщей мобилизации рабочих и беднейших крестьян повелительно диктуется всем положением страны как для борьбы за хлеб, так и для отражения обнаглевшей на почве голода контр-революции как внутренней, так и внешней".

Свое решительнейшее выступление против нового предложения Советской власти меньшевики начали с клеветы. Вот что говорил Мартов:

> Мобилизация петроградских и московских рабочих это— „средство разрядить атмосферу рабочих кварталов... Массы, как это делало бонапартовское правительство, будут отправлены в лагери да казармы. Этим, и только этим, можно объяснить такого рода изъятие".

Угрожала ли Советской республике смертельная опасность? Бесспорно! Была ли необходимость в мобилизации широких масс и в создании твердых армейских частей? Несомненно! В таком случае, в каких районах можно было эту мобилизацию начать? Разумеется, в наиболее передовых, революционных, с одной стороны, в наиболее угрожаемых,—с другой. Мобилизация и была начата в Петрограде, Москве, Донской области [1]). После трех лет ненавистной войны, после развала старой армии строить новую революционную армию можно было начать только в рабочих центрах... Мобилизация, как „средство разрядить атмосферу", никуда, разумеется, не годилась, и об этом никто не думал. Мобилизация могла только еще более сгустить „атмосферу рабочих кварталов", ибо призывались молодые, следовательно, более революционные, элементы, оставались дома пожилые, следовательно, более косные, политически-неустойчивые элементы, способные легче поддаться на эсеро-меньшевистскую демагогию.

Революции нужна была крепкая, большая армия, воплощающая в себе всю силу и мощь рабочего класса. Такая армия на основе добровольчества построена быть не могла, как нельзя построить государство на основе добровольности. В качестве первого шага в деле создания Красной армии принцип добровольчества сейчас же после демобилизации старой армии был неизбежным [2]). Но построить великую армию революции можно было, мобилизуя в ее ряды рабочий класс и крестьянство... На очереди стояла историческая задача, а меньшевики начали кричать о мелком подвохе.

Но как все-таки строить армию? Мартов отвечал: нужно „опереться на весь народ". Буржуазию „тоже нужно заставить быть под-ружьем". „Все дело необходимо поставить на почву народной милиции" Однако, наиболее ясно и категорически высказался Дан. Свою речь он окончил следующими словами:

---

[1]) Мобилизация рабочих Донобласти в значительной мере имела морально-политический характер, ибо большая часть области была в руках белых.

[2]) В. Чернов в своей программной речи в учредительном собрании также выдвигал идею добровольческой армии. Развал старой армии и для него был несомненным фактом.

„Мы находим, что весь режим, как и смехотворный проект, не могут предотвратить опасностей и все шире открывают дверь для сопротивления. Поэтому мы сейчас, как и весь рабочий класс, стоим в военном отношении за всеобщее вооружение народа, за всеобщую милицию, которая получит весь смысл тогда, когда одновременно будут выполнены и те политические требования, которые теперь раздаются со стороны рабочих масс во всех городах России: Коломне, Саратове, Москве, Питере и др., где рабочий класс говорит: уйдите и оставьте свое место учредительному собранию Российской республики".

Тут разговаривать было не о чем. Везде вне советских пределов меньшевики стреляли в нас, меньшевики аргументировали восстаниями (ссылка Дана на Саратов, где белоэсеры, при поддержке меньшевиков, подняли восстание). Но мы не стреляли в Дана, Кучина, Либера,—мы проявляли поразительную терпимость...

14-го июня на заседании ВЦИК социал-демократическая Жиронда (ее появление предсказал еще „на пороге XX века" Г. В. Плеханов) была изгнана из Советов. Докладчик Сосновский указывал на то невозможное положение, когда „контр-революция допрашивает революцию", когда она изнутри пытается взорвать республику Советов, располагая для этого полной свободой.

Мартов отвергал предъявленные меньшевистской партии обвинения. Он говорил:

„Мы не готовим вооруженного восстания, мы не участвуем ни в Сибирском, ни в каком другом правительстве, которое возникло на авантюре с иностранными штыками. Мы идем одним путем,—путем организации рабочих масс... После каждого из нас восстанут тысячи, и горе вам!"

Центральный комитет партии меньшевиков технически не подготовлял восстания. Это вне сомнения. Но правая партии входила в штаб антисоветского восстания—„Союз возрождения". Но вся партия в целом вела бешеную политическую борьбу за ликвидацию советского режима. Вся партия в целом брала под свою защиту всякое антисоветское движение. Вся партия держала курс на „организацию стихии", на „бескомпромиссную" борьбу с республикой Советов. Все без исключения меньшевистские организации за советским рубежом участвовали активно в белом движении.

Вообще, на протяжении всей революции, и в 1918 г. в особенности, меньшевистская партия выполняла роль политотдела главного штаба контр-революции. В опасные моменты, как известно, и политотделы вступают в бой, выполняют разведочные функции и т. д. Всей своей работой партия меньшевиков именно подготовляла политически вооруженную ликвидацию Совет-

ской власти. Ведь, без политической подготовки никакое серьезное восстание невозможно.

„Мы,—говорил Мартов,—идем „путем организации рабочих масс". Во имя чего? Во имя ликвидации Советской власти. С этой целью создавался институт „уполномоченных", созывался „рабочий съезд", подготовлялась всеобщая забастовка. Но разве можно было хотя на одну минуту сомневаться в том, что более или менее широкая политическая забастовка означает немедленное вооруженное выступление против Советов всех сил контр-революции?

Да, наконец, разве дело в восстании? С исторической точки зрения, разве не все равно,—восстанием будет ликвидировано Советское правительство, забастовкой или оно само капитулирует? Решающее значение имел и имеет тот факт, что меньшевистская партия в союзе со всеми контр-революционными силами страны добивалась уничтожения власти рабочего класса. Чудовищное преступление этой партии заключается в том, что она отрицает необходимость превращения пролетариата в руководящий государством класс, что она рабочему классу рекомендует вместо диктатуры ограничиться „долею влияния на государство", которое должно находиться в руках буржуазии. Меньшевизм издевается над словами революционной песни: „Мы путь земле укажем новый, владыкой мира будет труд". Это—„несчастная мысль": никогда, никогда наемный раб не может стать „владыкой мира", никогда он без „хозяина" не посмеет обходиться!..

А вот русский рабочий посмел! Он поднялся, и „путь земле указывает новый". Борясь вместе с буржуазией против пролетарского „безумия", вождь меньшевизма угрожал, что „после каждого из них восстанут тысячи". Но вот борьба окончилась, их ряды растаяли, и никто на смену не приходит. Пусто. Мертво... А мы двигаемся вперед. Все живое в мире идет по нашему пути. Грядущее только нам, „безумцам", посягнувшим на историческое старье, завтрашний день только нам, зачинателям пролетарской революции, принадлежит!

И снова—против „погибающих Советов!"

Всероссийское партийное совещание меньшевиков, состоявшееся в конце мая, подвело итог политическим взглядам и настроениям, в то время господствовавшим в этой партии. На совещании было представлено 52 организации. Подводя итог совещанию, „Партийные Известия"—орган ЦК—писали, что совещание „как по полноте представительства, так и по важности принятых им решений, вполне может быть приравнено к партийному съезду". Что же сказало это совещание, „равное" партийному съезду?

Необходима „ликвидация нынешнего анархического насильнического и противонародного режима и замена Советской власти властью, сплачивающей силы всей демократии", необходим „созыв учредительного собрания для организации демократической респу-

блики". Отсюда задача—„призывать рабочий класс к упорной организационной борьбе за замену этой карикатуры на социалистическую республику подлинно-демократической республикой".

Что это за штука такая—„упорная организационная борьба" в период обостреннейшей гражданской войны? В какие формы она может вылиться? Совещание на этот вопрос прямого ответа не давало,—очевидно, по соображениям конспиративным. Совещание ни единым словом не обмолвилось относительно антисоветских восстаний, как-будто их не было в стране. Выступить открыто в защиту антисоветского вооруженного повстанчества, видимо, считалось неудобным, по тем же, очевидно, конспиративным соображениям. Выступить против белого движения совещание не считало нужным, ибо оно целиком было с ним связано. Отсюда—туманные формулировки. Ясность была рискованна, да к тому же связывать себя определенной резолюцией на будущее время могло оказаться неудобным.

Во всяком случае, правые, непримиримые активисты резолюцией остались довольны,—они понимали, что ее можно толковать очень широко, смотря по практической надобности. „Упорная организационная борьба" для ликвидации „антинародного режима",—под это понятие можно подвести все, что угодно: и участие в белом правительстве, и борьбу в рядах белой армии, и организацию антисоветской политической забастовки.

Довольны остались правые и резолюцией об интервенции. Сами правые, разумеется, откровенно высказывались за интервенцию, за прямой союз с Антантой в борьбе с большевизмом. Совещание вынесло по этому „щекотливейшему" вопросу более, чем двусмысленное постановление. По докладу Мартова отвергло „обращение к иностранным державам за содействием в деле преодоления внутреннего политического кризиса". По докладу Дана совещание „решительно отвергло" проявившуюся „в некоторых демократических кругах склонность к так-называемой „англо-французской ориентации", в смысле расчетов на помощь иностранного оружия для свержения большевистской власти". В число „некоторых демократических кругов" входили правые меньшевики, правые эсеры, энесы, кооператоры... И вот их „склонность" „решительно отвергается". Но слушайте дальше. Несколькими строками ниже в этой же резолюции по докладу Дана читаем:

„Поскольку же, благодаря преступной политике большевистской власти, появление иностранных вооруженных сил в пределах России становится фактом, и попытки вмешательства их во внутренние дела произойдут, Р. С.-Д. Р. П. будет призывать пролетариат всеми мерами давить на буржуазные и мелкобуржуазные, либеральные и революционно-демократические группы, имеющие склонность опереться во внутренней борьбе на иностранную помощь с целью побудить их отказаться от этой гибельной политики".

6*

Что это, как не плохо замаскированное оправдание интервенции и примирение с ней? „Иностранные вооруженные силы“ уже появились, но это только „благодаря преступной политике большевистской власти“. Во всем большевики виноваты,—в интервенции тоже. В известном смысле это замечание, пожалуй, правильно: если бы большевики не свергли Керенского,—интервенции не к чему было бы и устраивать: Керенский—Дан—Чернов—Церетели по телефонному разговору с сэром Бьюкененом „угадывали“ и быстро выполняли волю Антанты. Да, восстание большевиков „виновато“ в интервенции точно так же, как протест и восстания рабов и невольников „виноваты“ в существовании цепей и тюрем...

„Объяснив“ и „оправдав“ интервенцию, партия меньшевиков и не думает о борьбе с ней. Ибо с интервенцией можно бороться только вместе с большевизмом, а меньшевистская партия думает только о борьбе против большевизма. Она борется против республики Советов на-ряду и вместе с интервентами. Внутри Советской России она ограничивается пустейшими фразами о „давлении“ на „демократию“, имеющую поразительную „склонность“ целовать ботфорты антантовских генералов. Вне Советской России меньшевики повсеместно открыто высказываются за интервенцию.

Итак, майское совещание партии меньшевиков фактически оправдало, примирилось, поддержало интервенцию. На этой „платформе“ объединилась вся партия, от Либера до Мартова...

Третий основной вопрос совещания—отношение к Советам. Тут споры были острые, хотя по существу разногласия были незначительны.

Либер говорил: Советы—это „бонапартистские клубы, вокруг которых группируется всякий деклассированный сброд“. „Советы не являются опорными пунктами демократии и не могут служить оплотом против реакции“. Отсюда вывод: „разрушение Советов, замена их общедемократическими органами власти“. В целях этого разрушения необходимо: отозвать представителей партии из всех советских органов и учреждений; призвать широкие массы „к отказу от всякого участия в тех Советах, которые стали органами власти“, упрочивать все „независимые“ рабочие организации, созывать беспартийные рабочие конференции,—словом, рвать „с погибающими Советами“.

„Левое“ большинство совещания, целиком соглашаясь с тем, что Советы, как органы власти, должны быть ликвидированы, не решалось, однако, сжечь за собою все мосты и принять открытую отзовистско-бойкотистскую тактику. К той же цели совещание решило итти более осторожными путями. Вот что мы читаем в резолюции о „Советах и тактике социал-демократии“:

„Октябрьский переворот, совершонный под лозунгом „вся власть Советам“, поставил себе утопическую при данных исторических условиях цель социалистической дикта-

туры пролетариата, навязал Советам непосильную для них и искажающую их революционную сущность задачу заменить государственную машину... Советы за полгода, протекшие со времени Октябрьского переворота, успели стать в глазах широких масс населения воплощением самой невыносимой тирании... В рабочем классе все более обозначается стремление сбросить с себя иго захвативших Советы клик и вернуть им прежнюю роль действительных представителей его классовых интересов или же создать на их место другие органы пролетарского представительства".

Эта часть резолюции была принята единогласно. В характеристике Советов, в стремлении к их ликвидации Мартов объединился с Либером... Революция показала, кто рассуждал „утопически",— мы или наши враги. Советы, в глазах мелкобуржуазной массы, в особенности в глазах городского мещанства, действительно являвшиеся воплощением „тирании" революции,—эти Советы в невыразимо-тяжких условиях—без опыта, без знания, без навыка, без культуры—пронесли победоносно знамя рабочего класса. Вернуть их к „прежней роли" безвластных и бессильных органов „независимого" „классового представительства" можно было лишь предварительно раздавив рабочий класс, отбросив его к до-октябрьским позициям. Этого меньшевистская партия и добивалась.

Совещание рекомендовало меньшевистским организациям в агитации по вопросу о Советах выступать со следующими лозунгами:

„Вся власть в государстве—учредительному собранию, на местах—демократическим органам городского и земского самоуправления; превращение Советов в независимые органы рабочего класса, представляющие его интересы перед демократическим государством и его органами; отказ их от правительственных, законодательных, полицейских функций; полное отделение рабочих Советов от крестьянских и красноармейских; устранение из Советов особого представительства бюрократических органов (фабр.-завод. комитетов и т. п.).

Зачем меньшевикам понадобилось разделение Советов на чисто-рабочие, крестьянские, солдатские? Ведь, это возвращение к первым дням февральской революции! Именно тогда возникали,— да и то не везде,—отдельные рабочие, солдатские и крестьянские Советы. Рабоче-солдатские Советы повсеместно слились (в Петрограде отдельный солдатский Совет и не возникал) очень быстро. Крестьянские Советы, благодаря политике правых эсеров, вплоть до октября держались обособленно.

Смысл требования меньшевиков совершенно ясен. Отдельные, „чисто-классовые", вернее, цеховые, сословные, профессиональные Советы управлять государством, разумеется, не могут. В них неизбежно будет господствовать дух профессионально-цеховой, сословной огра-

ниченности. Но что самое главное—разделение Советов означает уничтожение руководства крестьянством со стороны рабочего класса. Разделение Советов означает неизбежный срыв политического союза между пролетариатом и крестьянством, неизбежное подчинение крестьянства—через партию эсеров—руководству буржуазии.

Устранение из Советов „особого представительства“ фабрично-заводских комитетов и прочих „бюрократических... органов“ имело целью уже „чисто-рабочие“ Советы изолировать от повседневной жизни, борьбы и работы масс, законсервировать их, лишив живого контакта с рабочими низами.

И вот, такие „независимые“ Советы должны были „представлять“ интересы рабочего класса „перед демократическим государством и его органами“! Из руководящей в государстве силы они должны были превратиться в жалких ходатаев по рабочим делам.

Вспомните, что говорил Мартов о Советах 18-го сентября 1917 года: Советы созданы „могучим порывом подлинного народного творчества“, они образовали собою новую ткань революционной государственности“, они являются по всей России „непосредственными носителями идей народовластия“, они „фактически концентрируют в своих руках государственную власть на местах“... После того, как Советы произвели небывалую в истории революцию, после того, как они и фактически и формально сосредоточили в своих руках всю власть в стране, после всего этого несчастный Мартов нашел в себе печальное мужество предложить этим Советам из вождя и руководителя превратиться в жалкий придаток к „демократической“ республике, которая сама в самом непродолжительном времени неизбежно стала бы добычей очередного белого генерала.

„Представлять“ интересы рабочего класса! „Ходатайствовать“ за него! „Обращать внимание, кого следует“, на „бедственное положение“ пролетариата. Требовать,—ну, да, требовать „в интересах всей нации“,—„принятия надлежащих мер“. Проливать море слез и чернил, заглушать все каскадом речей в защиту поправки А к законопроекту Б о „рабочем вопросе“. Бить себя в грудь по поводу „социальной несправедливости“ и в моменты величайшего душевного подъема и бурного негодования угрожать... социальной революцией—„вообще“ где-нибудь и когда- нибудь...

В этом—вся жизнь меньшевизма. Этим хотел, этим хочет он жить и в России. Увы!—„не так склалось, как ждалось“,—случилось „невероятное“: никто не „представляет“ интересов рабочего класса, никто не „ходатайствует“ за него,—он сам кует свое настоящее и будущее. Это убивает меньшевизм...

Но вернемся к совещанию меньшевиков. Оно прошло под знаком единения. Центральный Комитет был пополнен представителями правых. Совещание признало, что представительство в ЦК всех течений партии может быть только привет-

ствуемо". Либер и Кучин вновь вступили в центральный штаб меньшевистской партии и спокойно уселись рядом с Мартовым. Мартов не менее спокойно чувствовал себя рядом с людьми, которых он всего за несколько месяцев перед тем обзывал версальцами, людьми „порядка", исполнителями воли „контр-революционной улицы". Кто переменился с тех пор? Либер „поднялся" до мартовской „революционности" или Мартов опустился до либеровского белогвардейского негодяйства?

Ответ ясен: Либер ни в чем решительно не раскаялся, он не сделал ни единой уступочки „левому" лагерю. Он и его фракция попрежнему стояли за вооруженную борьбу с большевизмом, за интервенцию. Входя в заговорщический „Союз возрождения", они находились в коалиции с кадетами и савинковцами. Раскаялись „левые", сдали все свои позиции и привязались к победоносной, как тогда казалось, колеснице белой гвардии именно „лево-центровые" меньшевики.

Подводя итоги совещанию, и „левые" и правые с величайшим удовлетворением констатировали дух единства, обнаружившийся в партии. „Партийные Известия" — орган ЦК—в статье „центровика" Б. Горева писали:

> „Острые фракционные разногласия, раздиравшие нашу партию до большевистского переворота и резко проявившиеся еще на чрезвычайном декабрьском съезде, в настоящее время „значительно сгладились". И прежде всего за это время совершенно слились группы так-называемых интернационалистов и центра"... Даже с правой группой „у большинства совещания не было серьезных, принципиальных разногласий как в оценке момента, так и в намечаемой фактической линии. И в наиболее „боевых" выступлениях главного оратора меньшинства, т. Либера, было больше политических воспоминаний о прошлых разногласиях, чем указаний на разногласия в настоящем.

Итак, разногласия исчезли и в „оценке момента", и в „намечаемой фактической линии". Вот в этом указании на „фактическую линию" гвоздь положения. Формальных разногласий было еще достаточно. Расставаясь с основами „левой" позиции, Мартов—Дан сохраняли порою старую „марксистскую" словесность. Но все это были пустяки: „фактическая линия" была определенная. Фактически партия держала курс на вооруженное свержение Советского правительства, фактически она оправдывала и примирялась с интервенцией, фактически находилась в коалиции со всеми силами реакции, фактически рвала с „погибающими Советами".

Весьма доволен оказался результатами конференции и представитель правых, Кучин. Подводя итоги совещания в „Новой Заре", Кучин писал: „Работа партийного совещания... была успешной и привела к определенным прогрессивным результатам". „Прогрессивный", с точки зрения Кучина, значит „реакционный", разумеется.

Партия „прогрессировала“ назад в направлении к буржуазно-помещичьему блоку. Тезисы Мартова — продолжает Кучин, — „несомненное завоевание партийной мысли, имеющее огромное значение на весь предстоящий период борьбы“. В чем все значение тезисов Мартова с точки зрения Кучина? В том, что Мартов основной задачей дня считает „задачу национального возрождения“. Это, — радуется Кучин, — „очень ценное схождение взглядов“ Мартова и Либера. И тут же он цитирует слова Либера, сказаннные им на совещании: социал-демократия должна „отрывать от реакционного лагеря те буржуазные слои, которые объективно экономически-прогрессивны и загоняются в круг реставрационных стремлений лишь большевистским максимализмом и анархией. Нельзя все движение строить на перспективе против союза с имущими классами“... В центре всего — „национальное возрождение“. Но какое может быть „национальное возрождение“, если мы всю буржуазию будем изображать в виде единой реакционной массы? „Национальное возрождение“ подразумевает национальную коалицию“... Кучин понимал, что „фактическая линия“, взятая Мартовым, идет именно в направлении, указанном Либером. Поэтому он говорил о „ценном схождении“, поэтому он тезисам Мартова придавал „огромное значение“. Наконец, только на основе „схождения общего мнения“, на основе единой „фактической линии“ было возможно единение всех течений от Либера до Мартова.

Продолжая анализ принятых совещанием решений, Кучин по всем без исключения основным вопросам констатировал „несомненный сдвиг“ в позиции большинства партии. Кучины имели все основания быть довольными, ибо все совещание прошло под знаком непримиримой борьбы с республикой Советов во имя буржуазно-пемещичьей реставрации.

В стане белых.

Как действовали меньшевики в стане белых, вне „советского окружения“, вне большевистской „тирании“?

Известно, что „чисто-демократический“ антисоветский фронт возник не сразу. Начали белые генералы и националисты, прежде всего украинские. Буржуазно-помещичья контр-революция, разбитая в центре России, укрепилась на окраинах. В первые же недели своего существования Советская власть „получила“ грозные фронты казачьих генералов Каледина и Дутова, фронты уральского и астраханского казачества, фронт украинской рады и т. д.

Партия меньшевиков целиком брала под свою защиту эти белые фронты. Чисто-классовое, буржуазно-помещичье движение она объявляла национально-крестьянским движением и требовала от нас прекращения борьбы с белыми генералами. Провинциальная меньшевистская печать прямо писала хвалебные статьи по адресу „доблестных генералов“. Ряд меньшевистских организаций входил в сношения

с руководителями белых фронтов, в целях установления „контакта" в борьбе с большевизмом. Так поступили меньшевики в Самаре, Саратове, Екатеринодаре, Одессе, в Крыму, на Украине, на Кавказе,— словом, везде, где им приходилось соприкасаться с белыми генералами.

Но в первых числах февраля с белыми фронтами первоначального, партизанского типа было покончено, и наиболее непримиримый представитель меньшевизма Либер мог уже меланхолически заявить:

— „Контр-революция" разбита на всех фронтах. Мужественно погиб Каледин, чьим именем старались окрестить всякое движение сопротивления большевизму"...

„Контр-революцию" Либер ставил в иронические ковычки. Это понятно. Но почему казалось ему, что Каледин покончил с собой именно „мужественно"? Сами сподвижники Каледина на этот счет были, как известно, совершенно иного мнения...

С маленькими, кустарными, партизанскими фронтами Советская власть справилась сравнительно легко. Но весной выступила более крупная, более организованная контр-революция. Появился „демократический", материально и морально поддержанный Антантой, чехословацкий, учредиловский фронт, поставивший на край пропасти всю Советскую республику. Как отнеслась партия меньшевиков к этому грозному антисоветскому фронту?

Меньшевистские организации Поволжья и Урала целиком встали на защиту белой учредиловской власти. Устами казанских меньшевиков они заявили, что „классовые интересы пролетариата в данный момент совпадают с общенациональными задачами" и что „отсюда лозунгом пролетарского движения в данный момент должна стать борьба, активная борьба за единую демократическую Россию". В целях успешного ведения этой борьбы уполномоченный волжско-уральского областного комитета партии Майский входил в состав белого самарского правительства. Главная задача меньшевиков при самарской учредилке заключалась в том, чтобы привлечь симпатии рабочего класса на сторону новых властителей и, наоборот, убить в нем всякие даже воспоминания о большевизме. Поэтому меньшевики всеми силами старались „обрабатывать" рабочих в учредиловском, демократическом духе, убеждая их в негодности классовой Советской власти и в необходимости поддерживать „всенародную" власть учредилки.

На-ряду с этим меньшевики должны были во что бы то ни стало поддерживать „порядок и спокойствие" в рабочем классе и противодействовать всяким проявлениям недовольства и протеста. На деле это означало, что меньшевики угашали в рабочих массах дух всякой борьбы не только с правительством, но и с предпринимателями. Приход белых сопровождался возвращением на свои старые места предпринимателей, которые, пользуясь переворотом и придавленностью рабочего

класса, в сильнейшей мере ухудшали его экономическое положение. Меньшевики прилагали все усилия к тому, чтобы рабочие не слишком „зарывались“ в своей борьбе с предпринимателями, не устраивали забастовок и вообще держали себя возможно более мирно и тихо, дабы не нарушать „интересов обороны“.

Но когда агитация меньшевиков оказалась недействительной, когда рабочие массы начинали выражать свое негодование режимом учредиловской белой диктатуры, когда они поднимались на решительную борьбу с „демократическими“ врагами рабочего класса,—меньшевики немедленно становились на сторону учредиловских диктаторов и начинали обливать помоями борющихся рабочих. Так было в Самаре, когда восстали рабочие Иващенковского завода, из коих несколько сотен было скошено орудийным, пулеметным и оружейным огнем „демократического“ правительства. Самарские меньшевики бесстыдно заявили, что „демократия“ заслуженно расправилась с восставшими рабочими.

Еще более гнусно и подло вели себя меньшевики в Казани. В первые дни прихода белых, когда в городе царил чудовищный белый террор, когда людей, заподозренных в коммунизме, массами расстреливали на улицах без суда и следствия, когда тюрьмы были переполнены заподозренными в коммунизме рабочими и работницами,—в это время делегаты казанских меньшевиков принимали участие в особой следственной комиссии, которая должна была вылавливать большевиков с целью жестокой расправы.

Участие в гражданской войне против Советской власти казанские меньшевики мотивировали тем, что в настоящее, мол, время необходимо единение всех сил против большевиков. Революция должна окончиться утверждением власти буржуазии, поэтому выступление рабочего класса против господства буржуазии недопустимо. Казанские меньшевики, по примеру своих самарских сотоварищей, прилагали все усилия к тому, чтобы борьба между рабочими и предпринимателями не приняла резких, „недемократических“ форм. Они убеждали рабочих „самоограничиться“, принести жертву во имя „общенародных“ интересов.

Однако, меньшевистская агитация плохо действовала на казанских рабочих. Три недели спустя после прихода демократической власти они восстали против нее. Меньшевики пытались сорвать восстание. Это им не удалось. Рабочие местных заводов совместно с некоторыми воинскими частями выступили против учредиловцев. Их цель была прорвать фронт и соединиться с наступавшими на Казань красными войсками. Восстание потерпело неудачу. Чехо-словацкие легионеры и офицерские банды жестоко расправились с героическими казанскими пролетариями. „Порядок“ был восстановлен. Начальник гарнизона, ген.-лейтенант Рычков, в своем приказе писал:

„В случае малейшей попытки какой-либо группы населения, и в частности рабочих, вызвать в городе беспорядки, в роде имевших место 3 сен-

тября, по кварталу, где таковые произойдут, будет открыт беглый артиллерийский огонь“.

Эсеровская, кадетская, черносотенная печать вопила об измене рабочих и предавала их проклятию. Казанская организация партии меньшевиков целиком присоединилась к хору палачей и убийц казанских рабочих. В гнуснейшей прокламации, выпущенной казанским комитетом партии меньшевиков, по поводу рабочего восстания говорилось буквально следующее:

„Рабочие, соединившись с позабывшими свой долг солдатами соседнего полка, образовали скопище шкурников, поднявших знамя бунта. Они пытались захватить оружие, но власть имеет достаточно силы, чтобы уничтожить предателей, и уничтожила их.

„Рабочее Дело“, ежедневная газета казанской организации меньшевиков, писало по поводу восстания следующее:

„Совершилось проклятое дело. Восставшие, якобы, против пролития крови, сами пролили ее. Недостойные сыны рабочего класса положили пятно на его старое боевое знамя. Вечный позор и проклятие вносящим раздор в пролетарскую семью!“

Кольцо красных войск все теснее сжималось вокруг Казани. Учредилка доживала свои последние дни. Белая гвардия мобилизовала все силы для отпора красным. Меньшевики также заняли место на белом антисоветском фронте. 6 сентября на экстренном заседании губернского комитета партии меньшевиков было принято решение об оказании „полной всесторонней поддержки войскам, борющимся за свободу и счастье России“.

„Рабочее Дело“ по этому поводу сообщало:

„Комитет в полном составе, а также и некоторые партийные товарищи в тот же день вечером организовали отряд, который уже исполнил одно поручение власти“.

В воззвании, напечатанном в „Рабочем Деле“, говорилось:

„Губернский комитет заявляет, что все силы его, физические и духовные, отдаются в распоряжение Комитета членов учредительного собрания и подчиненной ему воинской части для использования против врагов страны, врагов рабочего класса. Губернский комитет требует от всех членов организации, чтобы ими было немедленно заявлено комитету о том, в какой форме они могут принять участие и примут его в деле оказания помощи товарищам, льющим кровь за наше лучшее будущее“.

Русская революция не знает ни одного случая, когда бы меньшевики отдавали „все силы, физические и духовные“ борьбе против белой гвардии...

Накануне падения Казани очередной номер „Рабочего Дела“

не вышел. В своем последнем номере редакция объясняет это тем, что

„весь состав редакции, кроме редактора, вместе с губернским комитетом РС-ДРП. вступивший добровольцами в ряды армии, был занят исполнением поручений военных властей."

Что делали меньшевики в Самаре—центре учредиловской демократии? На четвертый день после свержения Советской власти—11-го июня 1918 года—общее собрание самарской организации меньшевиков призвало „рабочих и все демократичное население Самары и губернии вступать в ряды добровольчесской армии". Почему? Во имя чего? Общее собрание самарских меньшевиков отвечало:

„В интересах спасения Самары от полного разгрома, а ее населения от полного уничтожения разъяренными и мстительными большевистскими бандами, в интересах демократии, народовластия и олицетворяющего его учредительного собрания... в армию вступать надо, в армию вступать обязательно".

Ничто не помогло. „Демократия" оказалась насквозь гнилой. Пали Казань, Симбирск, Сызрань. Пришла очередь за Самарой. За четыре дня до падения этой „демократической цитадели" газета „Вечерняя Заря"—орган самарских меньшевиков—вышла со следующим призывом:

„Судьба русской демократии неразрывно связана с судьбой Самары. Все, кто не на словах, а на деле борется за народовластие, за лучшее будущее трудящихся, должны отдать все свои силы народной армии. Падение Самары—поражение демократии... Все на защиту Самары!"

Партия меньшевиков была воюющей против власти Советов стороной везде, где только она имела физическую возможность войны. И так было не только в Казани и Самаре, так было в Перми, Вятке, Екатеринбурге, Ижевске. В Уфе меньшевики на пресловутом уфимском совещании принимали участие в создании эсеро-кадетской директории, которая расчистила путь к власти Колчаку.

В Архангельске меньшевики приветствовали переворот, организованный бело-эсерами под руководством и при активной всесторонней поддержке генералов Антанты.

В Сибири меньшевики активно содействовали местной буржуазии в свержении Советской власти. Во всех городах они заседали в разных „общественных комитетах" совместно с представителями сибирской буржуазной „общественности". Особенно преступно вели себя иркутские меньшевики, во главе с бывшим членом 2-й государственной думы, видным меньшевиком Мандельбергом.

После того, как Колчак произвел переворот, и на всей огромной колчаковской территории воцарился чудовищный белый террор, меньшевики официально перешли в оппозицию и местами даже делали

вид, что принимают участие в восстании против Колчака, но одновременно, в целом ряде случаев, легальные рабочие организации, которые фактически находились в их руках, они направляли на службу колчаковской „государственности".

Выше мы уже ознакомились с оправданием и примирением к интервенции со стороны всероссийского совещания меньшевиков. Понятно само собой, что в стане белых все меньшевистские организации целиком одобряли интервенцию.

Волжские и уральские меньшевики, участники и пособники чехо-словацкого восстания, были, разумеется, за интервенцию, ибо сам чехо-словацкий корпус, составлявший главную опору учредиловской демократии, находился на содержании у французского капитала и, следовательно, был силой интервенционистской.

Газета архангельских меньшевиков „Северный Луч" после того как белые эсеры при помощи англичан изгнали Советскую власть с берегов Белого моря, в ряде статей доказывала, что интересы русской демократии и интересы Антанты совпадают, и что, следовательно, вполне законна и приемлема помощь союзников в деле борьбы с большевизмом.

Киевская областная меньшевистская газета „Искра", редактировавшаяся виднейшими меньшевиками Балабановым и Кучиным, в конце 1918 и начале 1919 годов решительно стояла за интервенцию Антанты.

Одесские меньшевики тогда же приветствовали французский десант и вместе с кадетами и черносотенцами высказывались за соглашение с Антантой.

Меньшевики Грузии, Армении, Азербейджана, Закаспийской области, Туркестана во всей работе целиком опирались на военную, политическую, финансовую поддержку то германского, то антантовского империализма. Грузинские меньшевики, например, „меняли ориентацию": сначала пригласили к себе немцев, потом англичан, потом итальянцев, под конец сговаривались с французами. Но без иностранного „хозяина" они не оставались.

Если бы в Москву пришли англо-французские солдаты, меньшевистская партия немедленно „признала" бы с благодарностью помощь „братской западной демократии". Вероятно, Мартов в ЦК протестовал бы, даже голосовал бы против „признания" интервенции. Но линия партии от этого не изменилась бы ни на одну иоту.

Капиталисты и помещики с антисоветским обозом пытались пробраться к власти. Меньшевики о власти не думали,—ее они целиком оставляли буржуазии. Но место в обозе Антанты они все же занимали. Ибо если буржуазия думала Россию отвоевать у большевиков, то меньшевики надеялись рабочий класс отвоевать у партии пролетарской революции. Ведь, для всякого ясно: если бы в Москву явилась Антанта, большевистская партия была бы поставлена вне закона, а партия меньшевиков пользовалась бы монополией на легальность. Ни Антанта, ни русская буржуазия ничего бы не имели против

того, что умеренная, „разумная“, „государственная“ партия меньшевиков „представляет“ интересы рабочего класса „перед демократическим государством“... Как известно, всякое государство, существующее по милости Антанты, является „демократическим“: даже Венгрия адмирала Хорти, даже Финляндия ген. Маннергейма...

Меньшевизм и терроризм.

Одна из характерных черт партии меньшевиков—это лицемерие и двурушничество. На всем протяжении пролетарской революции она ведет бешеную борьбу против партии большевиков за то, что Советская власть осуществляет диктатуру, что она применяет репрессии и что ею созданы соответствующие аппараты революционного насилия (чека, трибуналы). Меньшевики решительнейшим образом протестует все время против красного террора. Чуть ли не каждая меньшевистская конференция считает своим долгом обрушиться на большевиков по поводу красного террора. Партия меньшевиков, при помощи всех почти центристских и социал-предательских партий Европы, при громком одобрении всемирной буржуазии, подняла бешеную травлю за то, что Советская власть сажает в тюрьмы меньшевиков и эсеров.

Но перед нами прошли многочисленные факты применения партиями меньшевиков и эсеров самых свирепых репрессий не только против большевистской партии, но и против революционной рабочей и солдатской массы. Перед нами прошли факты явного соучастия меньшевиков в белом терроре. *Огромное большинство меньшевистских организаций в тот или иной период оказывало ту или иную услугу белой гвардии*, соучаствовало в бешеной борьбе контр-революции против республики Советов. „Левым“ меньшевикам случалось довольно точно характеризовать тех меньшевиков, которые работали с белой гвардией. *Но „левые“ меньшевики все время пребывали в одной партии с тем правым крылом, которое стояло и стоит на точке зрения самой беспощадной, диктаторской, репрессивной борьбы против партии большевиков.*

Партия меньшевиков протестовала и протестует против красного террора, но она *ни разу не нашла в себе смелости с необходимой решимостью и последовательностью протестовать и бороться против белого террора.* В меньшевистской литературе можно найти сколько-угодно статей и заметок против красного террора. Но *меньшевистская пресса молчала о белом терроре.* Иначе и не могло быть, ибо главным своим врагом партия меньшевиков всегда считала большевизм, а с буржуазной контр-революцией она постоянно была связана самыми тесными узами...

В феврале 1918 года грузинские меньшевики расстреляли в Тифлисе *митинг большевиков.* Было много убитых и раненых.

Московская „Правда“ поставила центральному органу меньшевиков „Вперед“ вопрос, как русские меньшевики относятся к подвигу своих грузинских друзей. Мартов пытался увильнуть от ответа, но когда его приперли к стене, он дал классический ответ.

— Расстрел большевистского митинга это просто... „полицейский эксцесс“...

7-го августа 1918 года белые заняли Казань. Три дня в городе царила чудовищная кровавая вакханалия. Меньшевики приветствовали новую власть, травили большевиков и тем облегчали и оправдывали кровавую работу разъярившихся контр-революционеров. Но под конец бессудная расправа приняла слишком опасный для „порядка“ характер, и меньшевики выступили с протестом „против позорных убийств“. Они требовали „законной“, организованной расправы над коммунистами и сами участвовали в соответствующих судебно-следственных органах.

По этому вопросу между особоуполномоченным самарской учредилки Фортунатовым и редактором казанской меньшевистской газеты Нелидовым произошла характернейшая беседа. Эта беседа в меньшевистском „Рабочем Деле“ изложена так:

> — „Что же, вы думаете, мы будем церемониться, если скрывшиеся большевики снова попытаются выступить против нас, если они откроют из-за углов по нас пальбу из ружей? Раскольников, Вацетис, Лацис скрылись. Но кто же может поручиться, что они делают? Если мы их захватим, то расстреляем без рассуждений“.

Так заявляет Фортунатов. Меньшевик Нелидов ему отвечает:

> — „Мы говорим о фактах расстрелов без следствия и суда, о самочинных расправах. Гораздо больше даст правильное следствие и суд для освещения советских преступлений“.

Но Фортунатов неумолим:

> — „Да если какой-нибудь судебный следователь даст оправдательный материал для Раскольникова, то мы расстреляем в 24 секунды“.
>
> „Едва ли следствие поведет к их оправданию, напротив, даст более ценный материал“,—отвечает Нелидов.

Этот меньшевистский своего рода „авто-портрет“, разумеется, в комментариях не нуждается. Тут все ясно. Необходимо только добавить, что Нелидов представлял казанскую организацию меньшевиков на всероссийском майском совещании партии. Очевидно, он, а с ним вся казанская организация меньшевиков, хорошо усвоили „фактическую линию“, установленную на этом совещании. А когда в начале 1919 г. вождям партии меньшевиков в Москве печатно был поставлен вопрос об их отношении к поведению казанских меньшевиков, они на прямо поставленный вопрос ответили молчанием. В то же самое время меньшевистский ЦК,

по другому, правда, поводу, торжественно заявлял, что партия меньшевиков, как и всякая другая партия, несет ответственность за все свои организации. Разумеется, прямая ответственность меньшевистской партии за белогвардейскую деятельность ее организаций и без этого заявления была несомненной...

Крупнейшим бело-террористическим актом в 1918 году было покушение на В. И. Ленина, имя которого в статьях Мартова стояло рядом с именем Николая Романова. Как партия меньшевиков отнеслась к этому величайшей исторической важности акту? Что сказали меньшевики там, где они пользовались полной свободой слова?

Возьмем опять-таки казанское „Рабочее Дело". В номере от 3-го сентября 1918 года передовица этой, едва ли не главной в то время, меньшевистской газеты гласит следующее:

> „Поднявший меч от меча и погибнет", — эта житейская истина, находившая себе подтверждение на всем долгом пути человеческой истории, и доныне царствует над жизнью.
>
> Светлый разумом итальянский мудрец Леонардо-да-Винчи неотступно помнил ее, все явления жизни оценивая по закону: угол падения равен углу отражения.
>
> И то, что сообщила в субботу лаконическая радио-телеграмма Свердлова:—„Ленин ранен, положение его безнадежно"— это новое подтверждение старой истины.
>
> Тот, кто мыслил укрепить в жизни свои идеи, свои желания, свои планы насилием и кровью, штыком, пушкой, пулеметом, неизбежно должен был погибнуть от насилия, и погиб...
>
> Большевизм идейно давно изжил себя, и именно это создало положение, что он, большевизм, и Ленин были одно и то же, и что с уничтожением последнего уничтожается и первый...
>
> Итак, нельзя спорить о том, что с уходом Ленина и без того немногие дни большевизма еще сократятся, а вместе с тем уцелеют и тысячи жизней, облегчатся многие несчастия.

Так реагировала меньшевистская газета на выстрел бело-эсерки в грудь вождя мирового коммунизма. Почти нескрываемая радость, отвратительное „мудрствование" в соединении с пошлостью и тупостью,—вот ответ этих „противников" террора и насилия. Казанская меньшевистская газета, без всякого сомнения, выразила чувства и настроения подавляющего большинства меньшевистской партии. Во всяком случае, ни одного партийного заявления против этой гнусной статьи нигде никогда меньшевиками сделано не было.

Наиболее ярко бросается в глаза лицемерие меньшевиков в вопросе о смертной казни. В 1917 г. эта партия проводила вместе с эсерами систему смертной казни. Мартов тогда, возглавляя ничтожную группу меньшевиков-интернационалистов, в качестве благочестивого проповедника возражал против смертной казни.

Но возражения Мартова имели чисто-литературное значение, ибо политическую борьбу против смертной казни в 1917 г. можно было вести, только разорвав с версальской партией меньшевиков и вступив в ряды боровшейся против буржуазного террора партии большевиков. Мартов этого не сделал, и полемика его против сторонников смертной казни, т.-е. против гг. Дана, Церетели, Чхеидзе, Либера и других, представляла собою совершенно невинное упражнение попа от меньшевизма.

Но здесь интересно отметить, что Мартов в 1917 г. не выступал так решительно и безоговорочно против смертной казни, как он выступал впоследствии. 19-го августа в Петрограде открылся „объединительный“ съезд партии меньшевиков. Один из делегатов предложил съезду присоединиться к протесту против смертной казни, вынесенному накануне Петроградским Советом. Церетели решительно высказался против этого предложения. Мартов поддержал это предложение. Но как? Он говорил: „Вопрос не в принципиальном отношении к смертной казни, как к институту уголовного права, а в том, чтобы присоединиться к протесту Совета Рабочих Депутатов после того, как ряд провинциальных Советов уже высказался в этом духе“.

Съезд, разумеется, отклонил предложение сторонников Мартова и тем присоединился к смертной казни, которая тогда была оружием белой гвардии и направлялась исключительно против революционных рабочих и солдат. Но тут характерно, что Мартов, поддерживая протест против смертной казни, вопрос о принципиальном отношении к смертной казни оставляет открытым. Он не говорил тогда, как неоднократно заявлял впоследствии, что применение смертной казни к врагам революции недопустимо. Он возражал против применения смертной казни в данной конкретной обстановке, когда смертная казнь была острым оружием в руках контр-революции. В другом месте он даже особо разъяснял своим друзьям справа, что марксизм совершенно не исключает применения репрессий к врагам революции. (См. его речь на 1-м съезде Советов против Церетели-Керенского в связи с событиями на даче Дурново).

А потом, когда власть перешла к Советам, Мартов выступил безоговорочным, прицципиальным, безусловным противником смертной казни. В 1918 году он выпустил брошюру, в которой в припадке бешенства требовал от Советской власти прекращения смертной казни. Это был период, когда на Волге, на Урале, в Сибири, на Украйне, на Кавказе белогвардейцы сотнями и тысячами уничтожали революционных рабочих и крестьян. А внутри страны контр-революционеры, в том числе и члены партии Мартова, устраивали заговоры, взрывы, восстания. И Мартов требовал от нас, чтобы мы держали осторожно в тюрьмах и ни в коем случае не уничтожали драгоценную для человечества жизнь белых негодяев.

Именем Карла Маркса и... Льва Толстого Мартов призывал рус-

ских рабочих подняться на борьбу против Советской власти в защиту белых заговорщиков.

Но лицемерие меньшевиков сказанным не исчерпывается. Из чего исходят „принципиальные“ противники смертной казни? Из абсолютной ценности человеческой жизни. Это, конечно, не марксизм, а анархический индивидуализм мирного, непротивленческого толка. И недаром Мартов ссылается в своей злобной брошюре на Льва Толстого.

Но если власть не имеет права уничтожать своих врагов, то, казалось бы, и враги власти не должны иметь права уничтожать сторонников данной власти? И уже, во всяком случае, такая „постная“ партия, как партия меньшевиков, должна была бы признать, что против большевиков можно вести какую угодно борьбу, каким угодно оружием, но только не смертоносным. Аргументировать Толстым,— так агументировать до конца.

Но на деле вот что получается:

„Центральный Комитет, само собою разумеется, признает право на восстание за всеми общественным силами, а тем более, за пролетариатом и не отказывается при изменившихся условиях от призыва рабочего класса к восстанию“...

Так заявлял Центральный Комитет партии меньшевиков в 1918 г. Это заявление Мартовы, Даны и Абрамовичи опубликовали в те самые дни и недели, когда была выпущена в свет черносотенная брошюра Мартова. Меньшевики Поволжья, Урала, Кавказа, Украины, Крыма и Сибири в это время стреляли в большевиков. Мартов обещался, что, когда изменится обстановка, он тоже будет стрелять в большевиков. А Советской власти он именем Карла Маркса и Льва Толстого приказывал не сметь уничтожать белых заговорщиков.

Могут сказать, это было давно. Но вот совсем недавно, летом 1921 г., на страницах меньшевистского „Социалистического Вестника“ велась дружеская полемика между Мартовым и Аксельродом, и оба они сходились на том, что, конечно, партия меньшевиков имеет полное право восставать против Советской власти, вопрос только о том, когда целесообразнее воспользоваться этим замечательным правом.

Восстание, борьба, гражданская война без террора, подавления, усмирения, уничтожения противника немыслима. Русские меньшевики никогда не стеснялись в применении самых свирепых репрессивных мер в отношении революционных пролетариев и солдат, как не стеснялись в этом отношении меньшевики Германии, Чехо-Словакии, Польши, Латвии, Эстонии, Грузии. Никогда ни одна меньшевистская партия не остановится перед тем, чтобы потопить в крови всякое движение, которое угрожает господству буржуазии.

Революция в Европе и поворот налево.

Когда Европа поднялась...

Осенью 1918 года происходит ряд головокружительных событий. На Востоке лопается, как мыльный пузырь, эсеро-меньшевистская, „демократическая“ власть самарской учредилки. Ее место занимает Колчак. На Украине падает монархическая власть гетмана Скоропадского. На Западе происходит крах нескольких империй и королевств. Революционное рабочее движение вспыхивает ярким огнем. Наконец, Советская власть укрепляется и готовится к празднованию своего годичного юбилея.

Все эти гигантской важности события начинают давить на партию меньшевиков, и внутри Советской России в своем большинстве она делает „равнение налево“, у нее начинает проясняться сознание, открываются глаза, она замечает то, чего раньше не замечала или не хотела замечать. В конце октября 1918 года, когда Советская Республика рассчиталась с „демократической“ контр-революцией, и грозные исторические события надвинулись на Европу, Центральный Комитет партии меньшевиков публикует тезисы, в которых делает следующие поразительные признания:

> „Совершонный в октябре 1917 г. большевистский переворот являлся исторически необходимым, поскольку, разрывая связи между трудящимися массами и капиталистическими классами, он выражал стремление трудящихся масс подчинить направление революции всецело их интересам, без чего немыслимо было высвобождение России из тисков союзного империализма, ведение последовательной политики мира, радикальное проведение аграрной реформы и регулирование государством в интересах народных масс всей хозяйственной жизни. Постольку этот этап революции имел тенденцию увеличивать и размах того воздействия, которое имела российская революция на ход мировых событий“.

В тезисах меньшевики признали, что „во всех концах мира

7*

разгораются очаги возмущения народных масс", что это возмущение „ведет к бою по всей линии между пролетариатом и капиталистическим обществом,—к социальной пролетарской революции", что во всей этой обстановке „русская революция является гигантским бродилом, приводящим в движение весь мир", что в успешном развитии русской революции „непосредственно заинтересованы пролетарские массы всего мира, начинающие свое восстание против войны и породившего ее капитализма".

Горячее дыхание революции так повлияло на впечатлительных меньшевиков, что они заговорили „почти большевистским" языком, признали „исторически необходимым" Октябрьскую революцию, а, следовательно, расписались в своей слепоте и ограниченности, когда эту революцию объявили „авантюрой", „безумием", „бонапартизмом".

Ведь, подумать только—приведенные выше заявления делал тот Центральный Комитет, который на майском совещании был переконструирован на основе бело-социал-демократической платформы! Ведь, всего 3—4 месяца перед тем вся меньшевистская партия боролась всеми средствами под лозунгами: рвать „с погибающими Советами", организовать „стихию", свалить какими угодно средствами Республику Советов, восстановить власть Учредительного Собрания.

Это было „чудесное превращение", подобных которому немного знает история.

В конце декабря собралось всероссийское совещание партии, которое,—по словам ЦК, подводившего итоги совещания,—„продолжало политическую работу пересмотра некоторых превзойденных жизнью и доказавших свою ошибочность элементов политической идеологии" меньшевизма.

Совещание признало, что „всемирная война приводит к предсказанному социал-демократией крушению капиталистического общества", что на очереди стоит вопрос о „переходе политической власти в руки рабочего класса, уже осуществляющемся в передовых капиталистических странах, потерпевших военный разгром".

„Уже осуществляющемся"... Какой это звучит иронией в настоящее время! А, ведь, в момент, когда меньшевики писали свою резолюцию, Германия и Австрия в самом деле находились в руках социал-демократии,- партии рабочего класса. Эта партия имела власть в своих руках. В Берлине и Вене заседали Советы. Германией правил Совет Народных Уполномоченных. Буржуазия и военщина были деморализованы. Никакая внешняя сила не стояла на пути социалистической Германии и Австрии. Пролетарская революция в средней Европе силами буржуазии в тот момент была непобедима. Увы, она была побеждена внутренними силами, она была предана, она была сдана социал-демократией без боя буржуазии. До сего времени история германской революции—это история того, какими подлыми

и кровавыми средствами меньшевизм защищает буржуазию и юнкерство от пролетарской революции...

В резолюции совещания партии меньшевиков далее говорилось:

„Успехи мировой социалистической революции самым тесным образом зависят от укрепления и развития возникшей из других социальных отношений революции российской, поскольку последняя обеспечивает тыл революционной Европы и дает возможность использования ею громадных естественных ресурсов европейского Востока для дела экономического преобразования“.

Вы видите, в момент своего политического просветления партия меньшевиков рассуждала весьма здраво. Всякая настоящая, т.-е. рабочая, революция в Европе должна была искать теснейшего союза с русской революцией, дабы укрепить свой тыл, дабы опереться на „естественные ресурсы европейского Востока“.

Русская революция целиком шла навстречу начавшейся германской революции. Вагоны с хлебом, направленные нами на Запад, были свидетельством того, что мы готовы делиться последним с немецкими пролетариями. Все помнят гнусный, хамский жест социал-демократических „вождей“ германской революции: кушайте, мол, свой хлеб,—мы его будем получать от богатых американских буржуа. Так могла поступить германская социал-демократия потому, что она была антиреволюционна, она думала не о победе пролетарской власти, а об утверждении пошатнувшегося господства буржуазии...

По вопросу об учредилке, об этом „святая святых“ всех социалистов и демократов, в резолюции меньшевиков говорилось буквально следующее:

„В настоящее время лозунг учредительного собрания мог быть использован как знамя и прикрытие прямой контр-революции, и даже новые выборы, произведенные в теперешней обстановке, грозили бы сделать учредительное собрание не органом революции, а органом контр-революции“.

Снимая с очереди лозунг учредилки, партия меньшевиков „брала за исходный пункт своей борьбы советский строй, как факт действительности, а не как принцип“. Заявление надлежало понимать в том смысле, что партия меньшевиков, лишь до поры до времени „признает“ советский строй, вообще оставаясь верной „демократии“. Разумеется, эта „верность демократии“ трудно мирилась с признанием „исторической необходимости“ Октябрьской революции. Но ясности и последовательности искать у меньшевиков вообще не приходилось.

Для них необычайным героизмом было уже одно то, что они признали несомненный факт: учредилка—это знамя контр-революции.

Однако, это любопытное признание практически имело кое-какое значение лишь для Советской России. За Советским рубежом органи-

зации меньшевиков, все без единого исключения, поддерживали „демократию“ деникинскую, антантовскую, кайзеровскую... Но об этом подробнее—ниже.

Отношение РКП к повороту меньшевиков.

Как реагировала Российская Коммунистическая партия на полевение меньшевистской партии? Сделала ли она все необходимое для того, чтобы дать партии меньшевиков возможность работать на пользу революции, если она того серьезно хочет? Летом 1922 года центральный орган меньшевиков „Социалистический Вестник“ вспоминал:

„В начале 1919 г., когда рухнула попытка демократического восстания под флагом Учредительного Собрания, когда революция в Германии отразилась усилением революционных тенденций в русских социалистических партиях, и ярко вырисовывалась опасность для всей революционной демократии со стороны генеральской реакции, большевистская партия получила возможность в самых благоприятных для нее условиях положить начало сближению между разделенными террором и гражданской войной частями революционной демократии. Она упустила этот благоприятный момент в угоду самым оголтелым полицейским, милитаристским и утопически-коммунистическим элементам“.

Этим бранным заявлением меньшевистского органа решительно противоречат факты. Коммунистическая партия и Советская власть сделали все возможное и необходимое для того, чтобы „положить начало сближению“ между пролетарской властью и партиями эсеров и меньшевиков, которые, как тогда казалось, поворачивались лицом к революции.

Прежде всего, меньшевики, в июне 1918 г. изгнанные из Советов, снова были возвращены в Советы. И меньшевикам и эсерам была дана возможность издания своих газет. Наконец, на поставленный меньшевиками вопрос о „взаимном соглашении“ был дан прямой и ясный ответ. 29-го октября в „Правде“ появилась статья И. Сталина, посвященная разбору тезисов ЦК меньшевиков. Разобрав тезисы меньшевиков и указав, что они теперь говорят „то же самое, что еще год назад твердили большевики и против чего так яростно боролся меньшевистский ЦК“, тов. Сталин ставил вопрос: „что же дальше“? Меньшевики обещают политическую и военную поддержку Советской власти. Они говорят о политической солидарности с Советским правительством.

„Мы не знаем,—писал т. Сталин,—какова степень этой солидарности, но нужно ли говорить, что большевики не будут возражать против солидарности меньшевистского ЦК с Советской властью? Мы вполне понимаем разницу между солидарностью с Советским правительством и солидарностью, скажем,

с членами „учредилки" в Самаре... Мы не знаем, какое количество войск мог бы предоставить меньшевистский ЦК в распоряжение Советской власти, какими военными силами мог бы он обогатить советскую армию, но нужно ли доказывать, что большевики могли бы лишь приветствовать военную поддержку Советской власти".

Таков был ответ авторитетного представителя правящей партии. И все-таки „взаимного соглашения" не получилось. Почему?—Слушайте дальше:

„Все это так,—продолжал т. Сталин.—Но опыт научил нас не верить людям на-слово. Мы привыкли судить о партиях и группах не только по их резолюциям, но прежде всего по их делам. Каковы же дела меньшевиков?...

Далее в статье шло перечисление „подвигов" меньшевистских организаций на Украине, на Кавказе, на Урале, на Волге, в Сибири, в Туркестане, в Закаспийской области, где они всемерно сотрудничали с белой гвардией и помогали империалистам; указывалось на то, что „одна часть меньшевиков Европейской России провозглашает необходимость активной борьбы с Советской властью". Перед лицом этих всех фактов т. Сталин ставил Центральному Комитету партии меньшевиков следующие вопросы:

„1) Каково отношение ЦК партии меньшевиков к упомянутым выше контр-революционным элементам меньшевизма?

2) Думает ли он порвать с ними решительно и бесповоротно?

3) Сделан ли в этом направлении хотя бы первый шаг?"

Статья т. Сталина оканчивалась указанием на то, что „только решительный разрыв с контр-революционными элементами меньшевизма мог бы подвинуть вперед дело осуществления провозглашаемого ныне меньшевистским ЦК взаимного соглашения".

Вопросы т. Сталина остались без ответа. Партия меньшевиков, в резолюциях занявшая самую „революционную" позицию, в организационном отношении не пожелала хотя бы на один шаг отодвинуть от себя элементы, безнадежно скомпрометировавшие себя сотрудничеством с белой гвардией. Ни одна бело-меньшевистская организация не была исключена из партии, хотя после декабрьского всероссийского совещания ЦК и выступил с грозным заявлением, что

> „В своей среде партия не может и не намерена терпеть союзников контр-революционной буржуазии и англо-американского капитализма".

Одно это заявление само по себе очень многого стоит для характеристики партии меньшевиков,—в ее среде организационно укрепились агенты „отечественной" буржуазии и чужеземного капитала и не думают уйти никуда. Но еще более любопытно, что совещание, подробно установив контр-революционный характер деятельности

партийных организаций перечисленных выше областей, ограничилось такими, например, решениями:

„Поручить ЦК установить ответственность отдельных групп и лиц... и принять, в случае необходимости (!!!), соответствующие организационные меры... Немедленно принять меры... Предупредить активистов, что дальнейшая деятельность их групп поставит их вне партии...“

Это все были пустые отговорки, пустое замазывание глаз. Контрреволюционные „группы и лица“ все были известны. Если относительно лиц в некоторых, очень редких, случаях могли быть ошибки, то относительно групп, ведших контр-революционную работу в союзе с буржуазией, все было ясно. Их нужно было исключить немедленно, если бы меньшевистская партия серьезно хотела порвать с белой гвардией. Партия, которая на словах кокетничала с мировой революцией, которая обещала Советской власти политическую и военную поддержку, могла терпеть в своей среде агентов капитала только потому, что она ставила ставку на оба случая: она заигрывала с пролетарской революцией, не разрывая и с буржуазной контр-революцией. Обратите внимание на пункт второй резолюции всероссийского совещания об активистах:

„Совещание заявляет, что образовавшиеся внутри партии группы „активной борьбы за восстановление независимости и демократического строя России“ вели прямую борьбу против курса партийной политики, отстаивая союз с контр-революционной либеральной буржуазией и с империалистскими правительствами Согласия, и что, стоя по общему правилу вне работы (!!!) местных партийных организаций, члены этих групп внесли своей деятельностью элементы разложения в ряды с.-д. пролетариата и дискредитировали партию своими публичными выступлениями. Поэтому совещание одобряет резолюцию ЦК об „активистах“ от 23-го марта, предупредившую „активистов“, что дальнейшая деятельность их групп поставит их вне партии“.

В этой постыдно-резиновой резолюции—вся партия меньшевиков целиком.

Вы только подумайте! В партии,—наилучшей социалистической, революционной, марксистской, демократической, интернациональной партии,—образуется гнуснейшая белогвардейская фракция. Эта фракция ведет „прямую борьбу против курса партийной политики“, разлагает и дискредитирует чистую и благородную меньшевистскую партию. 23-го марта 1918 г. ЦК „предупредил“ активистов, что партия за их белогвардейскую деятельность спасибо им не скажет. Активисты—ноль внимания на „предупреждения“ ЦК: они прекрасно знали, что в случае победы белого дела партия меньшевиков в ножки поклонится и активистам, и „контр-революционной либеральной буржуазии“, и „правительствам Согласия“.

Поэтому резолюция оставалась только отпечатанной на бумаге. Советская республика, истекая кровью, билась на бесчисленных фронтах. Меньшевистские активисты наносили Советской власти удары в спину... „Левые“ меньшевики фактически действовали одинаково с ними—партия была едина, активистов в мае ввели в состав ЦК.

К осени контр-революция сильно споткнулась. На Западе засверкали огни революции. Партия меньшевиков оказалась вынужденной написать ряд хороших резолюций, а по адресу активных пособников белой гвардии сделать дружеское „предупреждение“. Девять месяцев спустя после первого цекистского предупреждения—снова предупреждение союзникам палачей революции, агентам Антанты! Повторяем, в этом „предупреждении“ партия меньшевиков вся, как на ладони. Делая полуоборот в сторону революции, она прочно держит связь с элементами контрреволюции. Таким образом, она занимает место, которое „по штату положено“ всякой мелко-буржуазной партии,—между пролетариатом и буржуазией. Эта партия становится ближе к той стороне, которая в данный момент более сильна.

Принимая левые резолюции, она не думает о разрыве с правыми бело-социал-демократами. Наоборот, всемерно их защищает и крайне дорожит единством с ними.

Как отмечено выше, меньшевики были возвращены в Советы. Но для меньшевиков-активистов было сделано изъятие: разумеется, этих прямых агентов и пособников белой гвардии в органы революции пускать было невозможно; 30-го ноября ВЦИК в этом смысле и вынес постановление.

Меньшевики пришли в негодование. Центральный Комитет взял активистов под свою защиту. Он протестовал против всякого изъятия, он требовал допущения во ВЦИК и эсеров. В резолюции от 2-го декабря ЦК меньшевиков, между прочим, говорит:

> „Одно из таких изъятий допускается решением ВЦИК для некоторых групп РСДРП, под тем предлогом, что ЦК партии не может отвечать за все ее группы.
>
> Таким образом, господствующая партия получает желательную лазейку для обхода самого постановления от 30-го ноября. Центральный Комитет РСДРП заявляет, что он не менее всякого другого партийного центра может отвечать за все части партии“.

Ну, конечно, дело ясное: Мартовы сочли за благо ориентироваться на мировую революцию. Либер—Кучин стоят, правда, на противоположной точке зрения, но все они—члены одной партии, одного ЦК, единство соблюдается пуще всего на свете, и тому, кто амнистировал Мартова, предлагалось амнистировать и Либера...

Но, несмотря на все это, осень 1918 и начало 1919 года рассматривались коммунистической партией, как период известного поворота партий меньшевиков и эсеров в сторону пролетарской революции. Этому повороту т. Ленин в то время посвятил специальную

статью (см. „Правда“ от 21-го ноября 1918 г.) под заглавием: „Ценные признания Питирима Сорокина“.

Сорокин был видным деятелем правого крыла партии эсеров. Он был ближайшим сотрудником эсеро-корниловской газеты „Воля Народа“, входил в состав учредительного собрания. И вот этот гр. Сорокин осенью 1918 года поместил в северо-двинской советской газете письмо, в котором он, между прочим, писал:

> „Истекший год революции научил меня одной истине: политики могут ошибаться, политика может быть общественно полезна, но может быть и общественно вредна, работа же в области науки и просвещения всегда полезна, всегда нужна народу“.

И посему он, Питирим Сорокин, приват-доцент петербургского университета и психо-неврологического института, бывший член учредительного собрания и бывший член партии эсеров, „отказывается от всякой политики“.

Как известно, гр. Сорокин на пятом году революции „забыл“ про свое обещание не заниматься политикой и стал выступать в „научных либеральных журналах“ с реакционными политическими статьями, за что и был Советской властью приобщен „к лику святых“... эмигрантов. Но в тот момент значение выступления Сорокина было велико. Оно говорило о переломе, затронувшем известные слои мелкой буржуазии. Тов. Ленин отмечал у партии эсеров и меньшевиков „поворот от враждебности к нейтральности“, — поворот, вызванный крахом германского империализма, австро-германской революции, разоблачением антантовского империализма и буржуазно-демократических иллюзий.

Тов. Ленин решительно предостерегал от недооценки значения поворота, наметившегося в рядах мелкобуржуазных партий. Он писал:

„Если Питирим Сорокин сложил с себя звание члена У. С., это не случайность, это признак поворота целого класса, всей мелкобуржуазной демократии. Раскол среди нее неизбежен: часть перейдет на нашу сторону, часть останется нейтральной, часть сознательно присоединится к монархистам-кадетам... Суметь учесть и использовать этот поворот среди меньшевистской и эсеровской демократии от враждебности большевизму сначала к нейтральности, потом к поддержке их—есть одна из насущных задач текущего момента..

Революционный пролетарий должен знать, кого надо подавлять, с кем, когда и как уметь заключать соглашения. Нелепо и смешно было бы настаивать на одной только тактике подавления и террора по отношению мелкобуржуазной демократии, когда ход вещей заставляет ее поворачивать к нам“.

Советская власть, как было указано выше, практически поставила вопрос о „взаимном соглашении“, и первая пошла навстречу

своим противникам, легализовав их. Но не ошибся ли т. Ленин в своем прогнозе о повороте? Нисколько! Его предположения целиком оправдались. В конце 1918 г. и на протяжении всего 1919 года происходят постоянные расколы и отколы в партиях эсеров (правых и левых) и меньшевиков. От правых эсеров уходит и занимает нейтральную позицию группа „Народ“, представлявшая значительную часть руководителей самарской учредилки. От левых эсеров уходит сильная группа „революционных коммунистов“, впоследствии слившаяся с РКП. От меньшевиков группами и одиночками отходят в большом количестве наиболее революционные элементы и сливаются с РКП, лишь изредка задерживаясь на нейтральной позиции. Но партии эсеров и меньшевиков, как целое, несмотря на все свои шатания, на всю революционную фразеологию, остались непримиримо враждебны к Советской власти. Получив легальность, эсеры и меньшевики поставили вопрос о капитуляции Советской власти перед ними. Оказалось, что „соглашение“ партия меньшевиков мыслила на почве фактической ликвидации республики Советов.

Апрель — октябрь 1919 года — это период наибольших успехов Колчака, Деникина, Юденича, период, когда все силы поднялись против власти Советов, когда анархические заговорщики (Леонтьевский пер.) фактически создали единый фронт с кадетско-монархическими (дело Щепкина и др.) заговорщиками, когда голод усилился, как никогда. Почувствовав слабость революции, меньшевики и эсеры снова заколебались вправо...

Предлагая учесть поворот меньшевиков и эсеров, тов. Ленин в той же статье писал:

„Колебания мелкобуржуазных демократов неизбежны. Достаточно было немногих побед чехо-словаков, и эти демократы впали в панику, сеяли панику, перебегали к „победителям“.

Разумеется, нельзя ни на минуту забывать, что и теперь достаточно будет частичных успехов, скажем, англо-американско-красновских белогвардейцев, и колебания начнутся в другую сторону, усилится паника, умножатся случаи распространения паники и перелетов на сторону империалистов“.

Меньшевики (и эсеры) постарались, чтобы целиком оправдать предсказания т. Ленина.

„Что делать?“

В июле 1919 года партия меньшевиков опубликовала декларацию под громким заглавием „Что делать?“ Основные пункты декларации должны были, по мнению меньшевиков, послужить платформой „единого фронта“ всех революционных элементов против белой контр-революции. Платформа была обращена „ко всем сознательным рабочим, без различия направления, к социал-демократам и комму-

нистам, правым и левым социалистам-революционерам и беспартийным".

Целью сознательных рабочих платформа объявила: отстоять революцию, обеспечить ее нормальное развитие, а для этого — „сохранить, укрепить и на незыблемых основаниях утвердить политическую власть трудящихся классов в государстве и положить начало восстановлению народного хозяйства". Ниже, при изучении платформы партии меньшевиков „образца 1922 года", нам нужно будет вспомнить, что летом 1919 года эта партия провозглашала необходимость утверждения „власти трудящихся" на „незыблемых основаниях".

Какие же меры считала партия меньшевиков необходимыми в целях спасения революции? Вокруг каких лозунгов должен был образоваться единый фронт трудящихся? В области политической эти лозунги были формулированы следующим образом:

„1) Расширение избирательного права в Советы включением в него всех трудящихся, мужчин и женщин. Свободные выборы в городские и сельские советы для всех трудящихся, обеспечение тайного голосования и свободной устной и печатной агитации. Периодические перевыборы советов и исполкомов в точно указанные сроки. Лишение Советов права исключать по политическим мотивам из своей среды отдельных депутатов и целых групп. Подчинение всех должностных лиц и учреждений местным советам и ЦИК.

2) Восстановление деятельности ЦИК Советов, как высшего законодательного и управляющего органа, гласно работающего под контролем всех граждан. Ни один закон не вступает в силу, если не обсужден и не принят ЦИК.

3) Восстановление свободы печати, собраний и союзов с предоставлением каждой партии, образованной трудящимися, права и возможности пользоваться помещениями для собраний, бумагой, типографиями и т. д...

4) Реорганизация революционных трибуналов на основе выборности судей всеми трудящимися. Предоставление одним лишь трибуналам и следственным комиссиям, подчиненным им, всего дела борьбы с контр-революцией. Непосредственная подсудность всех должностных лиц революционным трибуналам за должностные преступления по жалобам пострадавших от их незаконных действий лиц. Отказ от террора, как системы управления. Отмена смертной казни. Отмена всяких независимых от суда органов следствия и расправы, как чрезвычайные комиссии".

Как видим, меньшевистская платформа „единого фронта" внешне носит почти целиком „советский" характер. Почти все в ней построено на почве „советской конституции". Перед нами как-будто новый

пример „полевения“ меньшевиков. Они „единый фронт“ предлагали на „советской платформе“. Что же лучше?

Однако, все это одна только видимость. На деле меньшевистская платформа являлась платформой ликвидации Советской власти на... законном основании. В самом деле! Подавляющее большинство руководящих работников Советской власти—члены ЦК РКП, члены ВЦИК, наркомы и члены коллегий, члены местных исполкомов и советов были на фронтах, на продовольственной работе, проводили те или иные ударные кампании, от исхода которых зависела судьба революции Учреждения Советской власти работать нормально, „по конституции“, в этот период не могли ни в коем случае. Свертывание деятельности ВЦИК, исполкомов, советов было неизбежно, вызывалось категорическими требованиями момента. Ведь, Советская республика не только на словах, но и на деле была окруженным со всех сторон вооруженным лагерем. В осажденной крепости не могло быть „развернутого демократизма“. В 1919 г. бывали такие моменты, когда в Москве оставалось всего 2—3 члена Центрального Комитета РКП, остальные были на местах.

И вот в такой исключительный момент, когда республика находилась на краю пропасти, вылезает партия меньшевиков и требует от Советской власти „расширения избирательного права“, „периодических перевыборов“, нормальной деятельности ЦИК. В июле 1919 г., когда Деникин наступал на Москву, когда в Москве белые заговорщики (к ним принадлежали и некоторые меньшевики) готовились к смертельному удару на Советскую власть, когда требовалась бешеная работа без лишних слов, величайшая быстрота в действиях власти,— меньшевики выставляли требование: „Ни один закон не вступает в силу, если он не обсужден и не принят ЦИК“. С такими предложениями в тот момент могли выступить политические тупицы или саботажники революции.

Упразднение чрезвычайных комиссий, „отказ от террора“, отмена смертной казни, подчинение всего дела борьбы с контр-революцией выбранным „всеми трудящимися“ трибуналам,—все эти требования означали только одно: разоружение революции, дезорганизация всего дела обороны, развал и разложение аппарата борьбы с силами белой гвардии. Допустим, Советская власть совершила преступную глупость и удовлетворила требования меньшевиков, скажем, о трибуналах; к чему бы это привело? Для овладения трибуналами началась бы бешеная борьба между различными партиями. Правые эсеры, анархисты подполья, левые эсеры-активисты, меньшевики-активисты, т. е. те самые группы, подавление которых было одним из условий победы революции,—от имени „трудящихся“ стали бы вести избирательную борьбу в целях овладения трибуналами. Даже кадеты нашли бы себе какую-либо „демократическую“ ширму и протянули бы руки к одному из важнейших аппаратов боровшейся за жизнь революции. В итоге белая гвардия почувствовала бы себя вне всякой опасности и перешла бы в наступле-

ние. Задача „ликвидации советского режима“ была бы разрешена в наилучшем для буржуазии виде...

В 1918—1920 гг., в моменты, опасные для Советской республики, партия меньшевиков чувствовала нажим тех немногочисленных групп рабочих, которые еще шли за ней. Эти группы оказывались еще неспособными на то, чтобы целиком признать РКП и активно работать во имя осуществления ее программы, но они понимали, что Колчак и Деникин несут рабочему классу гибель, и что власть Советов—это единственная сила, защищающая революцию. Поэтому они требовали от партии меньшевиков активной поддержки Советской власти в ее борьбе с белыми. С другой стороны, на партию меньшевиков производили давление массовый уход из ее рядов и переход к коммунистам наиболее пролетарских, наиболее революционных слоев партии. В 1919 г. острили, что и Мартов, мол, не ручается за то, что не перейдет к коммунистам. Лично Мартов от такой „опасности“ был, конечно, застрахован, но партии грозило полное обескровление и на это она не могла не реагировать.

Руководящие круги партии меньшевиков сделали вид, что они тоже за сотрудничество с Советской властью, за борьбу с белой гвардией, но только... на точном основании советской конституции, с соблюдением всех ее параграфов. А параграфы, даже наилучшие из них, были в этот период гибелью для революции. Займись РКП параграфами, и она „пропараграфила“ бы революцию. Это понимала партия меньшевиков, это чувствовал Дан своим подлым нюхом, и поэтому все эти господа ухватились за советскую конституцию, за аккуратные перевыборы, за нормальную деятельность ВЦИК...

Рабочие за оборону революции, за единый фронт! Партия меньшевиков—тоже целиком за революцию. Но советскую революцию нужно защищать на основе советской конституции. В ней ничего не говорится о чека,—их нужно упразднить. Конституция не предусматривает „диктатуры партии“,—ее нужно уничтожить...

Платформа „единого фронта“, выдвинутая меньшевиками в самый опасный для революции момент, являлась платформой бессовестной демагогии, политического шантажа и вымогательства:

— Вам, господа коммунисты, нужна защита Советской республики? Прекрасно. Мы вам поможем. Но сначала разоружайтесь, сдавайте власть, развяжите руки белой гвардии...

„Демократия равноправных собственников“.

К весне 1920 года основные силы белой России были уже разбиты. Очередное всероссийское совещание партии меньшевиков собралось как-раз в те дни, когда Буденый гнал остатки деникинских войск по направлению к Новороссийску (апрель 1920 г.). Колчак и Юденич к этому времени были уже окончательно ликвидированы. На Западе революционное возбуждение рабочего класса неуклонно усиливалось, вынуждая оппортунистические партии приспособляться

к настроению поднимавшегося на борьбу пролетариата. Вот этот период как-раз и является периодом наибольшего „революционизирования" партии меньшевиков. Всероссийское совещание меньшевиков в своих основных тезисах „Мировая социальная революция и задачи социал-демократии" заговорило о „социальной революции, заканчивающей эру капиталистического развития и начинающей эпоху социализма". „Рычагом социальной революции",—заявляло совещание,—является „свержение политического господства и восхождение к власти трудящихся классов во главе с пролетариатом современной крупной промышленности, т.-е. политическая революция".

На смену капиталистического господства должна явиться „диктатура пролетариата", т.-е. сосредоточение в его руках всей общественной власти.

Переходя к вопросу о демократии, совещание высказало следующие соображения:

„Всякая демократия исторически ограничена рамками определенных социальных групп, в пределах которых и осуществляются демократические принципы. Так, буржуазная демократия возникает как демократия равноправных собственников и лишь под революционным давлением стоящего вне ее класса—пролетариата уступает в большей или меньшей степени политические права последнему. Так, свободная республика Америки возникла как демократия белой расы.

Соответственно этому и новая рабочая демократия, возникающая из крушения капиталистического общества, есть демократия участников общественного производительного труда. Поэтому демократической сущности диктатуры в принципе не противоречит лишение прав гражданства или ограничение этих прав для социальных групп, стоящих вне этой демократии, т.-е. вне общественного производительного труда. Следовательно, отрицание за трудящимися массами права на такое исключение или ограничение и апелляция против них к абсолютным демократическим идеалам не выдерживают критики".

„Буржуазная демократия" есть по существу „демократия равноправных собственников". Это сказано очень хорошо, но сказано не по-меньшевистски. Уступая пролетариату известный уголок этой „демократии", буржуазия, тем не менее, весь аппарат демократии направляет на обслуживание своих собственных интересов. Политические права, получаемые пролетариатом, ничего не меняют в классовой сущности демократии. Как во время политического бесправия пролетариата, так и после того, как он получает политические права, хозяевами демократии все равно являются „равноправные собственники".

Именно, исходя из этой неоспоримой истины, революционный марксизм и выдвигает лозунг завоевания власти пролетариатом и

разрушения им аппарата старой государственной власти. Меньшевизм всякое посягательство на целость буржуазного государства объявляет „анархизмом". Русские меньшевики нас, большевиков, всегда ругали анархистами, октябрьский переворот они объявили „анархическим" переворотом, именно потому, что мы разрушили до основания старую государственную машину, разбили вдребезги аппарат „демократии равноправных собственников".

Признав, что „всякая демократия исторически ограничена рамками определенных социальных групп", совещание меньшевиков поднялось до совершенно необычайной для меньшевизма высоты и решилось признать, что новая рабочая демократия есть именно „демократия участников общественного производительного труда", что из этой демократии могут исключаться нетрудовые, паразитические элементы общества, что буржуазная формальная демократия не является абсолютным идеалом, что она может быть ограничена и т. д.

Сделав эти ценные признания, резко расходившиеся с привычной теорией меньшевизма о святости, нерушимости и неприкосновенности буржуазной демократии, резолюция совещания меньшевиков переходит к бесчисленным поправочкам и оговорочкам, назначение которых сводилось к тому, чтобы с теоретических высот постепенно опустить меньшевизм в болото оппортунизма. Но, и опускаясь вниз под гору, заявляя, что „формула построения диктатуры пролетариата на основе советской системы должна быть отвергнута в качестве едино-спасающей панацеи",—все же меньшевистская партия вынуждена была отвести почетное место в организации социалистического государства „органам власти, непосредственно представляющим те или иные производственные коллективы, сильные своей непосредственной связью с производством". Эти органы власти суть: советы, фабрично-заводские комитеты, контрольные комиссии, комитеты действия и т. п., т.-е. организации, сущность которых в общем одинакова: все они представляют собой олицетворение рабочей демократии, являются живым воплощением идеи пролетарского господства. Но сейчас же, испугавшись собственной „революционности", партия меньшевиков хваталась за старинные учреждения буржуазной демократии: за референдум, „народную инициативу" и т. д. Русские меньшевики (и немецкие независимцы) видели необходимость выхода из рамок буржуазной демократии, но порвать окончательно с ней, стать обеими ногами на почву пролетарской демократии они не смели. Левое крыло мирового меньшевизма путалось между „демократией" и „диктатурой", пока не вернулось целиком в привычный для него хлев „демократии".

И все-таки это было „героическое" время для партии меньшевиков! В этот период она—по позднейшему выражению тов. Троцкого—усиленно занимается „революционным звукоподражательством". В этом отношении русские меньшевики и немецкие независимцы идут нога в ногу. Как известно, независимцы в то время тоже очень

много говорили в сочувственных тонах о диктатуре, о советской системе, о пролетарской революции и тому подобных хороших вещах.

После войны с белой Польшей меньшевики начали постепенно поворачивать направо. Эти на-редкость чувствительные и впечатлительные господа своим превосходным нюхом уловили, что в мировом рабочем движении произошла заминка, что буржуазия усилила свои позиции и начинает переходить в наступление. Но когда господствующие классы усиливаются,—меньшевизм правеет. Это „закон природы“. С точностью можно установить, что русский и международный меньшевизм отходит за период 1921/22 гг. вправо по мере того, как буржуазия укрепляет свои позиции. В 1920 г. партия германских независимых присягает пролетарской диктатуре, а в 1922 году сливается с партией Носке-Шейдемана и вступает в коалицию с крупной буржуазией. В 1920 году вожди английской рабочей партии становятся во главе „комитетов действия“ и ради русской революции грозят чуть не восстанием английскому капиталистическому правительству. А в 1922 году эти же господа в своей избирательной платформе открыто выступают против социализма, революции, классовой борьбы и ни слова не говорят о Советской республике, которая, ведь, попрежнему окружена непримиримым к ней капиталистическим миром. Везде и всюду меньшевизм старательно стирает со своих знамен те отдельные революционные лозунги, которые в 1918—1920 гг. были навязаны ему рабочим движением, и целиком переходит на почву „реального“ прислуживания капиталу.

С конца 1920 года русский меньшевизм ищет для себя „новых“ путей, старается выбрать „новую“ платформу. Но, прежде чем перейти к этим „исканиям“, нам необходимо вкратце остановиться на работе „официальных“ меньшевиков за пределами и внутри республики Советов.

В „демократиях равноправных собственников“.

Итак, за период 1919—1920 гг. партия меньшевиков достигла максимума „левизны“. Но как в таком случае эта партия действовала в существовавших в тот же период белых „демократиях“, там, где собственники были уже в полных правах? Увы, „левизна“ и „революционность“ меньшевизма за пределы Советской России не выходили.

В деникинской „демократии“ партия меньшевиков играла роль совершенно легальной, законопослушной оппозиции. Чем она занималась при деникинском режиме? Тем, прежде всего, что вела против Советской республики бешеную агитацию среди рабочего класса, тем, что она убивала в рабочем классе всякий дух борьбы и протеста, боролась против всяких попыток выступления рабочих на борьбу с деникинской белой гвардией.

Наиболее типичным в этом отношении является поведение киевских меньшевиков. Киевские меньшевики участвовали в городской управе, назначенной деникинским генералом Бредовым. Руководимый меньшевиками совет профессиональных союзов находился в полнейшем контакте с деникинскими властями. Контакт этот выразился в том, что меньшевикам дважды была выдана правительственная ссуда:—один раз—для нужд профессиональных союзов, другой раз—для нужд кооператива „Сила". Проповедуя в Советской России „независимость профсоюзов", в деникинской „демократии" меньшевики обращались к властям с заявлением, что, мол, профсоюзы являются необходимой составной частью государственности, и что, следовательно, работники профсоюзов должны пользоваться различными льготами от власти. Во время мобилизаций меньшевики получали отсрочку как работники, нужные для обороны деникинского „отечества". Между меньшевистским советом профессиональных союзов и обществом фабрикантов и заводчиков („Озиф") была самая тесная, дружеская связь. Промышленники часто выступали с разного рода ходатайствами за меньшевистские профессиональные союзы. В частности, они ходатайствовали о разрешении меньшевикам выпускать рабочую газету. Со своей стороны, профессиональные союзы всячески препятствовали возникновению стачек. Вообще, меньшевики все меры принимали к тому, чтобы среди рабочих „спокойствие и порядок" не были нарушены. Меньшевики участвовали в комиссии по восстановлению киевской промышленности. При содействии киевских меньшевиков, главным образом деятелей профдвижения, был пущен в ход киевский арсенал, на котором изготовляется воинское снаряжение. Это было прямой военной помощью Деникину в его борьбе с Красной армией, которая находилась в 20—30 верстах от Киева.

Меньшевистский совет профессиональных союзов находился в политическом союзе с такими белогвардейскими организациями, как „Национальный Центр" и „Союз Возрождения России". В ряде случаев киевские меньшевики выступали совместно с названными заговорщическими организациями и вместе с ними выпускали общие воззвания.

Насколько „благонадежной" была в глазах деникинцев киевская организация меньшевиков, видно из того, что деникинская контр-разведка освобождала арестованных под поручительство меньшевистского центрального бюро профессиональных союзов.

В период, когда советские республики подвергались смертельной опасности, киевские меньшевики обратились к рабочим Западной Европы с запиской, в которой подвергли Советскую власть невероятно злобной, бесчестной критике. Авторы записки утверждали, что Советская власть—это сплошной ужас и преступление. Они уверяли европейских рабочих, будто большевистские настроения в рабочей

массе исчезли. Задача записки заключалась в том, чтобы убедить рабочий класс Европы в полнейшей негодности Советской власти, чтобы доказать им, что поддерживать Советскую Россию нет никакого смысла. Это был прямой удар по Советской России, которая более чем когда-либо нуждалась в то время в братской поддержке европейских рабочих. Записка киевских меньшевиков являлась прямой поддержкой мировому империализму, который тем легче мог бы душить Советскую Россию, чем убедительнее показались бы массам доводы меньшевиков против Советской власти.

Следует отметить характерную мелочь: в годовщину создания добровольческой армии в меньшевистский совет профессиональных союзов явились барышни и от имени деникинского юбилейного комитета передали совету пригласительные печатные билеты на торжественное юбилейное собрание. Деникинцы знали хорошо, кого звали на свое торжество.

И заметьте: в Киеве работали в деникинский период не какие-нибудь молодые, безответственные меньшевики. Авторами отмеченных выше вкратце преступлений были виднейшие и старейшие члены партии. Назовем некоторые имена: Балабанов—старейший и влиятельнейший член партии; Кучин-Оранский—член Главного Комитета партии на Украине, один из лидеров правых; Романов—вождь желтых печатников; Наумов—видный экономист партии; Чижевский и Сумский—впоследствии ближайшие сотрудники меньшевистского „Социалистического Вестника" и др.

Необходимо тут же отметить, что левые киевские меньшевики не во всем разделяли тактику своих правых товарищей. Но они стояли в стороне и не мешали им сотрудничать с деникинцами. А потом, когда пришли красные и привлекли меньшевиков к ответу, левый Семковский целиком взял на себя ответственность за деятельность всей организации в целом. Сделал это он в интересах „единства партии".

В других городах деникинского „царства" меньшевики действовали иногда немногим менее гнусно, иногда немногим более гнусно.

Харьковские меньшевики, например, в своей газете „Начало", деникинскую власть объявили „демократической", в противовес большевистской диктатуре. Нечего и говорить, что главной задачей для харьковских меньшевиков была борьба с большевизмом до конца. При этом харьковские меньшевики не скрывали, что большевиков сменит не демократия, а буржуазно-помещичья диктатура. Но белую диктатуру они предпочитали красной диктатуре.

В меньшевистском „марксистском" журнале „Мысль", в передовой статье, посвященной „смене власти", т.-е. приходу Деникина, говорилось:

„Для всех было ясно, что Харьков падет. Но никто из нас

не ожидал таких настроений, которые объединили в первые дни самые разнородные элементы. Создалась какая-то видимость чуть ли не национального праздника. Словно заживо погребенные внезапно вышли из могилы и приветствовали восход солнца".

Смысл этой „поэзии" станет ясным, если примем во внимание, что несколькими строками ниже Советскую власть автор статьи обзывает „отвратительной реальностью".

„Советская власть поставила социалистические задачи, и тем не менее, в данной исторической обстановке она стала реакционной силой. То, что пришло ей на смену, конечно, преследует антисоциалистические цели. Но при условиях переживаемого момента оно может сыграть революционную роль..."

Так вот она, „пролетарская" партия, воспевающая в нежных тонах победу царского генерала над рабочим правительством. И, ведь, цитируемая статья принадлежит не какому-нибудь полу-кадету, а видному меньшевику Сану (Девдариани), члену Главного Комитета С.-Д. Р. П. на Украине. Рядом со статьей Сана красовались в „Мысли" статьи Мартова и Далина. Мартов был постоянным и руководящим сотрудником „Мысли". Вся партия меньшевиков несет ответственность за этот „научный" социал-деникинский журнал...

Но это еще не все. Воспевая Деникина, нельзя было забывать и об Антанте. В той же передовице „Мысли" по вопросу о вмешательстве „внешних сил" читаем следующее:

„Пока буржуазный способ производства не изжит, история возлагает созидательную роль на буржуазию. И поскольку те или иные силы вольно или невольно способствуют собиранию элементов такой буржуазной власти, постольку они объективно приближают нас к условиям, более благоприятным для борьбы за социализм. Было бы непростительной ошибкой предполагать, что в этом смысле Россия может найти себя своими внутренними силами, без вмешательства извне. Вмешательство давно стало фактом, и вопрос уже состоит в том, чтобы сделать его наименее вредным и наиболее полезным".

Вопрос ясен: Россия должна „найти себя", т.-е. установить буржуазную власть. „Внутренними силами" это сделать невозможно,— большевизм еще достаточно силен. Вмешательство извне необходимо. Нужно только внешние силы сделать „наиболее полезными". Каким образом? Сан отвечает:

„Влияние демократии и рабочего класса должно побудить иностранных союзников ориентироваться" не на помещиков, а на буржуазию.

Это означает, по мнению Сана и его политических друзей

сделать интервенцию „наименее вредной и наиболее полезной“. Но что интервенция необходима,—это для редакции „марксистского“ журнала бесспорно.

А вслед за передовой статьей напечатана статья Л. Мартова о корнях новейшего антисемитизма. Мартов доказывает, что и в антисемитизме повинен, конечно, большевизм.

В сущности говоря, гр. Сан сделал небольшой шаг вперед навстречу Антанте по сравнению с резолюцией майского совещания меньшевиков. Сан более откровенно говорит: „Россия не может „найти себя“ без Антанты, интервенция необходима“. Майское совещание ту же самую мысль нарочито затемнило, завуалировало.

Но вот в чем беда: майское совещание—это эпоха 18-го года, это период, когда меньшевизм стоял на крайней правой позиции. Сан писал свою статью летом 1919 года, в эпоху крайней левизны меньшевизма. В этот период Мартов—Дан майскую резолюцию не повторили бы: она была слишком правой, не годилась для бурной эпохи начала всемирной революции...

Однако, Сан идет еще дальше вправо от майской резолюции. Вся внесоветская социал-демократия стоит на крайней правой позиции. Ничего! В Москве говорится: „мировая революция“, а в царстве Деникина—Колчака произносится: „Антанта“... „Единая“ меньшевистская партия на севере приспособлялась к революции, на юге—к контрреволюции. Это была страховка на оба случая...

Замечательно работали „одесские“ меньшевики. Их орган „Южный Рабочий“ восхвалял добровольческую армию Деникина, как носительницу прогрессивного буржуазного правопорядка, будто бы единственно отвечающего достигнутой Россией ступени экономического развития. „Южный Рабочий“ поддерживал аграрную политику Деникина и печатал торжествующие статьи по поводу возвращения новой властью „свободы и независимости рабочим организациям“. В то же время орган меньшевиков целиком примкнул к клеветнической кампании буржуазной прессы против „ужасов и зверств“, якобы совершавшихся Советской властью, стремясь очернить ее в глазах европейского рабочего класса.

Крымские меньшевики в 1919 году немедленно после ухода красных войск послали своих представителей в кадетско-эсеровскую комиссию, которая должна была образовать „правительство“, действующее в „контакте“, т.-е. фактически по указке Деникина. Еще за год перед тем, в 1918 году, они участвовали на крымском земско-городском съезде в Симферополе и вместе с кадетами и эсерами принимали резолюции о поддержке белой власти, о признании интервенции и т. д.

Кадетско-эсеро-меньшевистский съезд счел своим долгом тогда „засвидетельствовать заслуги добровольческой армии“ (Деникина) и признал „огромное значение содействия союзников“ в борьбе с большевизмом. Но это было еще в 1918 году. Вернемся к 1919 году.

Орган крымских меньшевиков „Прибой“ обрушился на люцернскую конференцию... II Интернационала за то, что та даже чисто-платонически протестовала против интервенции в России. Статья меньшевистского органа была озаглавлена: „Плоды незнания“. Если бы,—говорилось в статье,—авторы резолюции знали, что представляет собою большевизм, они бы не протестовали против интервенции.

Как видите, в Крыму в 1919 году нашлась официальная меньшевистская газета, которая заняла позицию... вправо от II Интернационала. Казалось бы, дальше итти некуда. Нет, крымские меньшевики ухитрились учинить еще более сногсшибательную пакость. Слушайте!

В конце 1921 г. известный белый генерал Слащев, раскаявшись в своих преступлениях, вернулся в Советскую Россию. Вождь меньшевиков Мартов по этому поводу в „Социалистическом Вестнике“ поместил статью под заглавием „Слащев—борец за Коминтерн“. Мартов, конечно, великолепно знал, что никакого отношения Слащев к Коминтерну не имеет. Знал он и то, что Слащев вернулся не в качестве белого генерала, а в качестве бывшего белого генерала.

Но вот в начале 1920 года, когда Слащев был именно боевым белым генералом, когда он держал Крым в своих руках, между ним и крымскими меньшевиками было заключено весьма интересное соглашение. Дело это представляется в следующем виде:

В начале 1920 года в Крыму по приказу Слащева были арестованы: городской голова Севастополя меньшевик Могилевский, председатель севастопольской организации меньшевиков Канторович и другие активные меньшевики, всего 10 человек. Крымский комитет меньшевиков и крымский совет профсоюзов отправили к Слащеву делегацию во главе с И. Гавриловым с ходатайством об освобождении арестованных меньшевиков.

Между тем, приближался день 3-й годовщины февральской революции. Деникинский фронт агонизировал у Новороссийска. Единственным уголком, куда можно было перебросить остатки деникинских войск, был Крым. Удержать Крым за собою во что бы то ни стало—такова была задача белых. Но это было нелегко. Сил в Крыму у Деникина было очень немного. У самых ворот Крыма, на Ишуни, пробивалась Красная армия. Ко дню 3-й годовщины революции крымская подпольная организация коммунистов подготовляла восстание. В случае успеха восстания Красная армия ворвалась бы в Крым, и остатки деникинской армии вместо Севастополя попали бы в Константинополь. В случае успеха восстания не было бы врангелиады. Гражданская война окончилась бы в начале 1920 года. Тогда и польско-советские отношения приняли бы совсем иной характер.

Меньшевики знали о приготовлениях коммунистов. Слащев, естественно, также хорошо понимал значение годовщины революции. Поэтому, когда к нему явилась делегация меньшевиков, он предъявил ей только одно условие: дать ему письменное ручательство в том, что меньшевики применят все свое влияние в

профсоюзах и рабочих массах и гарантируют ему полное спокойствие рабочих 1-го марта. Со своей стороны, Слащев немедленно освободит арестованных меньшевиков и даст им полную возможность выезда за границу.

Делегация меньшевиков требуемую подписку дала, договор со Слащевым заключила. Могилевский, Канторович и другие были освобождены и выехали в Грузию. Меньшевики, разумеется, „честно" выполняли взятое на себя обязательство и... обеспечили Слащеву спокойствие рабочих до 1-го марта, т.-е. до того момента, когда белые успели перебросить в Крым достаточно крупные силы и тем укрепить свое положение.

О договоре между Слащевым и меньшевиками стало известно широким кругам. Рабочие были возмущены. Вопрос о договоре страстно дебатировался на крымской конференции профсоюзов. Так как конференция заседала в условиях белого террора и на ней было представлено много всякого рода мещанско-интеллигентских профсоюзов, то меньшевикам удалось протащить свою резолюцию, которая все же содержала в себе указание о том, чтобы впредь подобного рода договоры не заключались...

После такого позорно-преступного соглашения ряд видных меньшевиков (в большинстве рабочие) покинули свою партию и вступили в РКП.

Меньшевики Украины, Дона, Крыма и Кубани единодушно проводили политику срыва забастовочного движения. Они старались конфликты между рабочими и предпринимателями улаживать в примирительных камерах. Они пытались заключить коллективные договоры,—словом, ввести рабочее движение в русло легальности, законности, умеренности и аккуратности. Главной задачей профессиональных союзов, по мнению меньшевиков, являлось поднятие производительности труда, содействие восстановлению промышленности, т.-е. как раз то, чем меньшевики в Советской России никогда не занимались...

Платформа правых меньшевиков.

Какова была позиция правых меньшевиков внутри Советской России? Официальная „левизна" для них ни в какой мере не была обязательной. Правые вели самостоятельную политику. Они находились в заговоре с белой гвардией. В 1919 году, в момент напряженнейшей борьбы с Деникиным и Юденичем, на квартире военно-политического руководителя грандиозного белогвардейского заговора, кадета Штейнингера был арестован известный меньшевик Розанов (Энзис). В подробном показании, которое в свое время было опубликовано в газетах, Розанов изложил политическую платформу правого крыла меньшевиков и признал, что правые меньшевики находились в тесной политической связи с кадет-

ско-деникинскими заговорщиками, что они входили в белогвардейский „Союз Возрождения“, политически были связаны с военно-заговорщическим „Национальным Центром“ и т. д.

В чем была сущность политической платформы правого меньшевизма? Розанов изложил ее следующим образом.

Социалистическая революция в России в ближайшую эпоху невозможна. Мало того, социалистическая революция невозможна и в Германии, Франции, Италии. Отсюда ясно—в России господство коммунистической партии немыслимо: она либо будет ниспровергнута ударом извне, либо ударом изнутри, либо переродится в партию мелкой буржуазии.

Рабочий класс должен стремиться не к социальной революции, не к классовому господству, а только лишь добиваться социальных реформ от буржуазии, которая, естественно должна, быть у власти.

В чем в таком случае заключается задача правых меньшевиков? В том,—отвечал Розанов,—чтобы „повести соответственную агитацию в самых широких размерах и создать силу, на которую могла бы новая платформа опираться“.

Но осуществить платформу правых—это значило „уничтожить“ социальную революцию в пользу социальных реформ, ликвидировать классовое господство пролетариата в пользу классового господства буржуазии, которая потом осчастливит рабочий класс социальными реформами. В обстановке напряженнейшей классовой войны, в период бешеных наступлений Деникина и Юденича на Сов. республику позиция правых меньшевиков неизбежно должна была вылиться в активную борьбу с большевизмом, вместе с белыми заговорщиками—внутри России, вместе с белыми генералами—вне пределов Советской России. Когда Розанов говорил о „неизбежности“ свержения власти коммунистов, то он высказывал прежде всего желания, стремления своей фракции и всей буржуазии. Это свержение само собой произойти не могло,—свергнуть должны были живые люди, организованные для активной борьбы.

Внутри Сов. России такими организациями были „Союз Возрождения“, „Национальный Центр“, „Союз Освобождения“ (савинковский). Правые меньшевики, эсеры, трудовики, кадеты входили в состав „Союза Возрождения“. С „Национальным Центром“ правые меньшевики имели связь, при чем, по словам Розанова, „имелось в виду подвергнуть совместному обсуждению с „Национальным Центром“ и „Союзом Возрождения“ платформы „Национального Центра“ и савинковского „Союза Освобождения“. Розанов уверял, что с савинковцами у них не было ничего общего, они собирались только совместно с кадетами обсудить их платформу. Что касается вопроса об отношении правых меньшевиков к „Союзу Возрождения“ и партии кадетов, то Розанов дал по этому поводу следующее объяснение:

> „Я заявляю, что за участие петроградских меньшевиков правого крыла в „Союзе Возрождения“ я несу личную ответственность и прошу меня рассматривать как предста-

вителя или, точнее сказать, связующее лицо меньшевиков с „Союзом Возрождения". Исполняя эту роль с ведома и согласия своих партийных товарищей, я имел и старался по возможности расширять связи с другими партиями. Вправо связи простирались только до кадетов. Таким образом, я не отрицаю, что у меня были знакомства с кадетами на политической почве".

Вправо связи меньшевиков „простирались только до кадетов". Не хотел ли Розанов сказать, что связь с кадетами—это вещь невинная? Но кадеты были партией военно-политического заговора против власти Советов. Кадеты были руководящей партией Колчака, Деникина, Юденича. Если влево связь кадетов „простиралась" до меньшевиков, то вправо их связи шли очень далеко, вплоть до самых крайних черносотенцев. Поэтому фактически меньшевики являлись участниками единого боевого реакционного блока. „Союз Возрождения" был левым флангом этого блока, меньшевики—„крайней левой", но „крайней левой" буржуазно-помещичьей реакции.

Картина совершенно ясна. Правые меньшевики участвуют в создании силы, которая должна нанести коммунистической власти удар изнутри. Но борьба одновременно должна вестись извне. Это уже—задача меньшевиков вне Советской России. Розанов говорит:

„Наша группа принципиально одобряла участие меньшевиков в „Союзе Возрождения" в Киеве, Одессе и Симферополе".

Иными словами, правые меньшевики Советской России одобряли участие меньшевиков внесоветской России в активной борьбе с большевизмом. Это, разумеется, совершенно естественно. Меньшевистские организации вне советских пределов целиком стояли на платформе правых меньшевиков Советской России. Они действовали так, как будто исполняли прямую директиву сидевших в питерском и московском подполье правых меньшевиков. Вот что говорил Розанов по этому вопросу:

„Во внесоветской России меньшевики должны прежде всего закрепить возможность легального существования, создать свою прессу, организацию и входить в соглашения с другими партиями, в том числе и буржуазными, на предмет совместного отстаивания политической и гражданской свобод от покушения справа. Вопрос о поддержке или неподдержке того или иного правительства может решаться только на местах, но, во всяком случае, поддержки не может быть оказано, если власть не свяжет себя обязательством созвать учредительное собрание на основе всеобщего избирательного права. Конкретные вопросы о поддержке правительств Колчака, крымского, деникинского, кубанского в меньшевистских группах Петрограда и Москвы никогда не обсуждались".

Как можно было „закрепить возможность легального существо-

вания“ меньшевистских организаций? Разумеется, прежде всего решительным отказом от всякой мысли бороться с местными белыми правительствами. Но этого мало. В обстановке напряженнейшей гражданской войны ограничиться отказом от борьбы и невозможно, и недостаточно. В такие моменты каждая сторона говорит: кто не с нами, тот против нас. А кто против нас, тот легальностью пользоваться не может. „Закрепляя“ легальность в демократиях Деникина, Колчака и т. д., меньшевики тем самым обязывались всячески помогать данной „демократии“ в ее борьбе с большевизмом. На деле это, как мы знаем, так и было. На деле все без исключения меньшевистские организации вне пределов Советской России „входили в соглашения с другими партиями, в том числе и с буржуазными“, для утверждения начал деникинской, кубанской, крымской и т. д. и т. п. „демократий“.

Замечательно ставит Розанов вопрос о „поддержке того или иного правительства“. Основное условие поддержки—обязательство созвать учредилку. Это обстоятельство, разумеется, решительно никого из боровшихся с республикой Советов генералов не стесняло. Деникин торжественно клялся именем учредительного собрания. Но никто в мире не сомневался в том, что либо Деникин учредилки не созовет, либо эта учредилка будет выражать волю не народа, разумеется, а победоносной генеральско-помещичьей буржуазной клики.

Вряд ли и правые меньшевики строили на этот счет какие-либо иллюзии. Они были политически достаточно грамотными людьми, чтобы понимать, что созванная после разгрома большевизма учредилка может быть точным отражением лишь „реального соотношения общественных сил“. Она закрепила бы власть за буржуазией и перед разбитым русским рабочим классом открыла бы перспективу борьбы за „социальные реформы“...

„Конкретные вопросы о поддержке или неподдержке“ белых правительств правыми меньшевиками, изволите ли видеть, не обсуждались. Возможно. Но к чему эти вопросы было обсуждать, когда с принципиальной стороны они были для правых меньшевиков совершенно ясны: за Колчака, Деникина—против Советов; практически ставить их в Москве и Питере почти не было надобности. И когда Юденич подошел близко к Питеру, тут правые меньшевики засуетились, стали вырабатывать всяческие планы. По вполне понятным причинам, особенно в этом пункте Розанов должен был быть сдержан. И несмотря на эту сдержанность, он все-таки счел возможным сообщить, что в случае занятия Петрограда Юденичем правые меньшевики предполагали:

„немедленно выступить со своим органом, попытаться образовать свою открытую организацию и бороться за ее легальное существование“.

Нечего говорить о том, что эта легальная социал-демократическая организация целиком стояла бы за „демократию“ Юденича-Балаховича, клеймила бы власть Советов „от имени рабочего класса“,

участвовала бы в создании „общенародной власти“, т.-е. помогала бы буржуазии ликвидировать „социальную революцию“, а затем, после окончательной победы над „разбойниками-большевиками“, взялась бы за хлопоты насчет „социальных реформ“ пролетариату...

Полная картина.

Итак, перед нами российский меньшевизм во всем многообразии и во всей красе своей. И посмотрите, какая раскрывается картина лицемерия, обмана, двурушничества, измены и предательства.

В Москве меньшевизм достигает крайних пределов левизны, в Киеве, Харькове, Одессе, Крыму, на Кавказе в моменты торжества белых он опускается до последних пределов правизны.

В Москве Октябрьская революция признается „исторически необходимым“ явлением, позволившим трудящимся высвободиться из-под власти буржуазии, вырваться из ада империалистической войны, покончить у себя со всеми остатками феодализма. В Харькове, Киеве, Одессе, Тифлисе Октябрьская революция попрежнему клеймится, как акт кучки разбойников, которых нужно стереть с лица земли.

В Советской России меньшевизм заигрывает с „социальной пролетарской революцией“ и революцию русскую объявляет „гигантским бродилом, приводящим в движение весь мир“. Вне Советской России меньшевизм громко смеется над мировой революцией и для борьбы с революцией русской заключает прямой союз с империализмом русским и международным.

В Советской России официальная партия меньшевиков ведет разговоры об „едином фронте“ коммунистов, меньшевиков, эсеров, беспартийных, трудящихся; вне ее пределов меньшевистская партия осуществляет единый боевой фронт с генералами и капиталистами для уничтожающей войны с коммунистами.

В Москве меньшевизм признает диктатуру пролетариата, с „демократии“ осторожно снимает фиговый лист, и она предстает перед нами в виде организации „равноправных собственников“. В Харькове, Киеве, Одессе, Тифлисе меньшевизм активно помогает буржуазии осуществлять генеральскую диктатуру во имя демократии, во имя отвергнутой в Москве учредилки.

Но одновременно и в Советской России официальный меньшевизм ведет против революционной власти бешеную политическую борьбу, проводит политику разоружения революции, подло спекулирует на голоде, холоде, разрухе, подвергает травле Красную армию, ту Красную армию, которая в адских условиях защищала „гигантское бродило, приводящее в движение весь мир“, и против которой меньшевики в Киеве помогали Деникину строить пушки и пулеметы.

Но одновременно правая часть партии в центре России, в бело-

гвардейском подполье, вместе с кадетами и черносотенцами подготовляет смертельный удар против власти Советов. А „левое" большинство партии в сотый раз „предупреждает" белых социал-демократов, а на деле потворствует им, прикрывает их, каждый раз берет их под свою защиту...

Вот вам подлинная картина „полевения" меньшевизма в период, когда в Европе раздался первый звонок пролетарской революции.

Меньшевизм на переломе.

„Оппозиция линии ЦК".

Политическая обстановка, создавшаяся к концу 1920 года, характеризовалась следующими чертами. „Большая" война была окончена: в октябре Иоффе подписал мир с бело-поляками, 15-го ноября последний врангелевский пароход покинул рейд Севастополя и направился к Стамбулу. Военно-политическая победа Советской республики была полная. Но хозяйство страны находилось в тягчайшем состоянии. Кризисы топливный и продовольственный душили промышленность. Сельское хозяйство было в страшном упадке.

Крестьянство выражало крайнее недовольство создавшимся положением. Рабочие массы были в конец измучены неисчислимыми жертвами, которые с таким самоотвержением приносили они делу защиты своего социалистического отечества. Естественно, что этот тягчайший хозяйственный кризис создавал огромные политические затруднения для Советской власти и Коммунистической партии.

В области международного рабочего движения также наступила заминка. Штурм 1919 и первой половины 1920 годов не привел к крушению европейского капитализма. Это обстоятельство также ухудшало и без того тяжелое положение первой пролетарской республики. Она оказывалась приведенной в оборонительное состояние. Объективно „на другой день" после окончания гражданской войны Советская Россия стала слабее, чем она была в период гражданской войны, в особенности, когда она наступала на Варшаву, и когда решающий взрыв в Европе ожидался со дня на день.

Это ухудшение положения Советской республики меньшевистская партия быстро учла, и в ее среде начались поиски „нового пути". Платформа эпохи „бури и натиска" начинала вызывать все более решительные возражения.

Мы знаем, правое крыло меньшевизма энергично боролось против „увлечений" 1919 года. Это крыло обособилось организационно, ушло в подполье, центр своей деятельности перенесло в белые „демократии" и ждало момента, когда подует обратный ветер, чтобы на-

чать атаки против „левого“ Центрального Комитета. Во второй половине 1920 года чуткое меньшевистское ухо стало улавливать все более усиливающееся дуновение мирового контр-революционного ветра... Как известно, чем меньшевик правее, тем он лучше улавливает всякие „атмосферные“ изменения в направлении контр-революции... На основе учета этих „атмосферных“ изменений в партии постепенно сложилась так-называемая „оппозиция линии ЦК“, объединившая правую и правый центр партии.

На исходе 1920 года „оппозиция линии ЦК“ выступила с обширной декларацией, в которой она подвергала жесточайшей критике „левую“ позицию ЦК 1919—1920 г.г. Чем именно оппозиция была недовольна? Чего требовала она от „левого“ Центрального Комитета?

Главный свой удар „оппозиция“ обрушила на тезисы апрельского (1920 г.) совещания. Выше мы видели, что в этих тезисах меньшевистская партия поднималась на совершенно необычную для нее высоту, но тут же благополучно опускалась в болото оппортунизма. Упрекнув совершенно справедливо авторов апрельских тезисов в „неопределенности и противоречивости“, оппозиция, вместе с тем, обвиняла их „в усилении, по сравнению с прошлым, элементов капитуляции демократических принципов перед гипнотизирующей стихией большевистского движения“. Трудно спорить против того, что „гипнотизирующая стихия“ основательно таки потрепала демократические одежды меньшевизма и заставила его „усиливать“ „элементы капитуляции“ перед принципами революционной диктатуры.

Далее „оппозиция“ протестовала против того, что в апрельских тезисах „столь подробно поставлен вопрос об ограничении демократии вообще“, что в них „столь серьезно обсуждается вопрос о „насилии“ в тактике пролетариата“, и „столь недвусмысленно развивается теория инициативного меньшинства“ („апрельские тезисы,— говорит оппозиция,—оставляют без внимания „очередные непосредственные задачи пролетариата“), что „апрельская позиция всецело сосредоточена на разработке предполагаемых методов самого захвата власти“. Словом, Центральный Комитет, по мнению оппозиции, совершенно свернул с истинного меньшевистского пути; он целиком подчинился „гипнотизирующей стихии“ большевизма. Обширная декларация оппозиции пестрит такого рода страшными для меньшевистского уха выражениями: „большевизм цекистской позиции“ „коммунистическая позиция цекистских резолюций“, „утопические выводы, освящающие коммунистическую теорию и практику“. „ЦК ставит перед пролетариатом фантастическую задачу замещения буржуазной демократии рабочей партией“. И т. д., и т. д.

Что же случилось? Почему руководимый правовернейшими меньшевиками ЦК сдал свои позиции большевизму? Оппозиция знает, в чем дело, и открыто об этом говорит. В декларации читаем:

„Невольно создавая впечатление, будто авторы этой (апрельской) линии проникнуты исключительным стремле-

нием не оказаться в неудобном положении на случай победы большевизма в Европе, апрельская позиция свертывает знамя демократии в момент ожесточенной борьбы за нее: авторы документа торопливо забегают вперед для упражнения на тему о том, можно ли будет ограничивать демократию в тех или иных случаях. С такой же поспешностью они опускают голову перед советской системой, нигде не возвышаясь до принципиальной критики ее, милостиво предоставляя пролетариату „выбирать"...

Обвинение лево-центрового меньшевизма в „забегании вперед", разумеется, несправедливо: он пытался кой-как лишь ковылять в хвосте революции. То, что русские меньшевики (вместе с немецкими независимцами) предоставляли пролетариату „выбирать" между советизмом и демократией, свидетельствует именно о том, что социал-демократический центр (в России—„левые" меньшевики, в Германии—независимцы, во Франции—лонгетисты, в Англии—независимцы, в Италии—модильянцы) пытался не отстать от революции настолько, чтобы „не оказаться в неудобном положении на случай победы большевизма в Европе". Русские меньшевики, немецкие независимцы и т. д. „опускали свою голову перед советской системой", полупризнавали ее и тем страховали свои собственные головы „на случай победы большевизма".

По совести говоря, это была вовсе не их вина,—это было прямое несчастье меньшевиков России и Европы. „Виновата" тут была революция: ведь, она вечно кому-нибудь несет несчастье!..

Однако, по поводу столь убедительной критики оппозиции необходимо поставить вот какого рода вопрос: почему на тезисы, принятые в апреле, обрушились только в декабре? Почему авторы декларации в течение многих месяцев терпели „большевизм цекистской позиции?" Из декларации мы узнаем, что „совокупность взглядов", в ней изложенных, „развивалась в разных местах" и, в конце-концов, „приобрела черты определенной платформы". Но почему это случилось в декабре 1920 года, а не в апреле того же года, когда „большинство" партии „избрало путь стыдливого коммунизма без чека?" Не случилось ли это от того, что сами авторы декларации испытывали на себе давление революции? Да, в 1919—1920 гг. нужно было либо как-нибудь приспособляться к революции, либо активно работать в рядах белой гвардии. Как мы видели выше, значительная часть меньшевиков внутри Советской России и все меньшевистские организации вне Советской России безоговорочно помогали белой буржуазно-помещичьей „демократии". Но вся партия на такой путь стать не могла,—это значило бы порвать последние нити, соединявшие ее хотя бы с некоторыми слоями рабочего класса. В известной своей части она должна была отдавать более или менее серьезную дань революционной фразеологии.

Насколько это, хотя бы внешнее приспособление к революции в ту эпоху в стране революции было необходимо,—показывает декларация самой „оппозиции линии ЦК“.

Подвергая эту линию беспощадной критике за ее „утопизм“, декларация одновременно заявляет:

„Несомненно, и с точки зрения экономической, и с точки зрения социально-политической на наших глазах открывается новая эпоха. Ее в праве мы назвать периодом „кануна социальной революции...“ „Борьба происходит в эпоху „последней фазы капиталистического строя...“ „Несомненно, на капиталистических отношениях лежит печать безысходности“.

Даже в конце 1920 года, когда объективное положение революции и в российском, и в международном масштабе ухудшилось, даже право-центровая меньшевистская оппозиция вынуждена была так оценивать положение. Подобного рода безнадежная для капитализма оценка его собственного положения являлась именно следствием давления могучего европейского рабочего движения. Его „гипнотизирующая сила“ продолжала проявлять свое действие. От нее лишь постепенно, по мере усиления буржуазии, освобождалась меньшевистская партия. Когда капитализм оправился настолько, что перешел в решительное наступление на рабочий класс, меньшевики перестали говорить о „новой эпохе“, о „последней фазе“ капитализма, о „печати безысходности“, на нем лежащей. Но тогда, к концу 1920 года, даже на правом фланге меньшевизма революционная словесность до известной степени считалась обязательной.

Покончив с критикой цекистской линии, оппозиция переходит к изложению собственной точки зрения на характер русской революции и стоящие перед социал-демократией очередные задачи.

„Наша революция,—читаем в декларации,—должна была поставить у власти буржуазию, как класс“. Но „старая торгово-промышленная буржуазия оказалась неспособной осуществить“ эту „историческую задачу“. Она была „отстранена“ Октябрьским переворотом. Однако, дело буржуазии ни в коем случае не проиграно, ибо что же, в конце-концов, произошло? „С разгромом Врангеля,—заявляет оппозиция,—революция в национальном масштабе победила. Но победила революция мелкобуржуазная, победил мелкий собственник, победил уклад, принципиально противоположный социализму“.

Ниже мы с этой точкой зрения о победе ново-буржуазной революции встретимся еще в книге главного меньшевистского теоретика гр. Далина; эта точка зрения пропитает собою новую платформу меньшевизма. Тогда о ней подробнее и поговорим. Сейчас последуем за оппозицией.

Итак, „победил уклад, принципиально противоположный социализму“. И очень хорошо, что так вышло. Ведь, революция „должна была“, так-сказать, исторически была обязана буржуазии расчистить

дорогу. Она и берет свое: в Октябре исчезла в старом виде, в момент величайшей военно-политической победы революции буржуазия празднует свою победу. Вместе с ней хочет праздновать ее и меньшевик, но одно досаднейшее обстоятельство портит дело: власть остается в руках Советов, которая пока-что властью буржуазной не является. Декларация говорит:

„Утопическая политика препятствует Советской власти стать действительно народной властью,—властью собственнической демократии и тем незыблемо утвердить завоевания революции... В коммунистической политике борются непрерывно две тенденции: коммунистический утопизм и здравый смысл созданного революцией собственника".

Меньшевистская оппозиция, как видите, дает добрый совет Коммунистической партии—стать властью „демократических собственников". При этих условиях, очевидно, оппозиция простила бы этой партии все грехи ее. Однако, ясно, что коммунисты от „утопии" не откажутся. Надо их заставить отказаться от диктатуры. С своей стороны, и меньшевистский ЦК должен отказаться от лозунга „власть трудящихся", должен бросить разговоры о „разделе власти" между пролетариатом и крестьянством. Все это подправленная диктатура, стыдливый „коммунизм без чека".

Что делать? Нужно выдвинуть лозунг „народовластия, демократической республики, в которой и на почве которой рабочий класс, предоставляя власть собственническому большинству, организуется в самостоятельную классовую силу". Вот решение вопроса. Тогда все будет хорошо, тогда „завоевания революции" будут „незыблемо утверждены..." для буржуазии. Ибо, ведь, ясно, что в собственнической демократии буржуазия немедленно была бы восстановлена в своих „правах", и она в самый короткий срок захватила бы в свои руки командующую роль в государстве.

Отвергая раздел власти между пролетариатом и крестьянством, оппозиция отвергает „раздел власти" и между рабочим классом и буржуазией. Она—против коалиции, ибо она—„партия пролетариата, партия принципиально оппозиционная". Следовательно, „принципиально" не может согласиться на участие во власти. „В противоположность ЦК,—говорит оппозиция,—мы считаем, что пролетариату удастся отстоять и свою долю завоевания революции, поскольку он не будет принимать участия во власти".

Итак, на сцену снова выступает „доля". В июне 1918 года Мартов говорил о „доле влияния", в декабре 1920 г. в борьбе с ним его друзья справа заговорили о „доле завоевания". Для рабочего класса всегда дробь, на целое он не имеет права претендовать. Доля пролетариата—довольствоваться „долей". На то он и наемный раб.

Но какая огромная разница между концом 1920 г. и летом

1918 года! Тогда „долевая“ „теория“ в меньшевистской партии господствовала, тогда за лозунги „демократии“ шла борьба на бесчисленных больших и малых фронтах, и меньшевистская партия на этих фронтах занимала виднейшее место. А теперь лозунги „демократии“ и практически, и теоретически были разоблачены, развенчаны, опозорены: теперь не было белых фронтов, и сама меньшевистская партия в своем большинстве только еще начинала освобождаться из-под влияния затихающих бурь революции. Борьбу за „демократию“ нужно было начинать сначала. Оппозиция считала, что в этом именно и заключается историческая задача партии меньшевиков. Но какими путями итти к завоеванию демократии? Поставить своей задачей насильственное устранение диктатуры? Ничего подобного! Оппозиция понимала, что это тоже „утопия“—мечтать о свержении большевизма на другой день после краха последнего белого фронта. Нужно итти другим путем. В декларации оппозиции читаем:

> „Перед нашей партией стоит задача содействовать превращению нынешней власти во власть демократическую путем давления пролетариата, организованного в самостоятельную классовую силу под знаменем социализма и демократии“.

Во второй половине 1922 года эта точка зрения „мирной“ ликвидации советского режима стала уже официальной позицией меньшевизма. Таким образом, оппозиция одержала полную победу. Но к этому времени ее своя же первоначальная позиция не удовлетворяет, она идет дальше, она отвергает „утопию“ мирной ликвидации Советского правительства и требует от партии признания необходимости свержения власти Советов. Таким образом, когда „левая“ стала на позицию правых, эти последние заняли еще более правую позицию... В свое время мы подробно поговорим об этом. Сейчас важно именно подчеркнуть, что оппозиция начала борьбу за „демократию“ лозунгами „превращения“ Советской власти „во власть демократическую“, что она „отвергала все движения, направленные к вооруженному ниспровержению Советской власти“.

Осторожно начинала социал-демократия борьбу за „народовластие“. Осторожность диктовалась недостаточной ясностью положения. Кончилась волна „мирового большевизма“ или не кончилась? А вдруг завтра революционная стихия снова вырвется наверх, опрокинет буржуазию, а вместе с ней и всех ее политических прислужников.

Выступление оппозиции сильно обострило фракционную борьбу внутри меньшевистской партии. Следует признать, что „левая“ позиция 1919—1920 гг. удерживала в партии известные, в общем революционно-настроенные, но недостаточно активные элементы. Крутой поворот направо означал разрыв с этими элементами. С другой стороны, резкий поворот на „демократические“ рельсы являлся вообще предприятием слишком рискованным в момент, когда весь мир продолжал оставаться в состоянии хаоса. Если оппозиция была

осторожна, то официальным руководителям партии требовалась тройная осторожность. Поэтому они считали целесообразным на известное время сохранить двусмысленный лозунг „власти трудящихся“. Тем более, что и на основе этого лозунга и на основе „советской конституции“ меньшевизм надеялся нанести достаточно серьезные удары режиму диктатуры.

Однако, внутри партии оппозиция выступала решительно. Еще до разгрома Врангеля правые требовали для себя права действовать объединенно со стоявшими вне партии крайне правыми бело-социал-демократическими группами. Центральный Комитет „запретил“ правым единение с внепартийными группами и одновременно признал крайне вредным существование фракционного центра. Разумеется, „запрещение“ не имело никакого практического значения, и организованная борьба правой оппозиции за „оздоровление“ партии продолжалась. На-ряду с безоговорочным признанием лозунгов демократии, она в области международной настаивала на возвращении во Второй Интернационал, откуда меньшевики вышли в марте 1920 года.

В ответ на домогательства правых, левая выдвигает вопрос о необходимости выработки программы партии. Центральный Комитет постановил вопрос о программе поставить на обсуждение ближайшей партийной конференции. Но когда приступили к выработке основ программы, обнаружились резкие разногласия, ЦК разделился на две почти равные части, и он решил вопрос отложить, запросив мнение членов заграничной делегации партии—Мартова и Абрамовича.

10-го января 1921 года Мартов ответил Центральному Комитету письмом, представляющим собой громадный интерес для характеристики не только русского, но и международного меньшевизма того периода. Письмо Мартова было опубликовано в выдержках автором настоящих строк в „Правде“ в мае 1921 года. Остановимся на этом документе несколько подробнее.

Не программа, а „формула присяги“.

Мартов предлагал Центральному Комитету оставить мысль о выработке программы. „Я“,—писал Мартов,—„все более проникаюсь убеждением, что было бы опасным вырабатывать партийную программу или документ, являющийся суррогатом программы“.

Почему? Что случилось? Какие причины делали „опасным“ выработку программы или даже ее „суррогата“?

Мартов отвечает так:

— „Чем более я знакомлюсь с состоянием умов в лагере европейских марксистов, тем более для меня ясно, что попытка в этот переходный момент, когда тенденции объективного развития чуть-чуть намечаются и проявляются в самых запутанных сплетениях, пытаться формулировать эти тенденции не как случайные гипотезы, но твердые теоремы, безнадежна“.

Как видите, мы здесь имеем дело с поразительным убожеством, с полнейшим идейным крахом. Мартов ознакомился с „состоянием умов“ европейских социал-демократов и убедился, что тенденции „чуть-чуть намечаются“, что все „запутано“...

А где же марксизм? Что сталось с методом исторического материализма? Ах, оставьте, марксизм беде помочь не может:

— „Состояние мира сейчас настолько исключительно, настолько не укладывается в наши привычные схемы марксистского анализа, что вывести основную линию развития требует новой научной работы, которая во многом дополнила бы и, может-быть, изменила бы экономическую концепцию Маркса“.

Так. „Дополнить“ и „изменить“, произвести новую „научную“ „ревизию“. В начале 1921 года обо всем этом вожди меньшевизма говорили в закрытых письмах. Публично о недостаточности „привычных схем марксистского анализа“—ни слова. Перед лицом массы все они выступали в качестве правовернейших марксистов.

Но в скором времени „ревизия“ началась. Каутский в новой „программе пролетарской революции“ ничего уже от марксизма не оставил,—он подверг „ревизии“ даже свою „эрфуртскую программу“, внеся в нее „новые“, ревизионистские поправки... От лица русского меньшевизма за „ревизию“ марксизма взялся Далин, беспощадно расправившийся с такими безнадежными „утопистами“, как Маркс, Энгельс, Либкнехт, Бебель... Наконец, восстановленный „единый“ „рабочий Интернационал“ на своем гамбургском конгрессе настолько „свободно“ обошелся с „концепцией Маркса“, что даже такие вопросы, как „сотрудничество классов“ и „защита отечества“ оставил „открытыми“, т.-е. фактически „сотрудничество“ с господствующими классами как в области внутренней, так и внешней политики положил в основу всей своей будущей деятельности.

Да, марксизм ныне „дополнен“ и „изменен“ социал-демократией настолько, что ее теория целиком освободилась от „утопических“ „концепций Маркса“. Авторы „Коммунистического Манифеста“ принадлежат лишь мировому коммунизму...

Вернемся к Мартову. Он продолжал:

— „Такие авторитетные экономисты, как Гильфердинг, более чем осторожны в экономическом прогнозе. В частных беседах он прямо признает, что для него еще вопрос, переживает ли капитализм последнюю упадочную фазу своего развития, или же предстоит после затяжного гнилостного кризиса фаза подъема и регулированного капитализма, которому в течение целого периода будет удаваться приучить часть рабочего класса к разделу прибыли и сверх-прибыли, что предполагает возрождение реформизма в рабочем движении. Вернее сказать, что он сам склоняется к тому, что это именно будет“.

Так, оказывается, говорил в „частных беседах“ вождь немецкого меньшевизма Гильфердинг, а публично перед лицом рабочего клас-

са в тот период все эти господа болтали о социалистической революции и пытались конкурировать в „настоящей“ революционности с Коммунистической партией.

Это был, конечно, чудовищный обман рабочих масс, это была политическая трусость, двурушничество и фарисейство.

Впрочем, Мартов был „левее“ Гильфердинга, его „скептицизма“ он не разделял:

— „Весьма вероятный период, когда разрушенную войной экономику будет восстановлять капитализм, а не социализм, мне представляется лишь моментом в развитии революционной эпохи, за которым должен последовать новый экономический кризис, так как регулированному капитализму не удастся восстановить экономическое равновесие, в корне нарушенное относительным ослаблением производительных сил воюющей Европы в пользу Америки, Японии и нейтральных стран“.

Как видите, в данном пункте Мартов рассуждал „немножко наоборот“, чем Гильфердинг. Но он именно только рассуждал,—как книжник, как схоластик. Он не верил своим собственным словам. Он не верил в свою собственную концепцию. В мире все так сложно, запутанно, противоречиво. „Переломный момент“ так неясен. Душа полна тревоги и сомнений. Никто не знает, что день грядущий нам готовит.

Мартов рассуждал несколько иначе, чем Гильфердинг, но поступал именно так, как Гильфердинг и компания. Слушайте:

„Но как бы я ни смотрел на дело, тот факт, что Каутский и Гильфердинг питают такие сомнения, заставляет очень осторожно относиться к программному обоснованию нашей политики основными тенденциями экономического развития“.

Партия Каутского-Гильфердинга, клянясь „революционным марксизмом“, помогала буржуазии в деле срыва пролетарской революции. Эти социал-демократические фарисеи не хотели революции, не верили в революцию, держали курс на восстановление капитализма. На устах у этой бессовестной изолгавшейся мещанской „социалистической“ интеллигенции была „революционная“ „марксистская“ фраза, а в „частных беседах“, в закрытых письмах,—полный отказ от революции, от марксизма, глубокий скептицизм, все разъедающее неверие...

Итак, программу вырабатывать опасно. Поэтому,—советовал Мартов своим друзьям,—„пока вся картина экономического процесса в мировом масштабе неясна, мы должны эмпирически намечать нашу политику, подводя итоги уже завершенной фазе развития новой эпохи“.

Это называлась „марксистская“ „революционная“ партия. Но чем она отличалась от обывателя? „Подводить итоги уже завершенной фазе“—да зачем для этого партия, да еще „социалистическая“? Если партия не может охватить определенный исторический период, если

она неспособна нащупать пульс жизни, если она не в состоянии определить основную линию развития эпохи, то, как партия, она теряет право на существование.

Но фактически меньшевизм определял по-своему эту линию развития. Гильфердинг, Каутский,—словом, партия немецких независимцев, держала курс на победу капитализма. Р. Абрамович в своем письме к ЦК меньшевиков приблизительно в тот же период констатировал, что это общее явление для мирового меньшевизма. Указав на „безнадежность“ всяких революционных попыток в ближайшем будущем во Франции и Англии, заминку в Италии, Абрамович продолжает:

—„Что во всем этом важно для нас с внутрипартийной (в европейском масштабе) точки зрения, так это намечающийся в результате всего этого уклон вправо в настроении. Заметьте: не в теории, а в настроении. Но лиха беда—начало. Слышатся уже голоса, что предстоит большая полоса длительного затишья и органической работы“.

Настоящая жизнь для меньшевизма начинается там, где есть „затишье“, где представляется возможность „органической работы“, т.-е. фактического „сотрудничества“ с капиталистической буржуазией. И вот мировой меньшевизм на известное время, трусливо сохраняя теорию, которую он выдавал за революционную, на деле уходил вправо. Ибо, ведь, поправение „не в теории, а в настроении“ означало поправение не столько на бумаге, сколько в действии, практически. В то время „красная бумажка“ еще была нужна. Скоро, когда „линия развития“ определилась, когда поражение рабочего класса стало бесспорным, мировой меньшевизм бесцеремонно отбросил прочь революционную мишуру.

Несомненно, „уклон вправо в настроении“ имел место во всех фракциях русского меньшевизма. От этого „уклона“ не были свободны „левые“ Мартов и Абрамович. Процесс поправения начался одновременно во всех главных партиях европейского социал-демократического центра. Заминка в мировом рабочем движении и объективное ухудшение положения первой в мире пролетарской республики,—оба эти факта стимулировали поправение центристских партий.

Но в России более, чем где-либо, приходилась соблюдать осторожность, говорить еще вполголоса, поворачивать вправо по возможности незаметно, чтобы в случае чего сразу можно было вернуться на „левые“ позиции. Поэтому Мартов программу считал делом „опасным“: раз возьмешься ее составлять, хитрить не придется, нужно будет в нее вписать то, что думаешь, то что соответствует „настроению“ партии. А в таком случае программа выйдет ультра-правая, шейдемановская. С такой программой в Советской России „показываться на людях“ нельзя; такая программа может вызвать раскол в партии. Чтобы избежать всех этих неприятностей, Мартов предлагал:

„Поскольку публика рвется иметь обязательный для членов партии документ, уже гораздо предпочтительнее просто

сформулировать, к чему обязывает членство партии, и в эту формулу не включать ни в коем случае положений, которые являются предвидением объективного хода развития".

Если даже ты знаешь, куда идет „объективный ход развития",— молчи. О программе заботы брось. Вместо программы, выработаем „формулу присяги". Так учил мудрый Мартов. И учил не зря: он, ведь, был знаком с „состоянием умов в лагере европейских марксистов", вел „частные беседы" с Гильфердингом и Каутским...

В „формулу присяги" Мартов предлагал включить следующие признания:

„Признание первое:

„Власть, вырванная из рук буржуазных классов, должна остаться в руках трудящихся".

Напоминаем, что эти слова были написаны в январе 1921 года, когда непосредственного давления европейской революции уже не чувствовалось, когда в меньшевистской партии оппозиция начала серьезную борьбу за „демократию", против всякого „утопизма", когда оппозиция „власть трудящихся" приравнивала к большевистской „диктатуре без чека". Придавал ли Мартов своей „формуле присяги" серьезное значение? Думал ли он отстаивать пункты „формулы присяги"? Нет, все его радикальные лозунги были только тактическим ходом, вынуждаемым невыясненностью „объективного хода событий". Через несколько месяцев Мартов совершенно откровенно „разъяснил" смысл лозунга „власть трудящихся". Он заявил, что этот лозунг имел целью „пробить брешь" в системе советизма, открыть дорогу „демократии".

Расплывчатый лозунг „власть трудящихся" трактовался меньшевиками в контр-революционном смысле. Он противопоставлялся диктатуре, он целиком был направлен против Коммунистической партии. Внешне приличная „формула присяги" (в ней говорилось даже об „обобществлении средств производства") нужна была меньшевикам для того, чтобы прикрывшись „почти-советскими" лозунгами, подкапываться под республику Советов, пока нельзя будет открыто стать под знамя демократии.

1-го февраля 1921 г. в Берлине под редакцией Мартова и Абрамовича вышел № 1 журнала „Социалистический Вестник". В программной статье об „экономике и политике" говорилось о необходимости отказаться от „системы террора", коренным образом изменить курс политики в сторону возвращения „к свободам". Нужна,—говорилось в передовице,—„новая политика", и тогда появится возможность „новой экономики".

Как добиться осуществления этой задачи? Как завоевать „новую политику"? По мнению „Социалистического Вестника", весною 1921 г. перед Советской страной стояла следующая дилемма:

— „Либо оппозиция внутри РКП осознает объективные задачи, стоящие перед русской революцией, и найдет в себе до-

статочно сил и решительности, чтобы осуществить их; либо участь большевизма, а вместе с ним, быть-может, и всей русской революции, будет решена и взвешена неумолимой судьбой. Сохранение данной диктатуры означает экономический застой, упадок, разложение и смерть".

Пророчества, вечно кошмарные и вечно обывательские пророчества! „Оппозиция внутри РКП" не пошла по пути, намеченному „Социалистическим Вестником". Мы поступили совершенно обратно тому, как советовали меньшевики: сохранили старую „политическую политику" и ввели новую экономическую политику. Диктатура целиком сохранена, и „неумолимая судьба" оказалась довольно милостивой к „диктаторам". „Экономический застой, упадок, разложение", — все эти ужасы медленно, но верно отходят в прошлое. „Смерть" более не страшна.

Но в данном случае интерес представляют не все эти пророчества „Социалистического Вестника", не надежды, возлагаемые им на „оппозицию РКП". Замечательно, что в программной статье главного меньшевистского журнала о „демократической республике", „народовластии" нет ни слова. В этот период не только Мартов—Абрамович, но даже Дан все еще клянется в верности „советской системе". В марте 1921 года в своем показании во время его ареста в Петрограде Дан говорил:

„Для настоящего момента считаю в России необходимым, в интересах трудящихся и особенно пролетариата, сохранение советской системы, но с тем, чтобы эта система была, согласно и теории ее, и ее конституции, действительным свободным самоуправлением трудящихся, а не замаскированной формой партийной диктатуры. Что касается дальнейшей эволюции этой системы к совершенным демократическим формам, в которых, по моему убеждению, только и может быть осуществлено социалистическое переустройство общества, то темп и характер такой эволюции настолько зависят, с точки зрения интересов рабочего класса, от ряда непредвиденных ныне международных и внутренних факторов, что ни о какой твердой связанности в этом отношении для нашей партии не может быть и речи".

Разумеется, дановская „советская система" при тогдашних условиях означала ликвидацию диктатуры и, следовательно, в конечном счете ликвидацию самой советской системы. Но здесь интересно то, что вожди меньшевизма формально все еще продолжают итти под „советским знаменем" и вопрос о „совершенных демократических формах" откладывают на неопределенное время, в зависимости „от ряда непредвидимых ныне международных и внутренних факторов".

Это было совершенно ложное положение, — это было полное отсутствие своей политической линии. „Советизм", даже „конституцион-

ный", не мог быть требованием меньшевизма,—с ним он мог мириться, как с „неизбежным злом". В защиту „демократии" выступить официально он в этот период еще не решается. „Формула присяги" не искренна, и для все возрастающей оппозиции неприемлема. О программе и думать невозможно.

В результате меньшевизм вступает в состояние тяжелого внутреннего кризиса. Правая тянет прямо в лагерь буржуазии. На левом фланге возникает вопрос о ликвидации партии. За ликвидацию стояли те, кто активную борьбу с республикой Советов считал недопустимой. Но подавляющее большинство партии было непримиримо к диктатуре пролетариата. Поэтому мысль о ликвидации решительно была отвергнута. Наоборот, в порядок дня ставится всемерное усиление борьбы с Советской властью и Коммунистической партией. Активность меньшевистских организаций усиливается. Внутренние трения не мешают партии начать „мобилизацию рабочего класса" против республики Советов.

Кронштадт.

2-го марта началось кронштадтское восстание. Основной, решающий лозунг мятежников: „свободные, независимые, беспартийные Советы!". „Социалистический Вестник" в номере от 3-го марта по этому поводу писал:

> „Массы, прошедшие большевистскую политическую школу, продолжающие признавать идеалом „власть Советов" и верить в немедленную осуществимость социалистического строя, идут на смерть за меньшевистские лозунги политической свободы, свободно избранных Советов, раскрепощения профсоюзов, уничтожения партийной диктатуры коммунистов и террора чрезвычаек и соглашения с крестьянством на почве уступок требованиям свободы торговли... Российская социал-демократия имеет тем более полное право торжествовать, чем менее она, за полным отсутствием среди моряков ее организации, имела отношение к их движению".

Итак, Кронштадт политически наш, — заявляет центральный орган меньшевистской партии. Но и левые эсеры провозгласили, что платформа Кронштадта—их платформа. И правые эсеры дело мятежного Кронштадта объявили своим делом, и Чернов, в качестве председателя учредилки, вознамерился „возглавить" восстание. К Кронштадту потянулись „братские руки" Милюковых, Набоковых, Бурцевых, Рябушинских,—всей буржуазно-помещичьей эмиграции. Наконец, кронштадтские лозунги признали своими некоторые анархистские группировки: под влиянием кронштадтского мятежа засуетились и стали к чему-то готовиться „федерации" и „конфедерации" Москвы, Петрограда, Украины...

Чьим делом являлся Кронштадт? Программу какой партии выставлял он? По своему внешнему характеру, лозунги Кронштадта

были скорее всего, лево-эсеровскими. Но по существу кронштадтский мятеж могли признать своим и меньшевики, и эсеры, и кадеты, и черносотенцы. Ибо Кронштадт „пробивал брешь“ в советской системе, передвигал власть направо, открывал ворота сначала „демократической“, а затем и буржуазно-помещичьей контр-революции. И поэтому меньшевики были за Кронштадт. Поэтому они пытались поднять рабочие массы против Советской власти. „Пробить брешь!“ Восстановить господство буржуазии!

Однако, вначале „Социалистический Вестник“ пытался создать впечатление, что ничего опасного для революции кронштадтский мятеж собой не представляет. В номере от 18-го марта „Социалистического Вестника“ читаем:

> „Кронштадтское движение носит характер движения, направленного не против революции и власти трудящихся, а лишь против данного правительства (в роде июльского восстания левых эсеров в 1918 году). Русская реакция лишь теперь пытается, но пока безуспешно, к нему примазаться (курсив „С. В.“).

Что значит „против данного правительства“? Мятеж был поднят не против „лиц“, а против партии, против режима, против диктатуры. Сменить „данное правительство“ означало изменить весь государственный строй, ибо советизм неразрывно связан с коммунизмом, ибо действительной советской партией является в России только Коммунистическая партия. Без „данного правительства“, без Коммунистической партии, не могли быть сохранены основные завоевания Октябрьской революции.

Победа Кронштадта означала бы победу именно над революцией, над подлинной „властью трудящихся“. Поэтому реакция немедленно,— и вовсе не „безуспешно“,—сделала попытку „примазаться“ к мятежу. Она прекрасно учитывала, что у революции нет и не может быть другого правительства, кроме „данного правительства“, что всякое другое правительство, вышедшее из любой не-коммунистической партии, станет игрушкой в руках буржуазно-помещичьего блока. „Социалистический Вестник“ утешал себя тем, что, дескать, попытки реакции „примазаться“ к мятежу против „данного правительства“ пока безуспешны. Меньшевистский орган не мог, разумеется, взять на себя смелость заявить, что эти попытки и впредь будут безуспешны. С победой Кронштадта реакция получала полное „право гражданства“. За две недели она уже успела опутать со всех сторон мятежных матросов...

В чем причины восстания Кронштадта? В „экономическом банкротстве“ большевизма,—отвечает „Социалистический Вестник“. РКП отныне вступает в „исторический тупик“. Что нужно делать? „Социалистический Вестник“ заявляет:

> „В данной международной и внутренней обстановке нет и не может быть иного выхода, кроме немедленного и бесповоротного разрыва с режимом террористической

диктатуры, кроме апелляции к самодеятельности масс, нет спасения вне отказа от утопической хозяйственной политики и соглашения с другими социалистическими партиями на основе утверждения власти трудящихся“ (курсив „С. В.“).

В другой статье, написанной после введения продналога, „Соц. Вестник“, изрекая, что „отныне внутреннее разложение большевизма пойдет быстрыми шагами“, заявляет: „сказав А, нужно сказать Б; сделав экономические уступки, нужно изменить политический строй, необходимо „реальное народное представительство“.

Таким образом, в одном и том же номере, в двух смежных статьях меньшевистский орган дает двоякого рода решение основного политического вопроса о власти.

Решение первое. Пусть коммунисты отказываются от „террористической диктатуры“, пусть они заключают „соглашение с другими социалистическими партиями“—с меньшевиками, правыми и левыми эсерами. При условии отказа от всяких „утопий“, „советская система“ может на некоторое время остаться, „конституционно“ связанная по рукам и ногам...

Решение второе. Большевики начали отступление. О „соглашении“ говорить уже не стоит. Большевики должны капитулировать. Весь политический режим должен быть изменен,—советизм нужно заменить „реальным народным представительством“, т.-е. демократическим парламентом... Впрочем, слово „демократия“ нигде упомянуто не было: „демократия“ выступала под псевдонимом „реального народного представительства“. По существу, это был иронический псевдоним, ибо кто же не знает, что парламентарное представительство обладает какими-угодно качествами, но только не „реальностью“?..

Так вот, сейчас же после НЭП‘а меньшевизм смелеет и, вместо „власти трудящихся“, предлагает „реальную“ „всенародную“ „демократию“. Учитывая новое ослабление Советской власти, он делает равнение направо, он становится более агрессивным...

Вернемся к позиции меньшевистской партии в дни Кронштадта. Мы ознакомились со взглядами ее заграничного штаба. Посмотрим теперь, как действовали меньшевики внутри России.

Выше мы видели, „Социалистический Вестник“ с „полным правом“ „торжествовал“ по поводу принятия мятежниками меньшевистских лозунгов. „Социалистический Вестник“ идейную победу социал-демократии признавал „тем более“ крупной, „чем менее“ меньшевистские организации имели отношение к движению „моряков“. У нас,—заявлял меньшевистский орган,—„среди моряков“ совершенно не было сил,—поэтому меньшевики в кронштадтском мятеже непосредственного участия не принимали. Нужно полагать в тот момент, редакторы „Социалистического Вестника“ очень об этом жалели, ибо, ведь, всякой партии хочется свои лозунги осуществлять своими собственными руками.

Однако, впоследствии редакция „Социалистического Вестника", вероятно, получила приятную для нее информацию. Ее партия также была представлена в штабе кронштадтского восстания: в „ревком" входили меньшевики Вальк и Романенко. В „ревкоме" эти два меньшевика, между прочим, „отличились" тем, что поддержали предложение Чернова прибыть в Кронштадт с отрядом и „возглавить" движение и подняли вопрос об организации... городского самоуправления! Ну, кроме меньшевиков, разве кому-либо могла притти в голову мысль об организации „демократической" думы под градом пуль и под грохот пушек?

Однако, роль меньшевистской партии не исчерпывается „снабжением" мятежников лозунгами и участием ее двух (разумеется, „неофициальных"!) представителей в „ревкоме". Ее деятельность в период Кронштадта была весьма сложной и многообразной. Чтобы картина работы партии меньшевиков в кронштадтские недели была ясна, попытаемся восстановить в памяти состояние классовых и политических сил того времени.

* * *

Мелкая буржуазия. В своей подавляющей деревенской части она остро реагирует на упадок сельского хозяйства, на разверстку, на запрещение торговли „продуктами своего труда", на все вообще экономические мероприятия „ускоренного коммунизма".

Мелкая буржуазия городов недовольна и протестует прежде всего против ликвидации частной торговли, стеснений мелкой и кустарной промышленности и т. д. Эти экономические „узловые пункты"—основа недовольства всей мелкой буржуазии. С властью, которая не разрешила бы эти вопросы, в общем, в желательном ей духе, мелкая буржуазия не примирилась бы. Власть, сделавшая необходимые экономические уступки мелким собственникам, примирила бы их с собою, сделала бы политически нейтральными.

На основе экономического недовольства мелкой буржуазии возникает ряд массовых политических движений. Здесь на первом месте стоят крестьянские восстания (антоновщина, движение в Сибири, на Северном Кавказе и т. д.). Эти движения политически направляются партиями эсеров и энесов, в ряде случаев активную роль в них играют кадетские и черносотенные (главным образом, офицерские) силы. Политическим проявлением экономического недовольства мелкой буржуазии является и Кронштадт.

Партии эсеров и меньшевиков пытаются всякое экономическое недовольство мелкой буржуазии превратить в политическое движение, а всякое политическое движение целиком направить на борьбу во имя ликвидации республики Советов. Внутри России работу в этом направлении ведут нелегальные партийные организации и „крестьянские союзы", за границей по линии политической действуют „заграничные делегации" партий эсеров и меньше-

виков. Практически-организационную работу по подготовке восстания против власти Советов ведет, главным образом, эсеровский Административный Центр, тесно связанный с некоторыми европейскими правительствами.

В прибалтийских государствах, главным образом, под руководством эсеров, создается ряд военных отрядов, набранных из остатков армии Юденича, из ингерманландских, карельских и т. п. белых авантюристов. Внутреннее движение и внешний удар,—этим путем, по мнению политических вождей мелкой буржуазии, республика Советов должна быть ликвидирована.

Крупная буржуазия. Она недовольна решительно всем пооктябрьским положением. Но „своего" массового движения, разумеется, создать не может. Крупная буржуазия рассчитывает добиться своих целей, опираясь на массовое движение мелкой буржуазии. Поэтому она всеми силами поддерживает крестьянские восстания, с восторгом поддерживает Кронштадт. Чтобы не „отпугивать" мелкой буржуазии, крупная буржуазия временно прячет свои собственные лозунги и делает вид, что принимает лозунги „умеренных революционеров" („беспартийные советы", ликвидация диктатуры „одной партии" и т. д.).

Не имея возможности непосредственно создать массовое движение, крупная буржуазия центр своей практической деятельности сосредоточивает на создании узких заговорщических организаций. Это—главные политические штабы буржуазии. Эти штабы располагают небольшими, но сильными ударными отрядами. Главная задача заговорщических штабов—воспользоваться движением или плодами побед мелкой буржуазии. Когда самый страшный враг слева сокрушен, когда мелкая буржуазия,—даже в час своей „величайшей" победы расхлябанная, нерешительная, трусливая,—когда она остается лицом к лицу с крупной буржуазией, организованной в сильный кулак,—капитуляция „победоносной" мелкой буржуазии неизбежна. Тогда заговорщический штаб буржуазии превращается в „демократическое правительство „освобожденной от анархии" страны.

Мы видели выше, во все периоды революции буржуазия имела такие главные оперативные штабы. Эти штабы подготовляли военную борьбу с правительством Советов,—либо в связи с внешним фронтом, либо в связи с внутренним движением. И в том, и в другом случае эти штабы ищут через меньшевиков и эсеров возможно более тесной связи с теми или иными группами рабочего класса и мелкой буржуазии, главным образом, крестьянства. Им нужна какая-либо массовая, хотя бы, в крайнем случае, массовидная опора...

В период Кронштадта главным заговорщическим штабом буржуазии являлась „Петроградская боевая организация" (ПБО), возглавлявшаяся проф. Таганцевым и объединившая вокруг себя виднейших деятелей буржуазно-помещичьей реакции.

За границей „Петроградская боевая организация“ имела прямую связь с Национальным Союзом (Струве, Бурцев, Набоков), с Ц. К. партии кадетов, с эмигрантскими торгово-промышленными и финансовыми организациями. Ниже мы подробнее ознакомимся с этой последней крупной заговорщической организацией русской буржуазии.

Рабочий класс. Тягчайшее материальное положение, усталость, даже отчаяние в некоторых слоях вынуждают его на отдельные оппозиционные выступления. У пролетариата, разумеется, нет такого экономического требования, которое он, как класс, мог бы, противопоставив себя власти, „предъявить“ ей, ибо никакого спора, никаких принципиальных расхождений относительно того, что нужно, между рабочим классом и Советской властью нет и быть не может. Весь вопрос в том, что осуществимо, что достижимо для улучшения положения рабочего класса на данный период, при данном положении народного хозяйства.

В некоторой своей части оппозиционные выступления рабочих отражают собою недовольство крестьянства. Наконец, весь пролетариат в этот „переходный период в переходном периоде“ охвачен тревогой за судьбу своей революции, за будущее освобожденной страны. В результате—рабочий класс находится в состоянии волнения, неустойчивости. Внешним выражением такого состояния являются стачки, получившие у самих рабочих характернейшее название „волынки“. Против буржуазии и помещиков, против всех вообще враждебных классов—боевые забастовки, против своей Советской власти—„волынка“ выражающая не боевизм в отношении к ней, а недовольство частностями, недовольство на исторический масштаб мелкими, злободневными вопросами.

Но антисоветские политические группировки пытаются частичное недовольство рабочих превратить в непримиримую ненависть пролетариата к Советской власти. Официальная партия меньшевиков, неофициальные меньшевики, так-называемая внепартийная „группа социал-демократов“, эсеры левые, эсеры правые, анархисты,—все эти партии и группы ведут среди рабочих бешеную агитацию под основным лозунгом: „Долой диктатуру!“ Для координации действий создается „блок социалистических партий“. В качестве прикрытия „блок“ воссоздает пресловутое „собрание уполномоченных фабрик и заводов“,—институт, долженствовавший еще в 1918 году стать рычагом ликвидации Советской власти. „Блок“ представляет собою обломки некогда сильных массовых партий, „собрание уполномоченных“ неизвестно кого представляет, ибо широкая рабочая масса никакого участия в воскрешении этой контр-революционной организации не принимала. Как в „блоке“, так и в „собрании уполномоченных“ верховодит правое крыло „социалистической демократии“. Официальные меньшевики осторожны: их участие еле уловимо...

Ознакомимся теперь поближе с главным военно-политическим штабом крупной буржуазии.

Петроградская военная организация подготовляла восстание в северо-западной области России. Район восстания должен был охватить линию Петроград—Рыбинск—Бологое—Старая Русса—Дно. Укрепившись на этом обширном пространстве, уже при помощи иностранных государств и имевшихся в эмиграции белых сил, мятежники рассчитывали двинуться дальше в глубь России.

Еще до восстания ПБО намеревалась организовать ряд террористических актов против руководителей Советской власти в Петрограде.

Во главе ПБО стоял проф. Таганцев, бывший помещик. Руководителем террористической секции являлся некий Орловский, сотрудник ряда иностранных контр-разведочных организаций. В рядах ПБО состояли видные деятели старой либеральной и царистской России—кадет кн. Шаховской, проф. Лазаревский, б. сенатор Манухин, проф. Тихвинский, поэт Гумилев и ряд других лиц,—всего несколько десятков человек. Все наиболее активное из либеральных и „государственно-мыслящих“ кругов Петрограда сгруппировалось вокруг ПБО.

В Париже у ПБО была своего рода „группа содействия“ из членов Национального Союза Карташева, Струве, ген. Владимирова, графа Коковцева и др. Ген. Владимиров организовал военные группы, которые после удачного восстания немедленно должны были поспешить на помощь новой власти. Струве—Коковцев организовали группу финансистов для организации денежной и продовольственной помощи восставшим.

В Финляндии представителем ПБО являлся кадетский профессор Д. Гримм, вокруг которого группировались небольшие белые силы, и который поддерживал „контакт“ с финскими белыми авантюристами.

Далее ПБО занималась организацией подпольных банковских контор, с целью срыва экономических мероприятий Советской власти. Представители ПБО держали белую эмиграцию в курсе состояния важнейших отраслей советской промышленности. Главное их внимание, естественно, привлекала нефть. Информатором белых по нефтяным делам являлся находившийся на советской службе проф. Тихвинский. Вот его характернейшее показание, данное следователю ВЧК:

> „Моя связь с Таганцевым, как с участником антисоветской организации, началась приблизительно в конце минувшей зимы (1920 г.). Я давал Таганцеву информацию о состоянии нефтяного дела в Советской России для напечатания в заграничной белой прессе. Я дал ему доклад о бакинской нефти, изданный в виде брошюры Азербейджанским нефтяным комитетом. Возможно, что эта брошюра предназначалась для пересылки Нобелю в Стокгольм. Сведения я давал Таганцеву не систематически. Сведения эти касались: а) положения нефтепромышленности и,

в частности бакинских промыслов, б) об общем количестве нефтяных продуктов в Петрограде, в) о количестве добытой нефти в республике. Осведомительные таблицы о количестве нефтепродуктов в Петрограде я получал от В. В. Гарисена и Б. К. Зиновьева. Эти таблицы я получал от них в официальном порядке. Иногда я их передавал В. Н. Таганцеву".

Как видим, организация работала весьма „солидно", размах был широкий. Готовясь к захвату власти, буржуазия одновременно внимательнейшим образом следила из-за границы за состоянием экономики.

Каким образом ПБО рассчитывала успешно провести восстание? На какие силы она думала опереться, какие силы рассчитывала нейтрализовать? Таганцев и его организация всячески старались связаться так или иначе с фабриками и заводами. Районные коменданты ПБО должны были поддерживать связь с предприятиями, на некоторых из коих у белых даже были, повидимому, свои ячейки. Рассчитывал ли Таганцев в решающий момент повести рабочих за собой? Вряд ли. Он не мог не понимать, что активная поддержка белого восстания со стороны питерского пролетариата невозможна. Но этого Таганцеву и не было нужно. Для него достаточно было, если бы рабочие в отношении Советской власти стали в непримиримо враждебное отношение, в отношении же белых заняли нейтралитет. На фоне такого состояния рабочего класса отдельные наиболее развращенные, политически бесчестные рабочие группки могли активно присоединиться к белым, и в результате „всенародная" поддержка была бы обеспечена.

Именно для достижения этой задачи ПБО искала связи с социал-демократией, с „собранием уполномоченных", и она эту связь установила.

С организацией Таганцева вошел в „тактическое соглашение" „блок социалистических партий" со своим двойником „собранием уполномоченных петроградских фабрик и заводов". Непосредственно связь с ПБО поддерживали социал-демократы Ястребов, Богомил, Назаров. Центральной фигурой при этом являлся Ястребов. Его расстрел вызвал взрыв негодования в меньшевистской партии... По поводу своей роли сам Ястребов на допросе показал следующее:

„В конце марта ко мне обратился Михаил Кондратьевич Названов с предложением познакомить одну политическую группу, имеющую связь с заграницей, с меньшевиками. Я ему ответил, что у меня есть знакомый меньшевик. Названов прислал ко мне в кабинет Владимира Николаевича (теперь, при очной ставке, я вижу, что это Владимир Николаевич Таганцев). Я вызвал к себе в кабинет Павла Николаевича Богомила, старого активного меньшевика, служащего в союзе рабочих производственных кооперативов в должности инспектора, на Невском пр., 59. Свидание Богомила с В. Н. состоялось у меня в кабинете. О существовании союза уполномоченных фабрик и

заводов я узнал от Богомила, кажется, во время кронштадтских событий. Кроме Богомила и Назарова (бывш. рабоч. Гознака), я больше никого не знал из лиц, принадлежащих к этому союзу. От разговоров с Богомилом и Назаровым у меня составилось впечатление, что этот социалистический блок, включавший также эсеров, носит несколько авантюристический характер, что этот союз ничего серьезного в смысле широкого массового движения собой не представляет. Этот блок стоял как-будто на платформе кронштадтских лозунгов—беспартийных Советов; но в этом блоке было и течение, стоявшее за учредительное собрание; но я точно не могу припомнить и сказать, какое течение было преобладающим. Разговор Богомила и В. Н. происходил в моем кабинете, но я во время их беседы вышел. Из моего разговора с В. Н. я знал об его причастности к какой-то организации, но я не знал, к какой именно организации. Я знал, что В. Н., по его словам, имеет связь с заграницей. Вторая встреча В. Н. с Богомилом тоже произошла в моем кабинете, но они сейчас же ушли куда-то. В начале мая с. г. В. Н. принес мне для передачи Богомилу отпечатанные за границей воззвания „союза уполномоченных фабрик и заводов“ и белые газеты. Богомил мне потом сказал, что за границей текст прокламаций был искажен и, кажется, искажен злостно. Прокламациями, данными мне В. Н., я интересовался мало. Моя роль в этом деле свелась исключительно к сведению Богомила с В. Н. и предоставлению моего кабинета для разговора. Сознаю, что поступил легкомысленно, устроив это знакомство. Вышеизложенное написано с моих слов и мне прочтено. Ястребов“.

Если судить по показанию Ястребова, то он поступил только лишь „легкомысленно“: познакомил „старого активного меньшевика“ с белым заговорщиком и устраивал им свидания. На деле роль Ястребова была гораздо более сложной и ответственной: на нем держалась связь между социал-демократией и главным штабом буржуазии. Упомянутый в показании Ястребова Названов, с своей стороны, говорил на допросе:

„Таганцев во время мартовских волнений в Петрограде интересовался характером и размерами забастовки и всего движения... Знакомство Таганцева с Ястребовым имеет целью лучшее осведомление обо всем происходящем в рабочих кварталах“.

„Социалистический блок“, спора нет, мог носить „несколько авантюристический характер“ и „собрание уполномоченных фабрик и заводов“, вне всякого сомнения, „ничего серьезного“ собою не представляло. Но это совершенно неважно, ибо, ведь, Таганцеву нужен был ярлык, нужно было „социалистическое“ знамя, нужно было „демократическое“ прикрытие, а реальная сила была у него самого.

„Собрание уполномоченных“ „несерьезным“ предприятием пока-

залось и петроградской организации меньшевиков. Вот какое замечательное сообщение находим в изданной в Берлине книжке Дана „Два года исканий“:

„После моего ареста наша организация получила приглашение послать своих представителей в „собрание уполномоченных петроградских фабрик и заводов“. Решили командировать одного товарища для ознакомления. Оказалось, что „собрание“ это—чистейший блефф. Никаких уполномоченных не было, а были отдельные лица, именовавшие себя плехановцами, левыми эсерами, анархистами и т. д., решительно никем не выбранные... Разумеется, наши товарищи отказались иметь какие бы то ни было сношения с этой группой легкомысленных авантюристов“.

Таким образом и Ястребов, и Дан одинаково характеризуют как „блок“, так и „собрание уполномоченных“. Дело было несерьезное, непрочное. Петроградская организация меньшевиков „ознакомилась“ и ушла,—уверяет Дан. Допустим, что в самом деле ушла; допустим, что были порваны „какие бы то ни было сношения“. Но петроградская меньшевистская организация туда пошла, и куда шла, она знала. Ведь, если бы „собрание уполномоченных „оказалось серьезной организацией, то официальные меньшевики там бы остались. Ушли потому, что вместо „собрания“ оказался „блефф“. Ушли потому, что „уполномоченные“ никем решительно не были уполномочены. Только поэтому ушли.

Но для характеристики позиции меньшевистской партии достаточно уже того, что ее приглашают в организацию, которая находится в „тактическом соглашении“ с Таганцевым, и что она своего представителя в это бело-социалистическое учреждение командирует... И узнаем мы об этом со слов гр. Дана. Но какая у нас гарантия, что Дан сказал все, что было? Ведь, он книжку свою писал после того, как не осталось и следа от таганцевской организации, от „собрания уполномоченных“... Откуда мы знаем, что бы он рассказал, если бы победил Таганцев?

Да, антисоветские партии в рабочем классе не смогли создать никакой серьезной организации, которую можно было бы направить против „диктатуры“. Это—исторический факт, который блестяще свидетельствует о том, что пролетариат выступал не против данного строя, не против Коммунистической партии.

Тем не менее, белые должны были стараться, во что бы то ни стало, „повлиять“ на рабочий класс в определенном направлении. Непосредственно это белогвардейское влияние могли распространить в рабочей среде только „социалисты“. В своем показании Таганцев прямо указывает, что его организация хотела использовать разные „социалистические“ группы в целях подготовки настроения в рабочей среде. Были эти группы „серьезны“ или они представляли собою

„легкомысленных авантюристов“,—все равно, других, ведь, не было. А для целей агитации, во всяком случае, и они бы пригодились...

Но оказывается, и меньшевики хотели „использовать“ белую гвардию. Таганцев указывает, что граждане социал-демократы „желали получить от нас техническую помощь в смысле печатания прокламаций и листовок их организации и финансовой помощи“. И вот тут мы получаем в руки нити для установления той фактической связи, которая существовала между ПБО и социал-демократией,—официальной и неофициальной.

Итак, „печатание прокламаций“ и „финансовая помощь“. О последнем виде „сотрудничества“ между ПБО и меньшевиками у нас прямых данных нет. Допускаем вполне, что меньшевики „финансовую помощь“,—скорее всего, косвенными путями,—от белых получили. А у них деньги были,—снабжала заграница, в дни Кронштадта группа капиталистов ассигновала Таганцеву специальную сумму на организацию мятежа. Деньги у белых были, ближайшая цель была одна с меньшевиками. С другой стороны, если в Киеве в 1919 году меньшевики получили „ссуду“ у белого генерала, то какие могли быть „внутренние“ препятствия для получения подобной же „ссуды“ у белого профессора?

Дан в цитированной выше книжке рассказывает нечто туманное об одном таинственном денежном „предложении“. Вот что он пишет:

> „К одному из наших товарищей явился в начале марта молодой человек, хорошо одетый, с дорогими перстнями на пальцах. Он заявил, что сочувствует меньшевикам и, зная нужду нашей организации в средствах, хочет помогать ей деньгами. На первый раз он предложил 300.000 рублей,—сумма по тому времени очень большая. Это щедрое предложение в той обстановке, в которой оно было сделано, возбудило понятные подозрения. Молодому человеку было сказано, что в данное время организация в средствах не нуждается, и он исчез, чтобы больше не появляться, оставив, впрочем, указания, как его разыскать в случае надобности... У всех прикосновенных к этому делу товарищей получилось определенное впечатление, что это наивная попытка использовать нашу организацию для своих целей исходила от белогвардейских кругов, которые к этому времени сильно зашевелились. (Ф. Дан, „Два года скитаний“, стр. 167).

И больше ничего. Дан поставил точку и идет дальше, как-будто ничего серьезного не случилось. „Наивная попытка“,—стоит ли на ней останавливаться! Но почему „наивная“! „Сочувствующий“ предлагает деньги. Правда, он с „дорогими перстнями“, но разве мало было у меньшевиков таких „сочувствующих“? Ведь, всегда партийная касса меньшевистской партии пополнялась из карманов „сочувствующей“ буржуазии. В чем же дело? Дан ссылается на обста-

новку. Но какая это была „обстановка“? Почему об этом ничего не сказано?

Однако, так или иначе, но возникли „понятные подозрения“. В результате—„молодой человек“ уходит обратно с деньгами, оставив на всякий случай адрес. Но кто он? Откуда? Какими путями этот таинственный „молодой человек“ с „дорогими перстнями“ проник к меньшевикам? Откуда он знает, что меньшевики нуждаются в средствах? Какой „друг“, какой „сочувствующий“, какой „посредник“, какой Ястребов направил в „революционную“, „социалистическую“ партию меньшевиков этого таинственного агента белой гвардии?

Дана все эти вопросы как-будто совершенно не интересуют, стоит ли о них беспокоиться: ведь, пустяковая попытка, готовящих восстание белых использовать социал-демократию.

Но вот что заслуживает еще внимания: таинственный „молодой человек“ явился „к одному из наших товарищей“. Но „прикосновение“ „к этому делу“ имели несколько товарищей. Значит, вопрос подвергался обсуждению. Значит, организация меньшевиков сразу, без разговоров не отвергла предложение „молодого человека“ с „дорогими перстнями“... И почему она, в конце-концов, не приняла „дружеского дара“? Чего испугалась?..

Дан говорит о „наивной попытке“. Но он не задумывается вот над какого рода вопросом: почему „белогвардейские круги“, „зашевелившись“, первым долгом подумали о финансовом усилении меньшевистской партии? Ответ единственный и совершенно бесспорный: потому, что работа партии меньшевиков, ослабляя власть Советов, облегчала задачи белой гвардии.

Итак, с финансами дело туманное и таинственное. Зато достаточно ясным представляется вопрос о „технической помощи“. Организация Таганцева выполняла типографские „заказы“ официальных меньшевиков.

Таганцев в своем показании, между прочим, указывает, что он от Ястребова получил воззвание меньшевиков, заключенных в Бутырской тюрьме. Привлеченный к делу Таганцева некий Максимов говорит:

> „По просьбе Таганцева, я перепечатал ему воззвание меньшевиков-по поводу событий в Бутырской тюрьме“. „Соц. Вестник“ от 1 октября 1921 года, негодуя по поводу расстрела ни в чем, по его мнению, не повинного Ястребова, пишет: Ястребов „расстрелян за то, что переслал за границу записку с подробностями гнусного избиения в Бутырской тюрьме“.

Итак, Таганцев, Максимов, „Соц. Вестник“ устанавливают, что вокруг „гнусного избиения“ произошло трогательное объединение между белыми заговорщиками и желтыми социал-демократами, что меньшевистское „воззвание“ было „перепечатано“ белогвардейцами.

Но пойдем дальше. Технический аппарат Таганцева отпечатал

еще воззвание меньшевиков, заключенных во владимирской тюрьме. Что это были за меньшевики,—„официальные“ или „неофициальные“, „настоящие“ или „ненастоящие“? Вот ответ: в № 16 „Соц. Вестника“ за 1921 год было напечатано следующее приветствие:

„Владимир (17-го августа).

Социал-демократы различных оттенков, заключенные во владимирской тюрьме, шлют свой горячий привет „Соц. Вестнику“, который будит в пролетариате мысль и волю.

Да здравствует „Соц. Вестник“—свободное слово революционной социал-демократии!“

Все эти горячо приветствующие „Соц. Вестник“ „социал-демократы различных оттенков“ свои воззвания печатают при содействии технического аппарата белой организации. Посредником и в данном случае служит ни в чем не повинный Ястребов... Какие еще меньшевистские „прокламации и листки“ печатала организация Таганцева? Вне всякого сомнения, двумя воззваниями тут дело обойтись не могло,— время было горячее, меньшевикам необходимо было выпускать как можно больше литературы. Какова была тут степень содействия ПБО?

В период Кронштадта руководителем меньшевистской работы в Петрограде был Дан, попавший в тюрьму за это руководство. В феврале 1922 года он уже был свободен... в Берлине, и первый политический визит нанес он кадетам. 2-го февраля в газете „Руль“ появилась обширная „беседа с Ф. И. Даном“. В своей „беседе“ гр. Дан, между прочим, сообщил кадетской газете:

„В конце февраля 1921 года в Петрограде возникло забастовочное движение, при чем петроградская организация нашей партии содействовала организованности рабочего движения и распространяла летучки и воззвания, которые в силу условий печатались в Стокгольме“.

Стокгольм,—он наводит на размышления! Организация Таганцева, по указаниям ее руководителей, выполняла меньшевистские „заказы“ в Финляндии. Быть-может, гражданин Дан, не Стокгольм, а Гельсингфорс или Выборг, или Таммерфорс? И в чем тут выразилась помощь Ястребова или кого-либо из других „посредников“?.. Печатать боевые прокламации в такое горячее время в Стокгольме явно нецелесообразно: они никогда не поспеют к сроку, а Выборг и Гельсингфорс тут же под-рукою, и связь у организации Таганцева налажена превосходно. Далее, у меньшевистской партии явно в этот период не было никакой возможности организовать собственный нелегальный транспорт через границу без содействия белых... Словом, либо Стокгольм простое условное обозначение одного из финляндских пунктов ПБО, либо, во всяком случае, „летучки и воззвания“ гр. Дана переправлялись через финскую границу при содействии заговорщиков из ПБО.

Так или иначе, оказание со стороны организации Та-

ганцева существенной „технической помощи“ партии меньшевиков вне сомнения. Если бы дело ограничилось даже „перепечаткой“ воззваний бутырских и владимирских меньшевиков, то и тогда помощь была бы налицо. Но в то бурное время, когда нужно было выпускать такую массу „летучек и воззваний“, дело такой эпизодической помощью явно ограничиться не могло.

Мы не хотим сказать, что Дан и петроградский комитет меньшевиков заключили прямое тактическое или даже техническое соглашение с Таганцевым. Это прежде всего было бы слишком смело... для Дана. Нет, официальная меньшевистская организация всякими косвенными путями, через „неофициальных“ представителей, через „посредников“ была связана с ней. Тут действовала логика подпольной работы, которая стихийно сближает к одинаковой цели идущие группы. Тут действовало то важнейшее обстоятельство, что очередные лозунги меньшевиков, Таганцева, эсеров, Кронштадта, были одинаковы. „Уничтожение партийной диктатуры“, „свободные перевыборы Советов“, „свобода слова, печати и собраний“... Никаких других лозунгов у Таганцева в тот период не было. „Приятие“ „советских лозунгов“ для Таганцева было тактическим ходом. Но и для меньшевиков эти лозунги были только лишь тактическим ходом. Таганцев, провозглашая „уничтожение партийной диктатуры“, думал об осуществлении белой диктатуры. Меньшевики, требуя „настоящей“ „власти трудящихся“, думали о восстановлении „демократии“. „Серьезно никто не принимал кронштадтских лозунгов, — поэтому они объединили „всех“. Серьезно все добивались ликвидации республики Советов,—поэтому кронштадтские „тактические“ лозунги объединили „всех“...

Организация Таганцева была создана задолго до Кронштадта. Однако, естественно, что Кронштадтом она решила всемерно воспользоваться. Как только началось восстание, Таганцев выдвинул основную политическую задачу дня: объединение всех партий для поддержки мятежников, массовая агитация на заводах и в воинских частях с той же целью.

Фактически все политические течения в этот период были едины—за Кронштадт и против власти Советов. Единодушие внутри антисоветского лагеря было полное, и „массовая агитация“ развивалась во-всю. Если Советская власть удержалась, то это не вследствие отсутствия фактического политического и в значительной мере организационного единства в лагере наших врагов, а, несмотря на это единство, несмотря на мобилизацию всех антисоветских сил. Да, единство в стане врагов создавалось устройством „блоков“, „тактических соглашений“; ради единства работали таинственные „молодые люди“ с „золотыми перстнями“ (сколько их было?); единство стихийно создавалось в практике подпольной работы во имя единой контр-революционной задачи...

Что, например, говорила меньшевистская партия рабочему клас-

су в период Кронштадта? Вот обширная прокламация петроградского комитета, выпущенная накануне мятежа. Она адресована „к голодающим и зябнущим рабочим Петрограда". Нарисовав жуткую картину положения рабочих, прокламация уверяет, что положение безнадежно, что „не помогли нам ни Баку и Грозный с их неисчерпаемыми запасами нефти, ни Донецкий бассейн и Урал с их необъятными залежами угля, ни Сибирь, Украина и Кубань с грудами наваленного в них хлеба". Дело не в гражданской войне, а в том, что просто большевики неспособны ни к какой творческой работе. Где выход? Прокламация отвечает: „Дело тут не в отдельных заминках и перебоях, а в каком-то общем большом пороке нашей государственной машины, которую штопаньем и заплаточками не исправишь, который надо лечить по-настоящему".

Словом, все ясно: при Советской власти нет спасенья, советская машина никуда не годится, „штопанье и заплаточки" делу не помогут. Нужна ликвидация диктатуры Коммунистической партии, нужны „свободные перевыборы Советов", нужны „свободы".

Прокламация эта была написана Даном. Об этом он сам сообщил в книге: „Два года скитаний", выпущенной им в 1922 году в Берлине.

Человек, который серьезно воспринял бы меньшевистские лозунги, должен был непременно восстать. Ибо, если при коммунистической диктатуре голод, холод, нищета неизбежны, а коммунисты добровольно власть отдать не хотят, то их необходимо насильственно убрать вон и тем открыть дорогу к спасению трудящихся. Кронштадтцы приняли меньшевистские (эсеровские, анархистские, кадетские) лозунги и восстали. Рабочие не приняли лозунгов меньшевистской партии, и поэтому восстание они не поддержали.

Во имя меньшевистских (эсеровских, анархистских, кадетских) лозунгов 2-го марта кронштадтские пушки заговорили. Центральный и московский комитеты меньшевистской партии, повторяя лозунги Кронштадта, требуют „полной демократизации политической власти".

7-го марта прокламация петербургского комитета начинается такими словами: „Грохочут пушки... Коммунисты, называющие себя рабочей партией, расстреливают из пушек матросов и рабочих Кронштадта". Далее перечисляются требования мятежников: все они справедливы, власть должна их удовлетворить, „власть обязана немедленно приостановить военные действия",—короче говоря, власть должна капитулировать перед мятежниками, капитулировать перед их политическими вдохновителями,—меньшевиками, эсерами, кадетами, анархистами, заговорщиками из ПБО.

А Таганцев действовал. Он не ограничился постановкой только политических задач. На-ряду с ними он взялся за решение военных задач. Таганцев бесспорно был человек дела, и он, по-

литически используя всяких Данов, Ястребовых и т. д., организационно опирался на людей энергичных, боевых и бесстрашных.

Через финляндскую границу Таганцев связывается с мятежниками. Одновременно находившимся в Финляндии белым отрядам дается приказ открыть партизанские действия, продвигаясь вдоль Токсовской жел. дороги и ставя целью захват Охты,—предместья Петрограда, на правом берегу Невы, недалеко от Смольного. Подход белых к Охте, очевидно, был бы сигналом к восстанию внутри Петрограда.

Поражение кронштадтских мятежников расстроило планы Таганцева. Он „отступил“ и начал подготовлять новое выступление, в связи с новыми событиями. Некоторую надежду в него вселила вторая, так-называемая майская „волынка“ части петроградских рабочих, когда в прокламации петроградского комитета меньшевиков встречались, например, такого рода призывы: „Сбросим с себя ярмо большевистской диктатуры, завоюем и утвердим подлинную рабочую демократию!“ Ничего не вышло. „Диктатура“ осталась. Организация Таганцева была ликвидирована,—ее руководители и активные деятели были расстреляны.

Но против расстрела белых заговорщиков решительно выступила меньшевистская партия. „Соц. Вестник“, в № от 16 сентября, в статье „Новые оргии террора“, писал:

> „Все переменилось,—начиная от надежд на „мировой Совнарком“ и кончая „национализацией сейфов“. Не изменилось только одно—нравы и гнусности чрезвычайки. За заговорами следуют массовые казни, за казнями следуют новые заговоры. Фабрикуются заговоры, чтобы устрашать казнями. Совершаются казни, чтоб провоцировать заговоры. И оргиям бешеного террора не видно конца. За что расстреляли 60 человек в Петербурге?“

Эта деланная „наивность“ старых политических пройдох была прямо-таки замечательна... „За что расстреляли 60 человек?“ Читатель помнит, такие же „наивные“ вопросы задавались и в дни Октября: за что арестован „наш товарищ Войтинский“, за что преследуют „совесть революции“, „товарища Керенского“?..

„Фабрикуются заговоры, чтобы устрашать казнями. Совершаются казни, чтобы провоцировать заговоры“.. ПБО была „сфабрикована“? Поразительная по сложности и размаху военная, политическая, экономическая работа, проделанная организацией Таганцева, была „сфабрикована“?.. Так меньшевистский „Социалистический Вестник“, редактировавшийся Мартовым и Абрамовичем, защищал, оправдывал (казни „провоцируют“) белых заговорщиков. Вся сила ненависти, весь „социалистический“ гнев и пафос—против атакуемой буржуазно-помещичьей реакцией рабочей власти. Все сочувствие, политическая поддержка—атакующей буржуазно-помещичьей заговорщической организации белых негодяев.

„За что расстреляли 60 человек?“ Несколько ниже в той же статье „Соц. Вестник“ пишет:

> „Небольшая группа таганцевской организации, повидимому, действительно причастна к какой-то конспирации, хотя и тут, может-быть, больше чекистской провокации, чем действительного заговора“.

Но,—заявляет „Соц. Вестник“,—ни один член меньшевистской партии никакого отношения к этим конспирациям иметь не мог. Если кто-либо из участников таганцевского заговора называет себя меньшевиком, то он злоупотребляет именем партии.

О чем свидетельствуют приведенные выше факты? Партия меньшевиков политически была солидарна с таганцевской организацией, и она всякими косвенными путями время-от-времени оказывалась с ней в „контакте“, в связи. Разумеется, не только Дан, но, повидимому, и Ястребов, Богомил, Назаров не были членами ПБО. Таганцев такую публику даже не пустил бы к себе. Но организация Дана была связана с группой Ястребова—Богомила, а эта последняя группа находилась в блоке с Таганцевым. При помощи группы Ястребова ПБО нашла дорогу к официальной партии меньшевиков, оказывала ей техническую помощь, предлагала помощь денежную, и, таким образом, фактически привязывала к себе, фактически заставляла служить своим целям.

Дан в книжке, которую мы не раз цитировали,—она вышла весьма скучной, ибо автор, несомненно, о многом и многом умалчивает,—так вот Дан в этой сквозь частое сито пропущенной книжке рассказывает о своей „случайной встрече“ (ну, да, конечно, случайной) „в частном доме“ с одним из членов группы „Единство“, т.-е. группы крайне-правых, внепартийных социал-демократов. Дело было в первые дни Кронштадта. И вот,—сообщает Дан,—член группы „Единство“

> „с восторгом рассказывал о своем свидании с рабочим кружком, который стоял на платформе учредительного собрания, уверял, что движение не остановится, пока не свалит большевиков, и требовал присылки ораторов на уличные собрания“.

Как же Дан отнесся к этой совершенно ясной белогвардейской затее? Осудил сурово? Начал беспощадную борьбу не на жизнь, а на смерть? Предупредил рабочих против бело-социал-демократических провокаторов? Заклеймил публично их поведение перед лицом рабочего класса? Да ничего подобного! Дан высказал „случайному“ собеседнику свои сомнения, и они расстались друзьями. А спустя некоторое время петроградская организация меньшевиков, как мы видели выше, делегировала своего представителя в „собрание уполномоченных“ к этим самым белым социал-демократам, представитель которых „с восторгом“ уверял Дана в том, что „движение не остановится, пока не свалит большевиков“...

Дан был скептиком, он в это чудо свержения большевиков не

верил. Вот что читаем мы в той же книжке о двухлетнем скитании:

„Были оптимисты, главным образом, из числа бывших социал-демократов, отошедших от партии и называвших себя плехановцами или группой „Единство“, которые уверяли, что рабочее движение сознательно и определенно идет под знаменем учредительного собрания... Поэтому они готовы были раздувать движение вплоть до превращения его в открытое уличное столкновение с властью и не останавливались перед завязыванием сношений на этой почве с довольно подозрительными элементами антибольшевистского лагеря“.

И этих белых негодяев Дан трогательно и нежно называет всего только „оптимистами“. Дан был „пессимистом“, поэтому он не заключил прямого союза с „подозрительными элементами“. Дан ограничился тем, что он был в блоке с „оптимистами“. А Мартов-Абрамович в „Соц. Вестнике“ уверяли, что союзники Таганцева „злоупотребляют знаменем нашей партии“. Но разве „оптимисты“ могли „злоупотреблять“ знаменем меньшевистской партии, раз они, находясь в союзе с „пессимистом“ Даном, сами стояли под этим знаменем?

Увы!—прав оказался пессимист Дан: выяснилось скоро,—говорит он далее,—

„каким фантастическим иллюзиям предавались оптимисты: кронштадтское движение не было ни в каком виде поддержано петербургскими рабочими“.

А вами и вашей партией, гр. Дан? А Таганцевым? А белыми социал-демократами? А всеми имущими и реакционными слоями был поддержан кронштадтский мятеж? Всеми силами и всеми мерами! Но ничто не помогло, ибо рабочий класс остался со своей властью, со своей партией, и еще раз оказались беспощадно биты и „оптимисты“, и „пессимисты“ белой гвардии.

* * *

Кронштадтский блок — это термидорианская реакция. Как против Робеспьера, так и против Коммунистической партии поднялась коалиция нескольких „левых“ и правых партий. Задача термидорианской реакции заключается в том, чтобы сдвинуть власть с места, передвинуть ее направо. В период Кронштадта все без исключения антисоветские партии были согласны в том, что для начала передвижка могла быть на внешний вид небольшой. Вместо „диктатуры одной партии“—„власть трудящихся“, что должно было означать „раздел власти“ между различными партиями. В этом „разделе“ на первых порах Коммунистическая партия, в лице своего более „умеренного“ крыла, могла принять участие. Советская

форма могла остаться. Но гегемония уже была бы в руках мелкой буржуазии.

Новая „недиктаторская“ власть немедленно провозгласила бы все „свободы“. Буржуазия, сорганизовавшись, повела бы решительную борьбу за „демократию“. Требование это тем скорее было бы удовлетворено, что мелкая буржуазия сама за „демократию“, что лозунг „власть трудящихся“ являлся для нее временным, переходным тактическим лозунгом. С провозглашением „демократии“ власть перешла бы в руки крупного капитала: началась бы эпоха реставрации.

В термидорианском блоке, как мы видели, меньшевистская партия играла одну из главных ролей. Она особенно настойчиво добивалась ликвидации „диктатуры одной партии“ и „соглашения с крестьянством“, „раздела власти“ с крестьянством. Меньшевики не скрывали, что этот „раздел власти“—только первый шаг, что за ним должна последовать сдача власти, т.-е. „демократия“. Меньшевики уже тогда открывали путь к полной реставрации капитализма.

Рабочий класс не поддержал термидорианскую реакцию, он не захотел уступить гегемонию сначала мелкой, а затем и крупной буржуазии. Вот основной, решающий факт. Голод, холод, нищета не подняли пролетариат против своей власти, не толкнули его на историческое самоубийство.

Это обстоятельство дало возможность Коммунистической партии победить, сохранить руководство в руках пролетариата, в пределах и во имя сохранения этого руководства, заключить новое соглашение с крестьянством, сделать необходимые уступки буржуазии.

Меньшевистская партия после введения продналога торжествовала по поводу того, что РКП, будто бы, осуществила меньшевистские лозунги в крестьянском вопросе. Это—чистейшая чепуха. Меньшевики требовали введения продналога. Эта мелкобуржуазная партия отразила очередное требование мелких собственников скорее, чем его могла учесть поглощенная интересами борьбы партия пролетариата. Это—правда. Но для позиции меньшевистской партии основным являлся не вопрос о продналоге, а вопрос о власти. Когда меньшевики от нас требовали „соглашения с крестьянством“, то они имели в виду прежде всего и раньше всего раздел власти с эсерами и меньшевиками. В этом—существо вопроса.

И это существо вопроса мы разрешили в антименьшевистском, антикронштадтском, антитермидорианском смысле. Подавив вооруженной рукой политические притязания мелкой буржуазии, мы сделали ей экономические уступки, ибо соглашение и нам нужно, но соглашение на основе действительной власти трудящихся, а такая власть без руководства пролетариатом держаться не может...

Подводя итоги Кронштадту, пожурив „романтиков и сенсацион-

ных политиков", уверявших, что „началась третья революция" (речь идет о Чернове, Керенском и братии), подчеркнув с огорчением, что „Петроград не поддержал", „Социалистический Вестник" (№ 5, от 30-го марта 1921 г.), тем не менее, утешал себя тем, что „в системе пробита широкая брешь".

Меньшевизм хотел пробить эту брешь, но система именно сохранилась. В этом и заключалась неудача термидорианской реакции и победа пролетарской революции в самый опасный для нее период. Система советизма, власть пролетариата, завоевания Октября сохранились. Поэтому Советское правительство на исходе шестого года революции является наиболее устойчивым правительством в мире. Поэтому Советская страна продолжает итти во главе поднимающегося к решающей борьбе угнетенного человечества.

„Прочь иллюзии!"

В конце 1920 года „оппозиция линии ЦК" начинает решительную борьбу против „утопизма", „иллюзий", „революционных увлечений" большинства меньшевистской партии и требует поворота направо. Но мировая обстановка не ясна, и вождь партии Мартов растерянно стоит между революцией и реакцией. Он предлагает своей партии молча ждать, что будет: ни программы, ни ее „суррогата" не вырабатывать, обязывающих партию на долгий период заявлений не делать. Без слов, ощупью, „эмпирически", осязанием, обонянием улавливать, куда ветер дует, и сообразно направлению мирового социально-политического „ветра" действовать... Выше мы ознакомились уже с этим гениальным „стратегическим планом" Мартова.

Но вот в политическую жизнь ворвался Кронштадт. За ним последовало отступление революционной власти. Беспрограммная, бесплатформенная партия меньшевиков сразу и единодушно, „стихийно" нашла свою полочку—в лагере буржуазной реакции. Топтание на одном месте кончилось,—меньшевистская партия тронулась и покатилась вправо.

Уже после того, как все ступени направо были пройдены,—в мае 1923 года,—один из видных деятелей правого крыла меньшевизма Гарви на страницах „Соц. Вестника" (№ 10 от 12-го мая) вспомнил, что именно в связи с новой экономической политикой „начали сглаживаться раздиравшие ряды партии разногласия", что именно с момента отступления Советской власти началось „сближение далеко разошедшихся крыльев", началась „консолидация всех рассеянных социал-демократических сил на платформе классовой борьбы и демократического социализма".

Итак, „платформа" фактически была найдена. Поворот направо начался, „консолидация" началась. Но начало еще не означало завершения. Поворот совершался постепенно, с оглядкой налево. Это был процесс, растянувшийся фактически более чем на год.

Но направление было взято. Вопрос был в темпе. Правая добивалась быстроты движения в сторону все более укреплявшейся реакции. Левые шли медленнее. Отныне внутрипартийная борьба вертится фактически вокруг вопроса о темпе движения.

Далин—он рвется „вперед“, в объятия победоносной реакции. Он с величайшей настойчивостью и последовательностью продолжает дело „оппозиции линии ЦК“, он решительно добивается от партии энергичного движения по тому пути, на который она уже вступила. „Прочь иллюзии!“—громко провозглашает он в мае 1921 года на страницах „Соц. Вестника“. Положение буржуазии упрочилось, революции нет и не будет. Отсюда вывод:

> „Если ожидать близкой революции,—тогда вся задача развенчивать буржуазную демократию, искать спасения в „советской системе“ и пр. Если же не предаваться иллюзиям“,

то необходимо эту демократию всемерно отстаивать, ее расхваливать, ее окружать ореолом святости, непогрешимости, чистоты, неприкосновенности. „Иллюзиям“ предаваться не следует, необходимо стать на реальные рельсы „сотрудничества“ с капитализмом под знаменем демократии. Так ставил вопрос последовательный и смелый Далин.

Редакция „Соц. Вестника“ статью Далина напечатала с примечанием, что она с ней не согласна, и обещала ответную статью. Ответ Мартова на майскую статью Далина появился... в сентябре. Настолько осторожен был этот мудрый политик! Целым рядом данных (между прочим, позаимствованных и у т. Троцкого) Мартов разбивал „оптимистический“ (для капитализма) диагноз Далина. Мартов спрашивал:

> „Где приблизительно тот пункт в процессе обострения социальных отношений, с которого начиная, можно говорить о „самоизживании“ капитализма, о приближении социальной революции? Согласно всему духу учения Маркса, этот пункт достигается тогда, когда капитализм изжил все возможности поддержать некоторую минимальную устойчивость социальных отношений, являвшуюся необходимым условием реализации его основной тенденции к безграничному развитию производительных сил“.

Этой возможности к „безграничному развитию производительных сил“ нет больше у капитализма,—говорил Мартов. „Хронический кризис прерывается кратковременными промежутками слабого подъема“, а капитализм „не может достигнуть восстановления равновесия на высшей ступени (курсив Мартова, И. В.), на базисе роста производства и общественного богатства“. Мартов намечал три возможности: 1) пролетариат низвергает политическое господство буржуазии и приступает к переустройству общественного хозяйства на основах социализма; 2) пролетариат терпит поражение и увлекает за собою в пропасть капиталистическую цивилизацию; 3) буржуазии

удается раздавить пролетариат, сохранив при этом себя, и тогда она двигает вперед капиталистическое развитие „на базисе порабощения наемного рабочего“. Необходимо добавить, что третья возможность предполагает не только „порабощение наемного рабочего“, но и неслыханное разложение и вырождение рабочего класса, гибель миллионов пролетариев. Здесь капитализм возродится буквально на костях рабочего класса.

Нечего и говорить, что Мартов в данном случае правильно поставил вопрос, что капитализм уже „изжил“ себя, но что он добровольно не сдаст своих позиций, и здесь теоретически не исключается ни одна из указанных им возможностей. Решающее значение тут имеет позиция рабочего класса, а она определяется в значительной мере поведением партии рабочего класса. Если она мобилизует силы пролетариата и поведет его против капитализма, власть из рук господствующего класса будет вырвана, и пролетариат начнет строительство социализма.

Но власть пролетариата — это „иллюзия“. И Мартов даже думать не смеет о том, чтобы активно добиваться осуществления первой возможности. Наоборот, он поспешно отступает перед буржуазией, он хочет временную победу буржуазии в Европе распространить на Россию. Из совершенно правильного социально-политического анализа он делает практический вывод: „капиталистическое окружение“ Советской республики нужно заменить полным и всесторонним капиталистическим внедрением в России. Добиваясь ликвидации первой в мире социалистической власти, партия Мартова помогает буржуазии раздавить „свой“ пролетариат и начать дальнейшее движение по рельсам капитализма „на базисе порабощения наемного рабочего“... Так нужно: борьба с „иллюзиями“ — наивысшая задача...

* * *

В августе 1921 года Центральный Комитет партии меньшевиков принимает тезисы о политическом положении и задачах социал-демократии. Констатируя „хозяйственную катастрофу“ в стране, ЦК заявляет, что „господство большевистской системы“ обанкротилось, что эта система „и в экономической, и в политической области“ оказалась „неспособной разрешить основные противоречия русской революции, обостряемые ее переходным от капитализма к социализму характером“.

Итак, ЦК меньшевиков в августе 1921 года еще считает нужным отдать дань „иллюзиям“ и русскую революцию признать „переходной от капитализма к социализму“. Такого рода признание в тот период для меньшевистской партии было уже анахронизмом. Какая там „переходная“! Сам „левейший“ Мартов на страницах „Соц. Вестника“, подводя „ликвидационные“ итоги пролетарской диктатуре, писал, что русская революция целиком „буржуазно-демократическая“. И Мартов пояснял, что это значит. Он писал буквально следующее:

„Буржуазная—потому, что она сохраняет буржуазные основы народного хозяйства. Демократическая—потому, что она демократизирует собственность (по крайней мере, земельную) и создает основу для демократизации государственного строя“.

Такое разноречие было продемонстрировано на протяжении двух-трех недель. Объяснялось оно, очевидно, тем, что Мартов сильнее ощущал давление европейской реакции, чем находившийся в революционной стране ЦК. Но это разногласие между вождем и ЦК партии никакого почти значения не имело: направление политики у обоих было одинаковое, практические выводы были одни и те же. Признание русской революции „переходной к социализму“ ни к чему ЦК меньшевиков не обязывало и нисколько его фактическую позицию не характеризовало. Подлинная политическая физиономия меньшевистского ЦК и всей партии определялась ее отношением к пролетарской диктатуре и Коммунистической партии, а не „тактическим“ заявлением о переходном характере революции...

Итак, по мнению ЦК партии меньшевиков, положение в России летом 1921 года характеризовалось „банкротством“ большевизма „и в экономической, и в политической области“. В чем это „банкротство“ выразилось? В том, что после 7-ми лет войны хозяйство страны оказалось в „катастрофическом“ состоянии. Но в каком состоянии находилось русское народное хозяйство после трех лет войны, в 1917 году, при меньшевиках и эсерах? В июне 1917 года первый съезд Советов, в своем подавляющем большинстве состоявший из меньшевиков и эсеров, по докладу меньшевика Череванина, экономическое положение страны признал катастрофическим,—именно катастрофическим, не более и не менее. От июня до октября прошло три месяца, которые в экономическом отношении, между прочим, характеризовались великолепно организованным саботажем капиталистической буржуазии, усилением разрухи и развала во всех областях хозяйства.

Революция, совершенно естественно, не могла ослабить разрухи, хотя рабочий контроль, несомненно, помешал капиталистам окончательно приостановить промышленную жизнь. И вот еще почти четыре года мы воевали с 18-ю правительствами мира, воевали с огромным количеством внутри страны находившихся врагов и выдержали,—экономика наша не лопнула, победу мы одержали. Это было чудо, возможное только при величайшем революционном подъеме страны. Правительство меньшевиков и эсеров погибло бы на втором месяце, если бы на его долю выпала хотя бы десятая часть тех испытаний, сквозь которые прошло победоносно правительство Советов.

А когда великая историческая задача была успешно разрешена, является партия, в 1917 году плакавшая над „катастрофой“ хозяйства страны, и кричит о нашем „банкротстве“ за то, что четыре года спустя хозяйство оказалось... в катастрофическом состоянии!

Но мы, оказывается, являемся „банкротами“ и в политической области, ибо, видите ли, не смогли разрешить „основных противоречий русской революции“. О каких противоречиях идет речь? Какое именно противоречие мы не разрешили?

„Противоречий“ было много. Корнилов, Керенский, Каледин, Краснов, Колчак, Деникин, Юденич, Врангель, Махно, Антонов, Петриченко,—все они „противоречили“ нашей революции „переходного периода“. Буржуазная Англия, Франция, Америка, Германия, Италия, Япония, Польша,—эти капиталистические государства, опираясь на помещичьи, буржуазные, мелкобуржуазные антисоветские силы, опираясь на монархистов, кадетов, эсеров, меньшевиков, сильнейшим образом „противоречили“ нашей пролетарской революции. „Противоречие“ заключалось в том, что слабая экономически Россия должна была поднять знамя „переходной“ революции. „Противоречие“ заключалось в том, что пролетарская Европа не пришла в достаточной степени и во-время на помощь революционной России. „Противоречиво“ положение, когда измученное, истощенное пролетарское меньшинство находится в плотном мелкобуржуазном окружении...

Ряд опаснейших „противоречий“ республика Советов разрешила окончательно, другие были разрешены временно, третьи еще только рождались... Неужели у Центрального Комитета партии меньшевиков хватило глупости требовать от Коммунистической партии, чтобы она за четыре года разрешила все те исторические „противоречия“, которые были поднакоплены заботливой рукой истории? Основные „противоречия“ революция разрешила,—только поэтому она смогла сохранить самое себя... Но слушайте дальше:

> „Большевизм оказался неспособным возродить народное хозяйство вообще и, в частности, сочетать социалистическое строительство с замедленным темпом международной революции и объективными условиями страны.“

А где г-да меньшевики видели государство, которое возродило хозяйство, ведя изнурительную, истощающую, все поглощающую войну? Воевали богатейшие в мире державы: Германия, Англия, Франция, Италия. Что же, эти государства во время войны возродили „народное хозяйство вообще“? Нет, не возродили. Даже ЦК меньшевиков вынужден был признать в своих тезисах, что „в результате войны выявилось банкротство мирового капитализма“. Спрашивается: если экономически мощные державы после войны находятся в состоянии тягчайшего экономического кризиса, то как это молодое Советское государство в наиболее бедной стране могло возродить „народное хозяйство вообще“?

Но вот еще один признак нашего „банкротства“: мы не сумели „сочетать социалистическое строительство с замедленным темпом международной революции“. Обвинение неверное. Когда обозначилась „замедленность“? Во второй половине 1920 года. Советская власть именно учла это обстоятельство. Практическим проявлением этого учета, первой попыткой „сочетать социалистическое строительство с

замедленным темпом международной революции и объективными условиями страны“, является декрет Совета Народных Комиссаров от 23-го ноября 1920 года о... концессиях. А затем—весь НЭП является попыткой такого сочетания. НЭП учитывал поворот не только внутренний, но в равной степени и внешний.

Вообще кричаще лицемерно звучат в устах меньшевистского ЦК все эти претензии по поводу нашего неумения „сочетать социалистическое строительство“. В августе 1921 года во всяком случае они о социализме меньше всего заботились. Но раз вопрос поднят,—ответ на него единственный и совершенно бесспорный: республика Советов в общем своевременно учла заминку в международной революции. Но пойдем дальше. ЦК меньшевиков продолжает:

> „Политическое банкротство большевизма в настоящий момент особенно ярко выражается в том, что, признав необходимость крутого поворота экономической политики..., Коммунистическая партия в своем стремлении сохранить в неприкосновенности партийную диктатуру оказалась неспособной создать те политические условия, при которых только она не ляжет всей своей тяжестью на плечи трудящихся и в особенности рабочего класса. Она оказалась неспособной удовлетворить насущные социальные требования народных масс“.

С трудом, но понять суть дела можно: „банкротство большевизма“ особенно ярко выражается в том, что он, сделав мелкой буржуазии экономические уступки, не передал ей власть. Это—его „неспособность“, поэтому он—„банкрот“. Нужно было создать такие „политические условия“, при которых новая экономическая политика не легла бы „на плечи трудящихся“. Сохранение пролетарской диктатуры затрудняет положение „в особенности рабочего класса“... Что нужно сделать? „Удовлетворить насущные требования народных масс“. А как это сделать? Предоставить буржуазии не только экономические, но и политические права. Большевики этого „неспособны“ сделать, и потому они—„банкроты“. Когда буржуа будут иметь права, трудящимся станет легче, они тяжести НЭП'а не почувствуют, их „социальные требования“ будут удовлетворены.

Так рассуждала в августе 1921 года партия меньшевиков. Не думайте, что мы „плохо перевели“ с меньшевистского языка на русский. Напустив немного туману, дальше ЦК меньшевиков выражается довольно ясно:

> „Сохранение существующего режима партийной диктатуры и политического бесправия приводит к тому, что новая экономическая политика... не может дать значительных результатов... Отсутствие правовых гарантий и гражданских свобод препятствует притоку в промышленность частного капитала, иностранного и русского“.

Еще ярче и красочнее высказался на эту тему Л. Мартов в „Соц. Вестнике“ от 1-го ноября 1921 г. Он писал:

> „Диктатура в большевистском смысле, сопряженная с бесправием „буржуев“ (курсив и кавычки Мартова, *И. В.*), с их отстранением от власти методами террора, а не методом борьбы за влияние на массы, одинаково гибельны для развития производства и в социалистическом, и в капиталистическом направлении... Необходимо предоставить имущим классам достаточный простор для мирной борьбы за влияние на ход дел в государстве и за влияние на народные массы.“

Фабрики и заводы в аренду и даже в собственность—этого мало; нужно государство сдать имущим классам. Нужно обеспечить „имущим классам“ „влияние на народные массы“. А для этого прежде всего необходима свобода печати. Получив эту чудесную свободу, „имущие классы“ откроют колоссальные газеты-фабрики и на-ряду с обработкой шерсти и льна будут обрабатывать мозги рабочих и крестьян. Этого добивается „рабочая партия“ меньшевиков... В своей книжке „Два года скитаний“ гр. Дан пишет:

> „Инженеры в тюрьме с интересом расспрашивали нас о позиции социал-демократии. Но больше всего занимал их вопрос, стоят ли социал-демократы за свободу печати и для инакомыслящих, в том числе и для буржуев. Получив утвердительный ответ на этот вопрос, они успокоились.“

Интеллектуальный лакей капитала Дан „успокаивает“ технических лакеев капитала—контр-революционных инженеров: „буржуи“ получат свободу печати. Право и справедливость восторжествуют...

Так вот „права и свободы“ нужны, „демократия“ нужна. Но это был еще август 1921 года, и партия меньшевиков прямо выдвинуть лозунг демократии,—„демократии равноправных собственников“,—не решалась. ЦК меньшевиков в своих тезисах требовал „демократизации Советского строя“,—это и был очередной псевдоним „демократии“. Разумеется, никогда меньшевистская партия не думала примириться с Советским строем, хотя бы и реформированным. Эту „тайну“ раскрыл сам Мартов осенью 1921 года с исчерпывающей полнотой и похвальной откровенностью... Вот как это случилось.

Известный крайне правый социал-демократ Ст. Иванович начал в кадетской печати „изобличать“ меньшевиков и эсеров в том, что они, мол, не защищали буржуазию от большевистского террора. Меньшевики в „Соц. Вестнике“, эсеры в „Воле России“ стали поистине с лакейской угодливостью оправдываться перед обер-лакеем буржуазии Ст. Ивановичем и доказывать, что эсеры и меньшевики всегда, при всяких условиях защищали „буржуев“ от „большевистских насильников“.

В ответ на это Ст. Иванович разыскал прокламацию меньшевистского петербургского комитета, выпущенную в кронштадтские дни, и нашел в ней новый, изобличающий коварных эсеро-меньшевиков, материал. В прокламации говорилось, что меньшевики требуют сво-

боды печати, союзов и собраний „для всех трудящихся“. О „буржуях“ ни слова. Меньшевики пойманы, Ст. Иванович торжествует победу. Но последнее слово оставляет за собой Мартов. В № 17 „Соц. Вестника“ октябрь 1921 г.) он отвечает Ивановичу:

„Когда-то сам Ст. Иванович был меньшевиком-„ликвидатором“ и помнит, что группа, в которую он входил, выдвигала в тот или иной момент то или иное боевое „частичное“ требование не для того, чтобы отказаться от более общего принципиального требования (как ее в этом тогда недобросовестно обвиняли большевики), а для того, чтобы пробить брешь в наименее хорошо защищенном месте вражеской системы (курсив Мартова, *И. В.*). Такую же практическую цель преследует наша партия (курсив мой, *И. В.*), когда в момент того или иного выступления выдвигает требование исполнения советской конституции (курсив Мартова, *И. В.*). А это именно и сделал петроградский комитет, ибо советская конституция провозглашает свободу печати, союзов и собраний для всех трудящихся... Целью нашей борьбы является торжество подлинно демократических принципов (курсив мой, *И. В.*).

Все ясно, меньшевистская „тактика“ и „стратегия“—как на ладони. И вот вопрос: была ли Советская власть абсолютно права, когда она не верила ни одному слову меньшевистской партии, когда лозунг „власть трудящихся“ считала обманом, когда в дни Кронштадта Дана и его друзей она запрятала в тюрьму?

Вместе с кронштадтскими мятежниками, вместе с Таганцевым, Ястребовым, вместе со всем буржуазно-помещичьим блоком партия меньшевиков атаковала „наименее хорошо защищенное место вражеской системы“. Под прикрытием лозунга „власть трудящимся“ она захотела „пробить брешь“, чтобы ликвидировать „бесправие буржуев“, чтобы Россию превратить в „демократию равноправных собственников“.

Из месяца в месяц меньшевистская партия неуклонно продвигалась все вправо и вправо. Впереди этого „обратного движения“ шествовал Далин. Сегодня его очередная статья, открывавшая „новые горизонты“, печаталась на страницах „Соц. Вестника“ с примечанием, что редакция с автором „не во всем согласна“. Через два месяца редакция отвечала Далину по принципу: „с одной стороны—да, с другой стороны—нет“. Через три месяца все положения Далина становились официальным мнением меньшевистской партии... О, Далин—вождь и пророк, „восходящая звезда“ мирового меньшевизма! Никто, ведь, кроме него, не осмелился развенчать старых неисправимых утопистов—Маркса, Энгельса, Бебеля, Лассаля...

Ко второй половине 1922 года процесс движения направо в основном закончен. „Новая“ ликвидаторская платформа меньшевизма подготовлена. „Иллюзии“ все отброшены. Российская социал-демократия смиренно склоняет голову перед победоносным капитализмом и еле слышно шепчет про себя слова Кориолана:

Прощай, мой гордый дух, отныне
Ты должен стать развратной потаскушкой.

Программные основы меньшевизма.

Новая платформа.

На пороге 5-го года Октябрьской революции русский меньшевизм—официальный, лево-центровый, мартово-дановский меньшевизм—выступил с новой платформой. Суть платформы сводится к ликвидации идейных наслоений и словесных украшений, навязанных меньшевизму мировым революционным подъемом 1918—1920 г.г.

В своей новой платформе партия меньшевиков, расставаясь с левыми увлечениями, решительно поворачивает направо. К концу пятилетия революции меньшевизм по существу возвращается к позиции, которую он занимал в первый год после Октября.

В 1922 г. капитал всюду в Европе и Америке закрепляется на своих позициях, и меньшевизм отмечает это официальным поворотом направо. Для России он выдвигает программу немедленного и полного возврата к капиталистическому господству. Раз буржуазия западной „демократии" удержалась перед напором рабочего класса, как же можно допустить, чтобы Россия была лишена величайших благ капиталистической каторги?

Это „вечный" закон: социал-демократия ведет себя тем подлее, чем увереннее чувствуют себя господствующие классы. Победа царистской реакции в 1907—1914 г.г. ознаменовалась переходом меньшевизма в ликвидаторство с его проповедью отреченства и ренегатства. В „демократиях" Колчака, Деникина, Петлюры, Скоропадского и т. д. меньшевистские организации неизменно становились на почву самой откровенной, самой подлинной буржуазной контр-революции. В Европе наиболее гнусную породу социал-демократии нужно искать в царстве адмирала Хорти, в „демократиях" эстонских и латвийских убийц и белопольских башибузуков, в фашистской Италии, в фашистской Болгарии. Успех европейского капитала сопровождается всеобщим поправением мирового меньшевизма. Независимцы сливаются с кровавыми носкитами, венский „Союз социалистических партий" объединяется со II Интернационалом.

Основы новой платформы меньшевизма были изложены в статьях Мартова („Соц. Вестник" № 19, 14-го октября 1922 г.), Дана („Соц. Вестник" № 20, 19-го октября 1922 г.), Далина („Соц. Вест-

ник“ № 1, 1-го января 1923 г.), в резолюции всероссийского совещания меньшевиков (октябрь 1922 г.) и в резолюции бюро ЦК меньшевиков „об основных положениях партийной платформы“, принятой 2 февраля 1923 г.

Теоретическое обоснование новой линии меньшевизма дано в книге Далина: „После войн и революций“ (Берлин, 1922 г., из-во „Грани“).

Необходимо отметить, что до настоящего времени (август 1923 г.) официального общеобязательного документа не выработано. Крутой поворот сделан, старые позиции со всей решительностью опрокинуты, но прежний страх перед „программой“, перед „платформой“, перед документом, каждая строчка которой обязывает, сохранился.

Снова, как и в начале 1921 г., мы имеем „формулу присяги“ меньшевизма, с той, впрочем, разницей, что тогда это была „присяга“ „власти трудящихся“, а ныне—это присяга власти „демократии“, уничтожающей „бесправие буржуев“...

Так или иначе, новая платформа налицо. Она подвергает пересмотру все основные социально-политические вопросы эпохи. Прежде всего она „переоценивает“ значение Октябрьской революции, ее характер, ее место в истории. Затем — пересматриваются вопросы о взаимоотношении между различными классами, об отношении рабочего класса к Советскому государству, о демократии и диктатуре, об экономике Советской республики, о перспективах мировой революции, об едином фронте, о тактике меньшевистской партии и т. д.

Вслед за выработкой новой платформы различные течения в меньшевистской партии сближаются. Почти одновременно с появлением в „Соц. Вестнике“ исторической статьи Мартова: „Наша платформа“, Центральный Комитет меньшевиков пополняется представителями правой оппозиции. Поворот программно-политический закрепляется организационно.

Что после новой платформы представляет собой русский меньшевизм в отношении программном, тактическом, организационном? На кого опирается, куда идет?

Революция пролетарская или буржуазная.

Мы знаем, что Октябрьская революция была объявлена меньшевиками простой авантюрой, лишенной серьезного исторического значения. По мнению меньшевиков, это даже не была революция, а какое-то уголовное происшествие, результат заговора кучки большевиков. Социологический анализ, исторический подход в это время у партии меньшевиков совершенно отсутствует. Истерика, бешеная злоба и ненависть к Советской власти затуманивают взоры меньшевизма и лишают его способности разглядеть действительную сущность вещей. Настоящая, исторически закономерная революция для них произошла в феврале 1917 г. Это была революция буржуазная, она должна была привести к власти обязательно буржуазию. Эту законную, единствен-

но мыслимую, единственно допустимую революцию грубо, незаконно, анархически прервала октябрьская большевистская „авантюра“. Задача, по мнению меньшевистской партии, заключается в том, чтобы эту „авантюру“ как-нибудь ликвидировать, зачеркнуть и Россию снова ввести в „законные“ буржуазные берега.

В конце 1918 г. отношение к Октябрю под влиянием краха русской „демократии“ и крушения австро-германского империализма меняется. В октябре 1918 г. меньшевистская партия, в лице своего центрального комитета, признает, что большевистский переворот являлся „исторически-необходимым“, что этот переворот, „разрывая связи между трудовыми массами и капиталистическим классом, выражал стремление трудящихся масс подчинить направление революции всецело их интересам“. Таким образом выходит, что Октябрьская революция, во-первых, была настоящей революцией и, во-вторых,—что самое существенное, — она уже выходила за рамки типично буржуазной революции, ибо „разрывала связи между трудящимися массами и капиталистическим классом“. Следовательно, она представляла собою гигантский шаг от капитализма к социализму.

Считаясь с этим фактом, меньшевистская партия в это время вынуждена была снять лозунг учредительного собрания и перейти на платформу „власти трудящихся“. Все это, разумеется, являлось серьезнейшим идейно-политическим поражением меньшевизма.

В резолюции всероссийского совещания партии меньшевиков в апреле 1920 г. говорилось следующее:

> „Основной задачей социал-демократии, партии рабочего класса, является в переживаемый момент сплочение всех революционно-пролетарских сил на почве проведения политики, наиболее способной укрепить в России те из позиций социальной революции, которые могут быть удержаны при данном соотношении классов. Власть трудящихся, революционный союз пролетариата и крестьянства против помещиков и капиталистов, сохранение в руках революционного государства концентрированных средств производства в основных отраслях промышленности и транспорта“.

Далее в той же резолюции говорится об утверждении „гегемонии пролетариата“, о „движении народного хозяйства России под воздействием мировой социальной революции по пути социализации“. Совещание признавало, что российская революция вышла за пределы „национально-ограниченных капиталистическо-буржуазных задач“. Иными словами, партия меньшевиков, под влиянием мирового революционного подъема, вынуждена была признать, что Октябрьская революция является рево-

люцией, положившей начало прямой борьбе всемирного пролетариата за власть, за социализм.

Когда в 1921 г. в меньшевистской партии началась полемика по вопросам платформы, правые меньшевики, чувствуя, что ветер подул в их сторону, что Мартов, Дан и другие лево-центровые меньшевики становятся на их точку зрения, перешли в наступление. Правые все более набирались смелости и, дабы окончательно полонить своих „левых“ друзей, грозно изобличали их в старых грехах и ошибках. На страницах „Социалистического Вестника“ точку зрения правых развивали Аронсон и Кучин - Оранский. (Киевский „герой“ в 1919 г., в качестве „ходатая“ по рабочим делам, неоднократно побывавший в передних деникинских генералов Бредова и Драгомирова и за усердную службу деникинской „демократии“ осужденный Революционным Трибуналом.) Правые упрекали Мартова, Дана и других „левых“ в том, что под их руководством партия „стала склоняться к принятию социалистического характера русской революции“, что партия „официально стала на почву русского социализма“, что она, „ориентируясь на начавшуюся в Европе социальную революцию, призывала содействовать социалистическому строительству Советской власти, самую власть рассматривала как социалистическую власть, урезыванием своих лозунгов и ограничением размаха оппозиции освящала своего рода бургфриден с Советской властью“.

Таковы были обвинения правых. „Левые“ в лице Мартова яростно отбивались от этих обвинений. Они указывали, что, конечно, грех „левизны“ имел место, но, во-первых, этот грех не так велик, как изображают правые, и, во-вторых, грех этот был совершон отнюдь не под влиянием австро-германской революции, а, будто бы, полевение меньшевизма началось задолго до событий в средней Европе. Оправдания Мартова-Дана, разумеется, были лишены всякого основания. В своих нападках правые опирались на совершенно бесспорные факты. Бесспорно то, что меньшевизм повернул влево именно под влиянием обще-мирового революционного подъема,—в этом признавался летом 1921 г. сам Мартов. Совершенно бесспорно то, что левый официальный меньшевизм признавал социалистический характер русской революции не только в период 1918—1920 г.г., но и позже.

Еще в августе 1921 г. ЦК партии меньшевиков официально характеризовал русскую революцию как „переходную к социализму, выходящую за рамки капитализма и буржуазной демократии“. В этом же духе высказывался и Дан на VIII Съезде Советов (декабрь 1921 г.). Мартову-Дану отделаться от своих правых прокуроров было не так-то легко. Грех—и грех большой—был совершон...

Как обстояло дело уже после начала поворота, как характеризовали нашу революцию меньшевики? Осенью 1922 г. гражданин Аронсон в „Социалистическом Вестнике“, правда „в дискуссионном порядке“, писал по этому поводу следующее:

„Сейчас можно констатировать, что людей, ориентирующихся на социалистические возможности в русской революции, в социал-демократии нет, что они, во всяком случае, представляют собой музейные раритеты. Надежда на русский социализм представляет собой преодоленную точку зрения“.

Как смотрели на это дело в то время Мартов и Дан? Ответа прямого тогда они не давали. Правда, у Мартова срывались с уст выражения, вроде „социалистического правительства России“, но в общем, как мы увидим ниже, вся сущность платформы официального меньшевизма свелась к тому, чтобы перевести Россию на капиталистические рельсы.

А в статье, посвященной 5-й годовщине революции, центральный орган меньшевиков „Социалистический Вестник“ предавался следующим размышлениям:

„В 5-ю годовщину революции Россия стоит на распутье... Вопрос, который стоит в порядке дня, это—вопрос о том, какое здание будет построено на расчищенной революционным ураганом почве“!

Россия стоит на распутье! Как это так? Пять лет в стране происходила бешеная борьба классов, окончившаяся поражением одних классов и победой других, — и в результате все же она осталась „на распутье“.

Это, конечно, пустяки. Россия движется в направлении, указанном ей классом-победителем. Меньшевикам это, разумеется, не нравится. Они утешают себя мечтой о том, что на „расчищенной революционным ураганом почве“ можно построить любое здание... Попробуйте, господа строители! Везите ваши кирпичи!..

В эпоху Керенского Россия стояла „на распутье“: власть была безвластная, бесхребетная, промежуточная. Классы еще не померялись силами друг с другом, решающие бои не были даны, исхода революции точно предусмотреть было невозможно. После Октября направление России более определилось. Но в периоды наибольших успехов контр-революции снова можно было сказать, что „Россия стоит на распутье“: никто не мог предвидеть, кто победит, — белый или красный фронт.

Но вот в ноябре 1920 года победа над буржуазно-помещичьей Россией стала несомненной, в 1921 г. была комбинированными средствами побеждена „мужицкая“ контр-революция, пролетариат сохранил за собою руководящее положение. „Распутье“ кончилось. А меньшевикам к пятой годовщине революции все еще казалось, или они делали вид, что им казалось, будто Россия по-прежнему стоит на узловой станции, откуда можно двинуться в любом направлении. Нет, узловая станция пройдена, направление к социализму взято, и для того, чтобы это направление изменить, необходимо будет Россию повернуть назад, ее оттащить до пройденной станции, и тогда пу-

стить по линии капитализма. Исторически вещь это возможная, но предварительно вам, господа меньшевики, вместе с вашими союзниками, нужно будет в результате новой гражданской войны рабочий класс победить, разбить. Иначе он добровольно назад не повернет,— медленно, со всякими маневрами и остановками, но будет итти вперед.

Редакция центрального органа партии меньшевиков, изволите ли видеть, не знает еще, какое здание будет построено в прошедшей огонь революции России. У нее готов превосходный проект новенького капиталистического небоскреба,—последнее слово мирового банково-биржевого архитектурного искусства. С этим проектом мы подробно ознакомимся ниже.

Но вот один из теоретиков меньшевизма, член Центрального Комитета этой партии гр. Далин в книге „После войн и революций“ с похвальной откровенностью и не всегда свойственной меньшевикам определенностью говорит, что наша революция была, есть и укрепилась окончательно, как революция чисто-буржуазная.

> „Истории,—говорит Далин, — было угодно устроить грандиозный маскарад. И через самое короткое время после начала буржуазной революции она ставит буржуазию и крестьянство в оппозицию к революционному режиму, а главными актерами буржуазной революции она делает смертельных врагов буржуазии, всерьез убежденных, что они не предтечи капитализма, а его могильщики, что они совершают социальную революцию.

На самом деле, по мнению Далина, никакой социальной революции, даже никаких данных для борьбы за социальную революцию в России не было, нет и долгое время не будет. „Нужны фантазии, чтобы побеждать; только фантазеры делаются вождями“. В России нужно было победить остатки феодализма, нужно было уничтожить дворянское сословие, нужно было свергнуть царизм, открыть дорогу капитализму. Для разрешения всех этих задач нужны были „фантазии“, ибо без фантазии не могло быть порыва и воли. Сейчас, когда победа одержана, выясняется полная картина современного русского общества. На место дворянской России мы имеем только буржуазную Россию. В том, что сейчас имеется,—говорит Далин,—нет „ни грана“ социализма. И если бы все в истории совершалось „рационально и рационалистически“, то, в сущности говоря, мы в русской революции должны были бы иметь массовое народное движение, которое к целям ликвидации царизма и дворянства присоединяет „совместимые с ними политические задачи“. В этом народном движении, по мнению Далина, „рабоче-социалистические тенденции должны были составлять лишь одну из множества струй“. Движение, „добившись демократически-буржуазного порядка“, должно было „успокоиться на этом и перейти к органической эпохе русского капитализма“.

Никакой руководящей роли пролетариату брать на себя не следовало; во главе революции должна была стоять буржуазия. Пролетариат в революции должен был исполнять роль чернорабочей силы. Тогда все было бы в порядке.

Нам давно знакома эта типично-меньшевистская схема. Она ведет свое начало от экономизма. Но схема эта оказалась утопической. Далины могут „обвинять" историю в пристрастии к „маскарадам". Но факт заключается в том, что в 1905 г. революцию делает пролетариат против царизма, вопреки буржуазии. В феврале 1917 г. пролетариат сделал революцию против царизма, вопреки буржуазии. В октябре он выступает против буржуазии и дворянства, доводит буржуазную революцию до конца и открывает эпоху борьбы за социализм. Схема меньшевизма бита на всех этапах революции. Меньшевизм теперь признает, что, пожалуй, это в значительной мере так,—он делает выговор истории за то, что она не все совершает „рационально и рационалистически".

Но меньшевик считает, что пора, наконец, истории образумиться и осуществить вторую часть „вечной" схемы: утвердить господство буржуазии. Посмотрим, насколько основательна эта претензия.

Русская буржуазия не хотела целиком сменить дворянство, не хотела ликвидации его политического и экономического могущества: буржуазия собиралась разделить с дворянством власть; без дворянства русская буржуазия не решалась остаться одна лицом к лицу с пролетариатом. Когда в мартовские дни 1917 г., уже после краха царского самодержавия, русский либерализм, в лице Милюкова—Гучкова, цепляется за монарха, когда Милюков, во что бы то ни стало, на место Николая хотел усадить Михаила, он мотивировал это тем, что, мол, буржуазия не может одна править без самого деятельного сотрудничества со стороны дворянства. Без монархии,—говорил Милюков,—временное правительство, это—„утлая ладья", которая погибнет в волнах революции, которая не доживет до учредительного собрания.

Далину кажется непонятным, почему это буржуазия стала в „оппозицию" по отношению к революции. Далин абсолютно не может понять того обстоятельства, что в России соотношение сил между пролетариатом и буржуазией с самого начала сложилось не в пользу буржуазии. Русский пролетариат всей историей русского освободительного и всем ходом мирового пролетарского движения был выдвинут на передний план. Уже в период революции 1905 г. русский пролетариат выдвинулся в качестве бесспорного авангарда мирового пролетарского движения.

В 1917 г. русский рабочий класс был сильнее, сознательнее, опытнее, чем в 1905 г., и роль, которую он играл в 1905 г., в этот новый революционный период могла только возрасти, но ни в каком случае не уменьшиться.

С другой стороны, буржуазия за период 1907—1917 г.г. стала еще более контр - революционной, она теснее связалась с российской

и мировой реакцией; фактически она отказалась от лозунгов исконного „демократического“ либерализма и перешла на точку зрения реакционно-шовинистического национал-либерализма. Вся история русской революции есть история борьбы пролетариата и крестьянства с буржуазией и дворянством. Эта борьба протекала по „схемам“ большевистским, но ни в каком случае не меньшевистским.

Далин находит, что рабоче-социалистические тенденции должны были занять в России скромное место „соответственно роли пролетариата в России“. Но, ведь, в том-то и вся суть, что пролетариат России занимал именно руководящее место во всем освободительном движении России. Весь вопрос в том, что фактически один пролетариат вел решающую борьбу с царизмом, заставляя приспособляться к своей руководящей роли не только крестьянство, но, в значительной мере, и либерализм. Ведь исторически бесспорен факт, что либерализм начал свою словесную „борьбу“ с самодержавием лишь после того, как пролетариат вступил с этим самодержавием в революционную борьбу.

И именно потому, что пролетариат играл в России исключительную роль, именно потому, что национальная буржуазия в России была политически крайне слаба, экономически мало самостоятельна,— именно поэтому буржуазия одна, без дворянства, не решалась брать на себя руководство страной, именно поэтому в России чисто-буржуазной власти не могло быть. История не устраивала маскарада, история предоставила каждому классу делать то, на что он способен.

Какова картина современного русского общества? Гражданин Далин представляет ее в следующем виде. По его мнению, перед нами „картина вступающего в свои права буржуазного общества в момент окончания буржуазной революции“. Он находит, что буржуазия „не воевала, но завоевала себе не мало прав“. Ее победа была победой принципа капитализма. Новый курс еще не капитализм: это только „принципиальная победа новой буржуазии“.

Так прививает меньшевик Далин „классовое самосознание“ буржуазии, так пытается он усилить и укрепить ее классовое самочувствие. Но гр. Далин*) навевает буржуазии иллюзии и, желая сказать ей приятное, в действительности, помимо своего желания, говорит ей неправду.

В самом деле, „буржуазия не воевала, но завоевала себе не мало прав“. То-есть как это „буржуазия не воевала“? Буржуазия воевала бешено, буржуазия фактически продолжает эту войну. Но что же она завоевала? В чем заключается ее победа, по сравнению с дооктябрьским ее положением? Накануне Октябрьского пере-

*) Работа Далина, вызвавшая бурные одобрения со стороны социал-деникинской и кадетской прессы, не встретила ни единого возражения со стороны „левых“ меньшевиков.

ворота буржуазия была всем, она господствовала во всех областях жизни. Революция лишила ее основного, но она не собиралась сразу лишить ее всего. Никто никогда не думал о полном уничтожении капиталистов. Никто не надеялся на экономический скачок. Если в эпоху гражданской войны буржуазия была придушена, если были национализированы последние парикмахерские, то это был вопрос не принципа, — это был вопрос практики войны. Война окончена, буржуазия, как класс, стоит на коленях; пролетарское государство дает ей возможность жить и работать под его общим руководством, контролем, наблюдением, подчиняясь его законам, его правилам.

И тут меньшевик Далин говорит о победе „принципа капитализма“. Это совершенно обывательская постановка вопроса. Именно обыватель, когда он увидел, что Советская власть приглашает частный капитал, с торжеством воскликнул: „Ага, без буржуазии не можете“!—Но, ведь, мы живем в периоде переходном от капитализма к социализму. Ведь было тысячу раз разъяснено, разжевано, что переходный период как раз означает, что в стране имеются элементы и капитализма, и социализма, что борьба, соревнование между этими двумя элементами продолжается, что в этой борьбе решающее значение имеет вопрос о том, кто командует, кто держит в руках основные экономические узлы, кому принадлежит власть, кто стоит на коленях. В настоящее время, когда командующим классом стал пролетариат, когда буржуазия может действовать постольку и в таких именно рамках, которые ей отведены пролетариатом, это обстоятельство решительно меняет социальную структуру общества.

Когда гражданин Далин говорит: кончается буржуазная революция, вступает в свои права буржуазное общество, то это все выражает лишь одни страстные желания Далиных. Да, партия меньшевиков хотела бы всю шестилетнюю гигантскую борьбу российского пролетариата пустить на ветер, она хотела бы даже после грандиозной победы рабочего класса подчинить его снова буржуазии, отдать ей все, без исключения, результаты пролетарской победы. Схема меньшевизма предполагала буржуазную революцию под руководством самой буржуазии. Этого не случилось. История, изволите ли видеть, устроила маскарад. Наконец, маскарад окончен, схема должна быть выполнена, буржуазное общество должно вступить в свои права. Должно! Это с точки зрения лакеев буржуазии, но с точки зрения интересов всемирного пролетариата, с точки зрения интересов десятков миллионов трудящихся России, это вовсе не должно, и этого не будет. Ход и исход революции определяется борьбой и победой. Пролетариат победил. В качестве победителя, он привлекает к сотрудничеству все годные к строительству силы. В качестве победителя, он может и он идет на частичные уступки. Но основное он держит в руках.

„В социал-демократии,—говорит Аронсон,—нет больше людей,

ориентирующихся на социалистические возможности в русской революции". Меньшевики круто повернули от социалистических возможностей к капиталистическим возможностям. Все свои силы они направляют на то, чтобы вогнать русскую революцию в национально-ограниченные, буржуазно-капиталистические рамки. В 1918—1920 г.г., по мнению Мартова-Дана, эти национально-ограниченные буржуазные рамки, пожалуй, не годились. Почему же они сейчас годятся? Потому что европейский пролетариат потерпел поражение, потому что мировой капитал чувствует себя уверенно.

„Утопизм“ большевиков и „плохая“ революция.

Российская революция,—говорит Карл Каутский в одной из своих статей о России,—не первая из социалистических, а последняя из буржуазных революций. Если русская революция—буржуазная революция, то все-таки почему же она последняя? Китай, Индия, Турция, исторически имеющие право на революцию, разве сразу произведут пролетарскую революцию? Фраза о том, что русская революция является последней из буржуазных революций, лишена всякого смысла. Но теперь спросим самого Каутского, как он относился к русской революции 1905—1907 годов? Нашу первую революцию Карл Каутский расценивал не как революцию буржуазную, а как революцию переходного характера. В своей брошюре „Движущие силы и перспективы русской революции“, изданной в 1907 году, Каутский писал:

„Мы сможем понять русскую революцию и ее задачи, если будем ее рассматривать не как буржуазную в обычном смысле слова, а также не как социалистическую, но как своеобразный процесс на рубеже буржуазного и социалистического общества, который способствует разложению первого и подготовляет образование второго“.

Это было сказано относительно нашей первой революции. С тех пор русский пролетариат сделал гигантский шаг вперед, и революция Октябрьская, разумеется, по своему типу ни в коем случае не была ниже революции 1905—1907 годов. Революция 1905—1907 г.г. произошла в момент, когда капиталистический мир прочно стоял на ногах. Октябрьская революция является прямым следствием мировой империалистической войны. Октябрьская революция возникла в момент начала всеобщего краха капитализма. Если бы даже революция 1917 года не опиралась на прочный фундамент революции пятого года, если бы даже Октябрьская революция не воспользовалась всем опытом пятого года, не расширила этого опыта, то и в этом случае русская революция не могла быть обычной буржуазной революцией. В той же брошюре о перспективах русской революции Каутский писал буквально следующее:

„Время буржуазных революций, т.-е. революций, движущей силой которых являлась буржуазия, миновало,—миновало также и для России. И в ней пролетариат не является более простым придатком и орудием буржуазии, как это было во время буржуазных революций, а самостоятельным классом, с самостоятельными революционными целями. Но там, где пролетариат выступает таким образом, буржуазия перестает быть революционным классом. Русская буржуазия, поскольку она вообще либеральна и ведет самостоятельную классовую политику, ненавидит, несомненно, абсолютизм, но она ненавидит еще более революцию".

Если это была правда для 1905—1907 годов,—а с точки зрения всех без исключения революционных марксистов тогдашнее утверждение Каутского было бесспорно,—то спрашивается, как же с 1917 года могло вернуться время буржуазных революций? Ведь Каутский черным по белому писал, что такое время прошло „также и для России", и он был совершенно прав, ибо Россия не представляла собой какого-то изолированного острова, Россия была связана всеми нитями со всем капиталистическим миром, Россия чувствовала на себе все удары, которые посыпались после мировой войны на весь старый мир.

Октябрьская революция не могла быть буржуазной в обычном смысле слова еще и потому, что пролетариат выступил в ней в союзе с крестьянской армией в качестве еще более серьезной силы, чем он выступил в революции 1905 года. Социал-демократия пыталась сделать русский рабочий класс придатком буржуазии. Социал-демократия пыталась искусственно втиснуть русскую революцию в узкие рамки обычной буржуазной революции. Но это историческое преступление, эта попытка исторической подделки революции, попытка самого жалкого принижения революции до состояния буржуазии, кончилась полным крахом.

Все это знает Каутский, и, тем не менее, у него хватает политической совести заявить, что российская революция не первая из социалистических, а последняя из буржуазных! А меньшевики, в 1919—1920 годах также признавшие, что российская революция вышла далеко за пределы обычных буржуазных рамок, сейчас с величайшим восторгом перепечатывают заявление „мудрейшего" Каутского и хором кричат о том, что в российской революции никогда не было, нет и не будет ничего социалистического!

В октябре 1917 года пролетариат встал у власти, и этот факт предопределил характер и дальнейшее развитие революции. Но Октябрьская революция дала еще другое подтверждение необычности и небуржуазности ее характера. В первых числах января 1918 г. на заседании ВЦИК Ленин говорил:

„Когда я слышу от противников Октябрьской революции крики о несбыточности и утопичности идей социализма, я обыкновенно в таких случаях задаю им простой и ясный вопрос: что за явление

Советы? Результатом чего является нарождение этих небывалых еще в истории развития мировой революции народных организаций?“.

В самом деле, почему враги нашей революции не попытались ни разу серьезно объяснить, „что за явление Советы?“. Они готовы были в эпоху своей максимальной „революционности“ сочетать Советы с демократией. Но почему решались они поставить только что народившиеся Советы на-ряду с демократией, с классической формой буржуазного государства? Ведь не было же какой-то исторической игрой то, что Советы в русской революции 1917 года, в австро-германской революции 1918 года заняли настолько видное место, что левая часть мирового меньшевизма вынуждена была признать за ними величайшее значение и поставить их рядом с прославленной демократией!

Советы выдвинула революция, Советы (и фабзавкомы) явились классической формой пролетарской революции. В этом весь вопрос. Советы родились в России в революцию 1905 года. Осенью 1905 года Петроградский Совет фактически стоял рядом с правительством Витге. Независимо от того, что тогда борьба окончилась в пользу старого царистского правительства, выступление на исторической арене Советов—этой новой зачаточной формы рабочего правительства,—в полной мере соответствовало той руководящей роли, которую играл русский пролетариат в революции 1905 года. Никакой другой революцией в истории, за исключением Парижской Коммуны, пролетариат не руководил. В России, в революции 1905 года он выступил в качестве бесспорно руководящей силы. Ни в какой революции пролетариат не имел своего революционного парламента; впервые он получил его в России в виде Совета, признанного трудящимися всей страны, как реальная руководящая сила революции. Повторяем, появление Советов в 1905 году соответствовало небывало высокой роли русского пролетариата в революции.

В 1917 году пролетариат был несравненно сильнее, чем 12 лет перед тем. В 1917 году пролетариат шел в своих намерениях значительно дальше, чем в революции 1905 года. Поэтому именно Советы с первых дней февраля фактически играют руководящую роль. Социал-демократия пытается подчинить их буржуазии, социал-демократия принижает значение Советов до уровня собственной трусости и нерешительности, но к осени 1917 года Советы, под руководством большевистской партии, снова отвоевывают принадлежавшее им в революции место и проводят новую революцию—против буржуазии и против защищавшего ее эсеровско-меньшевистского блока.

Все это не является случайностью, а целиком отражает поведение пролетариата в развертывающейся революции, и тот новый гигантский шаг, который исторически был сделан российским пролетариатом. Этого меньшевики всего мира не могли понять, не хотели понять. Вообще выступление пролетариата в качестве руководящей силы, создание им своего собственного государственного аппарата

противоречило основной идее меньшевизма о том, что гегемония в стране должна принадлежать буржуазии.

Когда мы говорим: Октябрьская революция—социалистическая революция,—нас меньшевики пытаются поймать на слове и спрашивают: а где же ваш социализм? Почему в России существуют еще капиталисты? Меньшевики всего мира, и прежде всего русские меньшевики, дело изображают таким образом, будто мы, в качестве неисправимых утопистов, искателей приключений, авантюристов, решили в октябре 1917 года сразу в течение нескольких лет „сделать" в России социализм. Разумеется, это—карикатурное изображение точки зрения большевистской партии. Люди, которые не хотят никакого социализма, люди, которые о том только и думают, как бы обеспечить прочность капиталистического строя, клевещут на нас, будто мы задавались совершенно несбыточными утопическими целями. На Гамбургском конгрессе социалистического Интернационала лидер русских меньшевиков Абрамович изображал дело именно так карикатурно: большевики хотели сразу устроить социализм, это им не удалось, они обанкротились, а потом вернулись к капитализму.

На самом деле большевики сразу поставили себе вполне осуществимую задачу. Они не мечтали о немедленном превращении России в социалистический рай, они только серьезно и честно стремились вести страну по пути к социализму. Две недели спустя после Октябрьского переворота, 21 ноября 1917 года газета „Правда", центральный орган большевистской партии, в передовой статье о характере революции писала буквально следующее:

„Победа Октябрьского восстания доказала, что великое потрясение наших дней—отнюдь не скромная, умеренная, на буржуазный лад причесанная революция. Значит ли это, что Октябрьская революция—социалистическая революция? Нет, не значит. Она лишь начальная глава социалистической революции, она лишь уничтожает полностью препятствия, стоящие на пути социалистического преобразования общества. Она еще не устанавливает разом социалистический строй, но она уже приступает к первым социалистическим мероприятиям. В этом смысле наша революция переходная, подобно тому, как весна—переход от зимы к лету. Это—великая рабочая и крестьянская революция, которая будет зреть и наливаться ярким социалистическим цветом по мере расширения и укрепления мощи доныне угнетенных классов".

Вот исторического значения ответ всем сикофантам капитала, всем холуям буржуазии [1]).

---

[1]) В резолюции 4-го съезда партии эсеров (26 ноября—5 декабря 1917 г.) по докладу Чернова о текущем моменте говорилось:

„Современная русская революция является народно-трудовой, пробивающей первые бреши в крепости буржуазной собственности и буржуазного права. Она открывает собою переходный промежуточный исторический

Статья „Правды“, разумеется, отражает господствовавшие в тот период в большевистской партии взгляды. Она, понятно, не была исключением. В этом духе высказывалась вся большевистская литература. До начала гражданской войны, до создания обстановки осажденной крепости во всей деятельности Советской власти и Коммунистической партии, прежде всего в докладах и речах Ленина, господствовала та точка зрения, что Октябрьская революция, это—„начальная глава социалистической революции“, что она—революция переходная. Ничего утопического в этом не было, разумеется, в стране, произведшей небывалую революцию, в стране, где у власти стала пролетарская партия. Мы ясно отдавали себе отчет в том, что делали. Мы не задавались несбыточными мечтаниями, мы только не хотели помогать буржуазии держать в руках государственный руль, мы хотели и двигали Россию вперед по пути к социализму.

Мы знали, что успех этого движения зависит от степени „расширения и укрепления мощи доныне угнетенных классов“. Революция впервые—и только революция—давала этим классам возможность подниматься от вековой тьмы, забитости и косности к новой жизни.

Придя к власти, пролетарская партия не могла, разумеется, делать дело буржуазии, она должна была делать историческое дело своего собственного класса. А мировая обстановка сложилась так, что пролетариат не мог не притти к власти. Меньшевики всего мира главным нашим грехом считают то, что мы совершили революцию. Но свержение буржуазии именно и было необходимо. В мае 1921 года Мартов в „Соц. Вестнике“ писал, что „в октябре 1917 года большевики явились выразителями вполне законного возмущения широких слоев пролетариата политикой, которая по объективному смыслу своему направлялась в конечном счете не политическими интересами русской революции, но военными интересами Антанты“. „Законное возмущение“ господствовало не только в широких слоях пролетариата,—оно господствовало во всем народе. Не было другой партии, кроме большевистской, которая была бы способна это „законное возмущение“ выразить на деле и из него соответствующие выводы сделать. Все другие партии содействовали проведению той политики, которая направлялась „военными интересами Антанты“. Во имя этих „военных интересов Антанты“ действовала прежде всего меньшевистская партия, возглавлявшаяся Даном и Церетелли. Партия левых эсеров к тому моменту окончательно еще не отделилась от основной партии эсеров, но если бы даже она и заняла самостоятельную позицию, все равно, она была бы неспособна явиться выразительницей „законного возмущения“ народных масс. Политику, направляемую

период между эпохой полного расцвета буржуазного строя и эпохой социалистического переустройства“.

Не правда ли, в то время „утопизм“ эсеров недалеко ушел от „утопизма“ большевиков? Впрочем, это не мешало Виктору Чернову Октябрьскую революцию и власть Советов называть „охлократией“ (господство черни).

военными интересами Антанты, нужно было прекратить, правительство, эту политику проводившее, нужно было свергнуть.

Перед Россией стояла дилемма: или избавиться от керенщины, или служить бесконечно Антанте. Эту дилемму Милюков, как мы видели выше, формулировал несколько иначе. Перед Октябрем, — заявил он, — стояла дилемма: Корнилов или Ленин? Другого выхода не было. Корнилов, или Керенский, или Милюков—это означало: либо война без конца, либо сепаратный мир, заключенный кадетами и черносотенцами. В обоих случаях в стране господствует либо империализм антантовский, либо империализм австро-германский. Большевистская партия, встав во главе возмущенного предательской политикой народа, избавила Россию от империалистического рабства.

* * *

Но, говорят нам, именно потому, что Октябрьская революция является результатом войны и вызванного ею распада, именно потому, что ее поддержали солдаты, не желавшие воевать, она является „плохой", неисторической, незаконной революцией. Не будь войны,— революции бы не было; заключи буржуазия мир во-время,—революция была бы избегнута. Не вызови война всеобщего развала и хаоса,— большевикам не удалось бы победить.

Но в такой обстановке родившаяся революция, это—не солидная, не настоящая, не прочная революция... Вот если бы она вспыхнула не на почве распада и разложения, а в условиях общего расцвета, это был бы совсем другой разговор,—против такой революции никто не смел бы возражать.

Увы!—таких „хороших" революций в природе не бывает. Революция всегда является следствием кризиса, развала, разложения, банкротства господствующих классов. Война—концентрированный кризис капитализма,—из этого кризиса вышла первая в мире пролетарская революция. Почему же эта революция „плоха", случайна, неисторична? Разве война—случайность, разве она не исторична? Разве она не являлась законнейшим детищем капитализма и империализма? Бесспорно, да! Но тогда и революция, вышедшая из вполне закономерной, имманентной капитализму войны, тоже закономерна.

По мнению господ меньшевиков, эсеров и т. д., война нормальна, а революция, из этой войны вышедшая, ненормальна. Нет, извините, милостивые государи, революция является ответом миллионных масс на неслыханные преступления мировой буржуазии. Именно потому она хороша, именно потому она законна, именно потому она открывает новую эру в истории. Социал-демократия, находясь в плену у буржуазии, считает хорошим или приемлемым только то, что предпринимает буржуазия. Когда пролетариат из буржуазного безумия и ужаса делает соответствующий вывод, когда на войну он отвечает революцией,—социал-демократия это считает анархией, авантюризмом.

Германия задыхается в послевоенном кризисе. Политический и экономический развал, распад, разложение бесспорны. Господствующие классы совершенно „нормальными“, „законными“, „естественными“ путями довели страну до кошмарного состояния. Единственный выход—в революционном свержении классов, ответственных за довоенную, военную, послевоенную политику. Но меньшевизм считает, что революция, вышедшая из нынешнего германского развала и хаоса будет „плохой“ революцией. По мнению социал-демократии, нужно оставить судьбы страны в руках капитализма, доказавшего свою историческую неспособность и дальше возглавлять нацию и руководить ею.

Теорию о том, что вышедшая из военного кризиса революция является „плохой“, неисторической революцией, усиленно пропагандировал в 1918—1919 г.г. вождь правого меньшевизма Либер. Он говорил: то, что происходит ныне в России и Европе, это—не социальная революция, а социальный распад. Война развалила хозяйство, разорвала политические связи, разнуздала страсти, разложила нравы. Никакого социализма на такой основе построить нельзя. Сначала нужно побороть всеобщий распад, восстановить порядок а потом начать борьбу за социализм.

Но что на практике такая постановка вопроса означала? Пролетариат должен отказаться от своих классово-исторических задач и помочь стоящей у власти буржуазии побороть экономический и политический распад, помочь восстановить хозяйство на старой капиталистической основе. При создавшихся условиях буржуазия сможет эту задачу разрешить ценою неимоверного ухудшения положения рабочего класса, буквально на костях миллионов пролетариев, которые неизбежно окажутся жертвами капиталистического „восстановления“... Что ж, пусть будет так,—ибо иначе нельзя, ибо иными путями невозможно остановить „социальный распад“.

Однако выражением какого исторического факта является этот „социальный распад“? Бесспорно, что и в дооктябрьской России, и в нынешней Германии социальный распад налицо. Но что это значит? Дооктябрьский российский и нынешний германский распад выражают тягчайший кризис и банкротство господствующих имущих классов. Военный крах царской и „демократической“ России, развал хозяйства, разложение армии, „беспорядки“ рабочие, крестьянские, продовольственные, сепаратизм национальный, - все эти явления выражали собою социально-политическое банкротство классов в то время командовавших страной.

Революционное низвержение обанкротившихся имущих классов, приход к власти новых классов и революционное решение этими классами вопросов о войне и мире, о земле, об армии, национального и т. д.—все это явилось содержанием социальной революции, которая уничтожила „социальный распад“ уничтожением власти вызвавших этот распад классов.

„Социальный распад“ нынешней Германии диктует пролетариату обязанность ответить на него социалистической революцией, свергнуть

обанкротившиеся имущие классы, возглавить нацию, привести к власти угнетенные миллионы, разрешить революционно основные вопросы эпохи...

Октябрьская революция в самом деле оказалась бы „плохой“ революцией, если бы она потерпела поражение, если бы власть осталась в руках социально-политически обанкротившихся классов. Октябрьская революция является небывало чудесной, законнейшей и естественнейшей в мире революцией, ибо она начала закладывать фундамент нового мира, поборола „социальный распад“ капитализма, открыла путь к социальному порядку коммунизма.

* * *

Отрицая в 1922—23 г.г. социалистический характер русской революции, меньшевизм возвращается к своей собственной точке зрения весны и лета 1918 г., к точке зрения правых меньшевиков 1919—20 г.г. Правый меньшевик Розанов в цитированном выше показании говорил: „Социалистическая революция невозможна в Германии, невозможна в России“. Официальный меньшевизм, как мы знаем, в этот же период держался совершенно противоположной точки зрения. Ныне в меньшевизме снова наступил рецидив. Но сколько ни стараются меньшевики представить нашу революцию в виде обычной буржуазной революции, нет-нет и у них прорываются ценнейшие признания, совершенно опрокидывающие их утверждения о буржуазном характере Октябрьской революции.

10 апреля 1923 года Мартова не стало. Подводя итоги его деятельности, Абрамович в „Социалистическом Вестнике“ (№ 8—9, от 24 апреля 1923 года), между прочим, писал:

> „Большевистская революция в России на долгий ряд годов определила собой не только судьбу самой России, но и развитие всего рабочего движения в Европе“.

Отдает себе Абрамович отчет в том, что он говорит? Ведь это же замечательнейшее признание! Ведь, сам того не желая, Абрамович подтверждает, что Октябрьская революция вышла далеко за национальные рамки, что она не была обычной буржуазной революцией, ибо иначе она не могла влиять на „развитие всего рабочего движения в Европе“... Слушайте дальше:

> „Не только русский, но и весь мировой социализм будет гордиться именем Мартова, который спас честь и знамя пролетариата в самых тяжких условиях, в самый роковой час на самом передовом форпосте“.

Опять-таки в чем тут дело? Почему Россия является „самым передовым форпостом“? Если она—страна буржуазной революции, то как же она для Европы, давно уже проделавшей буржуазную революцию, может являться „самым передовым форпостом“? Если большевистская партия, если большевистская революция ничего нового

в мировое движение не внесла, то каким образом тогда эта революция могла влиять на „развитие всего рабочего движения в Европе“, каким образом Россия могла явиться „самым передовым форпостом“?

Опять-таки Абрамович не отдает себе отчета в том, что он говорит. Он невольно подчиняется гигантскому давлению российской революции и, сам того не замечая, делает ценнейшее признание... Так и запомним, так и запишем: „Большевистская революция в России на долгий ряд годов определила собой... развитие всего рабочего движения в Европе“. Большевистская Россия является „самым передовым форпостом“.

Этого с нас, граждане Абрамовичи всего мира, совершенно достаточно. После всего этого вы можете сколько угодно кричать о буржуазном характере большевистской революции, о буржуазном перерождении большевистской партии,—никто не поверит. Россия после Октября стала „самым передовым форпостом“ человечества, Россия открыла первую главу социалистической истории мира. Советская Россия, это—страна, идущая впереди всех народов мира, идущая под знаменем не жалкой, проституированной, обанкротившейся буржуазной демократии, а идущая под знаменем социализма!

Но при чем тут,—спросит читатель,—имя Мартова, которым меньшевистская партия хочет „гордиться“? Ведь Мартов как раз тем и занимался, что пытался разрушить „самый передовой форпост“! Так в чем же его заслуга? Абрамович на это отвечает таким образом.

Впервые в истории современного человечества „у власти стала революционная партия с пролетарской социалистической идеологией“, впервые социал-демократическая партия очутилась в роли оппозиции справа. Иными словами, впервые социал-демократии пришлось бороться против революции, против движения вперед и тянуть рабочий класс назад, к буржуазии. „Честь“ как будто не высокая. Однако Абрамович рассуждает иначе. По его мнению, на русскую социал-демократию выпала „почетная, но богатая терниями задача—стать пионерами марксизма в новых, невиданных еще условиях, разрабатывать тактику, которая могла бы послужить примером“. Оказывается, русская социал-демократия все время старалась не превратить себя „в придаток большевизма“, и это и есть „почетная, но богатая терниями задача“. Мартов немало потрудился над тем, чтобы меньшевизм в самом деле не превратился в „придаток“ первой партии пролетарской революции, поэтому его именем над его могилой гордится русская социал-демократия, гордится мировая социал-демократия.

Странные бывают гордости! Весьма противоположные бывают понятия о гордости! С точки зрения революционера, с точки зрения действительного борца за освобождение рабочего класса, казалось бы, ничего хорошего нет в том, что люди на „самом передовом форпосте“ мира занимались тем, что этот форпост подрывали. Однако, раз меньшевистская партия этим „героическим“ занятием хочет гор-

диться,—что ж, она имеет на это право. Пусть утешается хоть славой Герострата, раз иной славы для нее история не придумала.

Мы же снова запишем, что когда в России происходила самая великая революция в мире, в это время меньшевизм только о том и заботился, чтобы как-нибудь не превратиться в „придаток“ партии этой революции, т.-е. не слиться с революцией, не очутиться на „самом передовом форпосте“...

Социалистическое государство и соглашение с буржуазией.

В октябре 1917 года в России началась социалистическая революция, но на 6-м году этой революции буржуазия все еще существует, буржуазные отношения расширяются, государство дает возможность хозяйствования капиталу, как русскому, так и иностранному. Совместимо ли такое положение с социалистическим характером революции? Не есть ли это полнейшая измена основным началам революции? Меньшевики всех стран хором отвечают на этот вопрос утвердительно. На Гамбургском конгрессе Абрамович в проекте резолюции о России утверждал, что „предпринятый большевиками коммунистический эксперимент... кончился тем, что сами большевики вынуждены были пойти против собственных теорий и, отказавшись от эксперимента, восстановить господство капиталистических отношений“. Бюро Центрального Комитета партии меньшевиков в своей резолюции об основах платформы, пересказывая Далина и других теоретиков меньшевизма, заявляет: „В России, вбирая новый материал, данный революцией, формируются во всех областях производства и обмена капиталистические отношения. Представление о том, что в российском хозяйстве имеются социалистические элементы, является вреднейшей иллюзией“.

Итак, раз появились арендаторы, концессионеры, собственники, конечно, капиталистические отношения уже господствуют, большевизм уже пошел „против собственных теорий“, социалистических элементов в хозяйстве уже не сохранилось никаких. Видный представитель европейского меньшевизма Криспин к этому же вопросу об уступках буржуазии подошел с другой стороны. В ныне покойном органе ныне покойной немецкой независимой социал-демократии Криспин писал:

> „Заключение гражданского мира между большевистской Россией и рядом капиталистических государств означает, что большевики сделали то же самое, что правые социалисты в 1914 году: прекратили революционную классовую борьбу по всей линии и заключили соглашение с капиталистами“ („Фрейхейт“, 26 мая 1922 г.).

Наличность пролетарской власти, социалистических законов, сохранение в руках государства основных узлов промышленности, монополия внешней торговли,—все это для меньшевистской партии

не имеет никакого значения. Раз появились буржуа, значит, больше нет ни капельки социализма.

Но тогда да будет нам позволено задать этим социалистам следующий вопрос. Вы, граждане, хотите прийти к социализму „через демократию“? Но, ведь, демократия означает, что там не только существуют отдельные капиталисты, но что там капиталисты в экономике и фактически в политике безраздельно господствуют. Если наличность капиталистов в стране означает, что в ней уже нет никаких социалистических элементов, то каким образом демократия с полнейшим господством капиталистов сможет перейти к социализму? Каким образом демократия может переродиться в социализм?

Этот совершенно естественный вопрос показывает, насколько бессовестно и демагогически ставят вопрос меньшевики. Нас все время облыжно обвиняют в том, что мы хотим „немедленно“ осуществить социализм, но когда на деле мы идем к этому социализму не немедленным путем, то их обвинения поворачиваются к нам уже с новой стороны: вы не хотите ликвидировать в стране „последнего буржуя“, вы предприятия, с которыми справиться не можете, сдаете в аренду и в концессии,—значит, у вас уже господствует капитализм!

Но отбросим демагогию меньшевиков. Как по существу обстоит дело? В каких взаимоотношениях находится социалистическое государство с частным капиталом?

В октябре 1917 года началась социалистическая революция. Это означало не полное осуществление социализма в течение ближайших 5—10 лет; это означало, что к власти пришла партия с программой социализма и волей к социализму, что к власти пришла партия, представляющая пролетариат, полное освобождение которого невозможно без уничтожения наемного рабства, т.-е. без уничтожения всех остатков капитализма. Пока рабочий класс не захватил в руки государственную власть, пока буржуазия командовала, под флагом ли демократическим, или монархическим, думать о действительном движении к социализму было совершенно невозможно. Когда пролетариат захватывает власть в свои руки, он в интересах осуществления своей великой исторической цели может и в необходимых случаях должен итти на уступки, отступать, иногда очищать врагу второстепенные и третьестепенные позиции, чтобы главное сохранить в своих руках. Враг-капиталист остается, ибо у пролетариата сразу ни в коем случае не может хватить организационных сил для охвата всего хозяйства, в распоряжении пролетарского государства не может оказаться необходимых средств для дальнейшего расширения всех отраслей промышленности. Вспомним, что говорила большевистская „Правда“ 21 ноября 1917 года: „Революция... будет зреть и наливаться ярким социалистическим цветом по мере расширения и укрепления мощи доныне угнетенных классов“,

т.-е. по мере роста их культурности, опытности, сознательности, сплоченности, по мере освобождения от предрассудков и навыков прошлого. Именно недостаточность организаторских сил, а также недостаточность основных капиталов вынуждает пришедший к власти пролетариат итти на уступки. Размер этих уступок зависит от целого ряда причин внутреннего и внешнего характера. В России, представляющей собою гигантский, но все-таки социалистический остров, сегодня эти уступки по неизбежности значительно велики. Завтра, если на-ряду с Россией возникнут и другие социалистические государства, тогда размер этих уступок, несомненно, уменьшится.

Но принципиальное значение имеют не эти уступки, принципиальное, решающее значение имеет наличность власти и основных экономических узлов в руках пролетариата. Меньшевики кричат о том, что в России буржуазия уже является господствующим классом. А вот другой „социалист“-народник Пешехонов, анализируя социальные силы современной России, в эсеровских „Совр. Записках“ пишет: „Пройдет немало времени прежде, чем новая русская буржуазия займет достаточно влиятельное социальное положение и явится серьезным претендентом на власть“. Русская буржуазия живет под сильной рукой пролетарской диктатуры. Мечтать она может о чем угодно, но серьезно „претендовать на власть“ она не в состоянии, и определять характер и направление современной России она также, разумеется, совершенно не в силах. Россия окрашена в красный цвет, и в желтый ее перекрасить можно только после ликвидации республики Советов, после сокрушения „самого передового форпоста“ Европы. Но руки для этого у буржуазии, как русской, так и иностранной, слишком коротки.

Однако буржуазия в России все-таки будет развиваться. Не опасно ли это для Советской власти? Разумеется, опасность есть, и она может стать роковой, если пролетариат будет... спать, если он будет отдавать основные позиции буржуазии. Как фактически обстоит дело?

Буржуазия будет развиваться. Но „закон природы“ гласит, что там, где появляется буржуазия, неизбежно оказываются и пролетарии. Буржуазия, возможно, экономически будет крепнуть и подниматься. Но при Советской власти пролетариат имеет все возможности укрепляться и подниматься хотя бы в той мере, в какой поднимается буржуазия. В его руках государство, школа, печать,—все это защищает его от эксплоатации, содействует его сплочению, просвещению. Когда нас пугают враги ростом и успехами буржуазии, они забывают об этих „пустяках“ и обманывают... себя. На деле каждый шаг буржуазии вперед будет означать два-три шага вперед пролетариата.

Иначе обстоит дело в капиталистическом государстве. Рост буржуазии там сопровождается ростом пролетариата. Но картина совершенно обратная тому, что имеет место в рабочем государстве. Там капиталист имеет за своей спиною государство, печать, школу, цер-

ковь, искусство и т. п. Он пускает в ход все эти мощные орудия против своего непримиримого классового врага. Он эксплоатирует, подавляет, угнетает, обманывает его. При таких условиях пролетариат, разумеется, неизбежно будет представлять собою „низшую расу“ по сравнению с „благородной“ и „культурной“ буржуазией. Лишь всемерным напряжением своих сил, жертвами, голодовками, упорною борьбою против всей капиталистической машины может рабочий добиться известного, весьма скромного улучшения своего положения...

Перейдем теперь к гр. Криспину. Он говорит о заключении „гражданского мира“ между большевистской Россией и рядом капиталистических государств. Он сравнивает этот гражданский мир с действительным гражданским миром, заключенным в 1914 году мировой социал-демократией с мировым капиталом.

Для кого писал Криспин свою статью? Неужели среди читателей „независимой“ газеты было так много дураков, которые не могли понять разницы между гражданским миром 1914 года и „гражданским миром“, якобы заключенным Советской республикой с капиталистическими державами?

В 1914 году вожди рабов заключали „соглашение“ с господами на предмет ведения грабительской войны кровью рабов и в пользу господ. Фактически это было не соглашение, а это была выдача головою обманутого пролетариата буржуазии. В 1922 году правительство победоносного пролетариата входит в деловое соглашение с капиталистическими державами на основе равноправности. Всякие попытки капиталистических государств добиться от нас каких-либо принципиальных уступок окончились неудачей. Это Криспин знает, знает он и то, что, например, англо-советское соглашение ни в каком случае гражданским миром, т.-е. миром между классами не является. Это — уговор, заключенный между капиталистическим и пролетарским государством, о временном прекращении некоторых форм борьбы, пока ни у одной, ни у другой стороны нет сил уничтожить противника.

Европейский империализм хотел нас ликвидировать. Это ему не удалось. Мы в 1919—20 г.г. также держали курс на ликвидацию европейского империализма. Нам это не удалось. Создалось известное равновесие, и это равновесие было выражено в некоторых соглашениях с капиталистическими государствами,—соглашениях неполных, для установления нормальных сношений между государствами совершенно недостаточных. На-ряду с этими экономически-дипломатическими соглашениями политическая борьба коммунизма против капитализма во всем мире продолжается.

И после этого меньшевистский лидер Криспин имеет бесстыдство говорить о заключении „гражданского мира“ между „большевистской Россией и рядом капиталистических государств!“ Ведь, для того, чтобы написать подобную статью, нужно не только рассчитывать на читателей-дураков, но и самому быть человеком, далеко не всегда хватающим звезды с неба...

Мы, изволите ли видеть, заключаем с буржуазной Англией и Германией „гражданский мир“. Наша дипломатия, оказывается, вовсе не новая пролетарская дипломатия. Но за время революции мир видел два типа соглашений, два образца соглашений между социалистической и империалистической страной. Первый образец дала „социалистическая“ Грузия. И здесь Криспин мог бы с полным правом говорить о заключении гражданского мира между „социалистической“ Грузией и капиталистической Европой. Здесь мы имели полное подчинение империализму, фактическую оккупацию Грузии империалистическими войсками. Добившись признания со стороны капиталистических держав, грузинская „социалистическая“ республика красное знамя заменила знаменем трехцветным. Меньшевистская Грузия именно показала, что социал-демократия умеет заключать гражданский мир не только по линии внутренней политики, но и по линии внешней политики. Как в августе 1914 года мировая социал-демократия, так и за период 1918—21 г.г. грузинская социал-демократия подчинилась империализму целиком и без остатка.

Можно ли сказать что-либо подобное о Советской республике? Можно ли хотя на один момент сомневаться в том, что она ведет самостоятельную мировую политику? Республика Советов одна стоит против всего старого мира и выдерживает натиск этого мира. А Криспин глупо бормочет что-то о „гражданском мире“ между нами и империалистической Европой.

Республика Советов ищет формального признания, она, вероятно, добьется этого признания, но ни единой принципиальной уступки ради этого признания она империализму не сделает и красное знамя на знамя трехцветное она не сменит. Знамя республики Советов и после признания останется таким же красно-алым, каким оно есть до признания. В меньшевистской Грузии признание со стороны империализма означало снятие красного знамени. Это был позор для меньшевистского социализма и демократизма. Признание Советской России будет победой красного знамени. А Криспин, а меньшевики всего мира что-то глупо лепечут о „гражданском мире“ между большевизмом и империализмом. Республика Советов родилась, живет и будет жить под знаком гражданской войны против капитализма, под знаком всемирной пролетарской борьбы за коммунизм!

„Законы истории“ и „пределы“ революции.

Большевики, вслед за якобинцами, нарушили „законы истории“, они вышли за рамки возможного, они перешли исторические пределы революции. Отсюда—развал хозяйства, из этого „утопизма“ вырос терроризм... 15 октября 1921 г. Мартов в „Соц. Вестнике“ писал:

„В лице санкюлотов, овладевших государственной властью, французская революция стремилась перейти за исторические пределы буржуазно-демократической революции... Потому, что воодушевлявшая их задача была утопической, стремление осуществить ее должно было придать политическому господству санкюлотов характер террористической диктатуры меньшинства... Террор, по существу, направлялся против непокорных законов экономического развития, упрямо превращавших результаты социального творчества диктаторов в прямую противоположность поставленным заданиям... Это именно противоречие взорвало, в конце концов, террористическую диктатуру и, вместе с ней, самое политическое господство неимущих классов“.

Мы не знаем, по каким историческим источникам судил Мартов о французской революции,—известные нам работы (Жорес, Крапоткин, Олар, Блос) не дают никаких оснований для тех утверждений, какие делал литературный вождь меньшевизма.

Неверно, что Робеспьер стремился „перейти за исторические пределы буржуазно-демократической революции“. Утверждать это— значит вольно или невольно фальсифицировать историю французской революции.

Беда Робеспьера и его партии заключалась не в том, что они вышли „из пределов“, а как раз, наоборот, в том, что они не дошли до „пределов“, не хотели дойти. Робеспьер боролся против „анархистов“, против „бешеных“, против сторонников „аграрного закона“, против всех мероприятий, наносивших более или менее серьезный ущерб „священной частной собственности“.

Экономическая программа, развитая Сен Жюстом в Конвенте незадолго до 9-го термидора, была достаточно умеренной, достаточно предупредительной в отношении к имущим и поэтому как раз нисколько не удовлетворила трудящиеся массы „санкюлотов“.

Мартов изображает дело так, будто партия Робеспьера составляла крайне-левый фланг революции. Это, конечно, неверно. На крайне-левом фланге якобинизма стояли совсем другие группы. Парижская Коммуна, секция (район) Гравилье и т. д.,—вот революционные учреждения, стоявшие значительно левее Конвента. Здесь действовали группы, стремившиеся к „социальному государству“, провозглашавшие лозунг „революции в действительности, раз она совершилась в идеях“. А фракция Робеспьера на это отвечала: „Сначала республика,—социальные меры придут позже“.

Мартов уверял, будто терроризм якобинцев явился следствием их „утопизма“: хотели вывести революцию за „исторические пределы“. Без насилия над „непокорными законами экономического развития“ этого сделать было невозможно,—вот Робеспьер и пустил в ход террор.

Опять-таки полнейшая фальсификация истории. До ликвидации Жиронды революция не смогла разрешить основных буржуазно-демократических задач революции. Изгнание из Конвента и обезглавление Жиронды послужило сигналом для бешеного движения революции вперед. Как только Гора пришла к власти, она быстро провела в жизнь целый ряд важнейших мероприятий, в том числе: принудительный заем, максимальные цены на продукты, уничтожение феодальных прав, возвращение общинам земель, отнятых в 1669 году, опубликование закона о наследовании, коим наследство раздроблялось. Все эти меры имели целью победу над неприятелем, ликвидацию феодализма. Чтобы закрепить победу над дворянством, Гора вырабатывает демократическую конституцию 1793 года.

Как видим, все эти мероприятия целиком умещаются в „исторические пределы буржуазно-демократической революции". Но этого мало. В эти же „пределы" можно было уместить и должно было уместить широкие социальные реформы, облегчение тяжелого материального положения масс, на своих плечах выносивших всю тяжесть революции и войны. Однако партия Робеспьера об этом и слышать не хотела. Революция остановилась, ничего почти реального не дав санкюлотам.

После ликвидации жирондистов партия Робеспьера обрушила террор, прежде всего, на те элементы, которые мечтали о переходе за „исторические пределы". Мартов, изображавший дело так, будто „утопизм" явился причиной терроризма Горы, не мог не знать, что, отправляя на эшафот Жака Ру, Гебера, Шометта, Анахарсиса Клотца и ряд других „бешеных", „анархистов", коммунистов, — партия Робеспьера как раз боролась против „утопизма", против попыток обратить революцию на пользу санкюлотов. Робеспьер в полном, можно сказать, согласии с Мартовым, предавал смерти людей, которые хотели произвести некоторый нажим на „непокорные законы экономического развития". Далее. Не знаем уж, с одобрения или без одобрения Мартова, но Робеспьер воспретил рабочим объединение в профсоюзы, дабы они даже не подумали о переходе за „исторические пределы"... Да, обвинения в „утопизме" великий вождь классической буржуазной революции ни в коем случае не заслужил [1].

Но в чем же тогда причина терроризма французской революции? В том, что революция, если она на самом деле революция, а не фарс, если она одни классы сбрасывает сверху вниз, другие, дотоле подавленные, поднимает снизу вверх, — такое движение без борьбы классов, без крови, без казней, без террора, без жесточайшей схватки

---

[1] 3 декабря 1793 года Дантон говорил: „Я предлагаю не верить тем, кто хотел бы повести народ за пределы революции и стал бы предлагать ультрареволюционные меры". (См. Н. Лукин, „Максимилиан Робеспьер", стр. 105.)

Таким образом левый меньшевик Мартов говорит словами правого якобинца Дантона. Робеспьер, представитель якобинского центра, в данном случае совершенно был согласен с Дантоном.

на жизнь и на смерть обойтись не может. Французская революция была окружена со всех сторон врагами, ее атаковали изнутри путем заговоров и восстаний,—победить она могла, только отрубая головы своим ненавистникам. Беречь жизнь вождей заговора значило обрекать на смерть революцию...

Движущие силы революции.

Классовые силы современной России.

Как партия меньшевиков представляет себе соотношение классовых сил современной России? Состоявшееся в октябре 1922 года всероссийское совещание меньшевистской партии дало следующий анализ взаимоотношений классов Советской России.

Монархическая, генеральская и помещичья контр-революция окончательно разбита. На распаханной нереволюционной почве „торжествуют собственнические интересы и стремления, и быстро формируются капиталистические отношения". С другой стороны:

> „Растет ликвидация рабочих политических завоеваний, экономически распыленный и беспощадно сегодня эксплоатируемый государственным и частным капиталом пролетариат России становится все более политически безоружным. Внутреннее состояние формирующихся классовых группировок в стране является в настоящий момент временно также крайне неблагоприятным для интересов пролетариата".

Словом, пролетариат Советской России находится во всех отношениях в наихудшем положении. В чем дело? Как это случилось? Какие именно классы выступают против пролетариата? Кто его враги, имеются ли у него союзники? Официальный ответ партии меньшевиков на все эти вопросы таков:

Широкие круги мелкой буржуазии приобрели „свободу действий", и, хотя не примирились полностью с большевизмом, но „временно они настроены аполитично". Крестьянство в гражданской войне укрепило в своих руках помещичью собственность, фактом замены продразверстки продналогом „добилось определенной победы в борьбе с большевистско-бюрократическим городом". Оно далеко еще не примирилось с большевизмом, но „в данный момент вышло из своего прежнего бунтарского состояния и занято стихийно-хозяйственной самоорганизацией".

Отдельные круги средней буржуазии ждут буржуазного перерождения коммунистической партии. Крупнокапиталистические круги, не имея правовых и политических гарантий, отказываются от „органической хозработы" и „примыкают частью к монархическим реставрационным движениям".

Таким образом все непролетарские слои общества либо разбиты, либо аполитичны. Эти обстоятельства меньшевик рассматривает как явления отрицательного свойства. Оказывается, в политически

пассивном состоянии „нового лавочника и мужика" черпает свою силу рост военно-бюрократических и анти-демократических элементов Советской власти. Оказывается, именно на почве поражения одних и политической пассивности других буржуазных слоев усиливается бонапартизация большевизма. Помещик ликвидирован, капиталист реакционен, мелкий буржуа аполитичен. Результаты для пролетариата получаются ужасные. Слушайте, что говорит совещание партии меньшевиков:

„Пролетариат в своем нынешнем положении находится в исключительной изоляции от промежуточных социальных слоев. Его политическое бесправие и бессилие в борьбе с хищничеством нового капиталиста представляет наиболее вопиющую черту в современной обстановке".

Подчеркивая эту мысль, Кучин-Оранский в „Соц. Вестнике" пишет:

„Налицо—изоляция пролетариата, его отрыв от промежуточных слоев. В частности, мы сейчас переживаем полное распадение в самой жизни былой (1917—1918 г.г.) стихийной коалиции крестьянства и рабочего класса".

Какой же класс господствует в современной России? Кто правит, кто командует? На кого опирается власть в ее борьбе со всем буржуазным миром? Те социальные слои, которые нейтральны и аполитичны, очевидно, власти опорой служить не могут. Крупно-капиталистические круги, примыкающие к реставрационным течениям, тоже вряд ли являются опорой советского режима, если даже предположить, что эти круги в социальном отношении представляют собой более или менее значительную силу. Пролетариат, оказывается, беспощадно эксплоатируется государственным и частным капиталом и, по мнению меньшевиков, становится все более политически безоружным и, естественно, не будет поддерживать Советскую власть.

Остаются „отдельные круги средней буржуазии", которые „спекулируют на анти-демократичности Советской власти и ее буржуазном перерождении". Неужели партия меньшевиков смеет сказать, что Советская власть держится именно на этих отдельных кругах средней буржуазии? Нет, партия меньшевиков этого не решается сказать, ибо это было бы слишком смешно и глупо, хотя бы потому, что на этих отдельных кругах тощей средней буржуазии никакая власть держаться не может.

Партия меньшевиков ищет другое объяснение. В резолюции всероссийского совещания читаем:

„Господствующие круги... все более перерождаются. Под вывеской прежней идеологии и в борьбе с остатками революционно-пролетарских настроений внутри себя они вырабатывают хозяйскую, анти-пролетарскую психологию и бонапартистское, анти-демократическое воззрение".

Итак, снова чудо. Большевизм не только лишен опоры во всех слоях общества, он не только в социальном отношении висит в воздухе, но он даже внутри себя ведет борьбу с „остатками революционно-пролетарских настроений“. Даже внутри большевистской партии ведется борьба между „хозяйскими“ и пролетарскими „элементами“. Господствующие круги перерождаются, проникаются бонапартизмом...

Бонапартизм! Вот оно, очередное пугало меньшевизма. От бонапартизма нужно теперь спасать Россию. Бонапартизм, который выйдет из рядов большевизма,—опаснейший враг революции. „В видах предотвращения изжившей себя красной диктатуры в диктатуру бонапартистскую“, „в борьбе за предотвращение диктатуры бонапартской“... „в худшем случае, если большевистская диктатура позорно окончится бонапартистским эпилогом“,—вот наиболее часто встречающиеся за последний период фразы в меньшевистской литературе. Грядет бонапартизм, если меньшевизму не удастся ввести Россию в лоно демократизма. Вот основной мотив всех писаний Мартовых, Данов, Абрамовичей, Далиных...

Бонапартизм не то сущий, не то грядущий.

Бонапартизм в России 1923 г., бонапартизм пять с половиной лет спустя после октябрьского переворота! Но у вас память слишком коротка, милостивые государи! В октябре-ноябре 1917 г. не было в России ни одной меньшевистской шавки, которая бы не объявила большевистский переворот бонапартистским захватом власти. Мартов и Дан в 1918 г. написали не одну „научную“ статью для выяснения бонапартистской сущности Советской власти, которая, ведь, и тогда, по мнению меньшевиков, была совершенно „оторвана от трудящихся масс“, „висела в воздухе“, опиралась на разложившуюся солдатчину“, на „латышские и китайские штыки“.

В „Новой Заре“ от 20 мая 1918 г. Дан писал:

> „Большевизм проделал весь свой круговорот—от казавшегося неукротимым революционного „коммунизма“ до открытого бонапартизма, возвращающегося на почву капиталистического общества. Но возврат этот происходит в таких формах, которые выдают русский пролетариат связанным по рукам и ногам в жертву капиталистической эксплоатации и тем самым закрепляют отсталый, паразитический, спекулянтский, хищнический характер капитализма на русской почве“.

Значит, все то, что теперь говорится о бонапартизме, о связи большевиков с капиталом, о бесправии, бессилии рабочих перед лицом всемогущего (в России, при Советской власти!) капитала,—все это уже было не один раз высказано.

В 1918 г. меньшевики кричали о нашем бонапартизме потому, что вели непримиримую борьбу с нами в союзе со всей белой гвардией, потому, что революция находилась тогда в тягчайшем состоя-

нии. Май 1918 г.—это самая тяжелая пора в истории русской революции.

Потом, в 1919—1920 г. г., разговоров о нашем бонапартизме что-то мало было слышно. В этот период Мартовы и Даны держали курс на мировую социальную революцию, говорили об едином фронте. О большевистском бонапартизме меньшевики снова заговорили тогда, когда сами окончательно перешли в лагерь реакции.

Мы сказали, что в 1919—1920 г.г. о большевистском бонапартизме мало было слышно. Спешим оговориться. На эту тему тогда мало разглагольствовали Даны и Мартовы. Но правые меньшевики о нашем бонапартизме, о нашем неизбежном вырождении, о буржуазно-капиталистическом перерождении России говорили очень много. Об этом счел необходимым упомянуть в своем показании правый меньшевик Розанов. Когда меньшевизм целиком стал на правую, реставраторскую платформу, он и в этом случае стал извлекать из архива аргументы правых.

Да, в 1917—1918 г.г. меньшевики говорили о нашем бонапартизме с точно таким же научным апломбом, с такой же напускной серьезностью и глубокомысленной важностью, как и сейчас. Но если мы в октябре 1917 г. произвели уже раз бонапартистский переворот, если дальше в 1918 г. держались у власти бонапартистскими средствами и путями, то каким же образом — от переворота в год 6-й,— мы можем переродиться снова в бонапартистскую власть!?

Далее. Перед нами картина состояния социальных сил России, нарисованная меньшевистской партией. Картина показывает, что власть оторвана от всех основных классов России: одни решительно враждебны, другие нейтральны. Даже наиболее пролетарская часть господствующей партии оппозиционна.

Но если картина, нарисованная меньшевиками, верна, то мы уже имеем типичную бонапартистскую власть. Власть, которая не опирается прямо ни на один основной социальный слой, а держится, прежде всего, на политической пассивности мелкой буржуазии, главным образом, крестьянства, и есть бонапартистская власть.

Но меньшевики говорят всего только о бонапартистской опасности. Они нас от этой опасности предупреждают, они, изволите ли видеть, посредством демократии хотят эту самую бонапартистскую опасность предотвратить. Значит, большевистская власть еще не стала бонапартистской. Даны и Далины надеются, что при их любезном содействии от этого несчастья еще удастся избавить Россию...

Мы никогда не отрицали, что в исторической перспективе нам угрожает опасность перерождения. С откровенностью, присущей только нашей партии, мы говорим об этой опасности, и со смелостью, только нам свойственной, мы с этой опасностью боремся. Но на шестом году революции большевистское правительство находится от бонапартизма дальше, чем какое бы то ни было правительство в мире. Никакое пра-

вительство в мире не имело такого прочного **массового основания**, как Советское правительство. Это знают те из меньшевиков, которые не являются круглыми дураками. Это знают все сочинители статей и резолюций о бонапартистском вырождении, и, тем не менее, эта подлая меньшевистская тварь кричит на всех перекрестках о нашем бонапартизме, объявляет нас зачумленными. Для чего это она делает? Для того, чтобы легче обосновать необходимость борьбы с советским режимом, чтобы „**научно**“ оправдать свое лакейство перед капитализмом, чтобы **анти-бонапартистской словесностью прикрыть свою реакционную сущность, замаскировать свои гнусные контр-революционные планы**.

Крестьянство и революция.

Советская власть опирается на рабочий класс, на союз пролетариата и крестьянства, но если крестьянство, как уверяют меньшевики, является непримиримым врагом социализма, если нельзя его повернуть лицом к социализму, что означает лицом к будущему, то дело социалистического преобразования в России нужно признать почти безнадежным. Но так ли это на самом деле? Действительно ли крестьянство является совершенно непримиримым врагом революции?

Что означает власть буржуазии для крестьянства, на какую роль обрекает буржуазия крестьянство? На роль пушечного мяса для решения своих международных и внутренних задач. Войны, вооружения, военно-полицейское подавление пролетариата, — к решению всех этих задач буржуазия привлекает крестьянство в виде армии; но во всем этом деле крестьянство, мелкие собственники не заинтересованы совершенно. Империалистическая война и вооружение нужны только крупному капиталу. Подавление рабочего класса нужно опять-таки крупному капиталу и его правительству. Кровь и денежные средства, которые тратит крестьянство на все эти военно-политические предприятия буржуазии, не приносят ему никакой пользы. Далее, власть буржуазии означает одновременно наличность помещичьего землевладения, наличность господства кулака в деревне. „Священная собственность“ в городе не может держаться без того, чтобы она не опиралась на союз с крупной земельной собственностью, а крупная земельная собственность означает эксплоатацию крестьянина, его экономическое подчинение помещикам, кулакам. Со своей стороны и буржуазия целым рядом экономических мероприятий подчиняет себе крестьянство, диктует ему свою волю. В основе своей отношения между буржуазией и крестьянством—это есть отношения эксплоатируемого к эксплоататору. Честный союз между крестьянством и буржуазией невозможен.

Что означает власть пролетариата для крестьянства?

В исторической перспективе—уничтожение внешних войн и милитаризма, на ближайший исторический период—постепенную замену

постоянной армии милицией. При пролетарской власти крестьянство не проливает крови, не разоряется во имя внешних авантюр империалистического капитала. Власть пролетариата означает, что в деревне нет помещика, нет засилья кулака, что мелкий собственник не эксплоатируется крупным собственником. Власть пролетариата означает, что рабочее государство просвещает, поднимает и двигает вперед деревню, что лучшие элементы крестьянства выдвигаются в качестве активных деятелей общества и государства. Если буржуазная власть держит крестьянство в состоянии подчинения и подавления, если буржуазная власть закрывает ему дорогу к будущему, то пролетарская власть, наоборот, впервые эту дорогу к прогрессу и культуре перед крестьянством открывает. Пролетариат искренно и честно стремится вывести крестьянство из состояния забитости, подавленности, тьмы и невежества. Крестьянство не только ничего не потеряет от наличия пролетарской власти, но многое выиграет и материально, и морально.

Однако крестьянин — мелкий собственник. Пролетарская революция на эту мелкую собственность ни в какой мере не посягает. Но быть активным строителем социализма крестьянин не хочет и не может, и этого требовать от него совершенно немыслимо. Но если он не будет активно содействовать переходу к социализму, то он сначала может сохранить нейтралитет, отнестись спокойно к попыткам социалистического преобразования общества, а затем пролетарское государство через армию, через революционную молодежь, при помощи электрификации, снабжения деревни усовершенствованными машинами сдвинет с мертвой точки нынешний средневековый способ хозяйствования и постепенно подвинет крестьянство в сторону социализма...

* * *

По вопросу об отношении крестьянства к пролетарской революции один писатель два с лишним года назад высказал в одном социалистическом журнале весьма интересные и поучительные мысли. Не будем пока называть имени этого писателя, а ознакомимся с его точкой зрения по интересующему нас вопросу. Писатель спрашивал:

> „Заинтересовано ли русское крестьянство в уничтожении социализма и восстановлении частного капитала в городе?.. Приходится признать, что у крестьянства нет объективного классового интереса, который ставил бы его в непримиримо-враждебное отношение к социалистическим стремлениям промышленного пролетариата“.

Наш писатель в обоснование своего взгляда ссылается на Каутского. Он мог бы сослаться еще на ряд марксистов, прежде всего на Энгельса. Кто не помнит рассуждений Энгельса о том, что пролетарская революция сможет нейтрализовать, а затем и привлечь на свою сторону крестьянина.

Но обратите внимание на манеру рассуждений нашего незнакомца. „Приходится признать, что у крестьянства нет объективного классового интереса“ и т. д. Автор как-будто кого-то разубеждает, и как будто его самого не очень радует то, что „приходится признать...“. Слушайте дальше:

„Приходится допустить необходимость более или менее длительной „переходной эпохи“, которая должна будет лечь между совершившейся социалистической революцией и созданием законченных форм социализма, и в течение которой элементы социализма будут существовать на-ряду с неуничтоженными, может быть, даже весьма крупными остатками капитализма“.

Необходимость „переходной эпохи“, бесспорно, „приходится допустить“. Об этом поистине следует жалеть: куда лучше было бы сразу смести начисто всю капиталистическую грязь. Но этого сделать невозможно. Пролетарская революция ликвидирует капиталистическое правительство,—своего рода „центрогрязь“, остатки же капитализма—„и даже весьма крупные“—долго еще будут существовать и конкурировать с „элементами социализма“. Эти простые азбучные истины, высказанные нашим неизвестным пока автором, целиком, как видите, направлены против цитированных нами выше утверждений Абрамовича и меньшевистского ЦК относительно того, что в России нет ни капельки социализма.

Обратимся снова к неизвестному автору. Он пишет:

„Принципиальное отличие этого переходного периода, аналогичный которому переживает сейчас и Россия, от предыдущей исторической эпохи заключается в том, что элементы социализма, сосуществуя с элементами капитализма, политически и экономически доминируют и господствуют в данной стране, накладывая свой отпечаток на все хозяйство в целом и подчиняя его себе все больше и больше, подобно тому, как крупный капитал в странах развитого капитализма не уничтожает мелкий и средний капитал, а подчиняет его себе“.

Приоткроем краешек завесы: статья эта была написана на другой день после НЭП‘а. Несмотря на „капитуляцию“ большевиков перед буржуазией (кто же не слыхал об этой „капитуляции“? О ней с дней Кронштадта написано огромное количество статей, книг и книжек Мартовыми, Данами и Далиными всего мира)—так вот, несмотря на отказ большевиков от своих „утопий“ и принципов, Россия, по мнению нашего таинственного автора, находится в переходном от капитализма к социализму периоде. Это несколько утешительно после стольких криков о „капитуляции“ большевиков, о сдаче ими всех своих основных позиций.

Следующая дельная мысль, высказанная нашим автором: переходная эпоха отличается от непереходной, прочно-капиталистической,

тем, что здесь „элементы социализма, сосуществуя с элементами капитализма, политически и экономически доминируют и господствуют в данной стране“. Вот истина, которую никак невозможно втолковать „нормальному“ меньшевику, т.-е. такому, который всегда был, есть и останется верен всем популярным и непопулярным брошюрам Карла Каутского.

Не в том суть, что остались в стране „элементы капитализма“, т.-е. частные предприятия, аренды, концессии,—это все неизбежно в переходном периоде, на то он и „переходный“. Суть в том, чтобы „элементы социализма“ доминировали, господствовали прежде всего политически, чтобы власть была социалистическая, революционная, действительно ведущая общество к социализму.

На-ряду с политическим господством необходимо экономическое преобладание, и тогда остатки капитализма, тогда мелкая собственность, крестьянская экономика не страшны. Наш автор пишет:

> „Социалистическая государственная власть, имея в своем распоряжении национализированную крупную промышленность, управляемую городским пролетариатом, паровой транспорт и товарообмен с заграницей, сможет путем одной экономической мощи... экономически подчинить себе и своим целям мелкобуржуазное сельское хозяйство“.

Таким образом, если даны: социалистическая власть, „командные высоты“ в экономике, монополия внешней торговли,—значит, налицо государство, переходящее от капитализма к социализму, и оно может „экономически подчинить себе и своим целям“ крестьянское хозяйство. Всем этим,—совершенно справедливо отмечает наш автор,— „дана экономическая основа для соглашения между социалистическим пролетариатом и мелкобуржуазным крестьянством“.

Но все эти правильные, ясные, бесспорные утверждения могут и не относиться прямо к России, к взаимоотношениям между русским крестьянством и русским пролетариатом. Наш автор не оставляет без пояснения и эту важнейшую для нас конкретную сторону вопроса. Каковы,—спрашивает он—сейчас интересы русского крестьянина? И отвечает:

> „В области экономической—обеспечение за ним имеющейся у него сейчас земли и свобода хозяйствования на ней на свой, мелкобуржуазный лад... Право организовать свое производство по своему разумению и свободно распоряжаться продуктами своего труда, т.-е. свободная торговля хлебом... Возможность получать... по „правильной“ цене... необходимые ему продукты промышленности... В области политической—такое влияние на общий ход политики, которое обеспечило бы ему точное соблюдение перечисленных выше экономических условий“...

Если,—совершенно справедливо указывает наш автор взявшему власть социалистическому пролетариату,—если ты обеспечишь крестьянину землю, предоставишь ему свободу хозяйствования, если городские товары будешь давать ему по „правильной“ цене, если „общий ход политики“ обеспечит ему „точное соблюдение перечисленных выше экономических условий“, ты можешь быть спокойным за свое будущее, твое социалистическое строительство со стороны огромного большинства населения препятствий не встретит. Весь вопрос в выполнении условий, нашим автором правильно формулированных.

Обратимся теперь к „крестьянской политике“ социалистического Советского правительства. Оно добросовестнейшим образом выполняет все перечисленные условия, когда их выполнение не сталкивается с причинами объективного экономического характера. Так, например, случилось с вопросом о „правильных ценах“. „Свободная игра экономических сил“ привела к сильнейшему падению хлебных цен и сильному повышению цен на продукты городской промышленности. Одно из условий начинает нарушаться. Но Советская власть немедленно принимает все доступные ей меры в целях устранения такого невыгодного для крестьянства положения. Главнейшая мера—организация хлебного экспорта, который должен поднять цены на хлеб и тем привести к известному выравнению цен городской промышленности и сельского хозяйства.

В общем, политика Советской власти никогда не направится в сторону нарушения условий союза между пролетариатом и крестьянством. Советская власть все свои силы направит на то, чтобы в одинаковой мере защитить интересы городского и сельского хозяйства. Объективные, от нашего государства не зависящие, причины могут иногда помешать выполнению тех или иных „условий“. Но крестьянство поймет, что это не вина, а беда пролетарского государства.

Если вместе с этим принять во внимание, что Советское государство отнюдь не ограничивается рамками „условий“, что оно делает все возможное для просвещения, пробуждения, поднятия крестьянства на более высокую ступень культурности и гражданственности, то станет несомненной правильность высказанного неизвестным автором взгляда: „у крестьянства нет объективного классового интереса, который ставил бы его в непримиримо-враждебное отношение к социалистическим стремлениям промышленного пролетариата“. Мы считаем необходимым к этому добавить: укрепившись в городе, пролетариат сможет постепенно, шаг за шагом, слой за слоем „переводить“ крестьянство с мелкособственнических рельс на рельсы социалистические.

Словом, между нами и неизвестным автором — полное согласие. Он правильно поставил вопрос и принципиально, и практически. На что уж область политики вещь деликатная, но даже и здесь с нашим автором спорить не о чем: в области политической,—говорит он,—крестьянству нужно „такое влияние на общий ход политики, которое

обеспечило бы ему точное соблюдение перечисленных выше экономических условий“. Не захват власти, не раздел власти, не ликвидация Советов и учреждение демократии, а „влияние“ на ход советской политики, влияние, обеспечивающее соблюдение экономических условий.

Всякому известно, что крестьянство влияет на политику Советского государства, что социалистическое правительство внимательно прислушивается к его голосу. Вместе со всеми трудящимися оно участвует в организации власти, на местах оно выдвигает свою собственную власть. Советская конституция была создана революцией, ее основы были проверены на опыте жизни, а затем записаны на бумаге. Советская конституция предусматривает гегемонию пролетариата. Крестьянство эта конституция вполне удовлетворяет, руководству пролетариата оно доверяет, это руководство оно признает. Ибо крестьянин прекрасно видит, что ему дан лишь один выбор: гегемония буржуазии или гегемония пролетариата, Милюков или Ленин. Крестьянин знает, что Милюков означает войну за Дарданеллы, возвращение помещика и генерала. Своим рассудком, который все более вытесняет вековой предрассудок, крестьянин делает выбор в пользу „своего брата рабочего“ против „помещичьего брата“—буржуа.

На этом, казалось, мы и могли расстаться с нашим автором. Тут-то он как будто и мог поставить точку. Увы, он этого не захотел. Он пустился в дальнейшие рассуждения и испортил все дело. Вот что он далее пишет:

„Своеобразный симбиоз капитализма и социализма не обойдется без трений. Для того, чтобы этих трений было поменьше... указанное соглашение в области экономической должно сопровождаться и соглашением политическим. Компромисс между крестьянством и пролетариатом в России мыслим лишь на почве политической коалиции между этими классами, или, по крайней мере, политическими группировками, действительно представляющими их“.

Тут, после этих слов, наш секрет сам собою раскрывается. Всякому понятно, что статья, в которой удивительно ясные и правильные мысли перемешаны с только что цитированными мыслями о „политической коалиции“, принадлежит Мартову (см. „Соц. Вестник“ № 6, 20 апреля 1921 г.). Да, только Мартов мог образцово-марксистские рассуждения так смешать с типично-мелкобуржуазными рассуждениями, марксистскую постановку вопроса окончить буржуазным его решением.

В самом деле, посмотрим, что же в действительности получилось. Исходная точка Мартова: „социалистическая государственная власть“ договаривается с крестьянством; в стране „политически и экономически“ доминируют, преобладают, командуют, направляют „элементы социализма“; эти „элементы социализма“ (Соввласть, „командующие высоты“ в экономике) подчиняют себе „мелкий и средний капитал“; если договорные „условия“, объективно вполне выполняемые, пролетариатом добросовестно соблюдаются, крестьянство вражды к „социа-

листическим стремлениям промышленного пролетариата“ питать не будет. Из этой совершенно правильной марксистской постановки вопроса Мартов исходит. А к чему он приходит? К предложению о создании „политической коалиции“, т.-е. резделе власти между социалистическим пролетариатом и мелкобуржуазным крестьянством...

Но при этой „политической коалиции“ основной „элемент социализма“ — социалистическая государственнная власть фактически уничтожается. Крестьянин—мелкий собственник, при соблюдении определенных „условий“ он может примириться с социализмом, но сам его активным строителем не хочет и не может быть. На этот счет иллюзий у Мартова, понятно, нет. Природу крестьянина он знает не плохо. И, тем не менее, он предлагает политическую коалицию с мелким собственником, который, ведь, придет к власти со своей мелкобуржуазной программой и, следовательно, с „элементами социализма“ примириться не захочет. Раз вы с ним делите власть, то условия соглашения совсем иные, чем тогда, когда он у власти не стоит. Основной пункт этого соглашения—утверждение принципа частной собственности. Затем, в данной исторической обстановке раздел власти с крестьянином означает отмену монополии внешней торговли. От „элементов социализма“, которые как будто были положены в основу рассуждений Мартова, не осталось ничего. Вместо политической и экономической гегемонии „социалистического пролетариата“ получается фактически гегемония мелкой буржуазии. Из дальнейшего это еще более ясно.

Политическую коалицию,— говорит Мартов,— нужно установить „между этими классами или, по крайней мере, политическими группировками, действительно представляющими их“. Но какие партии „действительно представляют крестьянство?“ Ответить на этот вопрос не так легко.

В самом деле, на представительство интересов крестьянства претендуют правые эсеры, левые эсеры, энесы, образовавшаяся в 1922 г. группа „Крестьянская Россия“, оформившаяся в 1921 году „Демократическая группа“ партии кадетов (Милюков, Винавер, Коновалов). Какая из этих политических групп и течений „действительно представляет“ крестьянство?

Начнем с п р а в ы х э с е р о в. Эта партия самым очевидным образом в 1917 году предала интересы крестьянства. Она оказалась неспособной провести в жизнь свою собственную земельную программу. Выработанный ею земельный законопроект, накануне октября опубликованный эсеровским министром С. Масловым, всеми силами ограждал помещиков от покушений революционного крестьянства. Эсеры не решились на революционную ликвидацию помещичьего землевладения. Заключив союз (коалицию) с буржуазией, они оказались связанными и с землевладельцами. После Октября эсеровская партия стала не лучше, а хуже. За годы революции она боролась и продолжала бороться с республикой Советов в союзе со всеми буржуазно-помещичьими силами.

Левые эсеры — эта партия была выдвинута, вернее, вырвана из эсеровской партии стихийным революционным движением крестьянства. Но она решительно разошлась с крестьянской массой в вопросе о брестском мире, но она превратилась в орудие контр-революции в вопросе о внесении революции в деревню (комбеды, прод. политика). Подняв в июле 1918 года восстание против Советского правительства, эта партия доказала свою полную неспособность охватить широкие исторические интересы крестьянства, как трудящегося слоя. Авантюризм эта партия соединяет с мещанским утопизмом (не государственное хозяйство, а артельно-кооперативное), и это привело ее почти к полной политической смерти.

Энесы — эта группа стояла между эсерами и кадетами, в революции она ничем почти себя не проявила, но своей программой и тактикой она выражала интересы тех слоев крестьянства, которые по своему экономическому положению приближались к помещикам и буржуазии.

„Крестьянская Россия" и фракция Милюкова — эти пореволюционные политические образования отражают собою „поумнение" разбитой в революции буржуазии. Когда помещичье землевладение и дворянское сословие оказались уничтоженными, буржуазия сообразила, что прежний союз с земельной аристократией уже абсолютно бесполезен, что в своем стремлении снова вернуться к власти нужно опереться на земельную демократию — крестьянство. Милюков, который проявил бешеную ненависть к стоявшему у власти болгарскому крестьянству, объясняется в любви русскому крестьянину, в надежде, что, усевшись на широкой спине мужика, он доберется до Кремля.

Теперь спрашивается: какое из этих политических течений „действительно представляет" „интересы крестьянства"?

На наш взгляд, все перечисленные выше партии и группы являются врагами правильно понятых интересов крестьянства, ибо все они в той или иной форме, но в конечном счете безусловно подчиняют крестьянство буржуазии. В этом отношении исключения не составляет и „радикальная" партия левых эсеров, которая всей своей тактикой расчищает путь господству буржуазии. Придя к власти, любая из этих партий, одна раньше, другая немного позже, одна открыто, другая замаскированно, но все они без исключения будут подчиняться руководству буржуазии, пока... полностью не уступят ей место.

Партия Чернова-Авксентьева у власти неизбежно означает одновременно и партию Милюкова-Рябушинского у власти. Ибо крестьянская партия одна, без опоры на тот или иной городской класс, держаться не может. Наиболее разительный пример — крах „Земледельческого Союза" Болгарии. Вождь этого союза Стамболийский попытался повести борьбу и против пролетариата, и против буржуазии, — в результате пал жертвой буржуазного заговора. Пока занятые полевыми работами крестьяне собрались на борьбу, переворот был уже закончен, Стамболийский убит, все вожди „Союза" арестованы.

Партия Чернова-Авксентьева-Керенского, хотя бы для того, чтобы не повиснуть в воздухе, неизбежно должна будет повторить опыт коалиции 1917 года.

Партия левых эсеров вообще не в состоянии взять власть в свои руки: для этого у нее нет совершенно сил. Ее пребывание у власти будет исчисляться неделями, а затем место займут более правые течения.

Что будет означать власть Милюкова,—это ясно. Если Чернов—Керенский не могут держаться без коалиции с буржуазией, то эта последняя, с своей стороны, не может быть спокойна за свое будущее, если не опирается на союз с крупным землевладением. Буржуазия у власти—это значит восстановление помещичьей собственности.

Так с какой же из этих партий и течений может заключить „политическую коалицию" социалистический пролетариат? Какая из них „действительно представляет" крестьянство? Если легализовать все эти партии, если дать им свободный доступ к крестьянству, то, несомненно, каждая из них сможет привлечь на свою сторону известную часть крестьянства. Партия эсеров в 1917 году предала интересы крестьянства, но большинство крестьян при выборах в учредительное собрание все же голосовало за эту партию. Почему? Потому, что она в общем и целом отражает собственнические настроения и стремления крестьянства, отражает все его предрассудки, всю его косность и мелкобуржуазную ограниченность, отражает историческое вчера и лишь отчасти—сегодня этой массы. Собрав большинство голосов, эсеровская партия полученное от крестьянства доверие передаст буржуазии и сама будет действовать под ее диктовку. Крестьянство будет обмануто и предано. Однако это будет не первый подобный пример в истории...

Решающие силы в стране—буржуазия и пролетариат. Но буржуазия—эксплоататорский класс, и когда крестьянство добродушно лезет к ней в хайло, она эксплоатирует это политически-невинное существо и политически, и экономически. Пролетариат — эксплоатируемый класс, он заинтересован в уничтожении всякой эксплоатации. Связавшись с пролетариатом, крестьянство защищает себя от эксплоатации, обмана, предательства со стороны имущих классов. Признав руководящую роль пролетариата, заключив с ним союз против крупной буржуазии и крупного землевладения, крестьянство наилучшим образом обеспечивает свои интересы.

Но политические партии и группы, претендующие на представительство интересов крестьянства, согласны пойти на какие угодно союзы и соглашения, но ни в коем случае не хотят союза с пролетариатом, основанного на признании гегемонии пролетариата. „Долой диктатуру!"—этот лозунг объединяет всех, от левого эсера Штейнберга до монархиста Маркова включительно. Крестьянские партии, которые, по мнению Мартова, должны войти в „политическую коалицию" с партией пролетариата, хотят прежде всего и раньше всего отбросить пролетариат от власти. То, что в 1921 г. было выдвинуто

покойным вождем левого меньшевизма под видом „политической коалиции“, является повторением викжелевской формулы первых дней после Октября: „коалиция от энесов до большевиков“. Но этот лозунг, помимо всего прочего, оказался утопическим. Если он когда-либо был мыслим, то именно в начале Октябрьской революции. Но история отбросила его прочь, а затем он из утопического превратится в фантастический.

Но если бы меньшевистские фантазии сбылись, то это было бы ликвидацией всех „элементов социализма“ и полным торжеством „элементов“ капитализма.

Мы этим путем не пойдем. Мы будем помнить марксистскую мысль покойного Мартова о том, что крестьянин не заинтересован в „уничтожении социализма и восстановлении частного капитала в городе“, что при соблюдении „условий“, Республикой Советов принятых к руководству, союзу между пролетариатом и крестьянством не грозит серьезная опасность. Мы будем помнить, что дана объективная возможность социалистического строительства в крестьянской стране, но что само собой ничего не делается, что дело это архи-трудное, что враги революции всемерно стараются оторвать крестьянство от пролетариата и подчинить его буржуазии.

В этом отношении, на-ряду с эсерами, немалые услуги буржуазии оказывает социал-демократия. Мартов начал с признания гегемонии пролетариата над крестьянством и кончил „политической коалицией“, что на деле неизбежно—через Керенского, Чернова, Авксентьева, Штейнберга, Пешехонова—означает утверждение гегемонии буржуазии. Мартов был левым меньшевиком, и поэтому он подходил к вопросу осторожно, но социал-демократия, освободившаяся от всякой левизны, откровенно добивается подчинения крестьянства буржуазии.

Русские меньшевики всегда предпочитали союз с буржуазией союзу с крестьянством. Оставаясь на позиции гегемонии буржуазии, они иначе и не могли поступать. Международная социал-демократия и слышать не хочет о союзе с трудовым крестьянством против буржуазии, — она состоит в блоке с крупным капиталом, подавляющим все революционные элементы города и деревни. Болгарская социал-демократия участвовала в буржуазно-офицерском заговоре против крестьянского правительства...

Все в стране должно подчиняться буржуазии, в том числе и крестьянство,—так говорит социал-демократия.

Все трудящиеся, все эксплоатируемые, все подавляемые и угнетаемые элементы страны должны сплотиться вокруг пролетариата,— так говорит коммунистическая партия. От союза с пролетариатом, от революции, от социализма крестьянство только выиграет. Пролетарский город поможет ему быстрыми шагами итти вперед, поднимаясь из вековой тьмы, невежества, косности, ограниченности. Пролетарский город поможет ему произвести революцию в хозяйстве, даст машины, даст электричество, приблизит к нему науку...

19 августа 1923 года в Москве открылась всесоюзная сельско-

хозяйственная выставка. Сотням тысяч крестьян на этой выставке Республика Советов показала новый мир, путь к которому открывает коммунизм всему человечеству. Изучив грандиозную социалистическую выставку, русский крестьянин еще более мог убедиться в правильности взгляда, что он ни с какой стороны не заинтересован „в уничтожении социализма и восстановлении частного капитала в городе“.

Интеллигенция и революция.

Вражда подавляющего большинства русской интеллигенции к пролетарской революции основным источником имела недоверие к силам и способностям пролетариата.—„Все развалят, все уничтожат, погибнет культура, погибнет наука“,—так рассуждала интеллигенция. Такое убеждение в ней было закреплено буржуазией, которая представляла дело таким образом, будто наука и культура нужны только ей, будто пролетариату недоступны интересы и понимание науки и культуры.

Опыт русской революции должен был показать интеллигенции всю неосновандость этого взгляда. Революция должна была убедить лучшие элементы интеллигенции, что она руководилась *предрассудками* относительно пролетариата, а не пониманием роли и задач пролетариата.

Интеллигенция в настоящий момент видит, что если представитель науки, искусства что-нибудь знает, если он на что-либо способен, то является желанным другом пролетариата. Но опыт революции говорит еще и о том, что *пролетариат на себя берет руководство государством и никому не позволит навязывать ему свою волю, свои взгляды, свои цели и задачи.*

Победа и закрепление революции означает начало „эпохи великих работ“ во всех отраслях общественной жизни. Для работы интеллигенции открывается небывало широкий простор. Все молодое, живое и энергичное в интеллигенции видит, что пролетарская власть открывает перед ними широчайшие горизонты. Только в конец отравленные ядом капитализма продолжают попрежнему с величайшим скептицизмом и даже враждебностью относиться к новой власти, к новому государству. Но эти отравленные скептики, непримиримые враги революции постепенно сходят со сцены, и на арену общественной жизни выдвигается новая интеллигенция, выросшая на дрожжах революции и с ней спаянная.

„У русской интеллигенции, — говорил Мартов в цитированной выше статье, — *у русской интеллигенции, взятой в целом, нет решительно никаких экономических или политических побуждений, которые заставили бы ее враждебно относиться к идеалам и стремлениям промышленного пролетариата*“. Это совершенно правильно. Если интеллигенция освободится от предрассудков, если она сможет разорвать духовную связь с буржуазией, если она ясным взором взглянет на

все то, что происходит кругом, то выбор между буржуазией и пролетариатом не должен быть трудным для нее.

В самом деле, что происходит в современной Европе? В ряде стран, и прежде всего в Германии и Австрии, капитал довел интеллигенцию до чудовищной нищеты. Вопрос о хлебе является для современной интеллигенции центральным вопросом. В средней Европе положение ученых, интеллигенции, чиновников во многих случаях хуже положения промышленных рабочих. В течение последних лет накопилось бесчисленное количество фактов, свидетельствующих о неслыханной нужде, в которой находится интеллигенция.

О чем говорит этот факт? О том, что капитализм, приходя в упадок, перестает кормить ту интеллигенцию, которая его всесторонне обслуживала. Сила капитализма заключалась в том, что он свою собственную базу беспрерывно расширял. Смертный приговор европейскому капитализму подписан тем фактом, что база под ним все более суживается. При этих условиях не только нет смысла, но и нет возможности заботиться об интеллигенции. Хозяин-капитал выбрасывает на улицу своего работника— интеллигенцию. Не имея завтрашнего дня, не имея исторического будущего, капитал расстается с наукой, как с ненужной более забавой. Можно еще с непокрытой головой, с опущенными вниз глазами стоять у ворот „хозяина", можно каждый раз, когда он выйдет на прогулку, провожать его глазами, полными слез, можно, держась предрассудков и заблуждений, пытаться подпирать своим горбом падающий в пропасть капитализм. Но кошмарного конца, все равно, избегнуть не удастся, — кошмарного конца, если интеллигенция не решится оторвать свою судьбу от судьбы капитализма.

К счастью, интеллигенция не только России, но и Европы начинает отдавать отчет в создавшемся положении, ее лучшие элементы начинают понимать, что нужно повернуться лицом к пролетариату — классу будущего. Вместо блока: наука—капитал история выдвигает на очередь блок: наука—труд. Не только длительные исторические интересы науки, не только интересы всего общества, но и интересы сегодняшнего дня, вопрос о хлебе, повелительно диктуют европейской интеллигенции как можно скорее сделать выбор между трудом и капиталом в пользу труда.

Перед лицом все увеличивающегося развала мирового капитализма, перед лицом меняющейся ориентации европейской интеллигенции, несомненно, подавляющее большинство русской интеллигенции искренно и честно будет сотрудничать с пролетарской властью, ибо какие же могут быть экономические и политические причины для отказа в этом сотрудничестве? Пролетариат доказал свою способность руководить страной, двигать ее вперед, поднимать ее выше.

Но значит ли это, что пролетариат должен „делить" власть с интеллигенцией, как этого требовал тот же Мартов, как на этом

настаивает меньшевистская партия? Ни в каком случае! Интеллигенция поворачивается лицом в сторону пролетариата, но и даже в этом случае исторически данная интеллигенция, как слой, в огромной еще степени пропитана буржуазным духом, буржуазной идеологией. Активной, сознательной, самостоятельно движущей силой социалистической революции она быть не может. Пока интеллигенция чувствует себя особым слоем, если не противопоставленным, то во всяком случае стоящим рядом с пролетариатом, пока она не слилась с ним, пока не стерлись границы между умственным и физическим, до тех пор всякий „раздел власти“ между пролетариатом и интеллигенцией будет означать начало буржуазного перерождения социалистической власти. А когда труд физический и труд умственный сольются в одно, вопрос о разделе власти тем более сам собой отпадет.

Мартов решение задачи видел „в образовании политической коалиции всех значительных организованных групп крестьянства, рабочего класса и интеллигенции“. Это решение задачи означает начало конца пролетарской власти, открытие пути для установления капиталистического господства. Политическая коалиция с мелкой буржуазией — это перенесение центра тяжести на частную собственность, это именно победа капиталистического начала, капиталистических принципов. Но победа капиталистических принципов означает, что у интеллигенции начнется рецидив, что она снова начнет поворот в сторону буржуазии, снова наступит разрыв между трудом и наукой, начнется борьба за восстановление старого союза труда с капиталом. Эта перспектва—целиком антипролетарская, антиреволюционная перспектива, и пролетарская власть всеми силами против нее будет бороться.

То, что предлагал Мартов, целиком идет по линии социал-демократической программы. Провозгласив политическую коалицию с мелкой буржуазией, постепенно дойти до установления гегемонии буржуазии, ей подчинить и крестьянство, и интеллигенцию, ей передать господство в стране.

Путь коммунистической партии совершенно противоположный. Никакой политической коалиции с мелкой буржуазией и мелкобуржуазными слоями, никаких уступок капиталистическим принципам, никакой легализации, никакого „признания“ капиталистической системы хозяйства, — только таким путем можно вырвать мелкую буржуазию и весь трудящийся народ из-под влияния буржуазии, только так можно оторвать интеллигенцию от денежного мешка и упрочить навсегда союз труда и науки.

В первые недели и месяцы Октября российский пролетариат вел тяжелую борьбу с интеллигенцией. В этой борьбе пролетариат не был ни в какой степени повинен, он только оборонялся от сабо-

тажа интеллигенции, от тех ударов в спину, которые она в угоду буржуазии новому строю наносила. Пролетариат не хотел этой борьбы, он и впердь никогда не захочет такой борьбы, если, разумеется, интеллигенция почему-либо не поднимет политического вопроса о власти, о „демократии“, о „равенстве прав“ всех слоев и т. д., и т. п. Нужно исходить из того, что вопрос о власти решен, и политическая проблема разрешена, что государством руководит рабочий класс, и ни с кем делить бремя ответственности этого руководства он не может.

Социал-демократия провоцирует интеллигенцию на новую борьбу с республикой Советов. Но мы не сомневаемся, что все честное, все способное к творческой работе в интеллигенции отбросит мысль о политической борьбе и вместе с рабочим классом, вместе с поднявшимся к новой жизни трудящимся людом возьмется за великую работу по утверждению нового мира.

Значение власти в революции.

Оставляя власть в руках буржуазии, меньшевистская партия для отвода глаз рабочим выдвигает „теорию“, которая отрицает за властью серьезное значение. Рабочему классу не следует заниматься „большой политикой“, его задача—думать о вопросах экономических, он должен поддерживать то правительство, которое „гарантирует“ ему защиту его „классовых интересов“. Оппортунисты всегда издевались над марксистами за то, что они „преувеличивают“ значение власти. „Всегда в оппозиции“, „всегда в меньшинстве“ —вот „вечный лозунг“ меньшевизма. Это означает — никогда не брать в руки государственной власти, никогда не претендовать на руководство страной, всегда нажимать на господствующие классы только снизу.

Большевистская партия с самого начала заявила, что она признает необходимым не только давление снизу на чужое правительство, но и действие сверху, путем захвата в руки правительственной власти. За такого рода постановку вопроса меньшевики всегда ругали нас якобинцами, бланкистами, заговорщиками и т. д. и т. п.

Нас не смущали эти крики. Мы прекрасно знали, что оставаться всегда в оппозиции, всегда в меньшинстве—это значит оставаться всегда на положении задавленного, загнанного в подполье, поставленного в подчиненное положение класса. Мы прекрасно знали, как дорого обходится рабочему классу это постоянное „давление снизу“, сколько жертв требует борьба за самые ничтожные реформы. Действовать не только листками и воззваниями, забастовками и демонстрациями, но и стремиться к тому, чтобы захватить власть в государстве и свою волю выражать уже не в листках и прокламациях, а в законах и приказах собственного правительства—вот как ставил вопрос большевизм, исходя из основных положений марксизма.

Разница взглядов в этом вопросе, разумеется, вытекала из основного разногласия по вопросу о том, кто должен быть гегемоном в стране. Ревизионисты, во главе с Бернштейном, призывавшие пролетариат к сотрудничеству с буржуазией, разумеется, самым пренебрежительным образом отзывались о власти, о революционной борьбе. Бернштейн решительно предостерегал против преувеличения значения власти. Ныне точка зрения Бернштейна является господствующей в мировом меньшевизме. Ныне социал-демократия тоже убеждает пролетариат в ненужности борьбы за власть. Самый „радикальный", самый революционный подход к власти с точки зрения меньшевизма—это коалиция с господствующими классами, а наиболее „нормальным" является такое положение, когда у власти стоит буржуазная партия, а пролетариат производит на нее „давление". В 1919 г. в своей брошюре „Социальная революция или социальный распад" вождь русского правого меньшевизма Либер жаловался на то, что у пролетариата создается „преклонение перед мощью государственного аппарата, фетиширование государственной власти". В широких массах, — говорил он, — „создалось стремление захватить этот государственный аппарат и, завладев им, все пересоздать, все перестроить. При этом захват власти, по мнению Либера, мыслился путем чисто-заговорщическим, путем военного захвата данного государственного аппарата". Либеру, разумеется, все это не нравилось, он ожидал, что это стремление, зародившееся в пролетариате, является именно результатом социального распада. Он считал, что в 1917 году, с началом русской революции, и в особенности после германской, мир вступил в эпоху не социальной революции, а, наоборот, социального распада и разложения. На почве этого распада, говорил он, и создаются такие дикие планы, как планы о захвате власти. Пролетариат, по мнению Либера, должен заниматься чем угодно, но только ни в коем случае не революционным захватом государственной власти.

Точка зрения Либера-Бернштейна, повторяем, в настоящее время фактически является господствующей в рядах социал-демократии. Революционная борьба за власть давно уже признана ею за „авантюру", за „утопию", за „большевистский эксперимент".

Вот не угодно ли послушать, например, рассуждения гр. Далина по вопросу о власти. В „Социалистическом Вестнике" от 1 июля 1923 года Далин писал:

> „Отношение социал-демократии к системе „гос. капитализма" определяется не только и не столько тем, какая партия в данный момент стоит у власти, а совершенно другими явлениями. Оно определяется: экономическим эффектом этой системы хозяйства, во-первых, и положением рабочих в системе государственного капитализма, во-вторых".

Таким образом Далину в высокой степени наплевать на то, какая партия, т. е., иными словами, какой класс стоит во главе государства. Для него это обстоятельство совершенно не существует.

Его интересует „положение рабочих“, очевидно, именно экономическое положение. Если это положение по тем или иным причинам скверное, то этого достаточно, чтобы вождь „рабочей“ партии начал решительную борьбу против данного правительства.

Разумеется, бесспорно то, что увеличение производительности („экономический эффект“) имеет существеннейшее значение, что „государственный капитализм“ должен во что бы то ни стало производительность поднять на более высокий уровень, чем это было возможно при „нормальном“ капитализме. Бесспорно то, что положение рабочих в системе государственного капитализма должно быть лучше, чем в системе просто капитализма. Но, ведь, политическая партия, политически думающие люди не могут ограничиться только этими двумя положениями о необходимости увеличения производства и улучшения положения рабочих. Как, когда, при каких условиях производительность труда может дать максимум эффекта? Когда, при каких условиях положение рабочего класса может быть улучшено до максимальной степени? Ведь эти вопросы неразрывно связаны с вопросом о характере государства, с вопросом о том именно, какая партия стоит у власти. Для Далина, как и для всего меньшевизма, *исторической постановки вопроса не существует.* Это партия без перспективы, партия без завтрашнего дня. Она заботится только о дне сегодняшнем. Широкие исторические задачи для нее, это—совершенно скучная теория. Какая партия стоит „в данный момент“ у власти, к той и будут предъявлены те или другие требования, а остальное меньшевика совершенно не интересует [1]). Это называется „не преувеличивать“ значение государственной власти! На деле это означает *вечное закрепление власти за буржуазией,* ибо, ведь, *если меньшевик, выдающий себя за представителя рабочего класса, „безразличен“ к вопросу о власти, то буржуазия к этому же вопросу не безразлична, ее представители как раз и стоят у власти.*

Важна не политика, а экономика. Все зиждется на экономике. Этот грубо ограниченный, совершенно не марксистский, с позволенья сказать, „материализм“, выдавался все время оппортунистами и выдается в наше время социал-демократией всего мира за последнюю „мудрость века“. Эти люди основательнейшим образом забыли все то, чему учил марксизм по вопросу о роли государства в деле утверждения социализма. Партии, не желающие революции, не желающие борьбы за социализм, совершенно естественно затушевывают значение власти в борьбе за социализм. Но партия пролетарской революции обязана напомнить

---

[1]) На съезде итальянской конфедерации труда в конце августа 1923 г. руководитель конфедерации и один из вождей с.-д. партии *Дарагона* заявил:

„Мы будем продолжать свою собственную рабочую политику. Мы относимся *без предубеждения к какому бы то ни было правительству,* действуя в интересах рабочих“.

Конкретно Дарагона имел в виду *фашистское* правительство, которое в „данный момент стояло у власти“.

трудящимся массам марксистскую истину о значении власти в борьбе классов.

„Всегда и везде,—писал Плеханов в своей книге „Социализм и политическая борьба"—всегда и везде политическая власть была рычагом, с помощью которого добившийся господства класс совершал общественный переворот, необходимый для его благосостояния и дальнейшего развития".

Эта бесспорная мысль Плеханова целиком направлена против „мудрствования" современной социал-демократии, которая именно прививает пролетариату ту мысль, что власть вовсе не может служить серьезным „рычагом", что сначала необходимо „на почве демократии" произвести общественный переворот, а потом постепенно пролетариат очутится у власти путем избирательной борьбы. Плеханов подчеркивает, что класс должен добиться господства, что только находясь в господствующем положении, он может перестроить экономику, может подчинить своим интересам все общество и итти по пути „дальнейшего развития". Захват власти, утверждение своего господства—это начало всех начал, это основа всей политики класса. Пока пролетариат не добился господства, пока он не командует в государстве, пока он не в состоянии подчинить своему руководству все общество, никаких серьезных шагов по пути к социализму сделать не может. Власть—это рычаг, опираясь на который можно перевернуть весь старый мир.

Еще более категорически высказывался Бебель. В 1891 году на партейтаге в Галле он говорил:

„До сих пор развитие человечества шло так, что общественный класс приходил к власти в тот момент, когда он достиг уже господства над производством, над материальной основой. У нас же—напротив. Мы не можем основать господство рабочего класса на завоевании экономической власти, мы должны прибегнуть к противоположному средству. Мы должны **сперва завоевать политическую власть** и воспользоваться ею для того, чтобы добиться экспроприации буржуазного общества. **Когда политическая власть будет в наших руках,—остальное приложится"**.

Заявление Бебеля бьет прямо в лицо всем Либерам, Далиным, Бернштейнам, всем вообще теоретикам и практикам социал-демократии. Мы не можем завоевать экономической власти, пока над нами господствует буржуазия. Это самообман. Мы должны сперва завоевать политическую власть и, опираясь на эту политическую власть, на этот лучший в мире рычаг, добиться экспроприации буржуазного общества, стать руководящей силой в государстве, захватить в руки руль государственного корабля,—„остальное приложится". Всякая мысль о том, чтобы сначала укрепиться экономически, а потом уже политически—всякая такая мысль является утопией.

Буржуазия не позволит своему наемному рабу захватывать экономические позиции. Пролетариат не имеет никакой возможности утвердиться на этих экономических позициях. Если буржуазия экономически укреплялась под политической властью феодализма, то пролетариат ни в коем случае не может повторить ее опыта. Никакие ассоциации, никакие артели, никакое „участие в прибылях" ему в данном случае не поможет. Он наемный раб, его экономическое положение чем дальше, тем все более ухудшается (в средние века рабочий зарабатывал больше, чем в XX веке).

Единственное спасение—завоевание политической власти. Только тогда можно раздавить буржуазию, экспроприировать ее, поставить ее на колени, а поставив на колени в случае необходимости использовать ее организационные способности в той мере, в какой они у нее сохранились. Вот ясная, твердая, „большевистская" постановка вопроса. То, что говорили Плеханов и Бебель, то, что было сказано по вопросу о значении власти Марксом, Энгельсом, Каутским,—все это на практике было претворено в жизнь большевистской партией... Каутский еще в 1909 году в своей книжке „Путь к власти" писал, что „государственная власть есть самое сильное орудие классового господства, и что социальная революция, к которой стремится пролетариат, не может быть проведена, пока он не завоевал политической власти". А теперь тот же Каутский утверждает, что для социальной революции пролетариату вовсе не нужно завоевание политической власти, вовсе нет никакой надобности в революционном перевороте, что социальная революция будет совершена мирным, безболезненным путем на основе демократии. Да, можно вполне понять Далина, когда он объявляет большевистскими „утопистами" и Маркса, и Энгельса, и Бебеля, и прежнего Каутского. Разве кто-либо, кроме „утопистов", мог говорить так о значении власти, как говорили все эти осужденные ныне меньшевистскими мудрецами деятели революционного социализма?

Однако, пусть меньшевики пытаются обмануть рабочий класс насчет роли и значения власти,—пролетариат, ведущий тяжелую борьбу с господством капиталистического государства, каждый день убеждается, насколько исключительно важную роль играет государственная власть. Буржуазия, установив свою диктатуру, хорошо помогает коммунистической партии разъяснить самим широким массам значение государства, необходимость и неизбежность пролетарской диктатуры. А Советская власть служит блестящим примером того, как пролетариат, при самых неблагоприятных условиях, создав свой государственный аппарат, может победить бесчисленных врагов и прочно утвердиться в огромной стране.

Революционное социалистическое государство является ни с чем несравнимым рычагом не только в деле свержения буржуазии, но и в деле дальнейшего движения вперед по пути к прогрессу. Все существующие в мире правительства стоят позади прогрессивных элементов современного общества.

Все правительства в мире реакционнее самых умеренных представителей социального реформизма. Советское правительство, это—единственное правительство в мире, которое идет впереди данного общества. Все правительства мира тянут человечество назад, одно только Советское государство толкает его вперед. Здесь государство играет величайшую революционную роль, здесь оно в небывалой мере способствует человеческому прогрессу.

Значение партии в революции.

На гамбургском конгрессе меньшевистского интернационала в предложенной по русскому вопросу резолюции Абрамовича, между прочим, говорилось:

„Созданный большевиками для осуществления их утопических планов политический режим, выдаваемый ими за высшее воплощение господства рабочего класса, за „диктатуру пролетариата", в действительности является лишь диктатурой коммунистической партии, которая, опираясь на безграничное применение насилия и террора, неразрывно связана с политическим бесправием не только широких народных масс, но в первую очередь русского рабочего класса".

Итак, в России существует не диктатура пролетариата, а только лишь диктатура партии. Меньшевики, правые с.-р., левые с.-р., кадеты, анархисты,—все они единодушны в своем негодовании на диктатуру коммунистической партии, которая, по их словам, ничего общего с диктатурой пролетариата не имеет. Самое грубое демагогическое противопоставление партии классу является одной из характерных черт политических врагов коммунизма В этом противопоставлении скрывается отрицательное отношение не к коммунистической только диктатуре, а ко всякой диктатуре угнетенных классов вообще. Ибо, ведь, если бы дело не было в диктатуре рабочего класса, то меньшевики и их политические союзники могли бы сообразить, что диктатуру класса нельзя осуществить иначе, как в форме его организованной, его передовой части, в форме диктатуры партии, которая, разумеется, опирается на все другие организации рабочего класса и на совокупность всей массы пролетариата.

Каутский, когда он был революционером, в своей книге, направленной против Бернштейна, объяснил очень ясно и очень просто все значение партии для любого класса. Каутский писал:

„В классовой борьбе любого класса не участвуют все члены этого класса. Повсюду мы видим в авангарде только избранных, политические способности которых решают вопрос о зрелости всего класса. Масса во всяком классе отчасти следует за избранными без собственной инициативы, отчасти же держится совершенно вдали от борьбы. Политическое господство пролетариата означает на практике прежде всего только

господство его избранных, как это мы видим в буржуазии, в юнкерстве, в любом господствующем классе" („Анти-Бернштейн", стр. 239).

Ясно, господа Абрамовичи всех стран? Или, может быть, вы скажете, что с того времени, как были написаны Каутским эти слова, структура классов радикально изменилась, что с тех пор значение „избранных", значение партии ослабело? Нет, при всей вашей смелости и теоретической бесцеремонности вы этого сказать не можете, ибо прекрасно понимаете сами, какое огромное значение имеет для представляемых вами мещанских мелкобуржуазных слоев ваша собственная меньшевистская партия.

Да, партия любого класса руководит, направляет, мобилизует силы всего класса, действует от его имени в прессе, в парламенте, в местных самоуправлениях, организует от его имени и при поддержке его более или менее значительных частей общественно-политическое движение, направленное к осуществлению ближайших или широких исторических целей данного класса. Класс без партии, это—класс, неспособный к самостоятельному политическому действию.

Общие исторические интересы у каждого класса одни, и для выражения и осуществления этих интересов ему нужна одна партия. Наличность двух или больше партий—несчастие для всякого класса. Множественность партий говорит о том, что класс не сплотился во имя осуществления своих основных целей, что частичные, групповые, цеховые повседневные интересы отдельных его слоев, преобладая над общими интересами, разрывают его и тем ослабляют его силы, его сопротивляемость, его ударность.

Рабочий класс имеет одну историческую задачу: свержение капиталистического господства и установление социализма. Идя к этой цели, он, разумеется, не игнорирует задач сегодняшнего дня, но эти задачи должны решаться всегда под углом зрения общих задач, эти ближайшие интересы не должны противоречить, не должны подрывать общие исторические интересы. Для такого решения вопроса пролетариату нужна одна партия, которая умело будет сочетать борьбу за интересы сегодняшнего дня с борьбой за основные цели класса. Такой партией является в наше время коммунистическая партия. Только она борьбу за кусок хлеба умеет сочетать с борьбой за власть, только она не погружается целиком в мелкую повседневную борьбу, только она умеет мысль рабочего, возбужденную голодом, направить в сторону борьбы против всего капиталистического строя.

В той же книге против Бернштейна в 1899 году Каутский писал:

„Мы ставим перед ним (пролетариатом) высокие цели, благодаря которым он сам начинает жить более высокой духовной жизнью, мы возносим его над мелкой будничной работой, которая необходима и настойчиво выдвигается самой

жизнью, но именно поэтому сам пролетариат навязывает ее нам, при чем нам не нужно особенно горячо напоминать о ней. Постараемся же, чтобы мания ничтожества не деградировала пролетариат и его цели, чтобы дальновидную принципиальную политику не заменил переменный курс применительно к отдельным случаям, иными словами, чтобы трезвая будничность не взяла верх над идеализмом, чтобы не исчезло сознание громадных исторических задач, поставленных перед пролетариатом".

Вот каковы задачи партии, которая хочет привести пролетариат к победе. Прекрасно писал Карл Каутский 24 года назад. Да, революционная социал-демократия считала тогда своей обязанностью ставить перед пролетариатом более „высокие цели", чем борьба за требования сегодняшнего дня. Оппортунизм, своим знаменосцем выставивши Бернштейна, содействовал именно победе „мании ничтожества". Пытаясь подчинить пролетариат буржуазии, ревизионизм делал все возможное, чтобы пролетариат деградировал, чтобы он забыл про свои великие цели, чтобы „дальновидную принципиальную политику" заменило собой жалкое крохоборчество. Оппортунизм усиленно работал над тем, чтобы вытравить из сознания пролетариата понимание „громадных исторических задач", поставленных перед ним.

То, что 25 лет назад делал ревизионизм, то ныне делает международная социал-демократия. Эта партия неустанно работает над тем, чтобы пролетариатом овладела „мания ничтожества", эта партия выступает в роли гасителя боевого духа пролетариата. В море повседневной житейской мелочи, в море жалкого крохоборчества она готова утопить основные исторические цели пролетариата. Нет уже более разговоров о том, чтобы перед рабочим классом ставить „высокие цели", чтобы втягивать его в „более высокую духовную жизнь". Все силы социал-демократии направлены на то, чтоби превратить рабочий класс в идейного нахлебника и приживальщика буржуазии.

Такая партия является самым злейшим врагом пролетариата, как класса, который живет не только сегодняшним днем, который должен думать о дне завтрашнем, который сегодня должен бороться за этот завтрашний день.

Один класс, одни исторические цели, один авангард, одна партия, одна политика, единый дружный удар, проникнутый единой волей, единым стремлением,—вот решение задачи. И люди, которые провозглашают лозунг против диктатуры „одной партии", по существу борются против диктатуры „одного класса"—пролетариата. Они не хотят, чтобы рабочий класс был гегемоном в стране, они не хотят, чтобы трудящиеся шли в сторону социализма. Если бы можно было придумать какую-либо иную, не коммунистическую, не партийную форму диктатуры рабочего класса, то она немедленно была бы отвергнута с неменьшим негодованием, чем нынешняя диктатура „одной партии".

Они хотят демократии, они хотят фактического господства буржуазии! Прямой шаг к этой цели—ликвидация диктатуры коммунистической партии, что означает ликвидацию диктатуры российского пролетариата. Поэтому все удары направляются на РКП, поэтому всякий признак разложения и распада в рядах этой партии приветствуется врагами революции и рабочего класса.

20 июля 1922 г. Дан в № 13—14 „Социалистического Вестника" писал:

„Острота противоречий, созревших под крышею большевистского режима, достигла уже той степени, когда лишь инерция исторически омертвевшей традиции, воплощенной в личности „вождя", поддерживает неустойчивое равновесие и мешает взрыву антагонизмов. „Коммунистическая диктатура" при „новой экономической политике"... это такая историческая нелепость, такая воплощенная бессмыслица, которая одинаково, хоть и с разных сторон, непереносна и для новой буржуазии всех калибров, и для пролетариата, и для искренних коммунистов в самой правящей партии"...

Диктатура коммунистической партии, по мнению меньшевиков, никогда не годилась. После НЕП'а она „воплощенная бессмыслица". В октябре и революция была объявлена бессмыслицей, но от этого „объявления" ничего не произошло. Суть не в острых фразах, а в той надежде, которую связывает меньшевизм, а вместе с ним и вся буржуазно-помещичья реакция с развалом большевистской партии. Партии реакции прекрасно учитывают значение большевизма, олицетворяющего ненавистную им диктатуру пролетариата. Партии реакции хотят, чтобы „острота противоречий" взорвала большевизм. Партии реакции готовы приветствовать всякую группу „искренних коммунистов", которые из каких угодно соображений—это существенного значения не имеет,—но нанесут удар единству коммунистической партии, тем подорвут диктатуру пролетариата и откроют дорогу более или менее прикрытой реакции.

В меньшевистской литературе последних лет разбросано большое количество более или менее ясно выраженных одобрений по адресу оппозиций внутри РКП. С точки зрения вопроса о дальнейшей судьбе коммунистической партии подходят меньшевики, а с ними и вся буржуазно-помещичья реакция, к вопросу о личности Ленина. Они безумно радовались в ожидании рокового исхода болезни Ленина, радовались, ибо полагали вслед за Даном, что „лишь инерция исторически омертвевшей традиции", воплощенная в личности товарища Ленина, удерживает большевистскую партию от развала. В цитированной выше статье Дан в связи с болезнью тов. Ленина писал следующее:

„Уход Ленина устраняет один из важнейших моментов, задерживавших острую борьбу противоречивых сил. В этом смысле уход этот мог быть фактором прогрессивного порядка...

Результатом этой (взаимной) борьбы может быть лишь то, что коммунистические пауки, заключенные в кремлевской банке, пожрут друг друга"...

Вот чего ждут—не дождутся эти отвратительнейшие гады реакции. Смерть любимейшего для всего трудового человечества революционера для них—„фактор прогрессивнего порядка"! Если Ленина не станет, коммунисты „пожрут друг друга", и диктатура погибнет.

Но именно потому, что мировая социал-демократическая, буржуазная, поповско-дворянская сволочь ждет нашего развала, разложения, смерти,—именно поэтому коммунисты с особенной бережностью, с особенной внимательностью относятся к своей партии, которая руководит огромной страной, которая миллионы двигает в одном направлении, вливая в них единое сознание, единую волю, единое устремление.

Демократия и революция.

„Формальная демократия".

В чем основной смысл пересмотра платформы партии меньшевиков? В том,—отвечал Дан в „Соц. Вестнике" в октябре 1922 года,—что „осуществление „формальной демократии" перестает быть конечным политическим этапом нашей борьбы, оно становится нашим непосредственным очередным требованием".

Припомним кратко позицию меньшевизма в вопросе о демократии за период революции.

1918 год. Борьба за демократию ведется всеми средствами. Ликвидация ненавистной диктатуры считается делом неотложным. Идеал меньшевистской партии, формулированный Мартовым: „Доля власти", вместо классового господства пролетариата. В этот период демократия превыше всего.

Эпоха европейской революции. Диктатура в принципе признается. Демократия выставляется как конечная цель. Допускается возможность ограничения имущих классов в политических правах. Советизм занимает в платформе меньшевизма равное с демократией положение. Лозунг момента: „Вся власть трудящимся", „Соблюдение советской конституции!"

Неудача европейской революции. Меньшевизм начинает поворот. Правая оппозиция переходит в партии в наступление. Она требует от большинства партии отказа от лозунга „власть трудящимся" и провозглашения лозунга демократии: на почве республики „рабочий класс, предоставляя власть собственническому большинству, организуется в самостоятельную классовую силу". Оппозиция в конце 1920 года повторяет формулу Мартова 1918 года: при демократии пролетариат отстоит „свою долю завоеваний революции". Советской власти меньшевистская правая оппозиция предлагает „стать действительно народной властью—

властью собственнической демократии". Официальный меньшевизм формально все еще сохраняет лозунг „власти трудящихся", стремясь при помощи этого лозунга „пробить брешь" в советской системе и открыть путь демократии.

Укрепление реакции в Европе. Меньшевизм,—говоря словами правой оппозиции,—оставляет „путь стыдливого коммунизма без чека". Когда поднял голову фашизм, партии меньшевиков нечего „опускать голову перед советской системой". Демократия становится „непосредственным очередным требованием" меньшевистской партии. Советизму объявлена смертельная война.

* * *

В основной резолюции состоявшегося в октябре 1922 года всероссийского совещания партии меньшевиков говорилось:

— „Возвращение народным массам, в том числе и пролетариату, гражданских и политических прав и свободы самодеятельности является кардинальным требованием момента... Преодоление угрозы бонапартизма возможно в меру сплочения—в борьбе за политическую демократию и на линии независимой политики—революционных сил пролетарской массы. Партия ведет пропаганду и агитацию под лозунгом политической свободы, которая ныне выдвигается в качестве центрального требования и становится объективно-пролетарским лозунгом".

Резолюции совещания предшествовали статьи Мартова и Дана по вопросам платформы. В № 20 „Соц. Вестника" (19 октября 1922 г.), Дан писал:

„Теперь именно „формальная демократия" должна стать нашей ближайшей целью, потому что в обстановке воскресающего капитализма, в его частной и государственной форме, и буржуазно-демократического вырождения большевистской власти все нарушения формального демократизма будут прежде всего и больнее всего ударять по рабочему классу... Такие очередные лозунги, как „свобода для трудящихся", должны поэтому окончательно исчезнуть из нашей агитации,—тем более, что с окончанием гражданской войны исчезли и основания к „лишению прав" известных слоев,—и замениться ясным и определенным требованием политической свободы и политических прав для всех..." (курсив Дана).

Мартов в статье „Наша платформа" („Соц. Вестник" № 18 от (1 октября 1922 г.), между прочим писал:

„В борьбе за предотвращение диктатуры бонапартистской, ныне политически распыленные пролетарские массы сплотятся

в ту сознательную и организованную силу, которая в благоприятном случае сможет заполнить максимальным содержанием формы демократической республики, помешать тому, чтобы ею монопольно овладели имущие классы", которая „в худшем случае, если большевистская диктатура позорно закончится бонапартистским эпилогом, сумеет повести с первого же дня упорную и последовательную борьбу против новых диктаторов".

Наконец, в тот же период бюро Центрального Комитета партии меньшевиков провозгласило:

„Политическая свобода и крепкая рабочая партия—вот что нужно российскому пролетариату!"

Таким образом платформа ясна. Лозунги ярки и отчетливы.

Оказывается, народным массам, „в том числе и пролетариату", необходимо „возвратить... гражданские и политические права". Это, изволите ли видеть, способ для преодоления угрозы бонапартизма. О чем конкретно идет речь? О том, чтобы народным массам дать возможность выбирать в 3—4 года один раз в „общенародный" парламент, вместо того, чтобы они избирали в свои Советы в год раз. О том, чтобы дать всем „социалистическим", буржуазным, мещанским, интеллигентским партиям и группам, а фактически и прежде всего крупному капиталу свободу печати. О том, чтобы легализовать партии крупной и средней буржуазии, возвратить в Россию беглых помещиков, капиталистов, генералов. Дан, ведь, так именно и говорит: „С окончанием гражданской войны исчезли и основания к лишению прав известных слоев". С окончанием гражданской войны к чему „лишать прав" Милюкова, Бурцева, Врангеля, Савинкова, Балаховича? „Политическая свобода и политические права для всех!"

Меньшевики уверяют, что все это необходимо, прежде всего, пролетариату. Но эти уверения так элементарно-глупы, лживы, прозрачно-лицемерны, что на 6-м году революции в Советской Республике прямо-таки совестно подробно против них возражать.

Куда же итти дальше? Люди будто бы борются против опасности бонапартизма и предлагают нам дать свободу бонапартистским бандам эмигрантов, разбросанным по всей Европе. Люди будто бы заботятся о правах рабочего класса, в то же время требуют вооружения политическими правами буржуазии. Кричат о том, что русский рабочий „беззащитен" перед лицом частного капитала, и одновременно предлагают, чтобы мы этот частный капитал вооружили политическими правами. Пишут, что крупный капитал настроен реакционно, что средняя буржуазия мечтает о бонапартистском перерождении Советской власти; знают прекрасно, что при всеобщем избирательном праве буржуазии, несомненно, удастся увлечь за собой значительные части зажиточного, а отчасти и среднего крестьянства, и тем не менее требуют от нас именно этого всеобщего избирательного права. Уверяют и себя и других, что пролетариат изолирован, что все классы

общества против него, и одновременно у них хватает бесстыдства заявить, что политическое вооружение этих „всех классов“ является „объективно пролетарским лозунгом!“

А Мартов, тот уже прямо побивал рекорд политического бесчестия. Оказывается, демократическая республика—это такая политическая форма, которая „относительно наилучше гарантирует пролетариату и трудящимся классам вообще возможность борьбы за свое конечное освобождение и за немедленное улучшение своего положения;“ оказывается, при демократической республике именно и „осуществима действительная власть трудящихся классов“. Это чудовищная, бьющая в глаза неправда, и за эту неправду Мартова жестоко наказал... сам Мартов. Но об этом ниже.

„Все нарушения формального демократизма будут прежде всего ударять по рабочему классу“,—так говорит Дан. Значит, если рабочий класс завоюет формальную демократию, то дело его обеспечено, и его уже никто не будет обижать. Но Мартов несколько иначе ставит вопрос. Оказывается, пролетарская масса должна сплотиться в „сознательную и организованную силу“, чтобы „в благоприятном случае“ заполнить „максимальным социальным содержанием формы демократической республики, помешать тому, чтобы ею монопольно овладели имущие классы“. Значит, выходит, что формы-то демократической республики ничего еще ни в какой степени не обеспечивают, не гарантируют пролетариату и трудящимся массам. Здесь требуется еще сознательность, организованность, требуется „достаточное понимание своих интересов“, требуется еще восстановление боевого союза с демократическим крестьянством. И если все это будет налицо,—а всего этого не может быть налицо уже по одному тому, что демократия передает гигантские средства влияния на массы в руки буржуазии,—но если все-таки рабочий класс и сознательность проявит, и организованность приобретает, и с крестьянством союз сохранит, то тогда, в „благоприятном случае“, он может заполнить „известным социальным содержанием“ формы демократической республики; тогда „в благоприятном случае“ он может помешать капиталистам монопольно овладеть этой самой республикой.

К чему же дело в таком случае сводится? Как конкретно все это выглядит? Меньшевистская партия предлагает рабочему классу совершенно разоружиться, вооружить буржуазию, дать ей в руки не только основные экономические средства, но и все орудия политического арсенала, дать ей собственную армию („все права и все свободы для всех“, в том числе для врангелевских солдат). И вот когда буржуазия будет всеми силами и средствами вооружена, а пролетариат будет иметь в руках один только демократический избирательный бюллетень, тогда он должен начать с нею на демократической арене конкуренцию,—если она позволит ему эту конкуренцию вести, если предварительно врангелевские или савинковские банды не раздавят поступивший столь благородно рабочий класс.

Мартов против Мартова.

Все то, что мы слышали выше о демократии, на политическом языке носит название „демократических иллюзий“. И всероссийское совещание меньшевиков, и Мартов, и Дан,—словом, вся партия меньшевиков самым бессовестным образом распространяет среди трудящихся масс демократические иллюзии. Послушайте теперь, что писал Мартов в „Социалистическом Вестнике“, от 1 января 1923 г.

> „Социалисты разоблачали перед рабочими ложь существующих демократических республик и монархий, в которых, несмотря на суверенитет народа, фактически господствует, благодаря власти капиталистической олигархии над умами большинства трудящихся, диктатура этой олигархии, в которых значительная часть политических прав оставалась для масс фикцией“.

Все это ясно, абсолютно верно, неопровержимо. Но тогда мы спрашиваем: как же после этого у Мартова хватало смелости рекомендовать русскому рабочему эту самую прославленную демократию? Неужели у него имелись какие-либо основания полагать, что российская демократия составит исключение, что здесь политические права не будут оставаться для масс фикцией? Никаких, конечно, оснований у него не было. В России будет так, как и везде.

Но слушайте дальше. Мартов припоминает, что только „политическая самоорганизация рабочего класса позволила ему кое в чем ограничить эту капиталистическую диктатуру“. Обратите внимание: „кое в чем“! Только „кое в чем“, и чем дальше, тем меньше рабочему классу удается ограничивать всевластие буржуазии. Мартов говорит далее о почти постоянной борьбе между демократическим государством и рабочим классом. Он указывает, что в этой борьбе права рабочего класса сталкиваются с „формальным принципом народовластия“; он считает, что „борьба против фетишизирования демократии“ является важнейшей обязанностью социалиста. Возражая либеральному, по его выражению, „социалисту“ Ст. Ивановичу, он пишет:

> „Демократия развернула в высокой степени самостоятельность трудовых масс, но она же явилась политическим строем, гарантирующим наиболее всестороннее и мощное развитие капитализма, неизбежно сопровождающееся ростом социальной мощи крупной буржуазии и ее реального влияния на государственную власть. Поэтому, все те социальные реформы, о которых упоминает Ст. Иванович, явились результатом самой напряженной классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией“.

Все ясно, все бесспорно и все жесточайшим образом бьет по Мартову, по меньшевизму, по всем этим певцам демократии. Демократия „неизбежно сопровождается ростом социальной мощи крупной буржуазии, ростом реального влияния этой буржуазии на государственную власть". Не только и не столько, может быть, формального, как именно „реального влияния на государственную власть". Это абсолютно верное указание наилучшим образом разоблачает всех этих бесстыдных формальных демократов.

Дан кричит о том, что для ограждения интересов пролетариата перед лицом нарождающегося капитализма нужна именно „формальная демократия". Мартов, когда он захотел сказать простую правду, смог указать на тот исторически бесспорный факт, что социальная реформа, т.-е. защита самых элементарных нужд и интересов рабочего класса, „явилась результатом самой напряженной классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией", но не демократии.

Когда Мартов, перед лицом фашизма и диктатуры Стиннеса, уверяет, что демократическая республика „относительно наилучше гарантирует пролетариату и трудящимся классам вообще возможность борьбы за свое конечное освобождение и за немедленное улучшение своего положения" (см. „Соц. Вестник", № 19),—разве это буквально не то же самое, что говорит либерал-социалист Иванович? Ведь если Ст. Иванович заслуживал названия либерал-социалиста, то и **Мартов** являлся именно либерал-социалистом самой чистой пробы! Разница в данном случае между ним и Ивановичем та, что Иванович постоянно говорит одно и то же, а Мартов обычно лицемерил, Мартов двурушничал, сегодня писал одно, завтра—другое. Когда сотрудник Милюкова Ст. Иванович „не замечает" Муссолини и Стиннеса, Пуанкаре и Керзона,—это понятно; но когда Мартов, который находил в себе столько негодующего пафоса против либерал-социалистов, когда Мартов в своей безудержной проповеди демократии забывал о действительной сущности демократии, пытался обмануть русского рабочего,—ведь это же была двойная гнусность!

Но Мартов сказал не все еще против демократии. Слушайте дальше:

„Никогда еще в Европе не торжествовала так формальная демократия, как нынче. От Афин до Дублина, от Гельсингфорса до Лиссабона,—повсюду республиканская и полуреспубликанская форма правления, парламентаризм на основе всеобщего избирательного права и т. д. И никогда еще не было такого вопиющего, бьющего в глаза противоречия между этой формальной победой демократического принципа и реальностью власти народного большинства. Не говоря уже о фашизме, который в разных странах, порой еще в зачаточных формах, вводится там и здесь, как „корректив" к демократическому парламенту; не говоря уже о „некоронованных королях" Стиннесах, подавляющих своей эконо-

мической мощью „волю народа“, выраженную в парламенте, и о милитаристских кастах, стоящих фактически над демократией и вершащих государственную политику в старых и новых республиках,—разве не поразителен тот факт, что в старых демократических государствах, как Англия и Франция, фактически вся **внешняя политика**, определяющая ныне всю политику вообще, вершится **правительствами за спиной парламентов**, которые неизменно ставятся перед совершившимся фактом при каждой из столь частых конференций, решающих судьбы мира“?

„От Афин до Дублина, от Гельсингфорса до Лиссабона“ — повсюду демократия. И везде под сенью демократии фактически создана каторга для рабочего класса. **Исключение составляет только Россия.** Здесь нет „демократии“, и здесь нет каторги для рабочего класса; здесь он—решающая сила в стране. Вооруженный всеми средствами защиты и нападения, он олицетворяет восходящую зарю человечества. **Но партия меньшевиков хочет, чтобы и в России было так же, как есть „от Афин до Дублина, от Гельсингфорса до Лиссабона“.**

Что такое фашизм? Это буржуазный „корректив“ к демократии,— отвечал Мартов. Буржуазия имеет власть в руках; пролетариат начинает борьбу против этой власти; демократия оказывается неспособной обеспечить власть буржуазии. Тогда она сама ломает рамки своей собственной демократии, ставит в порядок дня гражданскую войну,— в результате появляется фашизм.

Пролетариат не имеет власти. Демократия против него. Но она дает ему некоторые легальные возможности борьбы. Однако демократию сменяет фашизм для того, чтобы уже не на основе избирательного права, а силой оружия подчинить рабочий класс буржуазии. Пролетариат, победив, разве построит власть на основе формальной демократии? Разве буржуазную, фашистскую, военно-полицейскую диктатуру сможет сменить что-либо иное, кроме железной пролетарской диктатуры? Кому служат меньшевики, когда они вместе с либерал-социалистами Ивановичами, с либералами Милюковыми сеют демократические иллюзии? Они служат исключительно буржуазии, ибо обманывают пролетариат, угашают дух борьбы в нем, отвращают его от правильного пути реальной классовой борьбы.

Буржуазия плюет на демократию, она прибегает к фашистскому „коррективу“. Это значит: классовая сущность власти оголяется. Пролетариат путем классовой войны победит. Что же, он будет маскировать, затушевывать классовый характер своей собственной власти? Что же, ему, могучему, молодому гиганту, нужно будет прибегать к жалкой лжи о характере своего собственного правительства?

*
* *

Мартов указывал в своей статье, что либерал-социалист Иванович выражает вполне точно настроение и взгляды правого крыла

партии меньшевиков, — политических друзей Мартова. Этот вождь меньшевистской партии не стеснялся прямо заявить, что, нападая так хорошо, так свирепо на либерал-социалиста Ивановича, тем самым он нападал на членов своей собственной партии. Это прямо замечательно. Тут перед нами весь меньшевизм с его двуличием, бесхребетностью, с его способностью примириться со всякими элементами, лишь бы они под флагом социализма наносили вред.. социализму. Кончая свою статью, Мартов писал:

„Можно рассчитывать, что бог капитализма не выдаст и свинья умеренности и аккуратности не съест революционные традиции и революционный идеализм европейского рабочего движения. После, быть может, и долгого идейного кризиса и разброда, созданного банкротством большевизма, который загадил и оплевал все лозунги революционного марксизма, пролетариат вынужден будет опытом своего классового движения вернуться к социализму классовой борьбы, к социализму Маркса и Энгельса“.

Где это, в какой партии „свинья умеренности и аккуратности“ положила ноги на стол и хозяйничает? Где, в какой партии господствуют самые бесчестные проповедники демократических иллюзий? В меньшевистской партии, в меньшевистском Интернационале.

Нападая на либерал-социалиста Ст. Ивановича, Мартов фактически нападал на правую часть своей собственной партии. Но почему он этого не делал открыто и прямо? Почему он действовал по поговорке „кошку бьют, невестке наветку дают“?

Вот взять хотя бы того же Далина. Он фактически стоит на точке зрения Ивановича. Недаром же редактируемый Ивановичем социал-демократический журнал „Заря“ перепечатывает из „Соц. Вестника“ статьи правых меньшевиков. В своей книге „После войн и революций“ Далин целиком исключает социалистическую революцию для Европы. Он развивает „новую“ „теорию врастания“ социализма в капитализм. Через несколько поколений, „медленным шагом, робким зигзагом“, „социализм“ родится в результате роста... государственных и коммунальных предприятий... и развития демократии. Эта на редкость претенциозная и научнообразная „свинья умеренности“ утверждает, что с 1848 г. социализм шел... „от науки к утопии“, что неисправимыми утопистами были Маркс, Энгельс, Лассаль, Бебель, ибо все они готовились к революции, жаждали „немедленного социализма“. Большим „утопистом“ был и Каутский, но он теперь исправился, стал примерным „реалистом“...

Ренегатская книга Далина вышла в начале 1922 г. Мартов, Далин, Абрамович хранили о ней полное молчание. „Социалистический Вестник“ систематически печатал статьи Далина и... объявления об его замечательной книге. А Мартов искал элементы „социалистического либерализма“ в писаниях сотрудника милюковской газеты!

Мартову надо было только раскрыть книгу Далина,—ему ударил бы в нос густой запах самого тупого, ограниченного либерализма, поссибилизма, ликвидаторства, отречества.

Но Мартов не посмел тронуть Далина, ибо в меньшевистской партии хозяйничали уже правые, социал-либералы, социал-деникинцы.

Даже нападая на Ст. Ивановича, он, в угоду правым, должен был в заключение сделать самую глупую, самую жалкую вылазку... против большевизма.

Оказывается, не „свиньи умеренности“, не социал-либералы, не королевские социал-демократы, а большевизм „загадил и оплевал все лозунги революционного марксизма“. Опровергать это пакостное заявление нам нет надобности. Весь мир знает: „революционные традиции и революционный идеал“—это большевизм, это коммунизм, это советская революция, это советская республика, это большевистская тактика и политика.

Пролетариат вернется к социализму классовой борьбы,—правильно сказал это Мартов. Мы скажем даже больше и не ошибемся: рабочий класс вернется к лозунгам диктатуры пролетариата. Он объявит войну „свиньям умеренности и аккуратности“. Он вооружится и сокрушит капиталистическое государство. Он создаст государство типа Парижской Коммуны, государство Советов, он вернется „к социализму Маркса и Энгельса“. Кто, какая партия, какой Интернационал возглавит эту борьбу? Социал-либералы, социал-деникинцы, лживые проповедники формальной демократии, интернационал лакеев Стиннеса и Пуанкаре? Нет, нет, во главе восставшего пролетариата будет стоять большевизм, ибо это будет **большевистская революция**.

„Трудовластие“ и демократия.

Нападая жестоко на своих „левых“ друзей, изобличая их в прошлых ошибках, представитель правых меньшевиков Аронсон писал в „Социалистическом Вестнике“:

> „Лозунги трудовластия, ограничения политических прав, свобод только для трудящихся (даже только для социалистов) были в эпоху 1919—1920 г.г. самодовлеющими, полноценными лозунгами, на почве которых партия принципиально стояла. Сейчас, когда **эта стадия изжита**, и **вопрос принадлежит прошлому**, мы обязаны подчеркнуть, что позиция партии, ставшей на путь отказа от защиты идеи последовательной демократии, лила воду на мельницу коммунизма в русском и европейском масштабе“. („С. В“. № 22, ноябрь 1922 г.)

Не моргнув глазом, Мартов на страницах того же „Социалистического Вестника“ ответил Аронсону следующим образом:

> „Но партия признавала „трудовластие“! Грешным делом, мы и сейчас его признаем. Мы и теперь **стремимся** к тому, чтобы **власть в стране из рук большевиков перешла в**

руки трудящихся классов, которые при правильном понимании своих интересов могут добиться этой власти демократическим путем. Мы и сейчас надеемся добиться того, чтобы в российской демократической республике капиталистическим партиям пришлось оставаться „в оппозиции". Я надеюсь, что и теперь партия, вырабатывая новую платформу, сохранит лозунг „власти трудящихся", т.-е. будет звать решающую в России силу—крестьянство—объединяться в демократической республике не с капиталистической буржуазией, а с пролетариатом". („С. В". № 2, январь 1923 г.)

Итак, Мартов еще в начале 1923 года признавал трудовластие! Но кого же он хотел обмануть, в конце концов? Ведь всякий понимает, что в 1919—20 г.г. речь шла о „трудовластии" на основе Советской конституции, при советском режиме.

„Трудовластие" — это лозунг эсеров-народовцев (так называемое „меньшинство партии эсеров"), а смысл его вполне определенный: лишение избирательных прав буржуазии и помещиков, избирательные права только трудящимся. Речь идет здесь именно о формальном моменте. „Трудовластие" 1918—20 г.г. шло на формальное ограничение прав имущих классов. На своем всероссийском совещании в апреле 1920 г. партия меньшевиков выдвинула лозунг „гегемония пролетариата", одновременно заявив, что победоносная пролетарская революция может лишить избирательных прав своих классовых врагов.

В январе 1919 г. украинская директория Петлюры-Винниченко попыталась осуществить „трудовластие". Под влиянием всеобщего революционного подъема даже украинские мелко-буржуазные демократы „полевели" и созвали трудовой конгресс. Избирательными правами на конгрессе пользовались крестьяне рабочие и „трудовая" интеллигенция". Имущие классы были лишены как пассивного, так и активного избирательного права. Мы знаем, что, несмотря на этот „радикализм", трудовой конгресс был буржуазно-кулацким конгрессом... На такого рода „трудовластие" шли в 1919—20 г.г. „левые" меньшевики и меньшинство эсеров.

А сейчас? О каком трудовластии говорил Мартов в начале 1923 года? Формально у него—„демократия", и буржуазия получает „все права и все свободы", при чем она имеет все возможности эти свои права осуществить в лучшем для себя виде. Мартов знает, — это мы видели выше, — что демократия всегда, при всех обстоятельствах, фактически власть отдает в руки крупному капиталу, и после всего этого он нам заявлял о своей приверженности к „трудовластию"! — Допускаем, что Мартов не хотел, чтобы в демократическом государстве безраздельно командовали Стиннесы. Но, ведь, дело заключалось не в его желаниях, а в том, какими правами какой класс наделен, какими силами он реально обладает. Дело в том, что формальная демократия фактически означает даже не кулацкое „трудовластие", а прямое господство крупной буржуазии.

Мартов стремился к тому, чтобы власть из рук большевиков перешла в руки „трудящихся классов“. Что это означает конкретно?

Власть всякого класса осуществляется через партию данного класса. Еще в 90-х годах Каутский в полемике с Бернштейном, как указано выше, подчеркивал ту совершенно бесспорную мысль, что политическое господство класса означает господство его авангарда, его „избранных“, как он говорил, т.-е. партии. Господство коммунистической партии это есть господство пролетариата. Переход власти из рук большевиков в руки „трудящихся классов“ на деле означает переход этой власти в руки мелко-буржуазных политических партий от меньшевиков до энесов.

Но эти партии однажды власть уже имели в руках, и мы знаем, на что они эту власть употребили, мы знаем, с кем они ее делили. Если бы Россия сделала такой колоссальный шаг назад и призвала снова к власти энесов, эсеров и меньшевиков, то вместе с ними неизбежно пришли бы к власти и кадеты, ибо если в 1917 году эти „демократические“ партии не решались править Россией без кадетов, то как решатся они на это в 1923 году, когда сил у них несравненно меньше, чем было в период от февраля до октября?

Словом, фактически все дело сводится к тому, чтобы вернуться к дооктябрьскому положению. Литератор Мартов мог эту мысль облекать в какие ему было угодно формы, но от этого дело ни на иоту не изменится. Пусть он был сторонник „трудовластия“ на основе демократии. Вопрос решается борьбою классов, реальным соотношением борющихся сил, а не пустыми желаниями бесхарактерных литераторов.

Демократическая власть, если бы она возродилась в России, будь то под флагом эсеро-меньшевистским („трудовластие“) или кадетско-эсеровским, или кадетско-меньшевистским,—все равно, эта демократическая власть немедленно повела бы решительное наступление на рабочий класс, на всех трудящихся. Эта демократическая власть, для того, чтобы успокоить буржуазию и сделать ее более уверенной в себе, должна была бы раздавить рабочий класс. Эта демократия означала бы раскол и расслоение рабочего класса: его передовые слои были бы беспощадно усмирены, а менее сознательные его слои подпали бы под влияние мещанства и буржуазии. Далее, демократия означала бы немедленный и резкий раскол крестьянства: значительная его часть подпала бы под прямое влияние буржуазии; кулачество, очевидно, дало бы „демократической“ власти людей для организации фашистской армии на предмет беспощадной расправы с рабочим классом.

„Трудовластие“ Мартова явилось бы кошмарной тюрьмой для рабочего класса, для всех полупролетарских слоев страны.

Мартов уверял, что трудящиеся классы, „при правильном понимании своих интересов“, могут добиться власти „демократическим путем“. Но почему нигде в мире трудящиеся классы не обнаружили „правильного понимания своих интере-

сов“ и не добились для себя власти „демократическим путем“? Почему? Значит, есть что-то главное, что мешает рабочему классу „демократическим путем“ завоевать власть.

Об этом главном говорил Мартов в приведенных выше цитатах: это главное—власть капитала, тот аппарат подкупа, развращения, угнетения и подавления, который сохранился в его руках. И если в России капитал снова получит „равные права“, если он будет защищен формальной демократией, то ясно, что „правильного понимания своих интересов“ у трудящихся в целом не будет, да и это „правильное понимание“ им не поможет завоевать власть демократическим путем, ибо демократия—не реальность, а фикция.

Да, лозунг „власть трудящихся“, на сохранение которого в новой платформе партии меньшевиков „надеялся“ Мартов, этот лозунг является фактически самым бесцеремонным обманом трудящихся масс. Рабочему классу нужны не добрые желания, не „надежды“ литераторов,—ему нужна реальность, как нужна реальность буржуазии. Отнимая у рабочего класса Советскую власть, меньшевики отнимают у него реальную силу, они его обезоруживают, бросают под ноги буржуазии.

К счастью, обо всем этом партия меньшевиков может только мечтать. Рабочий класс России давно перестал спрашивать эту партию о том, как и что ему надлежит делать. Он идет своей дорогой. На опыте революции он убедился в том, что действительная власть трудящихся, фактическое трудовластие возможно только на основе советской, а не „формальной демократии“.

Рабочий класс и демократия.

Рабочему классу нужна „самостоятельная рабочая партия“. Эта партия должна вести „чисто-классовую политику“, „независимую классовую политику“. Пролетариат должен отстаивать свои „особые классовые интересы“.

В отношении принципиальном лозунги о „самостоятельной“ партии с „независимой“ политикой являются повторением задов меньшевизма. „Не гегемония“, а „чисто-классовая политика“,—это мы слышали каждый раз, когда вставал вопрос о том, кто должен взять на себя роль руководителя борьбы с царизмом. Это мы слышали в 1917 г., когда нужно было доказать необходимость и неизбежность властвования Львовых и Милюковых... Не дело пролетариата стоять во главе государства, не подходит ему роль вождя и руководителя,—куда ему?.. Но он уже находится во главе советского государства. Это „маскарад“, устроенный историей! Надо скорее кончить его, под видом демократии необходимо скорее развязаться с властью, отдать ее буржуазии (она, ведь, „вступает в свои права“), а самому заняться „чисто-классовыми“ делами о заработной плате, рабочем дне, страховании, свободе коалиций и т. д. При условии соглашения и

сотрудничества с буржуазией все эти дела можно решать по справедливости, к выгоде обеих сторон...

Словом, пора русскому рабочему начать вести „европейскую" „классовую" политику Эбертов, Шейдеманов, Гендерсонов, Носке... Во имя такой „классовой" политики меньшевизм осуждает коммунистическую классовую политику. Крики об „отрыве", „бонапартизме", мрачные картины состояния рабочего класса должны воздействовать на пролетариат в том смысле, чтобы сделать его сторонником „чисто-рабочей", т.-е. соглашательской политики. Вот, например, послушайте, как рассуждает в № 22 „Соц. Вестника" (ноябрь 1912 г.) Вл. Кин:

> „Пролетариат разбит и деклассирован. Рабочий класс как-то потерял себя. Пережито, ведь, страшно много. Сколько знамен веяло над революцией, сколько было борьбы, а рабочий класс вновь у разбитого корыта, — вот основная мысль глубокого разочарования". И дальше: „Никогда еще на своем историческом пути российский рабочий класс не переживал такой темной, слепой полосы. Позабыто многое, что крепко было связано с жизнью российского пролетариата. Давно забыто, что может быть какая-то свободная рабочая газета, что рабочий класс умел говорить смело и действовать товарищески".

Далее в статье рассказывается в 1001 раз о „дальнейшем социальном отрыве большевистской диктатуры от пролетариата и широких народных масс", о „вырождении", „бонапартизации" и т. д., и т. п. И вывод опять тот же самый: нужно разорвать решительно с советским государством, нужно развязаться с большой политикой и заняться повседневными малыми делами.

В духе Вл. Кина высказалось и всероссийское совещание партии меньшевиков. Когда это совещание говорило об „исключительной изоляции рабочего класса", о крайне неблагоприятно для пролетариата сложившихся соотношениях классовых сил, всем этим совещание взывало о необходимости для пролетариата отдать гегемонию в руки буржуазии, опять-таки во славу старой меньшевистской схемы о том, что в России революция может быть только буржуазная, и власть должна принадлежать только буржуазии.

Меньшевики спекулируют на разорении и обнищании рабочего класса. Да, гражданская война потребовала страшно много жертв от российского пролетариата. Но гражданская война и революция впервые по-настоящему собрали весь рабочий класс, притянули к нему все полупролетарские элементы, тесными узами связали с ним эти элементы. Мы сами очень мало отдаем себе отчет в том, какую гигантскую роль сыграла революция в смысле собирания и сплочения различных слоев трудящихся вокруг основного ядра рабочего класса. Между тем, это в высшей степени важное обстоятельство нашло уже отражение в художественной литературе. Талантливая писательница Сейфуллина в своей повести „Ноев ковчег", рисуя жизнь захудалого уездного городка, пишет:

„В городе было три сословия: самое большое мещанское, потом купеческое да духовное... Дворянин был один—Холодковский.

Теперь появился вдруг в городе „рабочий класс". В винном складе, на паровой мельнице, в заводишке кирпичном, на конфетной фабрике, при единственной кондитерской. Знакомые жителям люди. Раньше с мещанами сливались, теперь их называют „Пролетариат". Они да фронтовики силу дали агроному Шереметьеву" (большевику).

Подмечено весьма метко и точно: „раньше с мещанами сливались, теперь их называют „пролетариат". И ведь не только называют „пролетариат", но эти рабочие винного склада, паровой мельницы, кирпичного завода, конфетной фабрики — все они находятся под прямым воздействием основного кадра рабочего класса, объединены с ним профессиональной, партийной, советской линией, подчиняются его политическому, административному, профессиональному руководству. Это именно есть собирание рабочего класса, это есть вырывание значительного слоя пролетарских и полупролетарских элементов из-под влияния буржуазии, из-под влияния мещанства и подчинение их прямому влиянию самого пролетариата. Это все могла дать только победоносная революция.

Вот этот гигантской важности факт сплочения рабочего класса меньшевикам совершенно непонятен и с их точки зрения даже вреден, ибо чем сплоченнее рабочий класс, тем больше у него уверенности в своей силе и тем меньше у него охоты передавать власть и господство буржуазии.

Когда меньшевистская партия рисует тяжелую картину состояния рабочего класса, то в общем картина, разумеется, верна: рабочий класс России пережил столько, сколько, быть может, не переживал ни один класс в мире. Но, ведь, вот на наших же глазах в демократиях средней Европы рабочий класс, отказавшись от руководящей роли в государстве, подчинившись гегемонии буржуазии, тем не менее, быстро впал в состояние полного обнищания, от которого только революция может спасти его. Русский рабочий знает, что он страдал во имя великой всемирно-исторической цели, он знает, что он страдал во имя своего окончательного освобождения. Такого сознания у европейского рабочего класса, ведь, нет и быть не может. Русский рабочий не обманут, русский рабочий знает, что его государство делает все возможное для улучшения его положения. Европейский рабочий видит, что он кругом обманут, что государство существует только для того, чтобы его закабалить, его эксплоатировать, его угнетать.

Когда меньшевистская партия кричит о беззащитности рабочего класса в советском государстве, об его всемирной эксплоатации, то крик этот—сплошное лицемерие. Они знают, что советское государство делает все возможное для улучшения экономического положения рабочего класса. Они знают, что если где-либо на частный капи-

тал наложены ограничения, то это только в России. Крики меньшевиков о том, что перед лицом частного капитала пролетариат беззащитен,—эти крики—самая возмутительная ложь. Нет в России рабочего, который бы поверил этому. Частный капитал в России действует на основе строгих законов. Совершенно беззащитным перед лицом капитала рабочий класс оказывается именно в демократии, где весь аппарат государства направлен против него.

Но меньшевики кричат о том, что рабочих эксплоатирует государственный капитал. Что это значит? В разоренной стране с разрушенной промышленностью возможно ли радикальное улучшение положения рабочего класса без улучшения состояния самой промышленности? Должен ли пролетариат создавать прибавочную стоимость для своего же собственного государства, или не должен? Возможно ли значительное повышение заработной платы без увеличения производительности труда и производительности предприятий? Если рабочий класс прибавочную стоимость должен в государственной промышленности создавать, если улучшение положения рабочего класса немыслимо без улучшения положения самой промышленности, то какой же смысл имеют в таком случае заведомо лживые крики об „эксплоатации“ и о „беззащитности“ рабочих перед лицом государственного капитализма?

Ведь еще совсем недавно мы слышали другого рода крики со стороны меньшевиков: они возмущались и негодовали на то, что рабочие, мол, находятся на положении пенсионеров в государстве. В общем перед нами—самая бессовестная, безответственная демагогия худшего пошиба, перед нами преступная демагогия, ибо она имеет целью восстановить пролетариат против собственного государства, чтобы облегчить буржуазии задачу захвата этого государства в свои руки.

Меньшевистское всероссийское совещание кричит об эксплоатации. Но вот вам рассуждение одного видного деятеля партии меньшевиков: „В разрушенном хозяйстве России в переживаемые дни любое правительство должно восстанавливать производительные силы при вынужденно беспощадном отношении к рабочей силе“.

Никогда советское государство не относилось „беспощадно“ к рабочей силе, хотя оно неоднократно „вынуждалось“ к этому. Но при всяком другом правительстве отношение к рабочему классу, бесспорно, было бы именно беспощадным, даже без крайней „вынужденности“.

Рассуждения видного партийного деятеля были напечатаны в „Социалистическом Вестнике“, от 3 апреля 1922 года. И тут же Мартов в специальной статье „О задачах партии“ указывал на то, что существует „непосредственное давление экономической необходимости на все классы населения, в том числе и на пролетариат“, что эта экономическая необходимость „вынуждает рабочие партии, хотят они того или нет, считаться во всей своей деятельности с задачами восстановления хозяй-

ства". „При таком положении,—продолжал Мартов,—совершенно независимо от того, в каком отношении стоит рабочая партия к данной власти, она, если не захочет удариться в безответственную демагогию, вынуждена сплошь и рядом поддерживать эту власть в ее мерах, навязанных железной экономической недобходимостью".

Мартов считал, что рабочая партия, независимо от характера правительства, „одинаково обязана сказать рабочему классу всю правду об объективной неизбежности" принести жертву в интересах восстановления хозяйства. Мы, разумеется, не настроены так „одинаково разумно" ко всякого рода правительствам. Но для нас абсолютно бесспорно то, что всякая честная рабочая партия обязана указывать рабочему классу на необходимость прилагать все усилия для восстановления хозяйства в пролетарском государстве.

Вот этого-то именно меньшевистская партия и не делает, она именно ударяется в „безответственную демагогию". Вместо помощи советскому государству в деле восстановления хозяйства она пытается восстановить рабочий класс против этого государства. Тот же Мартов в октябре 1922 г. решительно восклицал: „Рабочий класс не может платить своим голодом за возрождение промышленности". Это говорил вождь той партии, которая, между прочим, стоит на той точке зрения, что в интересах поддержания нормального хода производства рабочий класс должен отказаться и от революции, и от забастовок, и от всего прочего, что может испортить настроение... буржуазии...

В тягчайших условиях восстанавливается советская промышленность, но она делает все-таки первые шаги. Каждый самый незначительный успех советской промышленности немедленно и непосредственно отражается на положении рабочего класса. Даже меньшевистская партия, ведущая бессовестнейшую демагогию на этой почве, вынуждена печатать на страницах своего центрального органа данные о бесспорном и сравнительно заметном улучшении материального положения рабочего класса. Несмотря ни на что, советское государство спасет свою промышленность, поднимет ее, укрепит, упрочит, расширит и на основе ожившей и оздоровленной промышленности улучшит положение рабочего класса без всякой борьбы, без всяких жертв, без забастовок, без демонстраций со стороны последнего.

Само собой разумеется, что задача эта разрешима при незыблемости диктатуры пролетариата, при сохранении теснейшей непрерывной связи между авангардом и всей массой рабочего класса, при условии все возрастающей сознательности и активности все более широких слоев пролетариата. Условия эти налицо: пользуясь своей властью, рабочий класс начинает овладевать наукой, знанием, культурой...

* * *

Но что обещает меньшевизм рабочему классу при демократии? „Вынужденно-беспощадное отношение“ к рабочей силе. Если власть перейдет к буржуазии, социал-демократия едва ли не громче всех будет призывать рабочих к „жертвам“, к „самоограничению“, будет бороться против „неумеренных требований“, против забастовок и т. д., и т. п. Вот замечательные признания, которые содержатся в тезисах правой московской группы социал-демократов:

„После падения Советской власти не всякое требование рабочих масс может быть удовлетворено без ущерба для его будущего развития (напр., полное проведение 8-часового рабочего дня, вполне удовлетворительная заработная плата и т. д.), поскольку осуществление этих требований предполагает степень экономического развития и накопления производительных сил, которых не будет в завтрашней России“.

(„Заря“ № 2 1923 г.)

Ясно. Когда буржуазия станет у власти, в интересах капиталистического развития России рабочий класс должен отказаться от 8-часового рабочего дня, должен согласиться на еще большее понижение зарплаты. Меньшевики уже сейчас убеждают рабочих в необходимости завтра во имя утверждения буржуазного владычества пойти на значительное ухудшение своего положения. Но что сказали бы меньшевики, какой вой подняли бы они, если бы в интересах социализма, в интересах обеспечения будущности рабочего класса Советская власть поставила вопрос об отмене 8-часового рабочего дня?..

Но послушаем еще любопытнейшие рассуждения правых меньшевиков. В тезисах далее читаем:

„Поэтому тактика рабочей партии в отстаивании экономических интересов и требований пролетариата должна определиться не столько субъективными желаниями его, сколько объективными возможностями: улучшение экономического положения пролетариата, но лишь постольку, поскольку это не задерживает дальнейшего экономического развития, в противном случае он будет подрубать тот сук, производительные силы, на котором держится рабочее движение (пример большевиков). Задача партии пролетариата в области экономической, после падения Советской власти, будет не столько в непосредственном удовлетворении его интересов, сколько в создании условий для дальнейшего его развития и успеха его движения, т.-е. в содействии всем мерам, ведущим к развитию производительных сил“. (Там же.)

Таким образом виды на будущее—„после падения Советской власти“—прямо превосходны для... буржуазии: на костях рабочего

класса, на его голоде, холоде, обнищании она будет двигать вперед свое хозяйство. И во имя этой кошмарной каторги пролетариат должен добиваться демократии?

Обычно мы от социал-демократии слышали: вы, большевики, держите рабочих на голоде, вы их „эксплоатируете“ в государственных предприятиях. Сдавайте экономическую власть буржуазии,—положение рабочих быстро улучшится.

Что же слышим теперь? Демократия будет означать не только огромное политическое поражение рабочего класса, не только превращение его из руководящего в подчиненный буржуазии класс,—демократия будет означать непосредственное ухудшение его материального положения, беспощадное отношение к рабочей силе.

Советуя пролетариату отказаться от своей власти, социал-демократия взамен не смеет уже обещать ему знаменитой „белой булки“, не может даже обещать сохранения нынешнего ржаного хлеба: голод, ужасы, рабство, вырождение, разложение, загнивание, потерю настоящего и будущего несет рабочему классу бесчестная, гнилая, вонючая демократия.

Демократия, как она есть.

В Европе будет жестокая борьба классов. Буржуазия сгорит в огне гражданской войны, ибо она сама ставит в порядок дня штык и пулю. Все основные вопросы и прежде всего вопрос о власти, она решает силой. „Волю народа“ формулирует соотношение вооруженных сил. Демократические выборы, народное представительство—все это пустая фикция. Вот одна из лучших по своей демократичности стран—Болгария. С болгарской конституцией носились русские либералы и прежде всего гр. Милюков, как с писаной торбой. Как Болгария за последние 12 лет решала основной вопрос о власти? Вот справка, дающая точный ответ на этот вопрос:

Кабинет Гешов-Данев. (1911—1913 г. г.)		Кабинет д-ра В. Радославова. (1913—1918 г. г.)	
Ив. Гешов	— беженец.	Д-р В. Радославов	— беженец.
Ал. Люцканов	— умер.	Ник. Геннадиев	— на свободе.
С. Бобцев	— беженец.	Хр. Г. Попов	— в тюрьме.
Ив. Плачков	— в тюрьме.	Петр Пешев	— „
Тодор Тодоров	— „	Хр. Ив. Попов	— „
Петр Абрашев	— „	Дим. Тончев	— „
Генерал Никифоров	— „	Генерал Поцджиев	— беженец.
Хр. Тодоров	— „	„ Жеков	— в тюрьме.
Дим. Христов	— беженец.	„ Найденов	— „
Д. Яблонски	— в тюрьме.	Жело Бакалов	— умер.
А. Франша	— умер.	Д-р Динчев	— в тюрьме.
Д-р. Ст. Данев	— в тюрьме.	В. Петков	— „
А. Буров	— беженец.	Ник. Апостолов	— „
М. Мацаров	— в тюрьме.	В. Кознически	— „

Кабинет Ал. Малинова.	
Ал. Малинов	— в тюрьме.
М. Таков	— убит.
Ст. Костурков	— в тюрьме.
А. Лайчев	— „
И. Раденхехт	— „
Генерал Савов	— беженец.
Г. Т. Данилов	— в тюрьме.
А. Мужалов	— „
Р. Маджаров	— беженец.
Вл. Молов	— „

Кабинет Малинов-Годаров.
(1918—1919 г. г.)

Из кабинета на свободе только четыре министра; остальные все или в тюрьме, или беженцы.

Кабинет А. Стамболийского.	
Ан. Стамболийский	— убит.
Ал. Дмитров	— „
Райко Даскалов	— „
Н. Атанасов	Все в тюрьме.
Хр. Стоянов	
К. Томов	
А. Радолов	
Ст. Омрачевски	
У. Бакалов	
М. Турлаков	
П. Лиев	
С. Дупаринов	
К. Журавьев	
Д. Зоографски	
Ан. Обов	
К. Павлов	
Ан. Ботев	
Хр. Моналов	

Восстания, убийства, тюрьма, беспрерывные насилия над „волей народа“. В последнем заговоре против правительства Стамболийского в июне 1923 года партия „социалистического рабочего Интернационала“, болгарская социал-демократическая партия, принимала прямое участие вместе с партиями буржуазии и с офицерским союзом. Парламент не распущен, но подавляющее большинство депутатов находится в тюрьме или в бегах. Через несколько месяцев будут „сделаны“ новые выборы, и определится „воля народа“—до нового восстания, до нового свержения, до новых убийств...

Но,—могут сказать,—хотя Болгария—страна демократическая, но она не обладает высокой культурой, в ней много азиатчины. Поэтому болгарский способ решения вопроса о власти не является характерным для современного буржуазного общества.

Но вот Германия—это культурнейшая страна в мире, в ноябре 1918 года там была завоевана наиболее широкая демократия. Германская конституция является образцовой демократической конституцией. Во главе республики стоит социал-демократ. Правительство может держаться только при поддержке социал-демократии. И что же в этой демократии делается?

Перед нами—книжка либерала-пацифиста Гумбеля: „Четыре года политических убийств“. Начиная с ноябрьской революции, в Германии были убиты следующие политические деятели:

1) Карл Либкнехт (коммунист),
2) Роза Люксембург (коммунистка),
3) Лео Иогихес (коммунист),
4) Курт Эйснер (независимый с.-д.),
5) Густав Ландауэр (коммунист),
6) Эрцбергер (партия католич. центра, министр),
7) Ратенау (демократ. партия, министр).

Здесь перечислены партийные вожди. Рядовые деятели партий охватываются суммарными данными. Вот „статистика политических убийств" за четыре года господства демократии в Германии. Гумбель сообщает:

„Контр-революционерами совершено 354 политических убийства. Общая сумма кар за них составляет 90 лет и 2 мес. заключения, 730 марок штрафа и в одном случае пожизненное заключение.

Революционерами совершено 22 политических убийства. Общая сумма кар за них составляет 10 смертных казней, 248 лет и 9 мес. заключения и в трех случаях пожизненные каторжные работы".

Картина ясна. Германская демократия—это фактическая свобода для белой гвардии расправляться со своими врагами. Все удары демократия направляет налево,—реакции руки развязаны.

Возьмем другого рода факты. В 1919 году в Баварии была провозглашена республика Советов. „Демократия", руководимая меньшевиками, беспощадными мерами подавила „красную опасность". В 1920 году в Берлине власть захватили белые, во главе с адм. Каппом. Правительство бежало из столицы. Белые были свергнуты в результате всеобщей забастовки. Как же правительство социал-демократа Эберта обошлось с побежденными реакционерами? Гумбель приводит следующую замечательную справку:

Судьба капповского правительства:

1 приговорен к заключению в крепости на 5 лет.

1 амнистирован.

1 умер (Капп).

16 находятся на свободе.

Судьба советского правительства в Баварии:

1 расстрелян.

5 приговорены к каторжным работам.

46 приговорены к заключению в крепости, общий срок заключения—135 лет 2 мес.

Судьба капповских офицеров:

Все оставлены на свободе.

Судьба красноармейцев советской республики:

Двое расстреляны, 70 чел. приговорены к различным видам заключения, всего на $276^1/_2$ лет.

Сторонники Каппа в провинции:

Никто не понес наказания.

Сторонники Баварской советской республики в провинции:

60 чел. понесли наказание, будучи приговорены в общей сложности к заключению на 204 года и 2 мес.

Лучшего обвинительного акта, чем эти сухие цифры, против современной „формальной демократии“ придумать невозможно. На гибель, на разложение, на вырождение, на страшное закабаление обречен рабочий класс, если он эту преступную, подлую, насквозь лживую „демократию“ не уничтожит решительным, всесокрушающим ударом!..

Какими силами осуществляется в Германии организованный белый террор? Там имеется 15 различного рода военно-буржуазных, помещичьих, националистических, фашистских организаций. Во главе этой воинствующей охранной гвардии буржуазии идет так называемая „национальная социалистическая партия“ — германские фашисты. Далее следуют такие боевые группы и союзы, как „отечественный единый фронт“, объединящий до 60 всякого рода реакционных союзов, в том числе „союз порядка“, „союз имени Гинденбурга“ и т. д. Далее мы имеем „товарищеский союз бывших фронтовиков и солдат“ — организация полковника Эргардта, организовавшая убийство Эрцбергера и Ратенау. Буржуазная молодежь организована по-военному, созданы штрейкбрехерские организации.

Перейдем теперь к другим странам. Как в главнейших странах мира обстоит дело с демократией?

Италия. О ней не нужно много говорить. Партия, в парламенте имеющая 30 депутатов, в результате бесчисленных совершенно невероятных насилий, в результате военного важима на демократическую конституцию захватывает власть в свои руки, целиком подчиняет своей воле демократический парламент, навязывает этому парламенту самоубийственную для демократии избирательную реформу, в общем превращает в ничто все основы демократии.

Австрия, благодаря предательской политике социал-демократии превращенная в жалкую полуколонию Антанты, имеет 6 фашистских организаций. Во главе идет партия национал-социалистов, далее союз фронтовиков, союз „неустрашимых“, национальный союз немецких офицеров и т. д., и т. п.

Польша. Она располагает 22-мя разного рода фашистскими организациями. Сюда входят: стрелецкий союз, организация охраны отечества, дружины Бартоша, союз общественного порядка, антибольшевистская лига, союз общественной самопомощи, представляющий собою штрейкбрехерскую организацию, Розвуй — организация, построенная по фашистскому образцу, и т. д., и т. п.

Финляндия. Важнейшая опора демократической конституции, — шюцкоры, превышающие постоянную армию. Но этой военной опоры демократии оказалось мало, и в августе 1923 года финская буржуазия загоняет в подполье социалистическую рабочию партию, арестовывает „неприкосновенных“ депутатов сейма, закрывает всю рабочую печать.

Чехо-Словакия. Имеет фашистские отряды, организованные по образцу итальянских и, кроме того, располагает полуфашистским обществом „Сокол", объединяющим до 400.000 членов, из коих в боевые дружины входит 80.000 человек. Не удовлетворяясь этим, чехо-словацкая буржуазия вносит „фактическую поправку" к демократической конституции и с другой стороны. Она проводит закон о „защите республики", фактически являющийся законом, целиком направленным против коммунистической партии и революционного рабочего движения. Чехо-словацкая социал-демократия со всей энергией этот реакционный буржуазный закон поддерживает. Но против этого закона, помимо коммунистической партии, выступает левая часть национал-социалистической партии. 4 депутата парламента от национал-социалистической партии—Вербенский, Бартошек, Ландавой и Дроксле—в парламенте голосуют против реакционного закона о защите республики. Тогда демократический суд демократической Чехо-Словакии, по заявлению ЦК национал-социалистической партии, этих четырех депутатов лишает депутатских мандатов, они перестают быть членами парламента. Избирателей никто не спрашивает. Воля реакционной партии ставится над волей революционных масс, заставивших своих депутатов голосовать против буржуазного закона.

Латвия. Она располагает 5 фашистскими организациями, в том числе латвийское общество обороны (офицерская организация), гражданская охрана, построенная по фашистскому образцу, латвийский национальный клуб, также по фашистскому образцу.

Эстония имеет лигу защиты и скаутскую организацию.

Литва имеет союз литовских стрелков и союз стрелков-партизан „шаулей".

Во всех этих новоиспеченных демократиях „воля народа" самым циничным образом нарушается в каждой избирательной кампании. Демократическая Литва изгнала из сейма рабочую фракцию, получившую в столице Литвы большинство голосов, несмотря на условия белого террора, в которых приходилось все время действовать партии литовского пролетариата. Латвия и Эстония осуществляют самый суровый белый террор, и коммунисты в этих странах просто не имеют физической возможности конкурировать с буржуазными партиями в избирательной кампании.

Даже Венгрия, которой, казалось, по пути реакции дальше итти некуда, имеет свой фашистский „союз возрождения Венгрии", который все более усиливается и готовится к захвату власти, чтобы окрасить эту страну в сплошной реакционный цвет.

Франция имеет национальную конфедерацию гражданских союзов—штрейкбрехерско-фашистскую организацию. Вместе с тем в этой стране „прекрасной демократии" открыто и весьма энергично действуют „королевские молодцы" — черносотенная организация, стремящаяся к свержению республики и к установлению во Франции монархии.

Дания, Швеция, Норвегия, Япония, Румыния—во

всех этих странах фашистские организации оформляются, чтобы занять все более заметное место на фронте буржуазно-помещичьей реакции.

Американская демократия располагает огромным количеством всякого рода боевых буржуазных организаций, подавляющих забастовочное движение, организующих провокаторские взрывы и нападения, выполняющих роль штрейкбрехеров, террористов и т. д., и т. п. Главная из них—Ку-Кукс-Клан. Председателем этой организации состоит известный владелец автомобильного завода „Форд". Задача Ку-Кукс-Клана—беспощадная борьба с рабочим движением и большевизмом.

Англия—страна „великой демократии", мирного „сотрудничества классов", умеренного рабочего движения, салонного социализма,—эта великолепная Англия пока что имеет 4 фашистских, штрейкбрехерских, антиреволюционных организации. Первая из них—национально-гражданский союз, насчитывающий до 300 секций, далее орден крюзадеров—организация, построенная по типу американской Ку-Кукс-Клан, третье место занимает Британский легион—организация, по преимуществу составленная из бывших офицеров. Наконец, скаутская организация, идущая под знаменем капиталистического отечества против революции и социализма. Таким образом и страна „образцовой демократии" подготовляет силы, которые будут брошены в бой на защиту основных позиций капитала, когда путем демократической болтовни уже нельзя будет околпачивать рабочие массы [1]).

Наконец Бельгия, страна Вандервельде, страна почти миллионной рабочей партии. „Возможен ли фашизм в Бельгии?"—такой вопрос ставил Артур Вортерс—ближайший друг Вандервельде, летом 1922 года приезжавший защищать партию эсеров от большевистской диктатуры. Вопрос о возможности фашизма в Бельгии гр. Вортерс ставил в статье, в первых числах января 1923 года напечатанной в эсеровских „Днях", издающихся в Берлине. Отвечая на вопрос, Вортерс говорил: „Было бы преувеличением говорить сейчас о кризисе бельгийского парламентаризма. Однако последние заседания бельгийской палаты нанесли ему некоторый удар". Не будем рассказывать, по какому случаю бельгийскому парламентаризму был нанесен „некоторый удар",—это не интересно; важно то, что под влиянием удара парламентаризму усилились фашистские элементы Бельгии. А может быть, произошло как раз наоборот: усиление фашистских элементов послужило причиной тому, что парламентская демократия дала осечку? Однако факт налицо. В результате, сообщает Вортерс, „и у нас образовалась фашистская группа, она носит название разведчиков, ее организатором стал, как в Италии, бывший социалист". Кроме этой фашистской группы,—

[1]) Данные о фашистских организациях разных стран нами почерпнуты из интересной статьи тов. В. Кангелари („Рабочая Москва", 12 мая 1923 года).

сообщает Вортерс,—„мы имеем еще гражданские союзы штрейкбрехеров. Во главе их стоят бывшие офицеры. Год назад они добились провала трамвайной стачки в Брюсселе. Члены этих союзов набираются среди паразитов капитализма, золотой молодежи и учащихся". Кто поддерживает бельгийских фашистов? Вортерс отвечает: содержатели питейных заведений, владельцы мельниц, „промышленники, которых стесняет 8-часовой рабочий день, которые боязливо прислушиваются к усиливающимся требованиям рабочего контроля на заводах". Далее, фашистов поддерживают „финансисты, обеспокоенные проектом налога на капитал", офицеры,—словом, все имущие классы Бельгии. Вортерс хвастливо заявляет, что „рабочая партия готова отразить атаку". Мы видели на примере целого ряда стран, как эти меньшевистские „рабочие партии" умеют отражать атаки буржуазии. Все кончается разговорами. Когда фашизм усилится, если не вся бельгийская вандервельдовская партия, то, во всяком случае, значительная ее часть станет прямо на службу к фашизму.

Так обстоит дело с демократией и в Бельгии, и в Англии, и во Франции, и в Германии, и в Италии, и в Америке,—везде, во всем мире. Повсюду, выражаясь словами Мартова, буржуазия вносит в демократию фашистские „коррективы", повсюду в демократиях важнейшую роль играет военщина. Повсюду основные вопросы политики решаются силою. Пытаясь при помощи социал-демократии связать рабочий класс по рукам и ногам законами демократии, сама буржуазия эти законы со всей бесцеремонностью ломает каждый раз, когда ее интересам грозит малейший ущерб, когда эти интересы на почве демократической легальности не могут быть защищены.

Соблюдение демократических форм становится обязательным только для рабочего класса, только для угнетенных. Для буржуазии не существует даже ее собственных законов,—так было всегда, так будет и впредь. Бывший итальянский премьер-министр Франческо Нитти на страницах английской буржуазной газеты „Манчестер Гардиан" поместил статью под заглавием „Царство реакции в Европе". В этой статье Нитти пишет:

„Дух реакции царит теперь во всей континентальной Европе. Под ружьем содержится больше человек, чем до войны. Обсуждаются реакционные законы. Поднимается волна протекционизма. Во многих странах парламенты фактически уничтожены, и установлена диктатура фактически или даже юридически. В Центральной Европе некоторые элементы носятся с мыслями о монархической реставрации. Во Франции националистические устремления принимают монархический и легитимистический характер. Говорят таким языком, который не был слышен в течение столетий".

К словам бывшего буржуазного министра и настоящего буржуазного политика прибавить нечего. Картина ясна, как никогда. Не парламент, а оружие решает основные вопросы. Не путем классового сотрудничества, не путем мирного соревнованя, а путем беспощадной

кровавой борьбы классы пробивают дорогу к своим целям. „Говорят таким языком, который не был слышен в течение столетий“. Говорят таким языком, каким только и можно говорить в эпоху великого столкновения между основными классами современного общества,—в эпоху, когда дальнейшее мирное сожительство буржуазии и пролетариата становится невозможным, эпоху, когда крах капитализма неизбежен, если пролетариат не захочет добровольно покончить с собою, чтобы спасти буржуазию.

* * *

Но кто конкретно вдохновляет фашизм? Кто побуждает правительства всех стран действовать по-фашистски? Кто сводит на-нет демократию, кто превращает в игрушку парламенты?

Объединенный крупный капитал, тресты и концерны. Во всех капиталистических странах он командует. При помощи бесчисленных „приводных ремней“ он привязывает к себе, он подчиняет своему безраздельному влиянию правительства, он проводит в парламентах свои законы, он диктует внутреннюю и внешнюю политику.

Пресса—важнейший элемент „демократии“ в руках крупного капитала. Стиннес в Германии имеет около сотни газет. Нет в мире печати, кроме коммунистической, которая бы осмелилась открыть борьбу против крупного капитала по всему фронту. Вожди германской социал-демократии систематически сотрудничают в органах крупного капитала. Паузь Ленч долго еще оставался членом немецкой с.-д. партии после того, как стал редактором главной стиннесовской газеты. Он был исключен только под давлением рабочих.

Крупный капитал правит миром, и социал-демократия—его безвольный раб.

Роль Стиннеса в Германии известна. Возьмем Францию. Кто вдохновляет реакционную империалистическую политику французского правительства? Кто фактически держит первую по численности армию и воздушный флот в мире? Кто инициатор занятия Рура и Рейна? Кто хочет расчленения Германии? Кто провоцирует беспрерывный рост вооружений во всем мире?

„Комитэ де форж“—трест всех трестов французской металлургии. Он прибрал к своим рукам отхваченную от Германии промышленность Эльзас-Лотарингии, он захватил фактически Рур, он добивается „независимой“ Рейнской республики.

„Воля России“,—орган партии эсэров, выходящий в Праге,—вынуждена была признать:

„После войны капитал организовался сильнее, чем когда-либо, и создал колоссальные, мощные объединения, давящие на правящие круги и навязывающие им свою волю.“

„Правящие круги“ беспрекословно исполняют волю „колоссальных, мощных объединений“. Мировая социал-демократия, с настой-

чивостью одержимого кричащая о демократии, которой нет и не будет до сокрушения мощи крупного капитала, эта бесстыдно лживая и бесчестная социал-демократия тоже исполняет волю „колоссальных, мощных объединений". Вместо того, чтобы разоблачать полнейшую зависимость демократии от Стиннесов, открывать глаза рабочим на невозможность „чистой" и „свободной" демократии при империализме, ломать демократическое прикрытие капиталистических шаек, — вместо этой единственно-честной, единственно-революционной работы социал-демократия помогает буржуазии укреплять это прикрытие.

Бывший премьер-министр Франции Кайо поступает в данном случае несравненно честнее, чем вся мировая социал-демократия. Вот что говорит этот порядочный буржуа о роли крупного капитала:

„Европа накануне подпадения под власть анархического феодализма. Главари трестов являются герцогами и графами современной эпохи. Хозяева угля, железа и стали, хозяева отраслей промышленности, которые ими питаются, — они создают себе государства в государстве и порабощают политическую власть. Они низводят ее к чисто-парадной роли..."

Демократия—вот она, во всей красе своей! Она „порабощена" королями „угля, железа и стали", она низведена до „чисто-парадной роли". А какова роль социал-демократии при этих „парадах"? В качестве евнуха демократии она придерживает фиговый лист, долженствующий прикрыть бесстыдство „герцогов и графов современной эпохи"...

Буржуазия лучше понимает положение вещей, чем рабочий класс в своем большинстве. Буржуазия сегодня считается уже с тем, что скажет и что сделает завтра рабочий класс. Буржуазия принимает предварительные меры, она производит предварительную контр-революцию, как это было в Италии и Болгарии, как к этому готовится фашистски вооруженная буржуазия во всех почти странах.

Пролетариат как можно скорее должен понять, что ему нужно делать завтра, послезавтра. Пролетариату нужны вожди, пролетариату нужна партия, которая ясно представляет весь его исторический путь, которая способна через бесчисленные жертвы и страдания, сквозь нечеловеческую борьбу привести рабочий класс к победе.

В 1915 году вождь австрийской социал-демократии Карл Реннер в одной из своих статей как-то писал, что в результате войны придет поколение людей с горящими глазами. Когда кончилась война, оказалось, что в Европе рабочий класс не имеет таких людей. Революционная Россия выдвинула героическое поколение людей с горящими глазами. Это поколение—русская большевистская партия—возглавляло небывалую в мире революцию, привело русский пролетариат к невиданной победе, открыло перед мировым пролетариатом величественные горизонты.

Мировая социал-демократия, это—партия людей с потухшими глазами. Огонь борьбы в ней давно погас, способность к действиям во имя будущего, во имя исторических интересов рабочего класса давно в ней исчезла. Социал-демократия не умеет и не хочет стрелять, но если ее непременно заставляют стрелять, так она все пули выпускает в партию революции...

Но рабочая Европа вновь поднимается к борьбе, и из ее среды выходит поколение людей с горящими глазами. В Германии, в центре Европы, летом 1923 года между реакцией и революцией начинается решающая борьба. Социал-демократическая Жиронда, стоящая в центре и прикрывающая собой буржуазию, начинает умирать. Основные вопросы решают революционные массы. Утром 10 августа все буржуазные партии, в том числе и социал-демократия, выражают полное доверие правительству Куно, вечером берлинский пролетариат объявляет всеобщую забастовку, а через день правительство Куно летит в пропасть, и его заменяет правительство большой коалиции: буржуа Штреземан—социал-демократ Гильфердинг—фашист Геслер. Правительство коалиции,—объявляет буржуазия,—это—наш последний резерв. Она права, вопрос решает, вопрос решит борьба революционного пролетариата Германии. Поколение с горящими глазами начинает действовать в Европе. Обманно-лживая демократия трещит по всем швам. К власти приходит класс грядущего—пролетариат.

Демократична ли социал-демократия?

Ныне это совершенно несомненный факт, что социал-демократия, со всей энергией и с невероятным шумом выступающая на защиту демократии, сама на практике перестала быть демократической партией. Как и все партии мелкой буржуазии, в эпоху революции она превратилась в реакционную партию, она совершенно неспособна и не хочет защищать даже республиканскую демократию, хотя считает себя наиболее преданной, наиболее энергичной ее защитницей. Социал-демократия находится в постоянном союзе с реакционно-монархическими партиями буржуазии и дворянства. Социал-демократия не хочет революционного свержения даже монархии. Социал-демократия входит в королевские министерства. Социал-демократия внушает рабочему классу мысль, что его интересы могут быть защищены не только при республике, но и при монархии.

В 1913 году хождение баденских социал-демократов ко двору баденского короля вызвало глубочайшее возмущение в рядах всемирной социал-демократии. Год спустя вспыхнула война, и европейская социал-демократия заключила гражданский мир с буржуазией, что в целом ряде стран означало гражданский мир с монархией, с царями, с королями и императорами. В Бельгии, Англии, Германии, Швеции, Дании социал-демократия за время войны и после нее неоднократно вступала в монархические кабинеты. Болгарская социал-демократия принимала участие

в заговоре против правительства Стамболийского, — в заговоре, главные нити которого находились в царском дворце.

Все это считается ныне явлением нормальным, никто больше такого рода фактами не возмущается. Весной 1923 года лидеры английской рабочей партии—первой партии нового „Социалистического Рабочего Интернационала!" — присутствовали на обеде в королевском дворце. Революционных рабочих Англии это возмутило. Часть наиболее приличных социалистов это хождение в гости к королю привело в смущение. Но лидеры английской рабочей партии остались при том убеждении, что к его величеству королю ходить в гости было необходимо. Вот что по этому поводу заявлял Томас:

> „В данном случае вопрос надо рассматривать с двух точек зрения: с *точки зрения конституции* и с точки зрения личных отношений. С точки зрения конституции *король, несомненно, должен был бы считаться с мнением представителей рабочих так же охотно, как* и с мнением *консервативного министерства*. Поэтому он и приглашает их в качестве официальной оппозиции. Если бы король поступил иначе, те же лица, которые теперь протестуют, обвинили бы его *в неуважении к рабочей партии*. Кроме того, последняя *никогда не высказывалась за республиканский* образ правления.
>
> Что касается личной точки зрения, то *неужели мы должны уклоняться от дружбы со всяким, кто богаче нас или не сходится с нами в политических убеждениях*? Среди директоров железнодорожных компаний многие—самые близкие мои друзья. Должен ли я отшатнуться от них, как от зачумленных? Все это смешно. *Подобная политика может привести только к классовому антагонизму*."

Что можно сказать по поводу этого заявления, в котором тупость и ограниченность „рабочего вождя" перемешаны с цинизмом откровенного лакея буржуазии? Король, не угодно ли, должен был считаться с мнением представителей рабочих так же охотно (так же охотно!), как и с мнением представителей консерваторов. Король в представлении Томаса, вернее, в изображении Томаса, является сверхпартийным, надклассовым, общенародным представителем всей нации. В XX веке стыдно возражать против этой кричащей лжи.

Важнее другое заявление Томаса о том, что рабочая партия „никогда не высказывалась за республиканский образ правления", что она никогда не была последовательной демократической партией, что она всегда являлась привеском королевской демократии. Да, главная партия „социалистического рабочего Интернационала" не хочет борьбы за республику, она боится, как огня, всяких классовых антагонизмов, она за сотрудничество с монархией, за сотрудничество с буржуазией. *За поведение вождей английской*

рабочей партии несет политическую и моральную ответственность мировая социал-демократия, все вожди восстановленного в Гамбурге единого Интернационала от Гендерсона и Вандервелье до Абрамовича и Отто Бауэра.

Английская рабочая партия,—сообщает Томас,—никогда не высказывалась за республику. Другие партии социал-демократического Интернационала уже перестали бороться за республику. Бороться за республику можно только революционным путем, революция делается массами, а когда массы придут в движение, они республикой не удовлетворятся, они неизбежно поведут нападение на основы капитализма, а этого социал-демократия не хочет ни за что. Поэтому она примиряется с монархией, поэтому она предпочитает блок с монархистами блоку с коммунистами, поэтому она пытается уверить рабочий класс, что и при монархии можно жить и защищать свои интересы.

Раньше,—пишет Каутский в своей „Программе пролетарской революции",—раньше „были даже и такие социалисты, которые воображали, что и монархию можно заинтересовать в социализме". Были? Как давно это было, в каком веке? А не было ли это совсем еще недавно? А не происходит ли это и в настоящее время? Когда Вандервельде был министром короля Альберта, когда Гендерсон был министром короля Георга, когда Брантинг был министром короля шведского, когда Макдональд обедал у английского короля, разве все эти люди не убеждали рабочих своей страны, что можно и монархию „заинтересовать в социализме"? Когда Томас заявляет: король с одинаковым вниманием должен прислушиваться к голосу и рабочих, и лордов-консерваторов, то тем самым не говорит ли он о том, что король является таким же другом для рабочего класса, каким он является другом для лордов? „Были даже и такие социалисты!"... Не были, а есть повсюду—и в Англии, и в Бельгии, и в Швеции, и в Италии, и в Болгарии; везде, где сохранились троны, социал-демократия то фактически, то даже формально поддерживает монархический строй, поддерживает реакцию, заключает с ней гражданский мир, мешает рабочим смести все эти остатки средневековья.

Социал-демократия перестала быть честной демократической партией. Социал-демократия знает, что в России борьба за демократию открывает путь монархической реакции. Ведя борьбу против республики Советов в пользу демократии, социал-демократия отдает себе отчет в последствиях этой борьбы. Социал-демократия не скрывает того, что эта борьба, что свержение Советской власти почти наверняка окончится торжеством царистской реакции. Вот, например, платформа московской крайне правой „внепартийной" меньшевистской группы социал-демократов. В своих тезисах эта группа пишет:

„Падение Советской власти, как бы оно ни совершилось, несомненно, вызовет большую об-

щественную реакцию и стремление вернуть Россию к самодержавно-помещичьему строю... При распадении сил крестьянства и при отсутствии сплоченных сил демократии вообще возможен и вполне вероятен период времени господства реставрационных сил под видом военной диктатуры или подновленной монархии" („Заря" № 2 за 1923 г., стр. 60).

Свержение республики Советов будет означать не утверждение демократии, а утверждение царистской реакции. Это вынуждена признать правая социал-демократическая группа. Теперь послушайте представителя официального меньшевизма—Далина. Куда борьба с демократией ведет Россию? В своей книге „После войн и революций" Далин отвечает:

„Я не считаю, конечно, постоянной величиной социализм в России. Он уже начинает сам себя отменять, а дальнейшее развитие пойдет дальше в том же направлении. Я не считаю, несомненно, постоянной и республику. Это—вопрос политической борьбы. Но к неотъемлемым приобретениям русской политической жизни республика еще не принадлежит.

Наконец, и политические „свободы", которыми народ пользовался около одного года, отнюдь не сделались устоем новой России. Мужицкая абсолютная монархия может на долго покончить и с республикой, и со свободами".

Вот перспектива, которую открывает социал-демократическая борьба за демократию! „Постоянной величиною" в России не будет не только социализм, не только республика, но даже политические свободы. „Мужицкая абсолютная монархия может на долго покончить и с республикой, и со свободами". Вот уже заранее известный итог борьбы за демократию! Вот почти несомненный результат свержения республики Советов! Борясь за демократию, меньшевизм даже не смеет обещать сохранение элементарнейших политических свобод для трудящихся. Реакцию он считает неизбежной. Но царистскую реакцию он предпочитает пролетарской республике.

Относительно исхода борьбы за демократию иллюзий не питает и Карл Каутский. В статье, помещенной в нью-йоркской еврейской газете по вопросу об еврействе и демократии, Каутский пишет:

„Когда большевизм падет или ослабеет, на него обрушится огромная волна народного гнева. Но эта волна может, в конце концов, направиться против евреев... Чем больше в глазах массы совпадают евреи и большевики, тем больше и сильнее разовьется антисемитизм".

Таким образом неизбежность реакции в случае ликвидации Советской власти предвидит и Каутский. Но из этой неизбежности он делает тот вывод, что евреи из-за страха перед будущими погромами уже сейчас должны отмежеваться от большевизма. Реакция неизбежна, антисемитизм неизбежен, погромы неизбежны, надо, чтобы в глазах массы не совпадали „евреи и большевики". Страх еврейства перед будущими погромами Карл Каутский пытается уже сейчас направить против большевизма и в пользу демократии.

Но антисемитизмом заражены не массы, погромы будет устраивать не трудящееся большинство,—погромной является сама демократия. Небывалые погромы в России устраивались при деникинской и петлюровской демократиях. Погромной является та монархическая реакция, которая может притти, если под знаменем демократии большевизм будет свергнут. Каутский говорит еврейству: чтобы вас поменьше били, выступайте уже сейчас против большевизма. Мы говорим всем трудящимся, мы говорим и еврейскому народу: если вы не хотите быть побиты самой мрачной реакцией, если вы не хотите возвращения власти капиталистов и помещиков, если вы не хотите бешеной монархической реакции, если вы не хотите полной ликвидации и социализма, и республики, и всех завоеваний трудового народа, то всем фронтом, всеми силами стойте на защите республики Советов, ибо это—единственно прочная, надежная гарантия против всяких реакций—и буржуазно-республиканских, и буржуазно-монархических, и дворянско-монархических. Кто не хочет царизма, тот должен беспощадно бороться против социал-демократии, путь к царизму и реакции прокладывающей!

Россия, идущая впереди.

25 октября (7 ноября) партия большевиков, имея за собою весь рабочий класс и почти всю армию, атаковала правительство „демократии" и низложила его. Властью стали Советы. В первые же дни революции новая власть, одною рукою отбивая бешеный натиск врагов народа, другой проводила гигантскую, небывалую в мире работу по раскрепощению рабочих, солдат, крестьян, женщин, молодежи. Она сокрушала все старые цепи рабства, ломала и уничтожала аппарат господства помещиков и буржуазии, освобождала угнетенные национальности, разрывала насильнические договоры, навязанные царем и Керенским слабым государствам (Персия, Турция, Китай и т. д.), публиковала тайные грабительские соглашения царя и иностранной буржуазии, словом, железною метлою вычищала гниль веков, в огне борьбы сжигая остатки рабского прошлого. За четыре недели новая Советская власть сделала для раскрепощения трудящихся в тысячу раз больше, чем эсеры, меньшевики и кадеты, несмотря на все свои обеща-

ния, за восемь месяцев, чем буржуазия за десятки и сотни лет.

Но этого мало. Декрет о рабочем контроле—первый шаг к рабочему управлению промышленностью. Национализация банков. Национализация ряда отраслей промышленности. Все эти мероприятия были уже переходными от капитализма к социализму. К власти пришла коммунистическая партия, пользовавшаяся доверием всего рабочего класса; этот факт говорил о том, что Россия пробивает себе дорогу к социализму, и капиталистическое рабство обрекается на гибель. В ночь на 25-е октября раздался на весь мир грозный удар, возвещавший о начале конца капитализма...

Свалив господство помещиков и буржуазии, взяв власть в свои руки, рабочий класс России значительно опередил пролетариат всего мира. Экономически слабая, по преимуществу крестьянская, по сравнению с Европой отсталая Россия становилась впереди всех. Она смело выходила на путь к социализму, в то время как в Европе и Америке капиталистические государства еще являлись полными хозяевами положения. Но было ли это случайным, непонятным, неестественным, неожиданным? Не следовало ли России „подождать" Европы, как это советовали эсеры и меньшевики? Не допустили ли большевики ошибки, когда взяли власть в свои руки? Не лучше ли было Советы распустить, как это предлагали накануне Октября меньшевики, и власть сохранить для учредительного собрания? Постараемся ответить на все эти вопросы.

С самаго начала массового революционного движения в России пролетариат играет в нем руководящую роль. Он первый выступает, как массовая сила, против самодержавия. Он ведет с царизмом главные бои. В 1905 году лицом к лицу с шатавшимся правительством царя стоял петербургский Совет рабочих депутатов. Первые уступки из рук самодержавия вырвала всеобщая стачка русских рабочих в октябре 1905 г. Декабрьское восстание в Москве было восстанием, главным образом, рабочих районов, и в центре восстания стояли пролетарии Красной Пресни во главе с большевиками. Победы 1905 г. были победами рабочего класса, поражение нашей первой революции было, главным образом, поражением пролетариата. Реакция 1907—1910 г.г. главной своей тяжестью обрушилась именно на рабочий класс.

С начала 1912 года первый сломал лед реакции и вновь начал борьбу с царизмом все тот же русский рабочий. В феврале 1917 г. при помощи солдат он свалил, наконец, царизм. В октябре он получил то, что ему по праву долгой самоотверженной борьбы принадлежало,—власть.

То, что русский рабочий класс должен сыграть совершенно исключительную роль в наступающих революционных боях, давно предвидели вожди русской и европейской революционной социал-демократии. В 1889 г. на первом конгрессе II Интернационала покойный Г. В. Пле-

ханов сделал знаменитое заявление о том, что русское революционное движение победит как рабочее движение.

Революция 1905 года выдвинула русский пролетариат на передний план. Она имела гигантское влияние на весь мир. С 1871 года—после разгрома Парижской Коммуны—революционное движение русских рабочих и крестьян было первой вспышкой революционного пожара. В „тихой“ и „спокойной“ Европе подуло с Востока жарким ветром. Капиталисты забеспокоились и отвалили царю крупный заем на удушение революции (теперь в числе прочих долгов мировой капитал требует от нас и это золото). Германский император любезно обещал предоставить свои корпуса в распоряжение императора русского, если бы последнему изменили в борьбе с народом его „верные войска“...

Оживилось в 1905—06 году и рабочее движение на Западе. Стали усиленно изучать русский опыт, в особенности опыт всеобщей забастовки и московского восстания. Под влиянием русской революции австрийские рабочие повели борьбу за всеобщее избирательное право и одержали победу. И в других странах рабочий класс встряхнулся и энергичнее стал нажимать на буржуазию...

Революция 1905 года имела гигантское влияние на пробуждение Востока. Толчок, данный Россией, вызвал революционные взрывы в Турции, Персии, Китае...

Борьба русского пролетариата сотрясла шар земной с небывалой дотоле силой. Не удивительно, что русский рабочий привлек к себе всеобщее внимание. Вожди мировой социал-демократии расценивали русское рабочее движение как факт первостепенной важности. Особенно много внимания уделяли русскому вопросу Карл Каутский и Роза Люксембург. В то время Каутский был марксистом-революционером, и он верно оценил все значение русского рабочего движения. В своей книжке: „Американский и русский рабочий“ Каутский писал:

„Существует два государства, диаметрально противоположных друг другу; в одном из них непомерно, т.-е. несоответственно высоте капиталистического способа производства, развит один из элементов последнего, в другом другой: в Америке—класс капиталистов, в России—пролетариат. В Америке с большим, чем где бы то ни было, основанием можно говорить о диктатуре капитала, а борющийся пролетариат нигде не приобрел такого значения, как в России, и это значение должно увеличиться, ибо эта страна лишь недавно стала принимать участие в современной классовой борьбе... Именно русский пролетариат укажет нам наше будущее“...

Каутский объяснял силу русского рабочего движения, слабость и оппортунизм американского. В России силен иностранный капитал и слаба национальная буржуазия. Западная буржуазия полученную в России и в колониях прибыль тратит в Европе: там она подкупает и развращает верхушку рабочего класса, нани-

мает себе интеллигенцию, которая при помощи прессы, литературы, театра,—всех видов науки и искусства, прививает рабочему классу идеи о совершенстве капитализма... Русская буржуазия все это может делать лишь в самых скромных размерах. Рабочий класс России слабо чувствует на себе идейное воздействие буржуазии. С другой стороны, в России господствует революционная атмосфера, в России создана традиция революционной борьбы...

В Америке, в противоположность России, капитал целиком национальный, американский, подавляющее же большинство наемных рабочих—иностранцы: немцы, итальянцы, евреи, русские, поляки, литовцы, латыши, китайцы и т. д. Эти иностранные рабочие, далеко не всегда владеющие английским языком, попадают под власть могущественного капитала и оказываются неспособными к организованной революционной борьбе. К тому же в Америке нет традиций революционной борьбы.

В течение 1905—1907 г.г. Каутский не раз высказывался о русской революции, в оценке которой он резко расходился с меньшевиками и вполне соглашался с большевиками.

Наиболее глубокий анализ и наиболее вдумчивая оценка первой русской революции из иностранцев принадлежит, несомненно, Розе Люксембург. Вот что писала она в 1906 году:

„Русская революция—совершенно новый тип революции. По своему содержанию она заходит гораздо дальше прежних революций... Вместе с русской революцией история вступает в эпоху переходную от капиталистического строя к социалистическому“.

С точки зрения широкого исторического охвата Роза Люксембург, разумется, права: „эпоха переходная“ берет свое начало с того момента, когда пролетариат в огромной стране протянул руку к власти, когда он создал органы своей будущей власти (Советы), когда он применил новый способ массовой борьбы (всеобщая стачка), проверил и удостоверился в пригодности баррикадной борьбы, когда колониальный Восток начал пробуждаться... Наконец начало XX века является периодом расцвета империализма,—последнего этапа капитализма...

„Самая отсталая страна,—продолжает Роза Люксенмбург,—именно потому, что она так непростительно запоздала со своей буржуазной революцией, указывает пути и методы дальнейшей классовой борьбы пролетариату Германии и самых передовых капиталистических стран“.

Почему это „именно потому“, что „непростительно запоздала“— Россия указывает Европе „пути и методы“? Потому, отвечает Роза Люксембург, что

„в смысле историческом русская революция является рефлексом международного, а стало быть, прежде всего германского рабочего движения“. Поэтому необходимо, чтобы „немецкие рабочие привыкли смотреть на русскую революцию как на свое собственное дело, не только в

смысле международной классовой солидарности с русским пролетариатом, но чтобы они видели в ней прежде всего главу своей собственной социальной и политической истории".

Так учила Роза Люксембург немецких рабочих. Русская революция — ваше отражение и ваше продолжение, это—новые вехи на пути мирового рабочего движения. Русские рабочие шагнули дальше вперед, они нашли новые „пути и методы", у них нужно поучиться.

Роза Люксембург мыслила русскую революцию, как успех мирового пролетарского движения. Россия,—говорила она,—вобрала в себя все то, что дала теория и практика европейского рабочего движения, и пошла дальше, обогащая сокровищницу мирового пролетарского духа. Роза Люксембург не ошибалась ни на иоту. Не только в области политической борьбы, но и в области профдвижения Россия начала не с того пункта, на котором остановилась Европа,—не с объединения по профессиям и цехам,—русское профдвижение, когда оно в 1906 году вышло на короткое время из подполья, приняло принцип объединения по производствам и предприятиям. Ныне это в России азбука профдвижения, а в Европе еще нужно приложить большие усилия, чтобы преодолеть цеховщину и построить профсоюзы „по-современному"...

Русская революция—отражение и продолжение европейского рабочего движения. Этот факт вскрывает реакционную тупость тех „социалистических" мудрецов, которые советовали русским рабочим „ждать Европы". Русский пролетариат не мог „осадить назад" и „стать в затылок" немецкому рабочему, который пропустил его вперед. Если бы русский рабочий повернул назад, это было бы предательством интересов мирового пролетариата. К счастью, предательства не произошло: русская пролетарская революция смело пошла вперед и заняла позицию, указанную ей историей.

Мы ограничиваемся изложением взглядов Каутского и Розы Люксембург. Они выражали в данном случае мнение лучшей части европейского социализма. Перейдем к русским марксистам. Как они накануне первой русской революции представляли себе характер ее и роль в ней русского рабочего класса? Дадим слово двум наиболее типичным представителям русской социал-демократии. Один автор в марте 1904 года в зарубежной подпольной газете „Искра" писал следующие вдохновенные строки:

„Не при победных кликах человечества освободимся мы от нашего рабства. Европа... встретит нашу свободу зубовным скрежетом и реакционным воем попытается заглушить приветствия европейского пролетариата... С первых же минут перед нами будет стоять во всеоружии своей материальной мощи мировая буржуазия...

И, чтобы отстоять свое право на активное участие в мировой цивилизации, мы должны быть готовы из глубины своих

„восточных степей“ бросить гордый вызов изменившей своему делу буржуазной Европе, **должны возженный у нас факел революции перебросить назад в Европу**, где революционной искры ждут горы приготовленного самой буржуазией горючего материала...

Через головы официальных представителей Европы пролетарии „восточных степей“ приветствуют своих западных собратьев победным кличем: положитесь на нас, мы исполним свой долг— долг пасынков европейской цивилизации!“...

Кто это предсказал так удачно непримиримую борьбу мирового капитала против русской революции? Кто это бросал „гордый вызов“ реакционной Европе?

Приведенные выше пламенные строки принадлежат... Мартову... Да, да, меньшевику Мартову, два года революции проведшему в Берлине и все силы употреблявшему на то, чтобы русский „факел“, упаси боже, не попал в пороховой погреб Европы, чтобы „пасынки“ из „восточных степей“ не нарушили порядка и правил приличия... Европы.

Да, пасынки „восточных степей“! Как это было давно, и как это гордо звучало! Но когда 13 лет спустя „пасынки цивилизации“ в самом деле поднялись на решающую борьбу, и „Европа“ встретила их „реакционным воем“, Мартов присоединил свой голос... к этому вою! В 1904 году—„гордый клич“ от имени пролетариев „восточных степей“, а в 1919 году тот же Мартов бесчестно издевается над „нашим родным Пошехоньем“, которое вздумало делать мировую революцию!

„Положитесь на нас, мы исполним свой долг!“—это говорил Мартов от имени русской революции. Революция „сдержала слово“, хоть Мартовы и изменили ей. Русские рабочие понесли мировое пролетарское знамя—„вперед и выше!“. „Мощи мировой буржуазии“ противостоит мощь вооруженного всеми средствами обороны и нападения пролетарского государства...

Как представляли русские революционные марксисты роль русского пролетариата? В феврале 1902 года В. И. Ленин в своей книге „Что делать?“ писал:

„История поставила теперь перед нами ближайшую задачу, которая является наиболее революционной из всех ближайших задач пролетариата какой бы то ни было другой страны. Осуществление этой задачи, разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также (можем сказать мы теперь) и азиатской реакции сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата. И мы вправе рассчитывать, что добьемся этого почетного звания, заслуженного уже нашими предшественниками, революционерами 70-х годов, если мы сумеем воодушевить наше в тысячу раз более широкое и глубокое движение такой же беззаветной решимостью и энергией“.

Мы знали, что выполнение нами возложенной на нас историей задачи (разрушение царизма) сделает нас „авангардом международного революционного пролетариата“. Мы рассчитывали, „что добьемся этого почетного звания“. В расчетах мы не ошиблись: возложенную на нас историей задачу выполнили—не только свергли царизм, но и свалили буржуазию. И когда теперь к нам пристают ренегаты социализма и подсмеиваются над усилиями „пошехонцев“, то в ответ мы им напоминаем их собственное прошлое: полагаем, что для ренегатов и отступников это лучший способ наказания.

Российская партия и Интернационал.

Фактическим гегемоном во II Интернационале являлась германская социал-демократия. И в области программно-теоретической, и в области организационной германская социал-демократия была образцом для партий других стран. В частности молодое российское рабочее движение воспитывалось на германском опыте. Бебель, Либкнехт, Каутский среди революционных русских рабочих пользовались не меньшей популярностью, чем среди немецких рабочих. Сочинения немецких марксистов в России находили более широкое распространение, чем даже в самой Германии.

Все это было совершенно естественно, ибо в эпоху II Интернационала (1889—1914 г. г.) германское рабочее движение являлось самым передовым в мире, и германская социал-демократия в общем наиболее правильно формулировала задачи борьбы рабочего класса за социализм. В эту эпоху необходимо было программно-теоретические основы и практически-организационный опыт наиболее передового пролетариата сделать по возможности достоянием всемирного рабочего движения.

Крах германской социал-демократии в результате мировой войны являлся одновременно и крахом II Интернационала. Отныне рабочее движение было подчинено интересам и целям буржуазии, и германская социал-демократия могла служить лишь „образцом“ того, как низко формально все еще революционная партия может пасть. С момента войны мировой революционный центр уже бесспорно переносится в Россию. Партия российского рабочего класса была единственной партией, которая сразу и со всей решительностью вскрыла империалистический характер войны и предательство международной социал-демократии.

Февральская революция означала, что российский рабочий класс практически начинает великую революционную борьбу против войны и империализма. Карл Каутский в статье, посвященной февральской революции, заявлял, что Россия давно стала страной революционной инициативы, что центр революционного движения перенесен именно в эту страну.

Октябрьская революция поднимает российский пролетариат на небывалую дотоле высоту, превращая его в господствующий класс.

В уровень с великой революционной борьбой российского рабочего класса идет в России дальнейшая разработка программно-теоретических вопросов революции. В этой области в течение последних десяти лет европейской социал-демократии не было дано почти решительно ничего нового. Последним вкладом в марксистскую литературу со стороны австро-германских социал-демократов нужно считать „Путь к власти“ Каутского (1909 г.) и „Финансовый капитал“ Гильфердинга (1910 г.). Основные вопросы, выдвинутые мировой империалистической войной и послевоенной эпохой, нашли освещение и марксистское обоснование в работах прежде всего российских коммунистов.

Таким образом российское пролетарское движение ушло значительно вперед от западно-европейского рабочего движения в отношении программно-теоретическом и практически-организационном. Это обстоятельство на Российскую Коммунистическую партию возлагает величайшие обязанности.

В споре накануне Октябрьской революции, имевшем место между русскими коммунистами, Ленин, указав на положение, которое занимала тогда большевистская партия, говорил: большевистская партия—сильнейшая революционная партия в мире. Она ведет за собою миллионы рабочих, солдат и крестьян. Она имеет прочный теоретический фундамент. Она располагает огромным политическим и организационно-практическим опытом. Большевистской партии слишком много дано,—с нее многое и требуется, прежде всего требуется, чтобы она начала решительную борьбу за власть.

После шести лет победоносной революции Российской Коммунистической партии дано еще больше. Она располагает не только поддержкой трудящихся масс, не только наиболее разработанной революционной теорией и величайшим революционным опытом,—она стоит во главе государства, в ее руках находятся экономика и финансы огромной страны, она опирается на одну из сильнейших армий в мире. Следовательно, с такой партии требуется несравненно больше, чем с какой-либо другой революционной партии мира. Прежде всего, в отношении международного пролетариата от нее требуется, чтобы программно-теоретические основы коммунизма, практически-организационный опыт российской революции сделать достоянием всемирного рабочего движения.

Российская Коммунистическая партия—авангард. Этот авангард должен помочь арьергарду подтянуться, соответственным образом построиться и вступить в бой для завоевания новых позиций социализма на мировой арене. Когда в активную борьбу будут втянуты новые международные отряды, когда на-ряду с РКП превратятся в господствующую партию и другие коммунистические партии, тогда

опыт покажет, кто дальше будет являться авангардом мирового рабочего движения.

Но в данной стадии развития международного рабочего движения на российский пролетариат выпадает обязанность всесторонней поддержки европейского рабочего класса. Пролетарское государство тем, между прочим, и отличается от буржуазного государства, что оно не может рассматривать себя, как чужая, часто даже враждебная сторона по отношению к пролетариям других стран. Пролетарское государство должно итти под знаменем международности, ибо освобождение рабочего класса возможно только в международном масштабе,—или это государство только по названию является пролетарским. Национальная ограниченность и социалистический характер государства—несовместимы.

Российское Советское государство—первое в мире социалистическое государство, и оно выполнит свой долг перед международным пролетариатом. Российская Коммунистическая партия, стоящая во главе Коммунистического Интернационала, выполнит свой долг перед рабочим классом мира.

Красная интервенция.

В приветствии, от имени первой конной армии посланном Второму Конгрессу Коминтерна, между прочим, говорилось:

—„Товарищи, наша армия чувствует и сознает себя одним из отрядов великой армии мирового коммунизма. Она борется и побеждает под знаменем всемирной пролетарской революции.

Бойцы конной армии знают, что, защищая Россию и Украину, они тем самым защищают революцию, защищают дело восставших и восстающих народов. Мы знаем, что, разбивая твердыни белопольского фронта, тем самым наносим сокрушительные удары кроваво-грязному империализму....

Мы будем счастливы в день, когда решающий бой мировой буржуазии дадим вместе с пролетариями Запада, когда оперативный приказ наша армия получит из красного Парижа, Берлина и Лондона“.

В этом приветствии было формулировано мнение всей армии. Так думали ее бойцы, командиры, комиссары. В таком духе они высказывались в бесчисленных резолюциях, письмах, газетных корреспонденциях, стихотворениях. Солдат Красной армии знал, что, воюя с белой Польшей, он воюет со всей буржуазией.

Там, где появлялась Красная армия, исчезали помещики и капиталисты. И на „своей“ Украине, и в „чужой“ Галиции это было общим явлением, и это наиболее резко, отчетливо, для всех понятно подчеркивало классовый и международный характер Красной армии.

Когда красные войска подошли к старой русско-австрийской границе, агенты белых попытались сыграть на том, что не следует, мол, „переходить границу“, что это, дескать, „недемократично“. Но солдат советской армии понимал, что нужно „стереть навсегда рубежи, проведенные в Европе царями“, что нужно преследовать армию буржуазии до тех пор, пока она не будет уничтожена, пока борьба с капитализмом не будет окончена победоносно.

* * *

Объединенными усилиями мировой буржуазии мы были отброшены назад,—мы отступили. Но, тем не менее, Красная армия сохранилась в качестве армии мировой пролетарской борьбы. Советский солдат рассматривает себя как воина мировой революции. Он знает, что служит делу не только русских рабочих и крестьян, но делу всех трудящихся и угнетенных всего мира. Никогда, ни в какой армии не была так сильна мировая идея, как сильна она в Красной армии. В казарме, клубе, на собрании красных воинов наиболее теплый прием, наиболее бурные овации обеспечены представителям иностранных революционных партий, делегатам Коминтерна...

Никто в мире не сомневается в том, что в решающую схватку между буржуазией и пролетариатом Красная армия вмешается на стороне последнего. Армия, рожденная революцией, не сможет спокойно взирать на то, как восставшие пролетарии истекают кровью в тягчайшей борьбе.

Мировая буржуазия знает это. Она понимает, что рабочий класс Европы оправится от нанесенного ему капиталом удара, поднимется на борьбу и схватит своего врага за горло. Буржуазия знает, что восставший пролетариат будет опираться, между прочим, и на мощь Красной армии. И она заранее поднимает бешеный вой об „империализме“ советской России, об ее интервенции, захватных планах и т. д. Буржуазия пытается опорочить Красную армию и советскую Россию в глазах рабочего класса. Ей в этом, естественно, помогает социал-демократия.

Меньшевистская партия занялась „разоблачением“ коварных планов советской России,—она против наступательных действий Красной армии!.. Но так как непременной принадлежностью меньшевизма является лицемерие, то и вопрос о взаимоотношении между мировым пролетариатом и Красной армией меньшевики поставили трусливо-лицемерно. Протестуя против „красной интервенции“, гр. Дан в № 2 „Социалистического Вестника“ пишет:

> „Совершенно бесспорна для революционного социализма обязанность не только национального, но и международного пролетариата—всеми доступными ему средствами оборонять пролетарское, социалистическое государство в случае нападения на него какой-либо из капиталистических держав“.

Оборонять пролетарское государство, это—обязанность всего пролетариата. Очень хорошо. На практике мировая социал-демократия всегда мешала обороне единственного пока в мире пролетарского государства. Но не в этом сейчас дело...

Можно ли оборонять пролетариат, который не стал еще государством, но который борется за то, чтобы стать государством, на который набрасываются силы капиталистической реакции?

Затем—что значит конкретно „оборона"? Если пролетариат восстал, если он,—как того требует стратегия борьбы,—ведет бешеное наступление на силы буржуазии, то неужели армия победившей пролетарской страны должна ждать того момента, когда восстание будет приведено в состояние обороны, т.-е. обречено уже на неудачу?..

Дан переходит в наступление на... Бухарина. Оказывается, Бухарин проповедует „теорию милитарного насаждения социализма, теорию своего рода крестовых походов, огнем и мечом распространяющих свет истиной коммунистической веры".

Меньшевик Дан в интересах буржуазии лживо излагает „теорию Бухарина". Никто не задается идиотской целью „огнем и мечом" распространять свет... веры. И „свет", и „вера" распространяются иными путями, и распространяются превосходно,—в этом случае пушки и пулеметы нам не нужны, социализм оружием никто не собирается „насаждать".

Задачи революционной армии сводятся к более простым вещам: свое оружие она должна противопоставить капиталистическому оружию, восставшему пролетариату она обязана оказать военно-техническую помощь... Армия пролетарского государства должна появиться там и тогда, где и когда миллионы пролетариев выйдут на улицу и вступят в бой с буржуазией. Здесь они должны иметь возможность опереться на вспомогательную силу, накопленную в начальный период революции... Российская Красная армия—именно такая сила. Рабочему классу Европы эта сила необходима, ибо даже Мартов в том же „Соц. Вестнике" должен был признать, что—

> „На всякое реальное приближение пролетариата к государственной власти капиталистический класс ответит „по-итальянски", попыткой установить свою диктатуру, хотя бы ценой гражданской войны".

„Реальное приближение пролетариата к государственной власти"—это и есть фактически наступление пролетариата на буржуазию. Поддержать или нет это наступление? Или ждать, когда буржуазия перейдет в контр-наступление и по-фашистки расправится с приближающимся к власти пролетариатом? Ждать—значит изменить. Меньшевик—за измену, за саботаж революции.

Оказать действенную поддержку наступающему пролетариату—это значит исполнить долг перед мировым социализмом. Это значит

в самый короткий срок окончить гражданскую войну и тем съэкономить общественные силы и средства...

Капиталистическое безумие царит над миром. Европа бьется в лихорадке. Рур, Турция, Польша, Италия, Танжер, Сингапур—вот важнейшие очаги международных осложнений. А на-ряду с этим—внутри каждой капиталистической страны кипит классовая борьба...

Сейчас буржуазия празднует еще свою победу. Но пусть вспомнит она, что красноармейская звезда появлялась уже в Венгрии, Баварии, Руре, Средней Германии. Рабочая Европа видела зачатки Красной армии у себя, рабочая Европа знает, что российская Красная армия, это—армия мировой революционной борьбы, это ее армия.

И, мысленным взором глядя на мощные ряды Красной армии, европейский пролетарий гордо может крикнуть в лицо „своей“ буржуазии:

—Я жив! Я борюсь! Я закаляюсь! Мне обеспечена помощь с Востока!.. Проклятая, ты еще станешь предо мной на колени!

* * *

В своей книге „После войн и революций“ новейший теоретик меньшевизма Далин писал:

> „Вся Европа, в том числе и Франция, готова примириться с русской революцией. Поэтому единственным толчком, который вновь бросил бы Европу в войну, могла бы быть только наступательная война со стороны России, в особенности против Польши“.

О, этот несравненный осел, заговоривший языком пророка! Он изрекал, что весною 1922 года Европа признает Советскую Россию. Но весною 1922 года в Генуе Россию пытались поставить на колени, а когда она проявила твердость, в признании отказали. Республику Советов теоретик меньшевизма объявил главной угрозой миру. Но той же весной 1922 года, в той же Генуе советский представитель Чичерин единственный поднял вопрос о разоружении и тем вызвал бешенство прежде всего у представителей „великой французской демократии“.

В начале 1923 года французский империализм ворвался в Рур, фактически возобновил войну с Германией. В мае 1923 года английское правительство повело бешеное дипломатическое наступление на Россию, поставило своей целью срыв англо-русского соглашения и тем создало угрозу почти неизбежной войны. Она была предотвращена необычайной уступчивостью со стороны России.

Войны провоцирует, войны ведет, бремя вооружений увеличивает буржуазия. Франция вооружает против Советской России, против революционной Германии—Польшу, Румынию, Чехословакию. Республика Советов защищает революцию, защищает рабочий класс от натиска буржуазии. Республика Советов рассматривает себя как общее достояние мирового революционного пролетариата.

Тактика меньшевизма.

„Недобитые иллюзии“.

Итак, партия меньшевиков поставила на очередь завоевание политической демократии и ликвидацию большевистской власти. Но, по мнению официального меньшевизма, ликвидация эта должна быть произведена без восстания, без гражданской войны, посредством „организованного давления рабочего класса“. Каким образом „организованное давление“, если только оно не перейдет в восстание, если только оно не будет служить дополнением к восстанию или иноземному нашествию,—каким образом это „организованное давление“ может свергнуть Советскую власть,—меньшевики не объясняют.

Мы-то прекрасно понимаем, почему они останавливаются на полуслове: меньшевики прекрасно учитывают, что поднять рабочих на восстание против Советской власти им не удастся. Но если им удастся посредством своих демагогических лозунгов вызвать их на „организованное давление“, то ясно, что это „организованное давление“ в конце концов, выльется в форму восстания, или же тут на сцену выступят другие социальные слои и по-своему, чисто-военным путем начнут борьбу против большевистской власти.

Однако такая постановка вопроса не удовлетворяет правое крыло меньшевиков. Тот же неоднократно нами упоминаемый Аронсон, отмечая в „Социалистическом Вестнике“ медленный, но верный возврат меньшевистской партии к принципам демократии, подчеркивает, что „тактический поворот совершается нерешительно, с опасной недоговоренностью и уклоном, питая ряд недобитых иллюзий“.

Какие это „недобитые иллюзии“? Одна из главных иллюзий, это—идея соглашения с коммунистами. Коммунисты, по мнению Аронсона, „переродились в оголтелых бонапартистов“. Конечно, ни о каком соглашении с ними не может быть и речи. Вторая иллюзия, это—демократизация Советов. Дело это, говорит Аронсон,—безнадежное, ни о какой демократизации и речи быть не может: Советы должны быть просто напросто ликвидированы. Третья „недобитая иллюзия“, это—план Дана о том, что Всероссийский Съезд Советов может октрои-

ровать демократию. „Химера,—говорит Аронсон,—никакой демократии. Советская власть не октроирует, ее можно только завоевать". Отбросив прочь иллюзии, Аронсон заявляет:

„Мы не можем принять ту ригористическую позицию, которая допускает в отношении советского режима „борьбу всеми средствами организованного массового давления", но отказывает этим массам в праве на восстание и больше всего на свете боится свержения режима, деспотичнее и бессмысленнее которого история не знает".

Аронсон, конечно, против заговоров и авантюр, против вспышкопускательства, он предпочитает мирную бескровную ликвидацию.

„Но,—говорит он,—все это построение окажется пустым и жалким резонерством, если реформирование режима окажется невозможным; если коммунисты, принужденные пойти на нэп, упорно откажутся дать политические реформы; если история откроет для народа, как единственный путь, путь революции, восстания и кровавых жертв; если внутренние противоречия режима, постепенно обостряясь, вызовут уличное движение, и организованное, массовое давление „всеми средствами" выльется в победоносное народное восстание, свергающее ненавистную власть. Что же, с.-д. партия, организующая пролетариат и пролетарский авангард, возглавляющий народные массы в борьбе за демократию, должна уклониться от последовательной революционной тактики? Нет, тут только непоследовательность в мыслях".

Статья Аронсона,—как видите, на редкость ясная и точная статья,—напечатана в „Социалистическом Вестнике" в „дискуссионном порядке", но мы очень хорошо знаем эти „дискуссии". Тут дискутируют люди одной партии, согласные в основном, расходящиеся лишь в частностях. И в самом деле, даже в вопросе о восстании между „левым" Мартовым и правым Аронсоном никакой принципиальной разницы нет. Ведь еще в 1921 г. Мартов заявил, что он за меньшевиками признает право на восстание—при подходящей обстановке. Если бы подходящая обстановка была налицо, он в полном согласии со всеми демократическими, „социалистическими", „марксистскими" принципами дал бы благословение на вооруженную борьбу против Советской власти.

Но Аронсон и его политические друзья вовсе и не нуждались в благословении, ибо за все время революции Мартов писал благочестивые статьи и благочестивые резолюции, а правые элементы меньшевистской партии действовали так, как будто никаких статей и никаких резолюций не было. Они вели свою собственную, откровенно контр-революционную политику, совершенно не стесняясь тем, что у Мартова ведь тоже была политика—„интернационалистическая" и „социалистическая"! Они входили в „Союз возрождения России", поддерживали фактически и формально всех белых гене-

ралов, пытавшихся задушить Советскую республику, и впредь каждый раз, когда они найдут нужным и целесообразным, смогут принять непосредственное участие в вооруженной борьбе с Советской властью. Правые меньшевики никогда не страдали „непоследовательностью в мыслях", они всегда действовали достаточно решительно.

Правые меньшевики требуют последовательности. Их целиком поддерживают те самые либерал-социалисты, против которых, как мы видели выше, так энергично ополчился Мартов. Эти либерал-социалисты—Ст. Иванович, А. Байкалов, А. Исаев и др.—в журнале „Заря" целиком перепечатывают из меньшевистского „Социалистического Вестника" все статьи Аронсона, Кучина и других представителей правого меньшевизма. И это не случайно. Сам Мартов подтвердил, что правые меньшевики думают и рассуждают точно так же, как рассуждает либерал-социалист Ст. Иванович, а этот господин, нападая недавно в своей книжке „Сумерки социал-демократии" на „левых" меньшевиков, писал:

„Есть только один способ борьбы с реакционной опасностью: стать во главе народной революции против советского строя. *Партиям, опасающимся свержения большевизма правыми руками, остается только одно: приложить к этому делу левые руки*".

Борьба „с реакционной опасностью"—это то же самое, что и „борьба с бонапартизмом". Для предотвращения бонапартизма,—говорят „левые" меньшевики,—нужна демократия.

Правильно,—отвечают им Аронсоны и Ст. Ивановичи,—демократия абсолютно необходима. Но ее придется *завоевать с оружием в руках*. Поэтому будьте смелы и последовательны, приложите „левые руки" к делу свержения Советской власти.

Проявят ли Даны и Далины последовательность? Думаем, что нет. Эти профессиональные политические двурушники не захотят перестать быть двурушниками. Они фактически останутся прямыми сообщниками, пособниками, укрывателями, защитниками кровавых врагов Советской власти, они не посмеют даже подумать о том, чтобы разорвать с такими белогвардейцами, как Аронсон, но подискутировать с ними с точки зрения „марксизма",—что ж, это занятие никому вредить не может...

Правые проявляют последовательность мысли и воли и действуют. „Левые" пишут статьи и... бездействуют. В этом тоже *тактика* меньшевизма.

„Право на восстание" и „социальное родство".

Но вернемся к тактике официального меньшевизма. Как же, в конце концов, может быть леквидирована Советская власть? Наиболее простой и ясный способ—вооруженное свержение. Правая и правый центр, во главе с Аксельродом, все время стоят на точке зрения

необходимости вооруженной борьбы с большевизмом. В № 7 „Соц. Вестника“ за 1921 г. Аксельрод писал:

„Допуская, что большевистская власть действительно опирается на часть рабочих и крестьян, что она представляет хотя бы меньшинство, но все же меньшинство того же самого класса, жизненные интересы которого отстаивает и социалистическая оппозиция, я все таки остаюсь при том убеждении, что в борьбе с этой властью мы имеем право прибегать к таким же средствам, какие мы считали целесообразными в борьбе с царским режимом“.

Хотя „в борьбе с царским режимом“ меньшевики далеко не охотно соглашались на вооруженную борьбу, но в данном случае, говоря о „средствах“ борьбы, Аксельрод имеет в виду именно восстание. Дальше он выражается на этот счет совершенно ясно:

„Наше морально-политическое право на борьбу с большевиками всякими, хотя бы и военными средствами, являлось и является для меня предпосылкой, не требующей доказательств и вытекающей из того факта, что „Советская“ власть так же мало, как царская, или даже еще меньше, способна добровольно отказаться от своего деспотического режима, и потому, как и последняя, осуждена на насильственное низвержение“. („Соц. Вестн.“ № 7, 4 мая 1921 г.)

Тут все ясно, разговаривать много не о чем. Аксельрод большевистскую Россию ставит рядом с царистской Россией. Да что там—рядом: к царизму Аксельрод питает меньше злобы, чем к большевизму. Этот факт вскрывает всю реакционную сущность этого вождя и создателя меньшевизма. Царизм—глава дворян, покровитель буржуазии. Большевизм,—даже по признанию Аксельрода,—опирается на рабочих и крестьян, пусть не на большинство, но все же он выдвинут классами, которые веками угнетались, которые впервые как следует поднялись во весь рост, которые хотят итти вперед... Вместе с буржуазией, вместе с царистами, с кем угодно вождь меньшевизма готов поднять восстание против первой в мире рабоче-крестьянской власти.

Здесь перед нами законченный тип реакционного мелкого буржуа, которого нужно придушить, прежде чем он успеет привести в исполнение свой предательский план. И если бы даже Аксельрод был один в меньшевистской партии, то и тогда должна была бы вестись беспощадная борьба против той партии, которая в своей среде терпит таких людей. Но мы знаем, что таких, как Аксельрод, и худших, чем Аксельрод, в меньшевистской партии подавляющее большинство.

Тактика этого меньшевистского большинства предопределяет тактику Советской власти. Не только на удар, но даже на попытку удара она отвечает уничтожающим ударом. Иначе защитить революцию нельзя.

Статья Аксельрода встретила возражения со стороны Мартова. Но какие это были возражения! Мартов прежде всего разъяснял

„недоразумение“: Аксельрод относительно позиции меньшевистской партии ошибается,—точка зрения Аксельрода „и есть точка зрения Р.С.-Д.Р.П.“. В вопросе о праве на восстание разногласий нет:

> „Еще в июне 1918 года... ЦК определенно заявил, что право на восстание против деспотического меньшинства партия признает попрежнему принципиально“.

В принципах полное единодушие. Весь вопрос в том, чтобы найти подходящий момент, когда и большевиков легко можно будет сбросить, и прямой контр-революционной опасности не будет. Если бы,—говорит Мартов,—

> „создалось такое отношение сил, которое обеспечивало бы пролетариату, в случае насильственного низвержения им большевизма, возможность или вероятность отстоять против контр-революционной буржуазии республику и главнейшие действительные социальные завоевания революции, то наша партия могла бы изменить свое отношение к тактике восстания“. („Соц. Вестн.“ № 8, 20 мая 1921 г.)

Одной „вероятности отстоять“ было бы достаточно для „левого“ меньшевизма, чтобы он мог „изменить свое отношение к тактике восстания“. Вы видите, как немного им нужно, чтобы объявить открытую вооруженную борьбу республике Советов. Кто будет судить о „возможности или вероятности отстоять?“ Сама меньшевистская партия. А ее представление о „возможности и вероятности“ зависит от того, как далеко вправо она шагнула, как тесно с буржуазией связалась, насколько силы республики Советов ослабели.

„Нормальный“ меньшевик Советской власти предпочитает всякую другую власть. „Левый“ меньшевик Советской власти предпочитает власть кадетскую, эсеровскую. А кадетско-эсеровскую власть, в особенности после „полевения“ Милюкова, считать властью „контр-революционной буржуазии“, разумеется, нельзя. Значит, партия меньшевиков признает наличность „возможности и вероятности отстоять“ в тот момент, когда ей покажется, что Советскую власть наверняка можно свергнуть и заменить „демократией“. Если болгарские меньшевики участвовали в прямом заговоре против парламентского правительства „союза земледельцев“, то можно ли сомневаться в том, что меньшевистская партия в решающий день бросит клич о восстании против ненавистного ей правительства диктатуры?..

Ведь на протяжении революции не было ни одного более или менее серьезного антисоветского восстания, в котором бы не участвовали меньшевики: на Волге, в Ярославле, в Грузии, Кронштадте,—повсюду меньшевики с оружием в руках воевали против нас. Да, очень хорошо сказал Аксельрод в письме к Мартову в сентябре 1920 года: „наша партия“ ведет против большевизма „не просто оппозицию, а войну“.

После принятия новой платформы партия меньшевиков всесторонне подготовлена к „признанию“ лозунга восстания. „Право“ на призыв к вос-

станию она, как мы видели, сохраняла за собою всегда. Но от практического осуществления этого „права“ она официально воздерживалась, мотивируя это воздержание, между прочим, и социальной природой большевизма, социальной близостью между меньшевистской и большевистской партией.

Аксельрод,—продолжал Мартов далее свое возражение на письмо „маститого вождя“ меньшевизма,—Аксельрод „недооценивает действительного влияния большевиков на широкие массы пролетариата и органическую, не случайную, его связь с значительными слоями рабочего класса“. Аксельрод считает большевистскую партию „кучкой захватчиков“ и узурпаторов и поэтому так легко решает практически вопрос о восстании. Между тем, они—рабочая партия, и мы—рабочая партия. Поэтому,—писал Мартов еще раньше, 18 марта 1921 г. („Соц. Вестник“ № 4),—поэтому вооруженная борьба между этими двумя партиями „неминуемо превратится в братоубийственную войну внутри рабочего класса и, подорвав мощь последнего, может доставить легкую победу господам из „Руля“ и их друзьям справа“.

Итак, имея „право“ на восстание, партии не следует поднимать его, ибо этим она доставит „легкую победу“ правым кадетам и черносотенцам. Мы знаем, „социальное родство“ не мешало партии меньшевиков в октябре 1917 г. опереться на штыки генерала Краснова и сидеть в Комитете Спасения, весною 1918 года выкинуть лозунг „организации стихии“, весною 1921 года стать на сторону термидорианского восстания. „Социальное родство“ не мешало „левому“ меньшевизму терпеть в партии активных союзников Каледина—Колчака—Деникина, сторонников интервенции, участников вооруженной борьбы против власти Советов.

Но если все-таки меньшевики не решались открыто стать на путь восстания, то причиной были... рабочие-меньшевики. Пока пролетарский элемент хотя бы в незначительной степени оставался в партии, „левые“, как раз на этот элемент опиравшиеся, должны были постоянно помнить о действительно существовавшем социальном родстве между меньшевистскими и большевистскими рабочими.

Переход меньшевизма на новую, реставраторскую платформу стал возможен потому, что он „освободился“ от последних рабочих групп. Социальная база меньшевизма во все время революции изменялась. В 1922 году меньшевистская партия выступила уже в качестве мещанско-интеллигентской партии (см. ниже главу „Социальные основы и фракции меньшевизма“). Летом 1922 года эта партия открыто провозгласила уже разрыв „социального родства“ между большевизмом и меньшевизмом. Основной аргумент против восстания падает. Если день борьбы наступит, „сплоченные“ ряды меньшевизма также займут участок на широком антисоветском фронте.

Обратимся теперь к другим тактическим приемам меньшевизма. В числе средств борьбы видное место занимает содействие развалу...

РКП. Спекуляция на расколе в большевистской партии, возможное содействие этому расколу входит в „тактику-план“ партии меньшевиков. „Социал-демократия,—писал Мартов в „Соц. Вестнике“ 1 ноября 1922 г.,—социал-демократия

„свои надежды на... исход из нынешнего положения ставит на оформлении в ныне переживающем идейную смуту большевистском лагере элементов, сохранивших социалистические образ и подобие и потому способных, после отказа от экономической утопии, разорвать и с ее порождением—утопией диктатуры меньшинства“.

План совершенно ясный, „надежды“ весьма заманчивы, тактическая линия, из этого плана вытекающая, тоже не может вызывать сомнений. Поддержать „социалистические“ элементы в РКП, содействовать по возможности их оформлению,—и „надежды“ могут быть оправданы...

Выше мы уже ознакомились с мнением Дана, считающего, что смерть тов. Ленина будет „фактором прогрессивного порядка“, ибо после него коммунисты „пожрут друг друга“. Далин в своей книге весьма подробно останавливается на РКП и приходит к радостному для всей мировой реакции выводу, что большевистская партия обязательно расколется, что из ее рядов выйдет Бонапарт, который ликвидирует основные завоевания рабочего класса.

Наконец, формулируя частичные требования меньшевиков, 19 октября 1922 г. Дан в „Соц. Вестнике“ (№ 20) писал:

„Наша тактика должна поэтому ставить себе задачею постоянное выдвигание требования демократических прав, „частичных“ лозунгов и стремиться на почве отстаивания этих требований сплачивать все разрозненные части пролетариата между собою и пролетариат в целом с крестьянством. На этой почве и мы должны стремиться к соглашению всех социалистов, в том числе и пролетарско-коммунистических элементов, имеющихся еще в недрах большевистской партии“.

Здесь снова расчеты на „пролетарско-коммунистические элементы“, которые, по мнению меньшевиков, обязательно должны найтись в РКП, обязательно должны ряды этой партии расколоть и тем открыть дорогу реакции. Увы!—эти „надежды“ и расчеты не оправдываются так же, как и все другие расчеты меньшевизма.

Итак, „частичные требования“,—они нам знакомы по эпохе 1908—1914 г.г. Тогда фактически „частичные требования“ подменяли собою основные требования о свержении царизма, проведении аграрной революции и завоевании 8-часового рабочего дня. Тогда они были реформистскими по отношению к царизму.

Наоборот, теперь частичные требования не подменяют, а питают собою основное требование о ликвидации республики Советов. Быть реформистами в отношении республики Советов меньшевики не хотят,

ибо они ее ненавидят больше, чем ненавидели царизм... Дан в цитированной выше статье вопрос ставит таким образом:

> „Организация массового рабочего движения на почве выдвигания „частичных“ демократических требований (свобода стачек, союзов, печати, собраний, выборов, неприкосновенность личности и т. д.), объединенных общим стремлением к ликвидации большевистского режима путем замены его демократическою республикою.
>
> Только на практике могут выявиться те конкретные формы, в которые в зависимости от обстановки должна отлиться эта борьба“.

„Общее стремление“ должно одухотворять, объединять „частичные требования“. Свободы нужны для ликвидации Советов. В какие „конкретные формы“ выльется борьба,—предусмотреть невозможно. Надо „сплачивать все разрозненные части пролетариата“, связать его с крестьянством, мобилизовать все силы под знаменем демократии.

На лозунге учредительного собрания Дан не считает целесообразным настаивать. По его мнению, ныне этот лозунг является даже „двусмысленным“. Он ничего бы, например, не имел против, если бы Съезд Советов в результате „соглашения всех социалистических партий“ „октроировал демократически-республиканскую конституцию“. Да, меньшевистский лидер ничего бы не имел против, если бы власть Советов сама себя зарезала...

Единый рабочий фронт.

Выше мы видели, в период 1919—1920 г.г. официальный меньшевизм выдвигал лозунг единого фронта с коммунистами. Летом 1922 года лозунг этот окончательно был отвергнут. Чем объяснялась такая перемена? Точный ответ на этот вопрос дал Абрамович в „Соц. Вестнике“ 21 ноября 1922 года. Он писал:

> „Политическая обстановка того периода, когда вырабатывалась наша тактика соглашения, определялась тем, что это был период „бури и натиска“ крайней революционной партии“.

Революция давала меньшевизму подзатыльники и толкала его вперед. Тот на словах вынужден был признать тактику единого фронта, чтобы уцелеть в огне революции. Вспомните негодование „оппозиции линии ЦК“ за то, что руководители меньшевистской партии были „проникнуты исключительным стремлением не оказаться в неудобном положении на случай победы большевизма в Европе“. Вот страховкой на этот кошмарный „случай“ и являлся лозунг единого фронта, — благо этот лозунг ни к чему меньшевиков не обязывал, и с этим лозунгом они преспокойно вели борьбу за разоружение, за фактическую ликвидацию республики Советов.

Затем положение изменилось, период „бури и натиска“ прошел, „опасность победы большевизма исчезла“ навсегда, как это казалось

меньшевизму. Зачем же при этих условиях нужна была навязанная „политической обстановкой“ тактика? В той же статье (к ней мы еще вернемся ниже) Абрамович заявил:

> „Наступил момент, когда этот пункт надо решительно вытравить из нашей платформы“.

„Наступил момент“, ибо реакция в Европе укрепила свои основные позиции, рабочий класс в беспорядке отступает, предаваемый социал-демократией. Правое крыло меньшевизма одерживает победы по всей линии, а победа правых означает решительный отказ от всяких разговоров об едином фронте н а л е в о.

Правые и правый центр (Аксельрод) все время энергично боролись против тактики единого фронта. Когда официальный меньшевизм сгибал шею под давлением „бури и натиска“, правая мужественно против этой „безумной стихии“ боролась, находясь в едином фронте с буржуазией. А к с е л ь р о д, считавший большевиков за насильников и узурпаторов, заявлял:

> „Я лично убежден, что всякое сближение социалистических партий с большевиками было бы еще большей ошибкой, чем когда-то слияние социалистов с анархистами... Большевизм, этот азиатский анархо-бланкизм,—опаснейший враг“... („Соц. Вестник“, 3 апреля 1922 г.)

Тем не менее на берлинском конгрессе трех Интернационалов меньшевики еще высказывались за единый фронт с коммунистами в Европе и даже соглашались не предъявлять Коминтерну ультимативных требований о „свободе“ для „русских социалистов“, о Грузии и т. д. Это, повидимому, объяснялось прежде всего давлением вождей венского Интернационала, ибо при этом соглашении они, по их мнению, должны были больше всего выиграть, как посредники между двумя крайними флангами. Затем имело некоторое значение и то, что поворот вправо не был оформлен, новая платформа не была провозглашена, и формально старые решения эпохи „бури и натиска“ имели еще силу. Наконец теплилась надежда на буржуазное перерождение РКП,—тогда соглашение было бы легко достижимо...

Однако, берлинский конгресс кончается фактически разрывом. Большевики попрежнему непримиримы, никаких никому принципиальных уступок сделать не собираются. Бессильная и беспомощная Вена оказывается снова одинокой. Она должна выбрать союз либо налево, либо направо,—на собственных ногах стоять не может. Выбор, понятно, падает на II Интернационал. Социал-демократия консолидируется на платформе Носке—Шейдемана. Р у с с к и й м е н ь ш е в и з м ф о р с и р у е т с в о е д в и ж е н и е в п р а в о. 3 июня 1922 года в № 11 (33) „Соц. Вестника“ появляется историческая передовая под заглавием: „В борьбе за единство“. В передовице читаем:

> „Единое против капитала, с о ц и а л и с т и ч е с к и и р е в о л ю ц и о н н о о р и е н т и р о в а н н о е р а б о ч е е д в и ж е н и е Ев-

ропы и Америки вполне возможно без русской большевистской партии с ее мнимыми миллионами рабочих. До тех пор, пока большевизм не сделал из своего нового положения в России вывода о переходе на позиции весьма умеренного—соответственно отсталости страны—социализма, а потому не может вести новую экономическую политику в согласии с русским пролетариатом и должен вести ее против него, усугубляя свой антидемократический характер и усиливая свою зависимость от контр-революционных общественных слоев,—до тех пор русские большевики в едином Интернационале могут быть только чужеродным и разлагающим элементом, и их можно было звать в него лишь в качестве неизбежного придатка к европейским коммунистическим фракциям, представляющим части подлинного рабочего движения, хотя бы в его заблуждениях".

Как видите, сказано все это „по-меньшевистски" и потому требует некоторых пояснений. Мысль о том, что „социалистическое" рабочее движение Запада „вполне возможно без русской большевистской партии", совершенно ясна. Только если мы вспомним коекакие признания Мартовых и Абрамовичей о роли русского большевизма, легко поймем, какое это будет „движение", сколько в нем будет „социализма" и „революционности". Большевизм,—говорил Мартов в 1919 году, это—мировое явление. Большевизм,—напоминал тот же Мартов Аксельроду в мае 1921 года,—„стал одним из важнейших факторов мировой политики". „Большевистская революция,—свидетельствовал в апреле 1923 года Абрамович,—на долгий ряд лет определила собою не только судьбу России, но и развитие всего рабочего движения в Европе". Россия после победы большевизма,—признавался тогда же Абрамович,—стала „самым передовым форпостом" в мире.

Ну, понятно, что такой большевизм, такая Россия меньшевизму, сдающему все позиции капиталу, не нужны; понятно, что без большевистской партии по-меньшевистски „ориентированное" движение вполне „возможно"...

Быстро сбросив со счетов „мнимые миллионы" большевизма, меньшевистский орган переходит к выяснению вопроса о том, почему большевики для единого фронта не годятся, до какого времени они не будут годиться. „Пока большевизм не сделал из своего нового положения в России вывода о переходе на позиции весьма умеренного... социализма"... В чем заключается „новое положение"? В новой экономической политике. Отсюда,—говорит орган меньшевиков,—большевики должны сделать вывод о ликвидации большевизма, ибо что же еще может означать переход „на позиции весьма умеренного социализма?". Но что, с своей стороны, означает „умеренный"... виноват: „весьма умеренный социализм"? Это—„демократия" с обычным полновластием капитала; это—республика

немецкого социал-демократа Эберта или монархия бельгийского социал-демократа Вандервельде; это—полное разрушение „самого передового форпоста“; это—превращение Советской России из авангарда в хвост „социалистически и революционно“, по лучшим меньшевистским образцам, „ориентированного“ рабочего движения Запада; это—торжество реакции во всем мире... Когда большевизм на все это согласится, тогда его „мнимые миллионы“ превратятся в реальные миллионы, тогда он будет достоин „единого фронта“ с мировым меньшевизмом. А пока—„просят погодить“.

Ибо это чорт знает что такое: большевизм „не может вести новую экономическую политику в согласии с русским пролетариатом“, большевизм ведет новую экономическую политику „против“ пролетариата. Как можно было бы получить „согласие русского пролетариата“?. Введением „демократии“, устранением „бесправия буржуев“, переходом „на новые позиции весьма умеренного... социализма“. Но большевизм неумолим, буржуазия, получив „права“ экономические, да и то ограниченные, вовсе остается без прав политических. Пролетариат негодует, а большевизм не обращает на это негодование никакого внимания и... „усиливает свою зависимость от контр-революционных общественных слоев...“. Каких именно „слоев“?. Несомненно, тех, которые, вопреки воле „русского пролетариата“, большевизмом оставляются на положении бесправных илотов... Вот какие поразительные гнусности творятся на российской земле... Понятно после этого, что „русские большевики“, пока они не исправятся, пока они не станут на „новые позиции“ Эбертов, Гендерсонов, Вандервельде, „в едином Интернационале могут быть только чужеродным и разлагающим элементом...“.

Большевики,—читаем дальше в передовице „Соц. Вестника“,—„большевики, как государственная антисоциалистическая организация, сами поставили себя вне единого социалистического фронта“. Но все же это—„государственная организация, рожденная революцией“, и поэтому „имеет право на поддержку международного пролетариата, как его имело бы всякое мелкобуржуазное правительство, борющееся против контр-революционных классов“. Чтобы мысль была совершенно ясной, чтобы большевики не имели оснований слишком уж гордиться поддержкой „международного“ пролетариата, „Соц. Вестник“ снова подчеркивает: большевики могут „сохранить поддержку всемирного пролетариата, как чужого им класса, как это было в свое время с младотурками или китайскими революционерами“.

Итак, большевистская партия ничего общего с пролетариатом не имеет, для него она—„чужой класс“. Недавние утверждения о том, что большевизм опирается на значительные массы трудящихся, были забыты. Весьма решительно правительство Советов было превращено в правительство мелкобуржуазное и поставлено рядом „с младотурками и китайскими революционерами“.

Ниже мы подробнее рассказываем о том, как различные социал-

демократические группы в России реагировали на „передовицу в № 33“ (см. главу: „социальные основы...“). Сейчас отметим только вот что: „левый“ меньшевик Бэр в письме к редакторам „Соц. Вестника“ по поводу передовицы говорит: „Многие считают, что это — резкий поворот, новая страница, перевод на новые позиции“. Это была безусловная правда. Требуя от нас „перехода на новые позиции“, меньшевики сами в это время „переходили на новые позиции“ законченного реставраторства...

Итак, сдавайтесь, откажитесь от большевизма, станьте „умеренными социалистами“,—тогда вы наши. Так ставит вопрос историческая передовица меньшевистского органа.

Если не хотите целиком сдаться, сдавайтесь отдельными частями. На такой „компромисс“ шел великодушно покойный Мартов. В „Соц. Вестнике“ от 20 июля 1922 года он писал:

> „Когда находящаяся сейчас в рядах большевистской партии часть рабочего класса откристаллизуется в отдельную, хотя бы утопическо-коммунистическую, но пролетарски-классовую партию, вопрос об едином пролетарском фронте в России примет тот же вид, что и везде“.

Когда такие группы, как „Рабочая оппозиция“, „Рабочая правда“, „Рабочая группа РКП“, сторонники „Анонимной платформы“ и т. п. „откристаллизуются в отдельную,—хотя бы утопическо-коммунистическую партию“, тогда меньшевизм готов пойти на создание единого фронта. Мартов ставил вопрос очень верно,—с точки зрения буржуазии, конечно. „Утопически-коммунистическая партия“, в роде германской партии „левых“ коммунистов, — кому она страшна? Ее всегда с большим умением и с большой охотой возьмет на буксир любой социал-демократический ловкач типа Вандервельде. Такая „пролетарско-классовая“, т. е. замкнутая, цеховая, сектантская партия может служить невинным, но тем более прекрасным „украшением“ левого крыла оппортунизма. И мы видим, что повсюду „левые“ „чисто-рабочие“ коммунисты, анархисты, „чистые“ синдикалисты фактически служат „левым“ дополнением меньшевизма.

Этого хочет меньшевизм и для России. Коммунистическая партия, если она „утопическая“, „чисто-рабочая“,—иными словами, не способна привлечь на свою сторону, на сторону рабочего класса, все слои трудящихся и, таким образом, не может стать руководящей силой в стране, если у нее нет исторической перспективы и исторического размаха,—такая „коммунистическая“ партия—сущий клад для меньшевизма.

И подобный клад Мартов искал в России. Но не успел найти. Соратники его вряд ли в этом отношении окажутся счастливее. За 20 лет своего героического существования РКП прошла слишком большую школу, чтобы колебания отдельных ее групп не превратились в историческую глупость и преступление...

* * *

Излагая историю единого рабочего фронта в России, Абрамович в „Соц. Вестнике“ (21 ноября 1922 г.) писал:

> „Наконец мы не могли закрывать глаза и на тот факт, что основное ядро господствующей партии состоит из элементов, социально и политически очень близких к нам, т.-е. из рабочих и революционных интеллигентов, прошедших сообща с нами марксистскую школу и связанных с нами общностью политического происхождения“.

Отсюда,—заключает Абрамович,—„вытекала необходимость единого пролетарского фронта...А это в тогдашних условиях (1919—1920 г.г. *И. В.*) означало готовность пойти на соглашение с большевиками“. На это соглашение толкал „период бури и натиска“. Но что случилось потом? Потом „период бури и натиска“ прошел, и меньшевизм сделал „резкий поворот“; казалось, тут и можно поставить точку, вопрос о судьбе единого фронта ясен.

Но меньшевики хотят свой „резкий поворот“ объяснить „порчей“... большевизма. „Нынешняя тактика РКП,—продолжает Абрамович,— получает совершенно определенный характер планомерной подготовки своеобразного бонапартизма“. Бонапартизм этот носит характер „глубоко-буржуазный и антипролетарский“, при чем подготовка его совершается под аккомпанемент „Интернационала“.

Наконец в резолюции бюро ЦК меньшевиков от 21 февраля 1923 г. об „основах новой платформы“ читаем:

> „Классовый базис большевистской власти в данном ее состоянии не совпадает с классовым базисом с.-д. партии, как партия пролетариата“. Поэтому меньшевистская партия „не выставляет лозунга соглашения социалистических партий с большевиками на предмет создания общей власти,—она отвергает так называемую тактику соглашения, которая выражается в лозунге единого фронта“.

Итак, в 1919—1920 г.г, „основное ядро господствующей партии состоит... из рабочих и революционеров“. Но к весне 1923 года оказывается, „классовый базис большевистской власти“ уже не тот: рабочие остаются только с меньшевиками. „Революционные интеллигенты“, прошедшие „марксистскую школу“, очевидно, все „переродились“. Вся большевистская партия в целом „обуржуазилась“. Чистоту пролетарских риз сохранила одна только капиталистическая потаскуха, по всем буржуазным „злачным местам“, по всем политическим „отдельным кабинетам“ шлявшаяся социал-демократия...

Попытаемся взглянуть внимательнее на утверждения Абрамовича: „Нынешняя тактика РКП получает“... (Заметьте: „тактика“ только еще „получает“...) „совершенно определенный характер подготовки (речь идет только о подготовке!..) своеобразного бонапартизма“. „Своеобразного“! Что сие означает? Какой же „образ“ имеет „под-

готовляемый" большевистский „бонапартизм"? Чем он отличается от классического бонапартизма?

Тем,—отвечает Абрамович,—что этот бонапартизм имеет характер „глубоко-буржуазный и антипролетарский". Но тогда в чем именно заключается „глубокая буржуазность" „нынешней тактики РКП"? Сколько бы мы ни вертели, ответ на этот вопрос может быть единственный: „тактика РКП" является „глубоко-буржуазной и антипролетарской" потому, что она на-ряду с экономическими „правами" не дает „политических прав"... буржуазии...

Вот и все. „Единого фронта" с большевиками не может быть до тех пор, пока они не станут партией „демократической", не отменят „бесправия буржуев", не станут на „новые позиции весьма умеренного социализма".

Большевики неприемлемы для меньшевизма, ибо они попрежнему стоят на старых основных позициях революции.

* * *

Отметим кратко тактические этапы русского меньшевизма за период 1917 — 1922 г.г.

До Октября — коалиция с буржуазией. Соглашение налево, „единый демократический фронт" решительно отклоняется.

Первые дни Октября — коалиция в Комитете Спасения продолжается. Все надежды на юнкеров, Керенского, Краснова.

Вторая неделя власти Советов. Надежды на военное подавление большевизма исчезли. Большинство ЦК выдвигает лозунг соглашения всех социалистических партий—„от энесов до большевиков". Меньшинство ЦК против соглашения, за новые попытки вооруженной ликвидации власти Советов. Выдвигая лозунг соглашения, меньшевики надеются на этой почве расколоть партию большевиков, а затем „подавить солдатчину, группирующуюся вокруг Ленина и Троцкого".

От разгона учредительного собрания до Брестского мира. Левая часть партии ведет себя в отношении новой власти внешне лойяльно, правая непримирима и обособляется организационно в особую группу „активистов".

После Бреста. Все течения партии объединяются на платформе непримиримой борьбы за ликвидацию власти Советов. Боевой лозунг партии — „организовать стихию", двинуть ее „против погибающих Советов".

Осень 1918 года — лето 1920 года. Левое большинство возвращается к лозунгу соглашения всех социалистических партий. Платформа „единого фронта" — Советская конституция и фактическое разоружение революции (ликвидация чека, трибуналов и т. д.). Правая повсюду ведет беспощадную борьбу против власти Советов. Внутри Советской России она в подполье объединяется с военно-заговорщи-

ческими организациями, вне Советской России—открыто поддерживает „устои“ белой демократии. Единство партии сохраняется.

1921 год. Основной лозунг—ликвидация диктатуры „одной партии“, „свободные перевыборы Советов“. Главная задача — „пробить брешь“ в системе врага, открыть путь „демократии“. Как результат обострения борьбы с властью Советов, сближение между различными течениями партии.

1922 год. Основной лозунг — „демократия“, „свободы и политические права для всех“. Безусловная ликвидация власти Советов. Против единого фронта с коммунистами: концентрация направо, а не налево. Реставраторская платформа объединяет всю партию. Меньшевизм возвращается к исходной позиции 1917 года.

Социал-демократия вошла в революцию с Милюковым и выходит из нее разбитая, искалеченная, на левый глаз ослепшая,—тоже с Милюковым.

Блок меньшевиков и эсеров.

Сближение между эсерами и меньшевиками началось еще до войны и революции. 1912 — 1914 г.г. характеризуются решительной борьбой между меньшевизмом и большевизмом за гегемонию в начавшем революционную борьбу рабочем классе, и в этой борьбе „левые народники“ идут вместе с меньшевиками-ликвидаторами против большевиков. В профсоюзах, рабочих клубах, страховых учреждениях—повсюду и почти неизменно ликвидаторы и эсеры совместно пытаются „защитить“ рабочее движение от „большевистского поветрия“.

Война дала новый толчок к еще большему сближению между этими двумя мелкобуржуазными по своей программе и тактике партиями. Оборонцы обеих партий почти совершенно сливаются. За границей они группируются вокруг патриотического журнала „Почин“. Редакторами этого журнала являются социал-демократы Плеханов и Алексинский, эсеры Авксентьев и Бунаков.

Во время выборов в военно-промышленные комитеты меньшевики и эсеры точно так же идут вместе против большевиков.

Весь период от Февраля до Октября меньшевики и эсеры находятся в теснейшем блоке. У них одна платформа, одна тактика. Отличить их друг от друга совершенно невозможно, несмотря на то, что меньшевики продолжали считать себя „марксистской“ партией, а эсеры попрежнему „твердо“ держались за народничество. Как же партии, как будто опиравшиеся на совершенно непримиримые принципы и теории, могли так согласованно работать в период революции, когда всякое серьезное теоретическое расхождение неизбежно вызывает самое резкое столкновение, когда обычно споры между различными теориями и принципами решаются штыками и снарядами?

„Чудо“ сотрудничества между „марксистами“ и „народниками“ объясняется очень просто: меньшевики отказались от революционного марксизма, эсеры отбросили революционные элементы народничества, и в результате обе партии благополучно сошлись на

позиции типичного ревизионизма и бернштейнианства, с его „сотрудничеством классов", „защитой отечества" и т. д. Сошлись потому, что обе партии опирались на мелкую буржуазию, мещанство, интеллигенцию...

Искать „новых путей" эсерам и меньшевикам не приходилось. Если меньшевизм в 1903—1905 г.г. хвастался своим „ортодоксальным марксизмом" и вел теоретическую борьбу с бернштейнианством, то в эпоху реакции меньшевистское ликвидаторство открыто взяло под свою защиту западно-европейский ревизионизм, да и само оно представляло собою чистейший ревизионизм на русской почве. Что же касается эсеров, то они всегда афишировали свою близость к западным оппортунистам. В своей „критике" Маркса эсеры находили опору в Бернштейне, Давиде, Фольмаре и других „апостолах" мирового ревизионизма.

Свержение царизма и установление буржуазной демократии было тем идеалом, дальше которого практически не шли ни эсеры, ни меньшевики. Таким образом после Февраля эти партии становятся на путь демократического консерватизма, а поскольку им приходится активно бороться с идущим вперед революционным движением,— то и на путь „демократической" реакции, точнее, реакционной демократии.

Но это была как раз та почва, на которой стояли и стоят все Шейдеманы, Ренодели, Гендерсоны, Вандервельды, Реннеры и Брантинги всего мира. Эсеро-меньшевистский блок считал, что никакого революционного движения вперед от буржуазно-помещичьего правительства быть не может, что историческая задача момента— укрепление власти Львова—Милюкова и „защита отечества". Мировой ревизионизм точно так же считал, что никакого революционного движения вперед быть не должно, что задача рабочего класса подчиняться буржуазии и вести „войну до победного конца" во имя „защиты отечества".

Идеал меньшевиков и эсеров был достигнут еще и в том отношении, что Россия, хотя и путем рискованной революции, но все же, „наконец-то", стала „европейской страной", что у нее появилось такое же правительство, какое имеется во всех „культурных странах", что и „мы", таким образом, „дорвались" до Европы,—до коалиционных кабинетов, до „гражданского мира", до „всенародного единения".

Советская революция безжалостно попирает все сладкие демократические мечты и поэтому в одинаковой мере восстанавливает против себя и эсеров, и меньшевиков. Новое во взаимоотношении между этими партиями заключается в том, что если до Октября идейно-политическая гегемония в блоке фактически принадлежала меньшевикам, как партии более „солидной", более богатой политическими фигурами, мастерами парламентского действия, то после Октября гегемония в блоке фактически переходит к эсерам, как партии более активной в борьбе с большевизмом, имевшей в этот период несравненно более широкий базис под собой, чем меньшевики, располагав-

шей боевыми силами, наконец, имевшей и парламентскую опору (учредительное собрание).

Первые бои с властью Советов, „защита“ учредительного собрания, кампания вокруг Бреста, „беспартийные конференции“ и вышедшие из них „собрания уполномоченных“, волжско-уральский фронт, внутренние заговоры и восстания, — во всех этих предприятиях, во всей этой многообразной борьбе за „демократию“ инициативу берут, впереди идут, наиболее активную роль играют эсеры, а меньшевики добросовестно следуют за ними.

События осени 1918 года—это, прежде всего, поражение партии эсеров, как гегемона блока. Фронт „демократии“ терпит крушение, вопрос о вооруженном свержении власти Советов на короткий период снимается с очереди, партия эсеров отходит на второй план, вперед снова выдвигается партия меньшевиков, как более левая и, следовательно, более приспособленная к бурной революционной обстановке 1919 — 1920 г.г.

Меньшевизм революционному давлению эпохи подвергается несравненно сильнее, чем эсеры. Эти последние „отделываются“ тем, что выделяют из себя небольшую интеллигентскую группу „Народ“ („Меньшинство ПСР“), а партия в целом остается на совершенно непримиримой к власти Советов позиции, отвергает возможность европейской пролетарской революции, происходившие в то время революции (Россия, Германия, Австрия) объявляет „революциями отчаяния“, которые „характеризуются перевесом разрушительной работы над созидательной..., процессов социального распада над процессами социального возрождения“ (сравни Либер: „не социальная революция, а социальный распад“). Задачей эпохи партия эсеров считает „демократическую“, парламентскую борьбу между буржуазией и „трудовой демократией“ Европы за „программу демобилизации“, программу восстановления разрушенного войной хозяйства.

С „полубольшевистской“ платформой официального меньшевизма платформа эсеров, как видите, расходится резко. Но это не мешает меньшевикам выдвигать лозунг единого фронта „всех социалистических партий“, в том числе и эсеров. Настолько серьезно сами меньшевики относились к своей собственной „революционности“! А эсеры, несмотря на формально резкое расхождение между ними и меньшевистскими „почти-большевиками“, как раз в этот период усиленно обсуждают вопрос о полном слиянии партий меньшевиков и эсеров, о создании единой социалистической партии. Но в общем следует признать, что революция несколько нарушила „контакт“ между меньшевиками и эсерами.

Жестокое поражение в борьбе с большевизмом заставило партию эсеров весною и летом 1919 года решительно отказаться от коалиции с имущими классами. Но конец 1920 года и начало 1921 года ознаменовались новым поворотом в сторону коалиции. Началом этого поворота явилось пресловутое „совещание членов учредительного

собрания", состоявшееся в январе 1921 года в Париже, при энергичном содействии французского правительства.

Мартов в письме к своему ЦК, которое в свое время нами было опубликовано в „Правде", раскрыл всю закулисную сторону этого „парламентского" совещания эсеров (Керенского, Чернова, Авксентьева, Бунакова и др.) с кадетами (Милюковым, Винавером, Коноваловым, Родичевым и др.). Мартов сообщил, что совещание было созвано по инициативе французского правительства, ибо „после развала Врангеля французы решили, что надо иметь против большевиков „демократический центр", который мог бы выступить на сцену, когда вновь станет возможна в какой-либо форме интервенция, вероятно, в форме выступления окраинных государств"[1]. Поэтому, — говорит Мартов, — „кадетам дано было понять, что они должны заключить союз с эсерами". В противном случае „державы не дадут ни копейки". Мартов рисовал в ярком свете отвратительное „опереточное", по его словам, поведение во всем этом деле вождя партии эсеров Чернова. „Соц. Вестник" высмеивал „рандеву" эсеров и кадетов... Словом, казалось, отношения между „старыми друзьями" окончательно испорчены. Ведь люди, по указанию французских империалистов, объединились с кадетами; как же после этого „революционно-марксистская" партия меньшевиков могла поддерживать с ними добрые отношения?

Однако партия меньшевиков неудержимо катилась вправо, реставрационные элементы в ней решительно брали перевес, она постепенно приближалась к платформе, которой все время твердо держались эсеры и правые меньшевики. При таких условиях, сколько бы горьких истин ни наговорил Мартов (в закрытом письме!) по поводу союза эсеров с кадетами по директивам французского империализма, все равно, разрывая последние нити с революцией, меньшевизм неизбежно оказывался в одном лагере с эсерами и кадетами.

„Контакт", нарушенный революцией, постепенно восстанавливается. Решающую роль в этом отношении играет процесс эсеров. Партия меньшевиков защищает эсеров решительно, безоговорочно. Она в общеевропейском масштабе проводит бешеную кампанию против большевистских „клеветников и палачей". На суде она пытается выставить своих партийных адвокатов в защиту эсеров, ибо—заявляет „Соц. Вестник"—„суд над эсерами—явный акт предательства интересов пролетариата и революции в пользу капиталистической контрреволюции"...

Платформа эсеров.

Каковы взаимоотношения между партиями меньшевиков и эсеров на шестом году революции? Для правильного ответа на этот вопрос выясним сначала сущность новейшей платформы партии эсеров.

---

[1]) Меньшевистская Грузия являлась частью того „демократического" фронта, который подготовлялся французским империализмом против республики Советов.

Правда, эта партия формально имеет две платформы. Она организационно еще не достигла того единства, которым с осени 1922 года гордится меньшевистская партия. Разберем обе эсеровские платформы и сравним их с платформой партии меньшевиков.

В декабре 1922 года в Берлине состоялось „частное совещание“ эсеров. В этом „частном совещании“ была представлена официальная „заграничная делегация“ партии эсеров в лице Чернова, Сухомлина, Слонима и Сталинского. Эти деятели представляли левую партии. В качестве представителей парижской группы содействия на „частное совещание“ явились Керенский, Бунаков, Авксентьев, Руднев, Минор. Это правая партии эсеров.

Неоднократным постановлением Центрального Комитета и Центрального Бюро партии эсеров вожди правой—Авксентьев, Бунаков, Керенский исключены из партии. На этом исключении настаивала русская часть партии. „Заграничная делегация“ под давлением эсеровской эмиграции сорвала постановление руководящих центров партии; в результате „исключенные“ на „частном совещании“ дискутируют о платформе той партии, в рядах которой они по всем законам уже не состоят. Но такова уж традиционная „широта“ и „терпимость“ партии эсеров...

Основные доклады по общеполитическим вопросам были сделаны Авксентьевым и Черновым. Центральный орган партии эсеров „Революционная Россия“ печатает тезисы этих докладов (№ 24—25, январь-февраль 1923 г.).

Авксентьев исходит из того положения, что „новая экономическая политика... создает некоторое экономическое оживление и в известной мере расширяет возможность материального существования и хозяйственной деятельности населения“. Однако,—предупреждает Авксентьев,—„умозаключать отсюда о возможности постепенной эволюции советского строя невозможно“. В буржуазное перерождение большевиков он не верит: „Отступая в области экономической, правящая группа не может сделать коренных уступок в области политики“. Отсюда вывод—компромиссы невозможны, необходимо „насильственное устранение правящей группы“, ее свержение.

Как видите, разницы между правым крылом партии эсеров и правым крылом партии меньшевиков нет никакой. Авксентьев рассуждает точно так же, как и лидеры меньшевистской правой—Кучин, Аронсон, Либер.

Далее, на место Республики Советов нужно восстановить „демократическую республику“. Этот лозунг объединяет ныне всех меньшевиков, всех эсеров, савинковцев и левое крыло кадетской партии (Милюков—Коновалов).

В области экономической, по мнению Авксентьева, „образование здоровой производительной буржуазии при уничтожении большевизма неизбежно, ибо восстановление разрушенного народного хозяйства будет совершаться преимущественно на

капиталистических началах". В данном случае Авксентьев почти буквально повторяет меньшевиков—Мартова, Далина, Абрамовича. Восстановление „здоровой буржуазии" (в 1918 г. меньшевики говорили: „здорового капитализма") является целью „демократической" политики всех меньшевиков, всех эсеров, левых кадетов...

Завоевание демократии,—говорит Авксентьев, это—„общенациональная задача". Отсюда вывод: „Партия должна вступить во взаимодействие, соглашение и связь с другими социалистическими и несоциалистическими демократическими группами для общих или согласованных действий". Словом, коалиция эсеров, меньшевиков и кадетов для „общих действий" во имя „общенациональной задачи". Раз существует такая задача, совершенно естественно, что в период „действий" „взаимодействие, соглашение и связь" будут восстановлены... Ниже мы особо остановимся на вопросе об отношении меньшевиков к вопросу о „соглашении и связи" с кадетами. Перейдем сейчас к тезисам доклада В. Чернова.

Вождь эсеровской партии начинает с подведения итогов „пережитого опыта революции" и устанавливает „ряд неудач и поражений, постигших в открытой борьбе с большевиками" партию эсеров. Оказывается, „с тыла" эта партия подверглась „нападению реакции", при чем „попытки обезоружить эту реакцию путем уступок и компромиссов приводили только к усилению реакционного натиска".

„Теория" „обезоружения" реакции „путем уступок и компромиссов" называлась еще „обволакиванием" реакции. Она, как известно, окончилась в Омске очень благополучно и даже... весело для реакции. Авксентьев, Аргунов и Зензинов, только что дававшие согласие Колчаку на расстрел... Чернова, Ракитникова и других членов ЦК эсеров[1]), сами едва спаслись—не то от расстрела, не то от... купания в Иртыше,—в ноябре, и без права выхода из воды...

Да, негладко проходило „обезоружение" реакции „путем уступок". Она упорно нападала на партию эсеров „с тыла". Но почему реакция очутилась в тылу у этой партии? Но почему эсеровские мудрецы пытались „обезоружить... путем уступок" реакцию, а не революцию?..

Отчего обрушились на партию эсеров все эти неудачи? Чернов отвечает: „Роковую роль сыграли для партии политические организации и группы коалиционного характера, вроде Союза Возрождения, дававшие использовать силы партии против партии". Кому дававшие? Очевидно, реакции. Она превращала в свое безвольное орудие правое крыло партии, она фактически уничтожила партию, ибо где же партия, если против нее действуют ее же собственные „силы"?

Таков постыднейший, позорнейший итог „пережитого опыта революции". Постыднейший, ибо люди, предававшие партию, продол-

---

[1]) Подробнее об этом смотри книжку К. Буревого, „Распад" (Москва 1923 г.). Буревой—бывший член ЦК ПСР. В книжке он рисует поразительную картину „распада", развала, разложения, вырождения партии эсеров.

жают оставаться в ее рядах и даже поныне выступают с фракционными платформами—в прежнем духе. Авксентьев нисколько не раскаивается в своей прошлой деятельности. Он вряд ли даже извинился перед Черновым за то, что все же, как никак, но ведь благословил колчаковских молодцов на изловление и уничтожение этого—как выразился позже Авксентьев—„рокового для партии косоглазого человека“... (Чернов очень изящный мужчина, но он все-таки действительно косоглазый). Авксентьев не раскаивается ни в чем: в декабре 1922 года, как и четыре и пять лет перед тем, он настаивает на „взаимодействии, соглашении и связи... с несоциалистическими демократическими группами“. Коалиция один раз чуть не стоила ему жизни, но он, очевидно, считает, что партнеры тогда попались нечестные, что впредь придется иметь дело обязательно с „порядочными“ генералами, адмиралами и профессорами...

Увы, Авксентьев должен будет установить „соглашение и связь“ с теми буржуазными элементами, которые будут налицо в качестве „вождей движения“. Большого „выбора“ в таких случаях не бывает,—вернее, никакого выбора не бывает. Генералов, адмиралов и буржуазных профессоров „демократичнее“ Колчака в природе не найти. Колчак был агентом Антанты,—всякий новый антибольшевистский „национальный вождь“ тоже неизбежно будет агентом Антанты. И все будет, как было в Омске, если империализм откроет новый фронт против республики Советов. Все коалиции во всем мире кончались и неизбежно будут кончаться победой крайнего — реакционного или революционного — фланга. И если, несмотря на это, правая партии эсеров, представляющая интересы деревенской буржуазии и городского мещанства, все же идет на коалицию с буржуазией, то это потому, что она неразрывно с ней связана, духовно, политически культурно ей подчинена.

А левая партии эсеров? Какие уроки вынес Чернов из „пережитого опыта революции“?

Партия эсеров,—говорит Чернов,—„революцию ради революции никогда не предпочитала мирным способам действия“. Поэтому, если большевики согласятся „отбросить систему партийного террора и устроить всеобщие свободные перевыборы в советы, партия согласилась бы обратиться к ним, как к высшей инстанции, для разрешения своей тяжбы с большевиками по всем вопросам, не исключая и вопросов о всеобщем избирательном праве и учредительном собрании“.

То, что предлагает Чернов, это, можно сказать, прямая измена „великим принципам демократии“. Как! За Советами признать право „высшей инстанции“, судьбу органов „всенародной воли“ поставить в зависимость от решения Советов! Это полная капитуляция „принципов демократии“, которые ведь оттого и „велики“, „вечны“, что олицетворяют собою „высшую инстанцию“, „верховную волю“ „всего народа“. А теперь Чернов предлагает вопрос о легализации этого „высшего существа“, едва ли не божества, поставить на разре-

шение таких „недемократических“, „несовершенных“ учреждений, как Советы!

Чернов готов поступить с демократией хуже, чем в свое время поступали левые меньшевики и независимцы. Те хоть Советы и демократию ставили рядом, признавали их равноправными, с явным уклоном в пользу демократии, а Чернов заранее подчиняет демократию Советам.

Это неслыханное предательство „принципов демократии“, и Чернов идет на это предательство, ибо, все равно, положение его „демократии“ безнадежно. А, с другой стороны, Чернов уверен, что для большевиков „невозможно... пойти на эту комбинацию“. При таких условиях, думает вождь эсеровской партии, в выигрыше останусь я, ибо согласие признать Советы „высшей инстанцией“ останется ловким тактическим ходом, ибо отказ большевиков от „всеобщих свободных перевыборов в Советы“ я использую в агитационных целях.

Гражданин Виктор Чернов катастрофически ошибается. Большевики данную им постановку вопроса о верховенстве Советов целиком принимают. Вместе с Черновым они считают, что решение вопроса о власти—это компетенция Советов, выдвинутых народной революцией.

Но—и тут, повидимому, начинаются наши разногласия с лидером партии эсеров—но вся беда в том, что предложение Виктора Чернова было принято и проведено в жизнь... пять лет назад. Да, представьте себе, так это именно и было.

7 ноября 1917 года собрался Второй Съезд Советов. Он был созван меньшевистско-эсеровским ЦИК'ом (руководители Гоц—Либер—Дан, по-тогдашнему произношению „Гоцлибердан“). Он избирался при „демократической“ эсеро-кадетско-меньшевистской власти. Партия эсеров на этом Съезде имела большую фракцию. Правда, фракция эта раскололась, большинство ее пошло в общем за большевиками. Но мы тут не при чем.

Словом, налицо бесспорный исторический факт. Второй Съезд Советов был избран не при диктатуре, а при демократии, выборы на него бесспорно были свободными,—в черновском смысле слова. Никто правомочности Съезда не оспаривал (он был открыт Даном). И этот Съезд Советов, взяв власть в свои руки, тем самым предрешил судьбу вопросов о „всеобщем избирательном праве и учредительном собрании“.

12—15 января 1918 года состоялся Третий Съезд Советов, который санкционировал разгон учредительного собрания и принял декларацию прав трудящегося и эксплоатируемого народа. На Сьезде были представлены все партии, в том числе и эсеры. Мартов Съезд неизменно называл „верховным органом демократии“. И этот бесспорно верховный орган революционных народов России подписал смертный приговор парламентской демократии. Партии эсеров и меньшевиков этот приговор признали „не-

законным“ и пытались отменить его таким „недемократическим“ способом, как вооруженные восстания под руководством отечественной и иностранной буржуазии. Ничего не вышло. И теперь, когда у наших врагов оружие совершенно выбито из рук, когда в гигантской стране новый порядок утвердился, врос в жизнь всеми корнями, бесконечное число раз битые и оплеванные „вожди революции“ снова поднимают давно решенный вопрос и предлагают давно уже примененный способ его решения!..

Вопрос о власти история ставит один-два раза в столетие. В России он решался за период 1917—1921 г.г. Республика Советов утверждена. И революционным массам, своими руками власть Советов утвердившим, нет решительно никакой надобности состязаться с Черновыми и Данами в избирательной канители. В 1917 г. мы предлагали эсерам и меньшевикам мирным путем внутри Советов решить вопрос о власти. Они этого не захотели. Коалицию с кадетами предпочли коалиции с большевиками. Тогда в порядок дня была поставлена гражданская война.

О мирном решении вопроса нужно было, граждане, подумать до войны, а после войны вопрос уже решен оружием. Что утверждено кровью миллионов, не может быть изменено избирательным бюллетенем.

Итти через Советы к учред. собранию, т.-е. через Советы—против Советов, это, вероятно, очень неплохо для партий, лишившихся зубов, но сохранивших язык,—однако, с какой стати, по какой такой нужде победоносная коммунистическая партия будет участвовать в этом веселем занятии? Перед ней—новые великие исторические задачи,—она обязана реализовать победу революции, пустяками она не имеет права и не будет заниматься, поднимать снова „борьбою взвешенный спор“ в расчеты рабочего класса не входит.

Это знает и Чернов. Лозунг о „свободных перевыборах“ он выдвигает по соображениям тактическим, вернее, демагогическим. Но раскусывать демагогию банкротов в республике Советов давно уже научились.

Как же в таком случае может быть разрешен в угодном для эсеров смысле вопрос о власти? И Чернов возвращается к „священному праву на революцию“. Ликвидация большевизма неизбежна. Формы ликвидации предусмотреть нельзя. Возможно, что она будет облегчена попытками „дворцового переворота“ со стороны „союза красной военщины с нэпманами или междоусобиями среди самих большевиков, или попытками правых большевиков спасти отживающий режим уступками демократической общественности“,—что бы ни случилось, партия эсеров „должна готовиться к тому, чтобы в момент нового политического потрясения оказаться во всех смыслах боеспособной“.

Характерно, что в тезисах Чернова ни слова не говорится о „возглавлении“ эсерами нового „всенародного“ движения. Во всех прежних тезисах на всем протяжении революции эсерам своя

партия мыслилась, как центральная руководящая сила в борьбе с большевизмом. Ныне вопрос ставится только о необходимости быть „боеспособной". Это отсутствие указания на главенство эсеров вовсе не случайно, а вытекает из соотношения сил в антисоветском лагере. Влияние эсеровской левой (группа Чернова) в стане белых равно нулю. В самой эсеровской партии черновцы вынуждены отступать перед правыми, которые не только не исключены из партии, но, наоборот, держат в руках ряд важнейших партийных позиций. Эсеровская „левая" так же, как и меньшевистская „левая", фактически капитулирует перед правой. Наиболее ярко это видно на вопросе о коалиции.

Выше мы видели,—Чернов все прежние неудачи и поражения партии объяснял коалиционной политикой, которую навязывали партии „вопреки ясным решениям IV съезда". Что же говорит сам Чернов по этому вопросу? В практической части своих тезисов он, подчеркивая настоятельную необходимость „единства партии" на основе устранения „партийной организационной расхлябанности", пишет:

> „Допустимы... согласования действий с передовыми элементами несоциалистической демократии, если они к этому времени будут реальной организованной и действующей в России силой". И дальше: „Вопрос о коалиционном или однородном составе власти никогда не может быть вопросом принципа, но всегда—вопросом соотношения сил" („Рев. Россия" №№ 24—25, стр. 25).

Таким образом в основном вопросе о власти Чернов и Авксентьев единодушны, Авксентьев союз с буржуазией считает необходимым („партия должна вступать во взаимодействие..."), Чернов говорит о „допустимости" этого союза. Разумеется, союз „допустим" тогда, когда в нем появится надобность, когда он станет необходимым. Разумеется далее, что союз имеет смысл заключать с буржуазией тогда, когда она является „организованной и действующей силой". Наконец, коалиция всегда—„вопрос соотношения сил". И это бесспорно.

Соглашаясь на коалицию, партия эсеров капитулирует перед собственной правой, перед буржуазией. Что это именно капитуляция, доказывает тот факт, что со времени своего IV съезда партия эсеров неизменно и безоговорочно выступала против коалиции с буржуазией. В резолюции IV съезда (декабрь 1917 г.) читаем:

> „Современная русская революция отнюдь не является, как то раньше утверждали русские марксисты, буржуазной революцией и потому не может быть проведена в согласии и совместными усилиями России народной и России цензовой". Опыт коалиционного правительства—читаем далее в резолюции—„отслужил свою службу, как только показал всему народу, что цензовые элементы не могут примириться с разрешением в пользу трудового

народа тех широких социальных задач, которые выдвинуты нашей революцией".

Почему на шестом году революции стала возможной коалиция? Разве „цензовые элементы" готовы примириться с небуржуазной революцией? Разве они согласны на разрешение „широких социальных задач" „в пользу трудового народа"? Конечно, нет! Буржуазия не изменилась. Некоторые ее фракции (напр., группа Милюкова) делают „ловкие" тактические ходы, чтобы тем легче осуществить исторические задачи буржуазии. Но она не примирилась и не может примириться с „широкими социальными задачами" революции.

Вернемся к истории вопроса о коалиции. В апреле 1919 года пленум Центрального Комитета партии эсеров заявил:

„Все повторные попытки коалиции только ослабляли позицию трудовой демократии, колебля ее морально-политический авторитет в массах и давая против нее оружие в руки анархо-большевистской демагогии. Гибельный для демократии исход всех этих попыток, повсюду облегчавших дело установления классовой диктатуры буржуазии, заставляет партию еще раз торжественно заявить, что никакие ужасы большевистской охлократии не могут оправдать союза с контрреволюцией".

Чернов, конечно, скажет, что он „союза с контр-революцией" не заключает. Наоборот, он говорит о „праве на революцию". Но о революции, о революционности партии эсеров говорит и колчаковец Авксентьев. О неизменной верности „завоеваниям революции" говорят Милюков, Коновалов, Савинков.

Поворот в сторону коалиционности у эсеров начался тогда, когда начался поворот вправо и у меньшевиков. Оба эти поворота означали начало высвобождения мелкобуржуазного блока из-под „гнета" революции.

Первая более или менее стыдливая попытка возобновления коалиции, это—совещание членов учред. собрания, о котором мы уже говорили выше. Но эта попытка была сделана слишком рано: „общественное мнение" мелкой буржуазии не было еще к ней подготовлено. Поэтому парижское совещание вызвало в русской части эсеровской партии большое неудовольствие. Отражая это неудовольствие, в конце января 1921 года ЦК эсеров в письме к заграничной делегации, руководимой Черновым, писал:

„Съезд членов учредительного собрания в Париже, на котором работают, выносят декларации, договариваются, подписывают решения члены партии соц.-революционеров совместно с ответственными представителями российской реакционной буржуазии, являясь учреждением не государственным, а частноправовым, вольно или невольно, сознательно или случайно, способен воскресить изжитую и уже давно сданную в

архив идею коалиции; по крайней мере, до сознания народных масс этот съезд дойдет не иначе, как в форме новой попытки соц.-революционеров коалировать с имущими классами".

Вряд ли Чернов станет спорить против того, что более „передового элемента несоциалистической демократии", чем фракция Милюкова, в природе не существует. С этой фракцией Керенский, Чернов, Авксентьев „договаривались, подписывали решения"... А ЦК эсеров Милюковых и Коноваловых объявлял „представителями российской реакционной буржуазии". У кого хватит бесстыдства и глупости заявить, что с тех пор русская буржуазия полевела? Бесспорно, те „передовые элементы", союз с которыми Чернов считает „допустимым", неизбежно будут являться „представителями российской реакционной буржуазии".

Далее ЦК эсеров протестовал в своем письме против возобновления коалиции, настаивал на ликвидации созданной съездом (совещанием) исполнительной комиссии и предлагал заграничной делегации—

> „подвергнуть рассмотрению, оценке и соответствующей квалификации политическую деятельность следующих лиц: С. Иванова, Ю. Делевского, В. С. Гоц, Н. Д. Авксентьева, И. И. Бунакова, тем более, что ЦК в силу постановлений IX совета партии считает указанных лиц выбывшими из состава партии".

Если Центральный Комитет партии этих руководителей правого крыла эсеровской партии считал „выбывшими из состава партии", то к чему было „подвергать рассмотрению" их „политическую деятельность"? Разве исключение не разрывало всякую связь между партией и „указанными лицами"? Но дело в том, что сам ЦК на „выбытие из состава партии" бывших сотрудников Колчака и героев коалиции смотрел несерьезно, он оставлял всякие лазейки, воспользовавшись которыми „указанные лица" не только остались в партии, но фактически подчинили ее себе.

В августе 1921 г. состоялся X совет партии эсеров. Совет заявил, что в „порядке дня" стоит вопрос о „революционном низвержении" власти советов. По вопросу о коалиции совет заявил:

> „Как в первый подготовительный период, так и в дальнейшей борьбе партия должна строго отмежевываться от всех элементов справа, отказаться от какой-либо, хотя бы временной, хотя бы тактической коалиции с буржуазией" („Рев. Россия" № 11, август 1921 г.).

Сопоставьте это категорическое, безапелляционное, абсолютно-отрицательное отношение верховного органа партии к коалиции с тезисами Чернова о „допустимости" коалиции с „передовыми элементами" буржуазии, и степень движения эсеровской партии вправо будет наглядна. Одновременно с меньшевиками эта партия возвращается к дооктябрьским открыто-коалиционным

позициям. Все годы революции коалиция между эсерами и буржуазией существовала фактически. Ныне она в тезисах Чернова легализуется. Связь с буржуазией уже не считается больше зазорной.

В 1921 году ЦК партии эсеров объявлял стоящими вне партии вождей правого крыла. Тогда же X совет в тезисах по экономической политике говорил:

„Рассматривая русскую революцию как революцию народно-трудовую, в которой трудовым массам предстоит проложить новые пути в социальном развитии страны, партия резко отмежевывается от тех умеренных социал-реформаторских течений, которые, мысля после революции период в социальном развитии России, как период утверждения буржуазного правопорядка, программу социалистической партии готовы свести к борьбе за мелкие реформы, несколько смягчающие отрицательные формы буржуазного строя.

Таким образом партия эсеров „резко отмежевывалась" не только от буржуазии, но даже от „умеренных социал-реформаторских течений", т.-е. от собственного правого фланга—от Авксентьева, Бунакова, Аргунова, Руднева, Делевского.

Это „отмежевание" имело тот недостаток, что оно именно „резким", именно решительным и не было, а имело просто декларативный характер и потому кончилось не изгнанием из партии социал-реформаторов, а закреплением всей партии на позиции социал-реформаторства. Кто из эсеров станет ныне возражать против „утверждения буржуазного правопорядка" в России? Старая словесность отброшена, старая сущность во всей наготе обнаружена. Революционно - социалистическая фразеология более необходимой принадлежностью эсеровщины не является. Вместе с „передовыми элементами" буржуазии она стремится к ликвидации республики Советов во имя утверждения полного господства капитализма.

Единая социалистическая партия.

Почему так подробно остановились мы на партии эсеров? Потому, что это—партия социал-демократического Интернационала, что она ничем существенным от современного меньшевизма не отличается, что она готовится к слиянию с социал-демократией.

На Гамбургском „социалистическом" конгрессе эсеры участвовали на-ряду с меньшевиками. Позиция этих партий на конгрессе в общем была одинакова. Но между ними возник спор по вопросу о представительстве в Исполкоме Интернационала России, так как меньшевикам и эсерам вместе дали одно место в Исполкоме. Меньшевики выдвинули своего кандидата Абрамовича, эсеры своего—Сухомлина. Эсеры доказывали, что они сильнее меньшевиков, меньшевики выступали с противоположными утверждениями. Конгресс постановил с

решающим голосом в Исполком ввести Абрамовича, с совещательным— Сухомлина.

На этом дело не кончилось. Полемика перешла в печать. Эсеры из газеты „Дни“ наговорили несколько неприятных слов меньшевикам. В ответ на эсеровские колкости „Соц. Вестник“ опубликовал выписку из протоколов заседаний Гамбургского конгресса. Выписка эта гласит:

> „Доклад Адлера о решении Исп. Комитета по вопросу о представительстве России в бюро Интернационала. Представитель от России был выбран так же единогласно, как и другие. Но, по предложению Де-Брукера, это избрание должно считаться временным—до тех пор, пока русской делегации не удастся при содействии Исполкома создать действительно единое представительство. До тех пор в заседаниях бюро должно быть предоставлено право участвовать с совещательным голосом одному социалисту-революционеру“.

„Действительно единое представительство“—это значит объединение эсеров и меньшевиков в одну партию. Меньшевистский Интернационал будет этому объединению „содействовать“. Эсеры, как было указано выше, неоднократно поднимали вопрос о слиянии с меньшевиками. С своей стороны, меньшевики ничего серьезного против этого объединения возразить не могли. Но пока в меньшевизме сохранялся левый фланг, считавший себя „марксистским“, это объединение с „народниками“ встречало серьезные психологические препятствия. Ныне, когда меньшевистская левая ликвидирована, когда вся партия стала на путь самого тупого ревизионизма, когда борьба с революционно-пролетарскими „утопиями“ стоит у меньшевиков в центре внимания, создание в России „единой социалистической партии“ является, повидимому, делом ближайшего будущего.

Но когда два родственных акционерных общества начинают понимать необходимость слияния в одно общество, борьба между ними перед слиянием обостряется—по вопросу о распределении акций в едином обществе, по вопросу о доле влияния каждой из групп. Подобное обострение отношений перед слиянием имеет место летом 1923 г. между меньшевиками и эсерами.

„Революцинная Россия“,—центральный орган партии эсеров (№№ 28—29, август 1923 г.), заявила, что эсеры „считают себя и с.-д.-меньшевиков против врагов трудовой демократии, как справа, так и слева, естественными союзниками“. „Соц. Вестник“ (№ 14, 16 авг.) на это любезное предложение братства и дружбы устами Дана ответил, что меньшевики „предпочли бы, чтобы редакция „Рев. России“ в настоящих условиях не выдвигала вопроса об естественном союзе“. Почему? „Соц. Вестник“ вопрос этот оставляет невыясненным и „гласно же, с полною обстоятельностью и откровенностью“ отвечает эсеровскому органу относительно „естественного союза“.

Но тут прежде всего перед нами встает один недоуменный вопрос. Как так? После ряда лет дружной, согласованной работы нужно

еще говорить об „естественном союзе“? Разве этот союз фактически давно не существует? Разве меньшевики и эсеры не члены одного Интернационала? Разве постановления этого Интернационала не обязательны для обеих партий? Ведь это же нелепо говорить об „естественном союзе“ двух национальных партий, членов одной международной партии!

И если, тем не менее, эсеры говорят об этом „союзе“, а меньшевики „предпочли бы“ этого вопроса не затрогивать, то ясно: речь идет не о союзе, не о том, что уже давно есть и в национальном, и в международном масштабе,—речь идет фактически о слиянии этих двух партий, о том, чего нет еще и что должно быть. Вот меньшевики именно вопроса об „единой социалистической партии“ „в настоящих условиях“ „предпочли бы“ не поднимать.

Но он фактически поднят вопросом о представительстве в Исполком Интернационала, он поднят постановлением Гамбургского конгресса, он поднят центральным органом партии эсеров, и меньшевикам поневоле приходится отвечать „с полною обстоятельностью и откровенностью“.

Статья Дана по вопросу об „естественном союзе“ озаглавлена весьма громко: „Необходима ясность“! Дан говорит о „необходимых предварительных условиях всякого союза“. Речь, по его словам, идет о „некой систематической координации действий“. Но для этого обязательны „полная отчетливость и недвусмысленность основных политических линий“. Забыв только что сделанное заявление о том, что меньшевики „предпочли бы“ о союзе не говорить, Дан восклицает: „Союз—это превосходно, но чтобы он не напоминал современной Антанты, чтобы в его пределах „союзники“ шли по одному пути к одной цели“.

Итак, „отчетливость и недвусмысленность“ в основных вопросах, согласованность в целях и путях. Но разве этой общности взглядов по основным вопросам нет между эсерами и меньшевиками? Разве между ними существует какая-либо принципиальная разница? Если да, то каким образом, снова спрашиваем мы, эсеры и меньшевики могут быть членами одного интернационала? Каким образом Гамбургский конгресс мог поставить вопрос о едином представительстве от России?

Мы утверждаем, что именно по основным вопросам эсеры и меньшевики едины. Обе эти партии—за немедленную ликвидацию Советской власти, за восстановление демократии, за утверждение капиталистического господства. Как меньшевики, так и эсеры кричат о „бонапартизме“ большевизма, связывают большие надежды с расколом и разложением РКП.

В конце концов сам Дан в цитируемой нами статье вынужден признать, что „основные тактические линии обеих партий стали если не тождественными, то более или менее однородными“. Совершенно верно, меньшевики и эсеры достигли общности и

„однородности“ в основных вопросах, разница между ними в деталях. В самом деле, Дан требует ясности по основным вопросам, а все внимание сосредоточивает на второстепенных вопросах, действительно же основные вопросы замазывает и запутывает.

Дан препирается с „Рев. Россией“ в лице Чернова по двум вопросам: 1) об юридическом признании России, 2) о правом крыле парти эсеров. Ясно, что ни тот, ни другой вопрос основными не являются. К числу основных, несомненно, принадлежит вопрос о коалиции. Взгляд партии эсеров в лице ее обоих флангов на этот счет ясен: партия „признала“ коалицию. Этим определяется вся тактика и политика этой партии. Отсюда вытекает отношение к другому, уже не основному, но все же весьма важному вопросу о вооруженном восстании. Казалось, именно на этом вопросе должны были сосредоточить все внимание люди, добивающиеся „отчетливости и недвусмысленности основных политических линий“.

Однако, послушайте, что пишет Дан по вопросу об отношении эсеров к коалиции:

> „Положение изменилось, когда высшие инстанции партии с.-р. заявили о коренной перемене ее тактики—об отказе от коалиции с буржуазными партиями, от политики вооруженного свержения большевистского правительства и повстанческого авантюризма“. (Курсив Дана.)

Так писал Дан в „Соц. Вестнике от 16 августа 1923 года. Но ровно за 9 месяцев перед тем в эсеровской партии, как мы видели „положение изменилось“, как раз в обратном направлении: после пятилетнего формального отрицания коалиции Чернов вернулся на позиции открытого коалиционизма.

Дан этого не может не знать. Позиция партии эсеров по одному из основных вопросов революции Дану известна вне всякого сомнения. И, тем не менее, он бессовестно лжет, рассказывает о „коренной перемене“ эсеровской тактики—отказе от коалиционизма, когда налицо бесспорнейший поворот в сторону коалиционизма.

Дан говорит об „отказе от коалиции“ в момент, когда партия эсеров объединяется фактически на платформе коалиции.

Далее—вопрос о вооруженном восстании. Дан уверяет, будто эсеры отказались от этого способа борьбы с большевизмом. Он пишет:

> „Сколько нам известно, группа Чернова и до сих пор стоит на платформе, ясно формулированной партийными центрами с.-р., если не ошибаемся, в 1921 году. И, стало быть, с этой точки зрения никаких препятствий к естественному союзу с нею с нашей стороны не могло бы быть“.

Что было „ясно формулировано партийными центрами“ эсеров в 1921 году? Во время Кронштадта „центрами“ были „формулированы“ лозунги войны против республики Советов. Виктор Чернов в своей ревельской газете „Народное Дело“, и в журнале „Революцион-

ная Россия" говорил тогда: отныне наша партия всем фронтом должна обернуться против большевизма и ликвидировать его. Реакция уничтожена,—„третья сила" демократии осталась одна лицом к лицу с большевиками,—борьбу нужно довести до конца... В августе 1921 г. X совет партии вот что „формулировал" по вопросу о восстании:

„Вопрос о революционном низвержении диктатуры коммунистической партии со всей силой жизненной необходимости становится в порядок дня, становится вопросом всего существования российской трудовой демократии".

Вот после такого рода „формулировок" у Дана хватает смелости вести разговорчики о давно будто бы наступившей „коренной перемене" тактики эсеров! В 1921 году, ставя в „порядок дня" „революционное низвержение", эсеры одновременно решительно высказались против коалиции. В 1923 г., сохраняя за собой „право на революцию", эсеры возобновляют идею коалиции. Ставить сегодня в „порядок дня" восстание против власти Советов могут только глупейшие авантюристы,—не в таком положении Советская страна, чтобы можно было рассчитывать на победу в борьбе с ней. Но если завтра-послезавтра положение изменится, эсеры будут вести вооруженную борьбу в прямой коалиции с Милюковым и Савинковым. Гегемонами в этой борьбе уже бесспорно и с самого начала будут Милюковы.

Таким образом если в тактике эсеров какая-либо серьезная перемена и произошла, то, во всяком случае, в сторону худшую: эсеры придвинулись к реакции еще ближе, чем были. Это факт несомненный. И когда после всего этого Дан заявляет, что со стороны меньшевиков „естественному союзу" с эсерами „не могло бы быть" „никаких препятствий", то мы должны заметить, что это заявление нас ни в какой мере не удивляет. Дело в том, что эсеры „группы Чернова" поправели в общем в той же мере, в какой поправели меньшевики группы Мартова—Дана. Расстояние между ними осталось прежнее, т.-е. расстояние пустяковое. „Естественный союз" при таких условиях сохраняется совершенно „естественно". Опасность этому „союзу" грозила бы в том случае, если бы эсеры „отстали" от меньшевиков в движении назад.

Этого нет, и следовательно работа международных свах на предмет создания „единой социалистической партии" в России должна привести к благополучным результатам.

Итак, в основных вопросах—полное единомыслие („основные тактические линии стали... однородными"). Тем не менее Дан поднимает шум, требуя „полной отчетливости и недвусмысленности основных политических линий". Но когда вождь меньшевизма начинает излагать конкретно свои „требования", выясняется, что об „основных политических линиях" спорить нечего, и Дан все дело сводит к двум несущественным вопросам тактическо-организационного характера.

Первый вопрос, который, оказывается, мешает „естественному

союзу“ находящихся в одной международной партии меньшевиков и эсеров, это—вопрос об юридическом признании Советской России. Меньшевики—большие сторонники признания республики Советов, той республики, которую они готовы утопить в ложке воды. Эсеры „группы Чернова“, представьте, в „принципе“ тоже за признание Советского правительства, вернее, они не возражают против этого признания. Но бороться за признание, требовать юридического признания Советской республики они не хотят. Что же касается правого крыла партии эсеров (Авксентьев — Керенский — Бунаков), то оно всеми мерами борется против признания.

Почему Чернов и его друзья так „сдержанны“ в вопросе о признании,—ясно. Они не потеряли еще надежды опереться на помощь иноземных войск в борьбе с республикой Советов. Ну, а в самой партии меньшевиков разве мало таких элементов, которые высказываются против признания Советского правительства и очень большие надежды возлагают на интервенцию? Разве осенью 1922 г. воссоединившаяся с официальной партией „внутри-партийная правая группировка“ не стоит на черновской, а нередко и авксентьевской позиции в вопросе о признании?

Ведь если Дан считает себя в праве приставать к Чернову с требованием „полной отчетливости и недвусмысленности“, то и Чернов, с своей стороны, мог бы подобное же требование предъявить к Дану с неменьшим основанием.

Мы уж не говорим о том, что „борьба“ меньшевиков за признание Советского правительства (в год одна и три четверти резолюции) перевешивается, поглощается, уничтожается той бешеной борьбою, которую они ведут за границей против республики Советов. Известно давно,— все, что говорят воинствующие империалисты против большевизма, взято ими на прокат у меньшевиков. Партия, которая искренно стремится к признанию Советской власти, не может вести такой травли, какую ведут меньшевики. Для них лозунг признания просто выигрышный в политической агитации лозунг. На самом деле они добиваются не признания, а немедленной ликвидации Советского правительства. Это доказал на Гамбургском конгрессе социал-демократического Интернационала Абрамович, который в острый период англо-советского конфликта (май 1923 г.) выступил против Советской России настолько гнусно, что восстановил против себя даже европейских меньшевиков. Резолюция Абрамовича была сокращена на $^4/_5$, оставшуюся часть режиссерам конгресса пришлось смягчить, чтобы не получилась прямая работа на Керзона, добивавшегося разрыва англо-советского договора.

И после этого Дан учиняет эсерам допрос по вопросу о признании! Поистине Чернов может заявить в ответ: „Чья бы корова мычала, дановская бы молчала“.

Еще хуже обстоит дело с вопросом о правом крыле. Лицемерие меньшевиков в данном случае достигает исключительных размеров. У меньшевиков—заявляет Дан—должна иметься „уверенность, что

союзник... не будет нас тащить в трясину уфимских директорий, симферопольских земско-городских совещаний, парижских комитетов учред. собрания" и т. д. Между тем, такой уверенности у меньшевиков быть не может, ибо „несмотря на все постановления Ц. К. партии с.-р. об „исключении", г.г. Авксентьевы, Аргуновы, Бунаковы, Рудневы и пр. и пр. продолжают состоять полноправными членами партии с.-р". (Курсив Дана.) Дан знает, что перечисленные лица (почему только „забыт" Керенский?) являлись участниками интервенции, боролись против признания Советского правительства и, что самое главное, твердо стоят на своей прежней позиции, упорно держатся своей старой политики, активно ее проводят в жизнь. Но—спрашивает Дан—разве в одной партии возможны две политики: одна—черновская, другая—авксентьевская? Вот тут он и настаивает со всей энергией на „полной отчетливости и недвусмысленности".

Случайно ли то, что Авксентьевы и Бунаковы, несмотря на неоднократные „исключения", остались „полноправными членами партии эсеров"? Нет, не случайно, ибо программа и тактика партии эсеров в своей основе едина. Дан говорит неправду, будто в эсеровской партии имеются „две политики". Нет, мы здесь фактически имеем одну политику—с оттенками, нюансами, с отклонениями в разные стороны, но в основе одну политику.

Случайно ли то, что Либеры, Потресовы, Кучины, Аронсоны, все колчаковские и деникинские социал-демократы, несмотря на неоднократные „исключения", остались „полноправными членами партии"... меньшевиков? В самом деле, гражданин Дан, случайно ли это? Вопрос о Либере и Кучине столь же, уверяем вас, интересен, как и вопрос об Авксентьеве и Бунакове... Нет, не случайно то, что Либеры остались „полноправными членами" в рядах меньшевизма, ибо, в конце концов, и у меньшевистской партии, несмотря на обилие течений, в основном имеется одна политика, а не две, не три политики...

Дан, изволите ли видеть, хочет иметь уверенность, что его не будут тащить в „трясину" коалиционности. За Чернова он, видимо, спокоен. На каком основании? Разве в декабре 1922 года Чернов не признал „допустимой" коалицию с „передовыми элементами" буржуазии? Какое же расстояние после признания „допустимости" коалиции отделяет эсеровского вождя от „трясины"? Нам кажется, что Чернов принципиально уже влез по уши в „трясину", а практические его друзья по партии („левые" Сухомлины и „правые" Аргуновы) налаживают, почти уже наладили блок с кадетами. („Республиканско-демократические клубы", дружеский „обмен мнений" в печати между эсерами и кадетами.) Так откуда у Дана может быть „уверенность", что „группа Чернова" стоит далеко от „трясины"?..

Дальше. Боясь повторения таких сюрпризов, как уфимские переговоры и симферопольское земско-городское совещание, Дан поднимает шум против Авксентьевых и Рудневых. Но в Симферо-

поле на-ряду с эсером Рудневым главенствовали меньшевики Либер и Балабанов. Руднев не „исправился“, не раскаялся, но и Либер с Балабановым не „исправились“, не раскаялись. Руднев снова неизбежно втянет, кого только сможет, в коалиционную „трясину“, ибо иной политики он делать не в состоянии. Но и Либер в такой же мере „ушиблен“ коалицией.

И мы спрашиваем: если нужно изгнать из эсеровской партии Авксентьевых и Рудневых, то почему на том же самом основании не следует изгонять из меньшевистской партии Либеров, Потресовых, Кучиных? Или эсеровская правая хуже меньшевистской правой? Говоря по совести, обе они в одинаковой мере „хуже“, ни одна не имеет каких-либо существенных преимуществ против другой. Так на каком же основании Дан сохранит свою правую, а Чернов должен ее лишиться?

Но Авксентьев и Руднев поддерживали интервенцию, боролись и борются против признания Советского правительства. А Либер? А Потресов? А целый ряд виднейших деятелей меньшевистской партии, разве в этом отношении хоть на одну капельку отличаются от Авксентьева—Руднева? Где найдет Дан такие весы, которые бы измерили политическую разницу между Либером и Авксентьевым?

Что же остается в итоге? Дан провозгласил: „необходима ясность“! Но вся его статья—сплошная попытка запутать все дело. Дан именно „ясности“ не хочет, ему просто нужен шум по поводу „ясности“. Он не такую партию представляет, чтобы мог ставить серьезные требования эсерам, чтобы серьезно добиваться ясности. Чернов по чистой совести может спросить Дана.

— Друг, что с вами? Давно ли вы так строги стали? Давно ли вы так чисты стали? А нельзя ли поговорить теперь о ваших Либерах и Кучиных?

Будучи единодушны в основных вопросах, меньшевики и эсеры поднимают шум и возню вокруг второстепенных вопросов. Меньшевики пытаются изобразить на своем лице гневную непримиримость, и получается удивительно... весело. Простакам предоставляется поражаться „марксистской“ непримиримости партии Дана. А в это время давно существующий „естественный союз“ постепенно, при содействии вождей „единого“ „социалистического“ Интернационала, будет консолидироваться в „единую социалистическую партию“.

Такова тенденция развития партий меньшевиков и эсеров на шестом году революции, в период относительной военно-политической прочности европейского капитализма. Но вот вторая волна мирового рабочего движения явно нарастает, и кто знает, что эта волна сделает с партиями российской мелкой буржуазии?

Кадеты и меньшевики.

Отношение меньшевиков к партии кадетов, разумеется, определяется их отношением к вопросу о характере русской революции и роли буржуазии в этой революции. Раз в России происходит всего

только обычная буржуазная революция, ясно, что гегемоном в этой революции должна быть главная партия буржуазии, которую партия пролетариата обязана поддерживать в ее борьбе с правительством царизма. Правда, русский либерализм с самого начала выступал в качестве антиреволюционной силы, правда, он все время мечтал о сделке с царизмом за счет трудящихся масс, но это обстоятельство меньшевиков не особенно смущало. Они постоянно прикрашивали либерализм, выдавали ему „свидетельство революционности“. Но если,—говорили меньшевики,—буржуазия все же недостаточно революционна, то это еще ничего не означает: она должна быть революционной, она обязательно станет революционной, если левые не будут ее своей „бестактностью“, резкостью, излишней левизной „запугивать“, если социал-демократия своей непримиримостью не отбросит либерализм в лагерь реакции.

Революционное движение 1903—1904 г. г. выталкивает буржуазию и либеральное земское дворянство на путь оппозиционности. Начинается известная „банкетная кампания“, основной смысл которой сводится к требованию „конституции“— раздела власти между „прогрессивным обществом“ и царизмом. Меньшевики немедленно проникаются безграничным доверием к либерализму и предлагают рабочему классу уступить первому место либеральным банкетчикам, самому же ограничиться поддержкой и „давлением“ на либеральных политиков.

Пролетариат проходит мимо меньшевистских советчиков и в 1905 году в порядок дня ставит революционное свержение царизма — вопреки воплям либерализма по поводу „беспорядков“ и анархии. На общественной арене со всей силой сталкиваются царизм и рабочий класс. Либерализм бессильно мечется между революцией и реакцией и, когда победа последней обозначается, немедленно бросается к ней в объятия.

1906—1907 г. г. Революционное движение отброшено назад. На сцену выступает либерализм, получивший „доверие страны“ на выборах в первую и во вторую гос. думы. Меньшевизм в этот период находится уже в плену у кадетского либерализма. В период первой думы он поддерживает лозунг кадетского министерства,— „полновластной думы“, вместо революционного правительства, вместо учред. собрания. Во вторую думу он идет в блоке с кадетами. В избирательной кампании в Петрограде меньшевистский Центральный Комитет в лице Дана, за спиною Петербургского Комитета партии, за спиною всей большевистской фракции ведет тайные переговоры с кадетами на предмет заключения избирательного блока. Блок этот, в конце концов, заключается против левого блока, во главе которого идет большевистский Петербургский Комитет. На петербургской партийной конференции меньшевики остаются в меньшинстве, тогда они покидают конференцию и тем раскалывают организацию— в интересах блока с кадетами.

Почему так настойчиво стремились меньшевики к блоку с каде-

тами? Почему они „оппозиционный блок“ предпочитали „левому блоку“? Потому, что успешного окончания освободительной борьбы они ожидали только в том случае, если во главе этой борьбы станет либерализм. „Оппозиционный блок“ означает гегемонию кадетов в движении, „левый блок“ означает гегемонию партии пролетариата в революции. „Оппозиционный блок“ означает, что за буржуазией идут, ее руководство признают пролетариат и крестьянство. Это и значит— „настоящая“ буржуазная революция. „Левый блок“ означает, что за пролетариатом идет крестьянство, буржуазия руководящей роли не играет, когда она становится поперек дороги революции, то ей также достается необходимое количество ударов. Но это для меньшевизма совершенно неприемлемо, какая же это буржуазная революция, в которой буржуазию даже могут поколотить?

Наступает эпоха реакции. Меньшевизм переходит в ликвидаторство. Революционные „увлечения“ с насмешками и издевательствами отброшены прочь. Ликвидаторство всеми силами пытается сделать рабочее движение настолько „благонамеренным“, чтобы оно оказалось терпимым для царского правительства. Всякое движение вперед России отныне ставится в прямую зависимость от движения буржуазии. Революции не будет, на очереди только реформы, но и эти реформы будут даны по мере политического оживления буржуазии. Такой „диагноз“ ставит меньшевизм в эпоху 1908—1914 г. г. В 1889 г. Плеханов говорил: „Русское освободительное движение может победить только как р а б о ч е е движение“... В эпоху реакции меньшевизм эту формулу произносит с „поправочкой“: „Русское освободительное движение может победить только как б у р ж у а з н о е движение“...

Эпоха войны. Партия меньшевиков в своем большинстве находится в фактическом блоке с буржуазией во имя „защиты отечества“. Гегемония в этом блоке целиком принадлежит буржуазии.

Неспособность царизма успешно вести войну вынуждает имущие классы начать резкую „оппозиционную“ борьбу с правительством. Меньшевики все свои надежды сосредоточивают на эту либеральную борьбу с царизмом. Они против революции, за поддержку „прогрессивных элементов общества“. Раз либералы выступили, пролетариат должен им очистить путь. Так рассуждали меньшевики в 1904 году, так советовали они рабочим в 1915—1916 г. г.

Но как в 1905 г., так и в 1917 году рабочий класс пошел путем революции против царизма, вопреки либерализму пролетариат, поддержанный армией, победил.

Власть, полученную из рук революции, меньшевизм отдает либерализму. Когда оказывается, что одни либералы не в состоянии противостоять напору идущей вперед революции, меньшевики (и эсеры) заключают формальный блок (коалицию) с кадетами, либеральными князьями и промышленниками. Октябрьская революция разрывает коалицию. С оружием в руках (армия Краснова, юнкера, „Комитеты спасения“) меньшевизм борется за восстановление коалиции.

Революция утверждается. Коалиция теряет смысл. Нужно сначала завоевать демократию, а затем уже устанавливать блок всех „демократических“ сил. Но пока волны революции поднимаются все выше, и меньшевизму нужно к этому неприятному факту приспособиться. Не коалиция, а „равнение налево“ может спасти меньшевизм от полного краха...

Однако правое крыло партии коалицию осуществляет в „Союзе возрождения“, в разного рода общественных организациях (думах, земствах, комитетах) за советским рубежом. Официальный меньшевизм за эту политику своего правого крыла ответственности нести не хочет, сам же в коалиционных грехах не замешан...

Период 1919 — 1920 г. г. является периодом тяжелой разлуки между меньшевизмом и либерализмом. Вина за эту разлуку целиком падает на революцию.

* * *

Новой платформе, повороту меньшевизма направо партия кадетов, понятно, обрадовалась, но признала этот поворот недостаточным. Милюков в своей газете „Последние новости“ (26 октября 1922 г.) выражал свое неудовольствие по поводу того, что Мартов, стремясь к демократии, не соглашался выдвинуть лозунг свержения большевизма. В рассуждениях меньшевиков он обнаруживал „внутренние противоречия“. Противоречия эти, по мнению Милюкова, сводились к тому, что меньшевики, клянясь в верности демократии, одновременно заявляли, что они остаются партией революционной в отношении к капитализму. Вот что по этому поводу писал вождь левого либерализма:

> „Меньшевики заявляют, что они „стремятся к замене большевистского режима режимом демократической республики“. Демократическая республика, по необходимости, есть республика не социалистическая, а буржуазная. Иначе к ней не было бы применимо понятие „демократии“. Меньшевики и во время Февральской революции открыто признавали, что Россия не созрела для немедленного социализма, и отказались итти к социализму путем насилия и декретов, считая, что, по строгому смыслу доктрины научного социализма, для введения социалистического строя недостаточно одной „воли пролетариата“, а тем менее воли его „сознательного авангарда“, а необходимо наступление известной стадии развития производственного процесса.

Изложив очень неплохо „доктрину“ меньшевизма, Милюков заключает: если вы, господа меньшевики, принимаете демократию, то извольте принять и буржуазию. Иначе у вас откроются „внутренние противоречия“. Иначе вы попрежнему остаетесь „родными братьями большевиков“.

Кто хочет демократию, должен хотеть и буржуазию. Меньшевики ведь сами „признавали, что Россия не созрела для немедленного социализма". Поворот к демократии от прежнего полубольшевизма—очень важный шаг, и Милюков готов всячески этот поворот приветствовать. Но в таком случае, как понять этот дикий вздор, эти разговоры меньшевиков „о непримиримости к капитализму"? Милюков этого не может понять никак.

Меньшевикам, по мнению Милюкова, согласно всей их программы, следовало бы принять участие „в создании самой подготовительной стадии демократическо-буржуазной республики, т.-е. эвентуально участие во власти". Тогда „внутренние противоречия" в меньшевизме были бы устранены. Но, к великому сожалению для Милюкова, этого еще нет:

> „Тактика борьбы русского социализма со старым самодержавием не приготовила социализм к участию во власти, не сделала его „министериабельным". Поэтому-то тактика участия в коалиционных кабинетах времени февральской революции застала врасплох и умеренный социализм, и массы, которые шли за ним. Социалисты в правительстве растерялись и не сумели выполнять нормальных функций власти, без которых не может быть правительства, а для массы даже и самый факт появления социалистов в буржуазных кабинетах был изменой".

Меньшевики недостаточно тесно были связаны с кадетами в эпоху царизма. Поэтому они к участию во власти не были достаточно подготовлены. В коалиционном правительстве они „растерялись и не сумели выполнить нормальных функций власти". В чем это выразилось? Разумеется, в том, что недостаточно энергично поддержали Милюкова в его внешней и внутренней политике, позволили революции выбросить его из состава правительства, и, что самое главное, не сумели подавить революционное движение, не сумели уничтожить большевизм. Это и значит на языке Милюкова „растерянность", неумение „выполнить нормальные функции власти".

Отсюда—все несчастия. Меньшевики (и эсеры) своей неумелостью расчистили дорогу большевизму, позволили ему ликвидировать демократию. Теперь меньшевизм обнаруживает готовность начать борьбу за демократию, но „внутренние противоречия" снова могут погубить все дело. Отказываясь от вооруженной борьбы с большевизмом, меньшевики уже заранее проявляют прежнюю губительную слабость. Между тем—говорит Милюков—

> „Очевидно, что, если социалисты вообще хотят участвовать во власти в буржуазной республике, им надо научиться быть властью, а массам надо понять, что власть необходима".

Но если меньшевики в самом деле хотят демократии и „хотят участвовать во власти в буржуазной республике", то нужно бросить

всякие разговоры о непримиримости к капитализму, нужно признать тактику вооруженного свержения большевизма, нужно „немедленно, теперь же принять самые энергичные меры для объединения всех демократических элементов“.

Таким образом Милюков, учитывая поворот меньшевизма вправо, захотел немедленно прибрать их к рукам, предложив им немедленное заключение блока. Меньшевики оказались достаточно сообразительными для того, чтобы не броситься открыто в объятия Милюкову. Предложение о брачном союзе было сделано слишком рано.

Всероссийское совещание партии меньшевиков (октябрь 1922 г.) вызвало у кадетского лидера смешанное чувство удовлетворения и досады. Он констатировал, что „внутренний процесс“ и у эсеров, и у меньшевиков „ведет с неизбежностью в одном и том же направлении—к выставлению демократической республики, как очередного лозунга борьбы против большевистской диктатуры“. Это, по мнению Милюкова, очень хорошо. Но его смущает сильно то обстоятельство, что „невыясненным остается при этом вопрос о возможности сговора с несоциалистическими элементами, выставившими тот же лозунг“.

Все мы идем к одной цели — к демократии, хотите ли вы, господа эсеры и меньшевики, вместе с нами боротьея за нее? Милюков снова выдвигает идею „единого демократического блока“. Эсеры к этому времени были у него уже в кармане,—теперь он „соблазнял“ меньшевиков. Процитировав резолюцию совещания меньшевиков о состоянии классовых сил России, Милюков замечает: „Диагноз положения, несомненно, правилен. Несколько сложнее вопрос о построенной на этом диагнозе тактике“. Выше мы видели, насколько „диагноз положения“, поставленный меньшевистским совещанием, правилен. Но кадетский лидер верил этому диагнозу и на основании его считал, что дни большевизма сочтены. При этих условиях вопрос о „тактике“, об едином фронте против большевизма принимал решающий характер.

„Диагноз положения“ правилен. Единый демократический фронт возможен и необходим:

> „Лозунг политической свободы, очевидно, считается более очередным и легче осуществимым, чем специфически-пролетарские лозунги, именно потому, что допускает борьбу общим фронтом с другими противниками большевистской диктатуры“.

Казалось, ничто не стоит на пути к спасительному единому демократическому фронту. К общей цели нужно итти сомкнутыми радями. Однако резолюция всероссийского совещания говорит о „буржуазно-коалиционных иллюзиях“, и кадетский публицист с досадой бросает перо. „Истинное облегчение“ чувствует он, когда переходит к эсерам, которые оказываются значительно более сговорчивыми...

Милюков поторопился. Нельзя было всякий „диагноз положения“ принимать на веру. Здание большевизма от „диагнозов“ мень-

шевистского подполья не дало ни одной трещины; время, когда эсерам, кадетам, меньшевикам, всему „единому демократическому фронту“ можно было „вместе бить“—это время уже прошло, примерно, весною 1921 года и еще не пришло. Коалиция имеет смысл только во время действия. А конец 1922 года и весь 1923 год—это вовсе не период активных действий против большевизма. Вот в Грузии, где происходила активная борьба с большевизмом, коалиция между грузинскими меньшевиками, кадетами, эсерами была заключена. А в России—какой был смысл Дану входить в блок с Милюковым? О, Дан очень хорошо знает, когда нужно и можно меньшевикам заключать блок с кадетами. На этот счет опыт у него блестящий...

Таким образом единство „диагноза“, единство целей и лозунгов не перешло у кадетов и меньшевиков в единство практического действия. Но политически они едины,—„путями разными“ идут к „великой“ демократии—„по необходимости... не социалистической, а буржуазной“...

Однако, если официальный меньшевизм не согласен пока на установление организационного контакта и говорит Милюкову: „погодите“, то „внепартийное“ крыло социал-демократии, представленное группой „Зари“, установило тесное сотрудничество с партией кадетов. Руководители этой группы—Ст. Иванович, С. Загорский, А. Байкалов—являются постоянными сотрудниками милюковских органов печати, одновременно принимая живейшее участие в изданиях правых эсеров. Возвращаясь к вопросу о „русском умеренном социализме“, Милюков в „Последн. Нов“. от 27 дек. 1922 г. высказал горячее пожелание, чтобы этот „умеренный социализм“ возможно скорее „разорвал былые утопии и установил практическое отношение к вопросам современности“. Вождь кадетской партии с удовлетворением отметил, что правые эсеры в этом отношении подают большие надежды.

Далее Милюков отмечает „еще одну общественную группу, которая следует велениям жизни и с самого начала своей деятельности стала на позицию, делающую возможной ее участие в республиканско-демократическом объединении“. Милюков имеет в виду „группу социал-демократов, примыкающих к берлинскому журналу „Заря“. Разбирая платформу „заристов“, кадетский вождь и „общедемократический“ объединитель целиком ее одобряет. Взгляды Ст. Ивановича, Загорского, Байкалова о демократии, о свержении большевизма, о денационализации, о частной собственности, о новом „послушном“, буржуазно-мыслящем рабочем классе Милюков всячески приветствует. Он жалеет только о том, что некоторые меньшевистские группы могут „запоздать окончательно с своей эмансипацией от прежних утопий“.

Таким образом этот фланг социал-демократии теснейшим образом связан с „общедемократическим“ фронтом Милюкова—Авксентьева. Но группа „Зари“ находится в теснейшей организационной связи с той внутрипартийной правой группировкой, от лица которых Ку-

чин и Аронсон так беспощадно на страницах „Соц. Вестника“ изобличали официальный меньшевизм в прежних грехах. Группа „Зари“, группа Кучина—Аронсона, официальный меньшевизм программно едины, и все они вместе в принципиальных вопросах вполне сходятся с Милюковым—Авксентьевым.

Социал-демократия во всех своих оттенках вполне „подготовлена“ для равноправного участия в едином „республиканско-демократическом“ блоке. После победы правого меньшевизма, после ликвидации „утопических“ наслоений революционного периода, после объединения меньшевизма (октябрь 1922 года) под знаменем откровенной капиталистической реакции Дан—Милюков—Абрамович—Авксентьев—Коновалов вполне „достойны“ друг друга, как они были „достойны“ друг друга в 1917 г., в эпоху „контактных комиссий“ и коалиции, в эпоху „гоцлибердана“.

Социальная основа и фракции меньшевизма.

„Поток мещанства“.

Весна 1921 года является последним периодом, когда к голосу меньшевистской партии прислушивалась известная часть пролетариата. С тех пор пропасть между рабочим классом и меньшевизмом непрерывно углубляется и становится непроходимой. Уходят последние группы хоть сколько-нибудь революционно мыслящих рабочих. Меньшевизм как рабочая партия умирает. На какую же социальную базу опирается то идейно-политическое направление, которое сохранило старое имя меньшевистской партии?

Летом 1921 года из состава Центрального Комитета партии меньшевиков выходит А. Ерманский—виднейший деятель левого крыла этой партии. Мотивы выхода он излагает в письме, адресованном Центр. Комитету. Ерманский заявляет, что у него „уже давно существуют расхождения с ЦК в сфере его организационной политики“. По мнению Ерманского, существование меньшевистской партии имело смысл лишь как „оформление торжества над внутренне разъедавшим ее оппортунизмом, как преодоление этого мертвящего партию элемента“. Этого не случилось. За последние год-полтора,—говорит Ерманский—„стало постепенно складываться обратное отношение: все больше оказывалось, что тут мертвый хватает живого. Оппортунизм все больше тянет нас на дно“. Ерманский не объясняет, чем неоппортунистическая партия меньшевиков, если она хотела быть партией революции, могла отличаться от коммунистической партии. Его идеал, повидимому, не шел дальше „порядочной“, „почти революционной“ партии типа группы Ледебурга в Германии. Но важно не то, чего хотел Ерманский, а важно то, чем меньшевистская партия оказалась. В закрытом письме к Центральному Комитету Ерманский дает меньшевистской партии следующую характеристику:

> „Количественно и качественно (по социальному составу) наша партия потерпела большой урон. Благодаря нашей чрезмерной терпимости к оппортунистическому элементу, в образовавшуюся в партийном организме брешь хлынул поток мещанства. На общих собраниях

в Москве я (да и не я один) все чаще ощущал невыносимую атмосферу, где я себя чувствовал в среде слишком разнородной, отчасти совершенно чужой. И тут все больше складывался у меня определенный ответ на поставленный выше вопрос: во всяком случае мы имеем внутри партии борьбу двух классовых идеологий. Между этими двумя течениями непрерывно идет глухая борьба—пассивная с нашей стороны и активная со стороны оппортунистических элементов. Они открыто идут на уничтожение сложившейся партии, входят в нее, открыто заявляя, что они против ее политической сущности, иногда прямо издеваясь над ней. Мы же их принимаем, амнистируем даже в тех случаях, когда ловим их с поличным, проявляем необычайную дряблость, попустительство (история с одесской организацией и пр.). Этим мы сами выпестовываем в своей партии могильщика, будим в нем все больше активности, инициативы. Не было бы и одной десятой доли смелости с их стороны и опасности для нашей партии, если бы мы давно проявили больше мужества и решимости в организационной политике".

„Организационная политика" вытекает из социальной природы партии, из ее идеологии. Организационная политика меньшевистской партии вытекает из того обстоятельства, что она близка к буржуазии, что она неразрывно связана с мещанством, интеллигенцией, „обществом".

Ерманский говорит о „борьбе двух классовых идеологий". В меньшевистской партии беспрерывно происходила борьба не идеологий, пожалуй, а борьба между фразеологией пролетарской и идеологией мелкобуржуазной. Партия меньшевиков находилась в духовном плену буржуазии. Чем яснее становилось это пролетарским элементам, тем более „социальный состав" меньшевизма ухудшался, тем больше партия проявляла „чрезмерную терпимость к оппортунистическому элементу".

В повисшей между революцией и реакцией партии меньшевиков, естественно, образовалась не одна брешь, через которую совершенно неизбежно хлынул поток мещанства. С течением времени партия меньшевиков все больше становилась орудием средних элементов общества, именно: мещанства, интеллигенции, обмещанившихся верхушек пролетариата.

Партия меньшевиков весьма интересуется вопросом о социальном составе РКП, но она ни разу ни одной статистической сводки о своем социальном составе не дала. Разумеется, никто не в праве требовать от подпольной партии точной статистики, но до конца 1921 г., т. е. до решительного поворота меньшевистской партии в сторону реакции, она была свободна, во всяком случае в своей внутрипартийной жизни, и могла, если хотела, заняться исследованием своего социального состава. Но самоанализ не в привычке оппортунистических партий, строгое отношение к своему собственному составу решительно противоречит „широкой" природе меньшевизма. Но Ерман-

ские на общих собраниях все чаще стали „ощущать невыносимую атмосферу“, все чаще стали себя чувствовать „в среде слишком разнородной, отчасти совершенно чужой“. Чужой—кому? Элементам более или менее тесно связанным с классовой борьбой пролетариата? Но настоящий, культурный, „европейской“ марки меньшевик в мещанской среде чувствует себя как в родной стихии.

Именно поэтому меньшевистская партия принимала, амнистировала разные контр-революционные элементы даже в тех случаях, когда ловила их с поличным. Именно поэтому она проявляла „необычайную дряблость, попустительство“. Именно поэтому в Одессе, Киеве, Ростове, Москве, Петрограде—везде и всюду меньшевистская партия вбирала в себя, прикрывала и защищала ненавистников революции и социализма. Раньше—говорит Ерманский—„наша тактика держала курс на поддержку Советской власти..., а также на возможность и неизбежность эволюции большевизма, под давлением голоса жизни“. „Теперь,—обращается он к Центральному Комитету,— „именно теперь вы, товарищи, начинаете терять из виду исходный пункт курса нашей партийной политики“. В настоящее время необходимо „организованное давление на органы власти с целью двигать вперед и ускорить начавшуюся эволюцию «большевизма». Между тем Ерманский замечает, что Центральный Комитет меньшевиков берет уже курс не на эволюцию большевизма, а на его немедленную ликвидацию. В своем письме, написанном вскоре после Кронштадта, Ерманский многозначительно говорит:

> „Известные вам факты последних дней обнаруживают, что многие члены ЦК сбиваются на совсем иную линию... Такая неустойчивость уже совсем нетерпима“.

Почему „многие члены ЦК“ начинают сбиваться? Ерманский, совершенно забыв только что данный им блестящий анализ социальной природы меньшевистской партии, пытается объяснить поворот Центрального Комитета причинами личного свойства. Он настолько наивен, или делает вид, что наивен настолько, что всю беду приписывает отсутствию Мартова и Дана. Ерманский пишет:

> „Если вдуматься хорошенько, не трудно разглядеть одно обстоятельство: отмеченная мною революционная линия ЦК в сущности держалась на Ю. О. (Мартове, *И. В.*), отчасти на Ф. И. (Дане, *И. В.*). Пока был налицо Ю. О., я мог систематически ограничиваться поддержкой тех шагов, которые делались в ЦК для оформления торжества революционной тактики над оппортунизмом, раньше царившем в партии,—тех шагов, которые, несомненно, оказались бы неприемлемыми для многих из вас, если бы они исходили не от Ю. О. Его отсутствие сказывается роковым образом. Общий уровень ЦК сильно понизился. Теперь, при отсутствии Ю. О. и Ф. И., стал вырисовываться уклон в сторону рецидива, не без влияния того же противоестественного союза с оппортунистическими элементами“.

Вот замечательная философия истории меньшевизма за годы революции. Это детское объяснение происходившего в партии сложного явления свидетельствует о том, что у Ерманского имеется способность видеть, но нет способности понимать. Во-первых, никакой особенной революционности при Юлии Осиповиче Мартове в ЦК меньшевиков не было. Уже эта революционность ни в коем случае не могла держаться на Федоре Ильиче Дане. Хорошие резолюции Мартова принимались до тех пор, пока на меньшевистскую партию давил „гнет“ революции, а когда этот „гнет“ ослабел, и Мартов, и Дан перестали писать революционные резолюции и стали сочинять очень нереволюционные статьи и резолюции. „Уклон в сторону рецидива“ обнаружился не потому, что уехали из Москвы Мартов и Дан, а потому, что меньшевистская партия „количественно и качественно“ (по социальному составу) „потерпела большой урон“, потому что в партию „хлынул поток мещанства“, потому что в партии даже Ерманские стали „ощущать невыносимую атмосферу“. В этом весь вопрос, и обывательские рассуждения Ерманского характеризуют только этого бывшего вождя меньшевизма.

В тот самый момент, когда в Москве „многие члены ЦК“ стали „сбиваться“ в сторону Кронштадта, Мартов в Берлине на страницах „Социалистического Вестника“ целиком „сбился“ тоже в сторону Кронштадта. А Дан в Питере конспирировал с явными белогвардейцами и целиком поддерживал термидорианскую реакцию. Да, не в лицах было дело, а в том, что „союз с оппортунистическими элементами“ никогда в меньшевистской партии не признавался союзом „противоестественным“, и весною 1921 г. меньше, чем когда-либо.

Ерманский продолжает свои бессильные жалобы по адресу „сбивающегося“ ЦК. Он пишет:

> „Этим мезальянсом, этой неустойчивостью ЦК уже давно отталкивает от партии много революционно настроенных рабочих, которые могли бы примкнуть к нам... Мы обессиливаем свою борьбу против большевистского террора, подводя в глазах революционно настроенных рабочих некоторый логически убедительный фундамент под демагогию Стекловых и Вардиных“.

В чем заключается „демагогия Стекловых и Вардиных“? В том, что они открыто отмечали те факты, о которых Ерманский говорит в закрытом письме Центральному Комитету. В том, что они поворот меньшевизма приписывали не случайному отсутствию лиц, а более серьезным вещам. Разумеется, то обстоятельство, что лево-центровый меньшевизм находился в „мезальянсе“ с явными белогвардейцами, объясняло, оправдывало те репрессии, которые Советская власть применяла по отношению к меньшевистской партии. Несколькими строками ниже Ерманский, говоря об отношении к правым, признается, что „мы“, т.-е. меньшевики, „политически неправы, ибо **каждый раз вновь и вновь проваливаемся на этом самом месте**“, т.-е. проваливаются на союзе с прямыми пособниками белой

гвардии и империализма. „Демагоги“ добросовестно регистрировали эти „провалы“ и подчеркивали, что „союз с оппортунистическими элементами является не случайной ошибкой в политике меньшевизма, а логическим следствием всей его сущности. Год с лишним спустя после письма Ерманского меньшевистская партия еще теснее связалась с бело-социал-демократами и тем целиком подтвердила предсказание „демагогов“... Но послушаем еще раз гражданина Ерманского:

> „Наш политический долг был вести организационную линию так, чтобы в корне испортить профессиональным демагогам ремесло. Вместо этого мы сохраняли и вновь создавали материал для этой демагогии. Но что хуже всего, этой ошибочной организационной тактикой мы отталкивали от себя много горячо преданных революционных рабочих, которых мы при этих условиях не можем убедить в своей революционности. Мы роковым образом суживали свою социально-классовую базу в количественном отношении, ухудшали ее в качественном. Я глубоко убежден, что без этих роковых ошибок социал-демократия за последние два года имела бы под собой очень солидный массово-рабочий фундамент, и наша партия приобрела бы совершенно иной удельный вес, тогда и террор большевиков фактически не мог бы, не смел бы так широко, бесцеремонно обрушиваться на нас. Наконец этими роковыми ошибками мы себя компрометируем и в глазах революционного пролетариата Европы“.

В двух словах мысль Ерманского сводится к следующему: меньшевистской партии надо было перестать быть... меньшевистской партией. В самом деле, это было бы очень невредно и очень недурно, если бы это было только... возможно.

Читатель помнит, осенью 1918 г. большевистская партия в своих требованиях к меньшевикам даже не шла настолько далеко, как Ерманский. Мы требовали тогда от Мартова, Дана, Ерманского одного только,—чтобы они решительно и окончательно разорвали с белыми негодяями, пытавшимися нанести республике Советов смертельный удар. О, если бы они исполнили наше требование, если бы они „каждый раз вновь и вновь не проваливались на этом самом месте“, тогда, спора нет, „профессиональные демагоги“ были бы посрамлены, их работа была бы испорчена в корне...

Но, как нарочно, руководители меньшевистской партии „сохраняли и вновь создавали материал“ для „демагогов“.

Почему это происходило? Разве Мартов, Дан не хотели „в корне испортить“ большевистским литераторам их зловредную работу? Несомненно, очень хотели. Дело в том, что гр. Ерманские, Мартовы и Даны фактически не были хозяевами меньшевистской партии, той партии, куда „хлынул поток мещанства“, где оппортунистический, т.-е. попросту белогвардейский, элемент проявлял „все больше активности,

инициативы..., смелости"... И понятно, что вожди такой партии не могли никого убедить „в своей революционной выдержанности", просто потому, что у них не было ни революционности, ни выдержанности.

Да, если бы партия меньшевиков честно и решительно разорвала связь с белой гвардией, с буржуазией, с империализмом, тогда— и здесь тысячу раз прав Ерманский—„тогда и террор большевиков фактически не мог бы так широко и бесцеремонно обрушиваться" на нее. Это бесспорно. Власть Советов преследовала и преследует меньшевистскую партию тогда и в той мере, когда и в какой мере она помогает буржуазии в ее борьбе с революцией. Всякий интересующийся вопросом легко может убедиться в том, что сила репрессивного удара на партию меньшевиков возрастала по мере поправения этой партии. Мы били и будем бить эту партию тем энергичнее, чем теснее она будет связываться с реакцией, буржуазией, империализмом. Мы смеем бить партию меньшевиков,— и нас поддерживает в этом отношении весь рабочий класс,—потому, что эта партия является прямым орудием реакции, потому что она вновь пытается накинуть на шею трудящихся России удавную петлю капиталистического рабства.

„Резкий поворот, новая страница".

Еще в апреле 1922 г. на конференции трех Интернационалов меньшевистская партия поддерживала идею единого рабочего фронта. Шла она в данном случае несколько по инерции, в явном противоречии со всей тогдашней политикой, продолжая линию поведения 1919—1920 г. г. В данный момент для меньшевизма это было уже неестественно, тут сквозила явная непоследовательность.

Скоро, однако, линия была выпрямлена. 3 июня в № 33 „Соц. Вестника" появилась историческая передовая статья об едином фронте. Выше мы уже говорили о ней. Суть этой статьи, как помнит читатель, заключается в том, что мировое социалистическое рабочее движение „вполне возможно без русской большевистской партии с ее мнимыми миллионами рабочих", что „большевики сами поставили себя вне единого социалистического фронта", что для всемирного пролетариата большевики—это „чужой класс", и что, наконец, международный пролетариат может поддерживать Советское правительство на том же самом основании и в такой же мере, в какой он поддерживал правительство младотурок.

Настоящая статья „Соц. Вестника" являлась решительным поворотом вправо, и сразу, без разговоров, всеми элементами партии принята быть не могла. Левые заявили протест. От их имени видный деятель меньшевистской партии, личный друг Мартова, И. Бер обратился к редакции „Соц. Вестника" с письмом, которое представляет собой значительный интерес. Бер в своем письме говорил, что передовая об едином фронте вызвала „ряд сомнений и возражений". До сих пор,—говорит Бер,—мы, рассчитывая на перерождение больше-

вистской партии, поддерживали идею единого фронта. Что же спрашивал он—случилось?

> „Ведь этот лозунг соглашения социалистических партий, являющийся официальной позицией партии, только потому был возможен, что партия считала эволюцию большевизма незавершенной, неоформленной. Еще совсем недавно, месяца два назад Ю. О. (Мартов, *И. В.*) определенно и категорически защищал эту позицию в ответе на письмо правого товарища. Нельзя же думать, что за эти два месяца коренным образом изменилась социальная природа большевистской партии и власти, и что эволюция завершилась в течение двух недель, составляющих промежуток времени между выпуском номера, предшествовавшего берлинскому совещанию, и выпуском номера, следующего за ним“.

„За два месяца“ что-то очень важное в самом деле случилось. Что же именно? На берлинском конгрессе, в Генуе и Гааге большевизм показал, что он попрежнему остается „твердокаменным“, что никому,—ни мировому империализму, ни мировому меньшевизму,—никаких принципиальных уступок не сделает. Сразу стало ясно, что надежда на перерождение большевистской партии—сплошная утопия, что, несмотря на нэп, большевики в политике остаются „неисправимыми“. Иллюзорность большевистского перерождения все время была ясна эсерам и кадетам,—они на этот счет не ошибались. Чернов во время конференции трех Интернационалов еще раз заявил категорически, что надеяться на перерождение большевиков—значит обманывать себя. Отсюда Чернов и вся партия эсеров, разумеется, делают тот вывод, что большевизм должен быть уничтожен силой оружия. После Берлина, Генуи и Гааги беспочвенность иллюзий о большевистском перерождении стала ясна и меньшевикам,—отсюда резкий поворот направо. Действительно переродившаяся из рабочей в мещанскую партия меньшевиков, увидев, что большевизм не думает итти по ее пути, попыталась поставить вопрос более ясно и радикально.

Разумеется, Бер прав: за два месяца „социальная природа большевистской партии и власти“ измениться „коренным образом“ не могла. Если бы даже тенденция большевистской партии была очень сильна, то для ее оформления не только двух месяцев, но и двух лет недостаточно. Но два месяца—совершенно достаточный срок для того, чтобы рассеять всякие иллюзии. Решительный отказ в принципиальных уступках меньшевизму и империализму, предание суду партии эсеров—политическую линию большевизма сделали совершенно ясной. Правые меньшевики—Мартов, как это видно из письма Бера, находился с ними в дружеской переписке—энергично нажали на руководящие верхи партии, и в результате появляется знаменитая передовая против единого фронта. Отныне все ясно, естественно и последовательно.

Но одновременно необходимо иметь в виду и ту эволюцию, которую проделывало левое крыло меньшевизма в европейском масштабе. Именно, сейчас же после берлинской конференции трех Интернационалов и в прямой связи с ней социал-демократия быстро консолидируется на платформе откровеннейшего ревизионизма. Венский Интернационал, на берлинской конференции пытавшийся играть роль сводника, целиком бросается в объятия II Интернационала. Курс на единый фронт с носкитами и шейдемановцами торжествует по всей линии. Это обстоятельство с своей стороны также усиливает позицию русских правых меньшевиков, обеспечивает им большую моральную поддержку в их борьбе против единого фронта с большевиками.

Сделав резкий поворот направо, русский меньшевизм бросается в жестокую битву с Советским правительством во имя партии эсеров. За год перед тем союз эсеров с кадетами был заклеймен на страницах того же „Соц. Вестника". Постыдная роль Чернова в деле создания кадетско-эсеровского блока была разоблачена не кем иным, как Мартовым в письме, адресованном меньшевистскому ЦК и нами в свое время опубликованном в печати. А весной и летом 1922 г. он выступает с безоговорочной защитой самой преступной, самой позорной партии в России.

Но вернемся к письму Бера. Этот представитель дышавшего на ладан левого крыла меньшевизма, разумеется, не тверд в своем протесте. Он вполне понимает, что „многое в нашей политике нуждается в пересмотре", что в известной мере должны быть пересмотрены отношения к Советской власти. Но—необходимо вопрос обсудить всесторонне: „необходим новый документ, который бы дал „программу и лозунг". А теперь что же получается? „Орган партии неожиданно для ЦК и для партии проводит мысли, с которыми приходится внутри партии бороться (сейчас как раз в местной организации происходит борьба с правыми, выступающими против позиции Вены и занимающими приблизительно позицию „Зари").

Ерманский, как мы видели, плакался: ЦК, мол, „сбивается" оттого, что Мартов и Дан уехали. Но орган, редактируемый Мартовым и Даном, занял позицию правее находящихся в Москве цекистов. Орган Мартова и Дана пошел на встречу правым, которые, с своей стороны, занимали позицию белогвардейской „Зари". Это обстоятельство нам необходимо запомнить: внутрипартийные правые занимали приблизительно позицию „Зари". Бер дает по этому поводу весьма ценные указания. Он пишет:

> „Статья вызвала в рядах партии смущение и недоумение, породила самые разнообразные толки. Многие считают, что это резкий поворот, новая страница, переход на новые позиции. Это, конечно, преувеличение, но что она может дать некоторые основания для таких разговоров—это очевидно.
>
> Во всяком случае она не содействует прояснению партийного сознания, а, напротив вносит значительную смуту.

Известные элементы партии и внепартийные, всегда боровшиеся с партийной позицией, находят в этой статье сильную поддержку. Как раз на-днях группой социал-демократов „внепартийными правыми“—выпущен листок, от которого мы открещиваемся, листок, призывающий к свержению Советской власти и в котором дана характеристика последней в таких же выражениях, как в статье. Как раз сейчас правые, выступающие в организации, и внепартийные—вне ее, с критикой позиции партии и Вены в вопросе о едином фронте (приблизительно позиция „Зари“), находят в этой статье моральную поддержку“.

„Переход на новые позиции“, вернее, официальное закрепление новой позиции—налицо, тут нет никакого преувеличения. В тот момент этот „резкий поворот“ мог внести в меньшевистские ряды „значительную смуту“, но в общем это был большой шаг по пути к ясности и определенности. „Смута“ быстро улеглась, и партия твердо обосновалась на „новых позициях“.

Решительная победа правого крыла меньшевизма не является случайностью. Это явствует из того, что мы наблюдаем в рядах международной соц.-демократии. Фридрих Адлер и Отто Бауэр объединяются с Носке и Вандервельде, но русские правые, возглавляемые Либером (внутри-партийная группировка) и Ст. Ивановичем (вне-партийная группировка), ничуть не хуже ни Шейдемана, ни Эберта, ни Гендерсона. „Заристы“ открыто сотрудничали с Деникиным, но разве огромное количество виднейших деятелей меньшевистской партии не работало с деникинцами? Вождь заристов Иванович работал в Одессе в гнуснейшей меньшевистской газете „Южный Рабочий“. В той же газете работал другой видный меньшевик Гарви Бронштейн. Ни Иванович, ни Гарви ни в какой мере не раскаялись, ни в какой мере своей прежней позиции не изменили, и ни малейшей между ними принципиальной и практической разницы нет. Гарви в настоящее время—ближайший сотрудник „Соц. вестника“, и никого это не шокирует. Ст. Иванович сотрудничает в газете Милюкова. Ряд видных сотрудников „Соц. Вестника“ сотрудничает в газете Дни“,—органе Кусковой—Зензинова, находящихся в прямом блоке с Милюковым. А что происходит в рядах международной соц.-демократии?

Разве вожди немецкого меньшевизма Герман Мюллер, Адольф Браун и др. не сотрудничают в немецкой реакционной печати? Разве вождь английских меньшевиков Филипп Сноуден не является деятельным сотрудником английских консервативных газет?

Бер говорил о необходимости выработки нового документа,—он имел в виду новую платформу. К осени 1922 г. эта платформа в общих чертах была сформулирована и она целиком оказалась построенной на основе передовицы из № 33 „Соц. Вестника“. Письмо Бера являлось последней робкой попыткой удержать партию хотя бы около старых позиций. Попытка не удалась. Партия неудержимо покатилась в сторону реакции, захватив с собой и „левых“, в роде Бера.

Ликвидация левого крыла.

Постепенную ликвидацию игры в левизну меньшевизм производит начиная со второй половины 1920 г. С другой стороны, за все время революции, и особенно после поворота вправо, левые элементы партии ликвидируют свои отношения с меньшевизмом. В 1923 г. русский меньшевизм остался без левого фланга, его больше нет, он ликвидирован решительно и навсегда. Все активно-революционные элементы, все те, кто чувствовал себя связанным не с аристократической верхушкой пролетариата, а с его массой, с рабочим классом в целом—все такого рода элементы покинули ряды меньшевизма. То, что сейчас осталось, ни в какой степени старую меньшевистскую партию не представляет.

Возьмем наиболее яркий, показательный пример,—судьбу Центрального Комитета 1918 г. Он, как известно, был сконструирован в момент наибольшего сближения различных элементов меньшевизма—на майском всероссийском совещании. Что сталось с этим Центр. Комитетом за пятилетие, протекшее с того времени?

Центральный Комитет был составлен из 15 членов и 9 кандидатов. Вот полный список:

1. Абрамович.
2. Астров.
3. Ахматов.
4. Е. Бройдо.
5. Горев.
6. Далин.
7. Дан.
8. Ерманский.
9. Кучин.
10. Либер.
11. Майский.
12. Мартов.
13. Мартынов.
14. Трифонов.
15. Трояновский.
16. Череванин.
17. Эрлих.
18. Югов.
19. Яхонтов.
20. Чиркин.
21. Плесков.
22. Гвоздев.
23. Ермолаев.
24. Николаев.

Почти все члены ЦК, на майской конференции примыкавшие к левой и левому центру, оставили ряды меньшевистской партии. Вот список ушедших:

1. Мартынов.
2. Трояновский.
3. Ерманский.
4. Яхонтов.
5. Плесков.
6. Чиркин.
7. Трифонов.
8. Горев.
9. Майский.
10. Гвоздев.

За исключением Гвоздева, все эти лица стояли в меньшевистской партии на левом фланге, во время войны принадлежали к циммервальдцам. Двое из членов ЦК—Мартов и Астров умерли.

Нам уже приходилось отмечать, что Мартов в последний период своей жизни уже оказывался не в силах поспевать за бешено убегаю-

щей вправо партией. Астров также незадолго перед смертью опубликовал весьма радикальную записку. Почти несомненно, что после окончательной победы правых вокруг Мартова сплотилась бы небольшая, попрежнему бессильная и безвольная, но все-таки левая оппозиция, которая служила бы основой для дальнейшего разложения партии.

Однако и без этого картина распадения партии меньшевиков, картина ликвидации его левого крыла несомненна. Ведь Центр. Комитеты составляются не случайно, туда вводятся элементы, наилучше выражающие различные течения партии, и когда по истечении известного срока оказывается, что весь левый сектор Центр. Комитета остался вне партии, то в этом уже есть твердая закономерность.

Состав Центр. Комитета меньшевистской партии впоследствии еще пополнялся. Из деятелей, после 1918 г. введенных в состав ЦК, покинули ряды меньшевистской партии Суханов и Семковский,—оба видные деятели левого крыла меньшевизма. Далее меньшевистскую партию оставили: Рожков, Хинчук, Скобелев, Феликс Кон, Рафес, Вайнштейн (Рахмиэль), Фрумкина (Эстер), Хейфец, Струмилин, Сверчков и ряд других деятелей партии. Ряды меньшевистской партии покинули десятки и сотни местных руководителей: члены местных партийных комитетов — областных, губернских, уездных, работники профессионального движения, пропагандисты, агитаторы, организаторы, журналисты, рабочие из рядов меньшевистской партии ушли почти целиком. Плач Ерманского о том, что партия своей тактикой отталкивает революционных рабочих, был основан на весьма конкретных обстоятельствах.

Да, рабочих в меньшевистской партии больше нет, левого крыла меньшевизма также нет. С уходом Мартынова, Ерманского, Рожкова, Суханова, Горева меньшевистская левая ликвидирована и вместе с ней ликвидирована старая партия меньшевиков, некогда опиравшаяся на значительные круги рабочих. Новая партия опирается уже на элементы непролетарские—на интеллигенцию, высших служащих, спецов, мещанскую молодежь и т. д. Эти элементы определяют отныне социально-политическую физономию меньшевизма. Эти элементы дали фактическую победу в партии правому крылу, и они же добьются того, что меньшевистская партия уже больше серьезных поворотов влево делать не будет. В редакции „Соц. Вестника“ и заграничной делегации партии меньшевиков место Мартова занял Далин, — этим все сказано.

Платформа правого крыла.

Осенью 1922 г., одновременно с выработкой новой платформы, было провозглашено объединение меньшевистской партии. Несмотря на объединение, внутри партии идейные разногласия сохранились, а некоторые крайние правые элементы, формально даже не воссоединены. Насколько серьезны существующие разногласия, в чем их сущность? Чем отличаются платформы правых группировок от пози-

ции официального меньшевизма? Для ответа на эти вопросы сравним с разобранной выше официальной платформой два вполне авторитетных документа, точно формулирующих взгляды внутри-партийной и внепартийной правых группировок. Начнем с внутри-партийной оппозиции.

В № 3 „Зари“ (апрель 1923 г.) напечатан „проект тезисов платформы РС-ДРП“, выпущенных в России внутри-партийной правой группировкой. „Заря“ этот документ напечатала „в качестве материала, ценного как для характеристики эволюции социал-демократии, так и для создания в будущем общей платформы тех социал-демократических групп, которые так или иначе эмансипировались от линии Центрального Комитета“. Напоминаем, эта внутри-партийная правая группировка именно и вступила осенью 1922 г. в состав Центр. Комитета меньшевистской партии. В чем сущность платформы внутри-партийной правой группировки?

Будущее принадлежит капитализму. В России господствует буржуазная экономика, но „усложняющиеся с каждым днем экономические отношения приходят во все более непримиримое противоречие с режимом политической диктатуры коммунистов, цепко держащихся за власть и не желающих отказаться от осуществления реакционной утопии коммунистической политической диктатуры на базисе капиталистических экономических отношений“. Диктатура эта „не может гарантировать новой буржуазии необходимые ей правовые и политические условия развития“, что „сильно тормозит процесс экономического развития“. Несмотря на это препятствие, капиталистические отношения в России продолжают развиваться, и „гибель режима, стоящего на пути этого развития, совершенно неизбежна“. Со своей стороны авторы платформы объявляют Советской власти „непримиримую борьбу во имя идеалов социализма и демократии“.

Изложенная здесь точка зрения целиком совпадает со взглядами, формулированными выше Мартовым, Даном, Далиным и Абрамовичем. В основном вопросе о власти внутри-партийная группировка и официальный меньшевизм совершенно единодушны. Лозунг Дана: „Все права, все свободы для всех“. Лозунг правых: „Борьба за политическое равноправие и свободу всех граждан, без различия всех классов“. Тезис Мартова—Дана гласит: „Демократия необходима в интересах экономического развития России, в интересах самого пролетариата“. Тезис правых по этому же вопросу говорит: „Установления в России демократического строя требуют как интересы экономического развития, так и интересы руского пролетариата“. Опять-таки по всем этим пунктам совпадение полное, почти дословное. Далее в тезисах правых выдвигаются требования о широкой денационализации промышленности и торговли, о ликвидации партийной диктатуры РКП, о превращении Советской олигархии в демократическую республику, о „всесторонней борьбе“ против господствующего режима.

Так где же здесь разногласие, почему правая позиция оставляет за собой „свободу мнений?“

Переходя к вопросу о средствах борьбы, авторы тезисов пишут: „Партия, кроме общих принципиальных соображений, будет руководствоваться исключительно учетом соотношения сил, одинаково отвергая как тактику пассивного выжидания, так и призывы к легкомысленным, преждевременным и неорганизованным выступлениям“. Вот здесь основа разногласий: отвергая „тактику пассивного выжидания“, правые держат курс на вооруженное свержение Советской власти. Официальная платформа, как было указано выше, не решается пока занять столь ясную и определенную позицию. Но по существу всей своей тактикой, всей своей работой меньшевистская партия стремится и подготовляет ликвидацию Советской власти, которая без вооруженной борьбы произведена быть не может. И когда час придет, вопрос о том, нужно ли призывать к прямому восстанию, вряд ли расколет нынешнюю партию меньшевиков. Таким образом разногласия совершенно ничтожны, по существу их нет.

Осенью 1922 г., нападая на „либерального социалиста“ Ст. Ивановича, Мартов в цитированной выше статье писал:

> „Обладая изрядной чуткостью журналиста, Ст. Иванович уловил то, что бродит в головах многих и многих социалистов, прошедших через оборончество, коалиционную канитель и жестокий опыт борьбы с большевизмом и растерявших на этом долгом пути всякую веру в принципы традиционного марксистского социализма. Быть может, сейчас еще немногие из наших „правых“ решатся солидаризироваться с ревизионистской попыткой Ст. Ивановича „демократизировать“ социализм. Но я боюсь, что уж сейчас никто из них не решится принципиально отмежеваться от этого радикального пересмотра. И именно поэтому весьма своевременно поставить все точки над и и на примере статьи Ст. Ивановича показать, о чем, в конечном счете, идет дело в непрекращающемся уже столько лет споре между „левым“ и „правым“ течением российской социал-демократии“.

Иванович „уловил“ то, что бродило „в головах“ всей международной социал-демократии, на Гамбургском конгрессе окончательно ставшей на позицию либерального „социализма“.

Никто из правых—говорил Мартов — „не решится принципиально отмежеваться“ от позиции Ивановича. Никто и не считал нужным отмежеваться. А „непрекращающийся уже столько лет спор“ кончился тем, что меньшевизм объединился на платформе... либерального „социализма“.

Четыре года правые бойкотировали Центр. Комитет. Осенью 1922 г. они согласились снова войти в его состав, ибо официальный меньшевизм освободился от иллюзий, утопизма, полубольшевизма 1919—1920 г.г., освободился от революционных элементов, целиком стал партией реакции, партией капиталистической реставрации.

Перейдем теперь ко второму документу: к тезисам московской группы социал-демократов, — „внепартийной правой группировки“. Авторы тезисов ставят вопрос, почему не удался социалистический переворот в России, и дают на него такой ответ:

„Социализм может создаться только на почве роста и расцвета производительных сил. Большевики начали строить его на почве разрушений, причиненных войной (в этом и ошибка баварских, венгерских и германских коммунистов). Социализм возможен лишь там, где пролетариат представляет большинство населения или выражает интересы этого большинства. В крестьянской России городской пролетариат был ничтожным меньшинством, и социалистические стремления противоречили интересам и психологии не только буржуазии и массы интеллигенции, но 80% населения — крестьянства“.

Положение о том, что социализм может создаться только на почве роста и расцвета производительных сил, было развито подробнее Ст. Ивановичем в его брошюре „Сумерки русской социал-демократии“. Иванович писал:

„Социализм придет не раньше, чем исполнится капитализм, т.-е. не раньше, чем в недрах его вырастут условия для ведения общественного хозяйства в интересах всего народа, по воле этого народа“. Необходимо „итти к социализму от высшего пункта капитализма, от его конечных достижений, чем от того пункта, куда он откатился назад, хотя бы отсюда было ближе к захвату власти“. Не следует „становиться наследниками капитализма путем умерщвления его в этот момент, когда он совершенно разорен, запутался в долгах, натворил массу бед и может оставить хозяйство в исключительно расхлябанном состоянии“.

Внепартийные правые рассуждают буквально так же, как и подавляющее большинство русских меньшевиков и западно-европейской социал-демократии. Возьмите все писания Карла Каутского последних лет, в особенности его программу пролетарской революции. Он рассуждает точь-в-точь как Иванович и московская группа социал-демократов. На почве разорения и развала капитализма социализма построить нельзя. Необходимо дать капитализму окрепнуть, необходимо содействовать всемерному развитию производительных сил на капиталистической основе. Необходимо оставить всякую мысль о революционном свержении буржуазии, необходимо стоять исключительно на почве демократии. Все это буквально точка зрения всей мировой соц.-демократии. Теоретики и практики мирового меньшевизма рассуждают и действуют именно так, как это говорит Иванович: сначала дайте окрепнуть капитализму, а потом через десятки и сотни лет будем думать о социализме. Даже Далин, — на что уж он русский и, следовательно, более радикальный, чем западно-европейские меньшевики, — и тот, как мы видели выше, назначает срок для социализма этак через двести лет. Таким образом бесспорно, что по вопросам о

судьбах капитализма, о перспективах социализма российские крайние правые социал-демократы рассуждают точь-в-точь так же, как весь новый „социалистический“ Интернационал. Но пойдем дальше.

Московские крайние правые почти дословно повторяют то, что писал Далин в своей книге о русской революции. Вслед за Далиным авторы тезисов заявляют: „Русская революция не была социалистической. Она привела не к социализму, а к расхищению производительных сил“. Вслед за Далиным авторы резолюции объявляют русский рабочий класс „некультурным и невежественным“, совершенно неспособным на борьбу за социализм, лишенным даже понимания социализма. Вслед за всеми правоверными меньшевиками московские крайние правые соц.-дем. плачутся о „потребительском коммунизме и дележке“ и уничтожении потребительских ценностей—„вместо организации народного хозяйства“.

В чем заключалась объективная задача революции? Крайние правые отвечают: „В свержении и освобождении крестьянства и всей России от экономической и политической власти помещиков“. Все это было достигнуто в Февральской революции, Октябрь же только уничтожил ее завоевания. Мы знаем, что в результате Февраля ничего реального и существенного трудящимися массами достигнуто не было. Сейчас нас интересует не это, а то, что московские „заристы“ рассуждают буквально так же, как Далин в своей, цитированной нами не раз книге, как рассуждает вся партия меньшевиков. „Сохранение диктатуры и Советской власти, — говорят они далее, — отказывающейся итти на уступки и гарантировать для зарождения новой буржуазии необходимые ей политические правовые и культурные условия жизни и развития, сильно тормозит неизбежный процесс этого зарождения, который поэтому происходит чрезвычайно болезненно и неэкономно“.

Здесь, как видите, выдвигается давно знакомый нам вопрос об „экономике и политике“, о „базисе и надстройке“. И ставится этот вопрос буквально так же, как в статьях Мартова — Дана, как в тезисах внутрипартийной группировки. Диктатура и „бесправие буржуев“ губят все дело, тормозят экономическое развитие, делают этот процесс „болезненным и неэкономным“. Все социал-демократические течения тут единодушны. Устранение существующей „надстройки“ — их общее требование.

Демократия, конечно, это—кардинальное требование и московских крайне правых социал-демократов. Авторы тезисов пишут: „Только демократия даст пролетариату возможность организоваться для защиты своих классовых интересов и подготовки к борьбе за осуществление социализма посредством завоевания политической власти“. Так рассуждали Мартов и Дан. Демократия, — утверждал Мартов,— наилучше гарантирует пролетариату и трудящимся массам защиту их интересов. Московские „заристы“ целиком подписываются под этой вопиющей неправдой и вместе со всем меньшевизмом выдвигают лозунг: „политическое равноправие и свобода всех граждан без раз-

личия классов"... Вслед за Мартовым, вслед за Даном московские социал-деникинцы, московские „свиньи умеренности и аккуратности" заявляют, что „всякое ограничение в правах кого бы то ни было, в конце концов, попадает в пролетариат". Когда ограничивают в правах концессионера, арендатора, купца, это, „в конце-концов, попадает в пролетариат"! Много ли в мире осталось дураков, которые поверят в эту чепуху?

Дальше: „Пролетариат придет к власти и начнет осуществлять социалистическое преобразование не путем калечащей и губящей экономические силы страны диктатуры, а в результате длительного развития, в условиях демократического строя". Так пишут Далин, Каутский, Бернштейн, Дан, Вандервельде, Филипп Сноуден, Ренодель, Абрамович. Так, буквально так, перед лицом стиннесовской, шейдеровской, моргановской, фордовской демократии рассуждает вся мировая социал-демократия.

Когда-нибудь социализм придет (пусть пролетарии не отчаиваются, пусть они не теряют веры в пришествие царства божия на земле). Социализм когда-нибудь осуществится, но не путем свержения капиталистических правительств, не путем подчинения буржуазии власти рабочего класса, а посредством „вмешательства демократического государства в экономическую жизнь в направлении социализации". Мы видели, как роль демокритического государства, демократических самоуправлений и кооперативов (при экономическом и фактически политическом господстве буржуазии) расписывал яркими красками и гр. Далин, когда он рисовал далекие, но тем более прекрасные перспективы мирного демократического социализма. О великой роли демократического государства, в смысле безболезненного преобразования современного общества, ведут сладкие речи и меньшевики всех стран. Теоретическое и практическое единство здесь полное. „Россия, — говорят авторы тезисов, — будет демократической. Советская власть может погибнуть или как самодержавие, в результате неудачной войны, или от внутреннего разложения, военного переворота, или же под напором движений доведенных до отчаяния народных масс". Деникинская соц.-демократия считает, что обязанностью меньшевизма является возглавить это антисоветское „народное" движение,—разумеется, когда оно налицо. И официальный меньшевизм делает вид, как будто такая точка зрения для него совершенно уж неприемлема, и как будто только поэтому с группой „Зари" объединение невозможно. Но если в глазах меньшевиков возглавление народного движения такой большой грех, то почему тогда стало возможным объединение с той самой внутрипартийной группировкой, которая в смысле признания необходимости „возглавления" совершенно от „заристов" не отличается? Выше мы уже ознакомились со взглядами Кучина и Аронсона на вопрос о вооруженной борьбе с Советской властью. Они рассуждают буквально так же, как и „заристы". Почему Кучин и Аронсон могут быть ближайшими сотрудниками „Соц. Вестника", а Ст. Иванович этой великой чести лишается?

„Заря“ весьма охотно печатает документы и заявления внутрипартийной правой. Она перепечатывает из „Соц. Вестника“ наиболее яркие статьи правых. „Заря“ хвалит Далина, одобряет Мартова и Дана за их принципиальные заявления, за отказ от иллюзий, от утопий. В России „заристы“ и внутрипартийные правые находятся в постоянном общении, поддерживают друг друга политически... Никто в мире не откроет ни малейшей разницы между внутрипартийными и внепартийными правыми. Никто в мире не обнаружит ни малейшей принципиальной разницы между официальным меньшевизмом и правым крылом социал-демократии. Так в чем же дело? Почему между ними нет еще полного единства.

Почему группа „Зари“ осталась вне рамок объединенной партии?

Объединение русской социал-демократии.

В № 2 „Соц. Вестника“ в январе 1923 г. Мартов в полемике с правыми писал:

„С первого же дня большевистского переворота тактическое расхождение между левым и правым крылами партии стало более глубоким, чем было расхождение между оборонцами и интернационалистами в течение всего 1917 г.“ (Курсив Мартова.)

Это утверждение абсолютно неверно. До Октября интернационалисты (Мартов — Мартынов — Ерманский) фактически представляли собой отдельную от меньшевиков организацию. У них была своя особая платформа. Эта платформа была несравненно ближе к нашей, большевистской, платформе, чем к меньшевистской. В ряде случаев все интернационалисты, включая и фракцию Мартова — Мартынова, выступали совместно против объединенного оборонческого фронта. Летом 1917 г. обсуждался вопрос об объединении меньшевиков-интернационалистов с большевиками. В июльские дни Мартов называл меньшевистских вождей версальцами, людьми контр-революционного „порядка“.

После Октября картина резко изменилась. Напуганная до смертного страха революцией, группа Мартова бросилась в объятия „версальцев“. До Октября партия меньшевиков была расколота на два, казалось, непримиримых крыла, после Октября она объединилась на платформе контр-революции. „Тактическое расхождение между левым и правым крылами партии“ после „большевистского переворота“ стало менее глубоким, чем это было в течение всего 1917 г., хотя оно, разумеется, было еще достаточно резким. Суть разногласий между левой и правой меньшевизма сводилась к вопросу о формах и способах ликвидации большевизма. Поэтому абсолютно неверно утверждение Мартова в той же статье, будто именно „до германской революции разыгралась наиболее ожесточенная борьба внутри партии“,... будто „процесс разделения партии на два крыла уже закончился, когда наступила германская революция“.

Для понимания всей этой истории необходимо знать механику фракционных взаимоотношений в меньшевистской партии. Она не так уж сложна.

На протяжении почти всей истории меньшевизма между правым и левым его крылами стоял центр, который направлял политику партии либо в союзе с правой, либо в союзе с левой, смотря по исторической обстановке. Когда буржуазия в силе, когда рабочий класс молчит, центр поворачивается лицом направо, и тогда в партии хозяйничают откровеннейшие лакеи буржуазии. Когда пролетариат выступает активно на историческую сцену и начинает бороться, меньшевистский центр, чтобы не выпустить массу из-под своего влияния, делает равнение налево, и тогда политика меньшевиков окрашивается в красноватый цвет, левые литераторы пишут бурно-пламенные статьи, сочиняют радикальные резолюции.

А правое крыло партии, неразрывно связанное с буржуазией, в это время переходит в оппозицию, протестует, негодует, „снимает с себя ответственность", обособляется организационно, словом, делает все необходимое для того, чтобы партия в самом деле не увлеклась и не стала на революционный путь... Но вот ветер подул в обратную сторону, рабочий класс отброшен назад, и правые постепенно становятся хозяевами партии. Они бешено атакуют левых, изобличают их во всех смертных грехах. Левые чувствуют себя как побитые собаки, и, поджав хвосты, молча плетутся за победителями...

В лицах вся эта история выражалась в том, что партийную политику обычно делал Дан либо вместе с Либером, либо вместе с Мартовым. Дан всегда остается Даном,—олицетворением лицемерия, политической трусости и дряблости, воплощением лакейства перед буржуазией. Либер также неизменен в своей вечной роли партизана буржуазной контр-революции. Мартов также был неизменен в своей бесхарактерности и беспринципности. Сила и решимость, твердость и настойчивость всегда были на правом фланге меньшевизма, литературщина всегда была наиболее характерной чертой для вождей левого крыла меньшевизма.

Теперь это левое крыло ликвидировано, и у центра в лице Дана нет выбора, отныне он не будет испытывать давления со стороны революционно-настроенных членов меньшевистской партии, отныне он всецело находится во власти хлынувшего в партию меньшевиков, по компетентному свидетельству Ерманского, потока мещанства. Отныне ничто мешать не должно прочному единству в рядах меньшевизма, ибо он за время революции основательно очистился от революционно-пролетарских элементов и утвердился на более однородной мелко-буржуазной базе. Осенью 1922 г. единство было провозглашено официально. В своем обращении к членам партии бюро Центр. Комитета партии меньшевиков по вопросу о партийном единстве говорило следующее:

„Переход от военного коммунизма к н э п 'у, вызванное этим решительное изменение социально-экономических условий в

России со всеми вытекающими отсюда глубокими политическими последствиями—отчасти устраняют, отчасти ослабляют значение тех принципиальных и тактических разногласий, которые существовали в рядах социал-демократической партии за последние годы, разделяя ее на два лагеря. Постепенно подготовляется почва для плодотворного взаимодействия различных идейных течений партии, представляющих ее общественное мнение, для выработки единой партийной линии и для действенного проведения ее в жизнь".

Второй лагерь—это те правые элементы социал-демократии, от которых официальная партия меньшевиков неоднократно печатно отмежевывалась. Выше мы видели, как в ряде официальных документов меньшевистская партия решительно осуждала элементы из этого лагеря за активную помощь белым генералам, за прямую поддержку то немецких, то англо-французских империалистических оккупантов, за связь с белыми заговорщиками.

Чтение благочестивых резолюций, сочиняемых левыми, господ белых социал-демократов—всех этих Кучиных, Либеров, Аронсонов, разумеется, не исправляло, они ни на иоту не изменили своих позиций, наоборот, изменилась официальная левая социал-демократия...

Вернемся к обращению бюро ЦК меньшевиков. Оказывается оно еще в октябре 1922 г. предложило—

> „Всероссийскому совещанию организаций РС-ДРП принять соответствующие решения, имеющие целью привлечь к активной работе в центральных и местных организациях партии представителей идейного течения, не принимавшего в последние годы в их работе постоянного участия".

Каковы результаты воссоединения этих двух лагерей? В обращении ЦК по этому поводу мы читаем:

> „Принятые совещанием решения уже значительно содействовали объединению партийных сил и в центре, и на местах. Существовавшие в некоторых городах отдельные группы партийных товарищей, не принимавшие в последние годы активного участия в общепартийной жизни, а подчас даже организационно обособлявшиеся одна от другой, решили теперь принять самое активное участие в общепартийной работе".

Бюро ЦК говорило о „плодотворном взаимодействии" между различными течениями в меньшевизме. Разговоры о „взаимодействии"—пустая фраза, ибо фактически правая не испытывала никакого воздействия, она не уступила ни в чем. Официальный же меньшевизм целиком воспринял программу и лозунги правого крыла. При таких условиях объединение двух лагерей соц.-демократии означает полную, решительную победу ее правого, заговорщического, белогвардейского, фашистского крыла над левым, бумажно-марксистским, псевдо-революционным крылом. Отныне в меньшевистской партии безраздельно господствуют те ее фрак-

ции, которые опирались на городское мещанство и интеллигенцию, высших служащих, мелкую и отчасти среднюю буржуазию. Со смертью Мартова соц.-демократия лишилась единственного человека, который связывал ее кое с какими рабочими группами. То, что осталось после смерти Мартова, после ухода ряда виднейших деятелей партии, после массового бегства рабочих, после ликвидации ряда местных организаций, представляет собой реакционную партию среднего класса. Для этого слоя никакая игра в левизну уже неприемлема.

Чтобы не было никаких сомнений относительно действительного характера объединения партии меньшевиков, послушаем вождя правых Кучина. Еще в августе 1922 г. в № 18 „Соц. Вестника" Кучин писал:

> „Никогда мы не могли быть так близки к органическому единству выработанной жизнью идейной позиции, как сейчас. При несомненной эволюции обоих крыльев, при большой чуткости, проявленной ими сегодня в учете проясняющихся перспектив, создается почва к прочному скреплению партии, как действующего политического организма. Нельзя даже сравнить нынешнее идейное состояние партии с состоянием 1919—1920 г.г.".

Кучин говорит об „органическом единстве" идейной позиции. Он уверяет, что оба крыла претерпели несомненную эволюцию. Но интересно знать, какую эволюцию претерпела правая, в чем ее взгляды изменились? По-нашему—решительно ни в чем! По всем без исключения основным вопросам революции правая твердо стоит на своих старых позициях. Об эволюции обоих крыльев Кучин говорит просто из вежливости, для утешения левых, чтобы их не обидеть, чтобы им психологически легче было утвердиться на новой позиции. Органическое единство создалось на основе учета проясняющихся перспектив—иными словами, на основе окончательного убеждения в торжестве буржуазной реакции в Европе. Именно это „прояснение перспективы", именно это признание правильным взгляда правых о невозможности социалистической революции не только в России, но и на Западе и создало почву для „прочного скрепления партии".

Группа „Зари" и „единая партия".

Издающийся в Берлине с весны 1922 г. журнал „Заря" представляет социал-демократов, во время войны и революции группировавшихся вокруг Плеханова и Потресова. Ближайшие сотрудники журнала: Ст. Иванович, С. Загорский, А. Байкалов, Л. Исаев и др. В России „Заря" опирается на Петроградскую и Московскую группы социал-демократов. Платформа этого крайне правого социал-демократического течения нами была разобрана выше, и ее принципиальное тождество с платформой официального меньшевизма с несомнен-

ностью доказано. Тем не менее направление „Зари“ остается вне „организованных“ рядов русской социал-демократии. Даже больше. По предложению меньшевистской делегации Гамбургский конгресс отказался допустить к участию в конгрессе представителя московской группы социал-демократов Ивановича. Это обстоятельство страшно обострило отношения между „заристами“ и официальными меньшевиками. „Заря“ выступила с бешеными нападками на „цекистов“. „Соц. Вестник“, отвечая на нападки „Зари“, заявил, что товарищи из России „давно уже требуют от нас нового, еще более категорического отмежевания“ от „Зари“. В чем дело? Начавшаяся между „Зарей“ и „Соц. Вестником“ полемика предоставляет возможность дать на этот вопрос достаточно ясный ответ. Сообщая о недопущении на Гамбургском конгрессе представителя группы „Зари“, Далин в № 11 „Соц. Вестника“ (от 12 июня 1923 г.) писал:

> „Главным мотивом отклонения „Зари“ была та политика, которую она делала и продолжает делать. Когда для представителей европейских социалистических партий выяснилась связь „заристских“ групп с интервенцией и с добровольческой армией, тактика их в период кронштадтского восстания, их нынешняя, более чем двусмысленная, политика в вопросах международного положения России и т. д.,—ни для кого не осталось сомнения, что для такой „организации“ нет места в Интернационале“.

Это очень хорошо, конечно, что Гамбургский конгресс проявил такую щепетильность, что он не захотел общения с группой, имевшей связь с интервенцией и добровольческой армией, поддерживавшей кронштадтское восстание и т. д. Но тогда возникает целый ряд недоуменных вопросов. Если группа „Зари“ за ее прежнюю связь с добрармией и с интервенцией не была достойна участия в Гамбургском конгрессе, то почему представители правого крыла объединенного меньшевизма, тоже находившиеся в теснейшей связи с добрармией, тоже поддерживавшие интервенцию, заслужили столь высокую честь заседать на Гамбургском конгрессе? Почему тогда грузинская социал-демократия, сплошь интервенционистская, находившаяся в прямой связи с добрармией и Врангелем, со всеми реакционными силами России, все еще недавно пытавшаяся поднять восстание против Советской власти;—почему тогда—спрашиваем мы—грузинские меньшевики были допущены на Гамбургском конгрессе? Разницы между представителем „Зари“ Ивановичем и представителем грузинской социал-демократии Церетели нет никакой. И тот, и другой стремятся к вооруженному свержению республики Советов. И тот, и другой давно уже политически связаны друг с другом. В 1917 г. Церетели произносил речи за коалицию с буржуазией и против большевизма, а Иванович эти речи собрал, снабдил восторженным предисловием и выпустил отдельной книжкой.

Тактика „заристов“ во время кронштадтского восстания? Да, они целиком поддерживали его. Мы об этом выше уже говорили достаточно подробно. Но разве вождь меньшевиков Дан не поддерживал

Кронштадт, не находился в связи с петроградскими „заристами“ во время мятежа? Разве „Соц. Вестник“, во главе с Мартовым, Далиным Абрамовичем, не поддерживал целиком кронштадтское восстание?

А русские эсеры? Эта партия, в лице своего вождя Чернова, пыталась возглавить кронштадтское восстание. Ее тактика во время кронштадтского мятежа была также преступна, как и тактика „заристов“. Однако половину русской делегации на Гамбургском конгрессе составляли именно русские эсеры, которые ведь повинны не только в участии в кронштадтском мятеже, а в прямом союзе со всеми интервенционистскими силами мира—с Деникиным, с Колчаком. Чем лучше русские эсеры „заристов“? Абсолютно ничем!.. Следовательно мотивы, которыми Гамбургский конгресс руководствовался, сплошь лицемерны. Если режиссеры Гамбургского конгресса честно хотели недопущения политической группы, в прошлом связанной с интервенцией и деникинщиной, то они должны были изгнать все 100% эсеров и не менее 75% меньшевиков. Иначе получается сплошное двурушничество, когда Иванович с конгресса изгоняется, а его друг и соратник по работе на пользу деникинщины и интервенции Гарви остается полноправным делегатом конгресса.

Послушаем теперь рассказ Ивановича по вопросу об его недопущении на конгресс (см. „Заря“ №№ 6 и 7). Свой провал Иванович целиком приписывает тому курсу, который был принят конгрессом по русскому вопросу. Иванович пишет:

> „Даже та половинчатая оппозиция Советскому правительству, которая характеризует тактику наших цекистов, показалась конгрессу слишком резкой. Делегации РС-ДРП пришлось наткнуться на прямо враждебное отношение к ее попытке дать в резолюции критическую оценку большевистской политики. Резолюция Абрамовича была провалена“.

Иванович, по его словам, не счел нужным скрыть от мандатной комиссии, что он и его группа отрицают какое бы то ни было соглашение с большевиками, стоят на позиции непримиримой борьбы и считают, что „самодержавию коммунизма придет такой же конец, как самодержавию Романовых“, и что они такой конец будут приветствовать. Мы знаем, что на такой же точке зрения стоят виднейшие деятели меньшевистской партии, члены редакции „Соц. Вестника“, мы знаем, что точка зрения Ивановича совпадает с точкой зрения патриарха меньшевизма П. Б. Аксельрода. Ведь недаром, как сообщает Иванович, в числе желательных делегатов московской группы был указан им Аксельрод! Ведь это же замечательно: „заристы“ проводят на Гамбургский конгрессс Аксельрода, но сами получают отказ за связь с добрармией и интервенцией!

На Гамбургском конгрессе были представлены не только правые деникинские меньшевики, не только эсеры, но полноправными членами рабочего Интернационала являются социал-демократы вен-

герские, болгарские, итальянские, чешские,—те социал-демократы, которые ни в коем случае, ни с какой стороны не хуже группы „Зари". Чем объяснить такое резко отличное отношение к тем и другим? Ответ ясен: революции венгерской, болгарской, итальянской, чешской Гамбургскому интернационалу бояться не приходится, церемониться с ней нет надобности,—а революции российской, а республики Советской бояться следует. Жертвой этой боязни, козлом отпущения всех чужих и своих грехов оказывается группа „Зари". Иванович с горечью сообщает:

„Прохождение нашего мандата при этих условиях было, конечно, исключено. Если уже позиция Р. Абрамовича казалась конгрессу невозможной, если была провалена его резолюция и не дано ему последнего слова, то нечего было говорить о допущении на конгресс группы, позиция которой по русскому вопросу резко противоречила уже принятым на конгрессе решениям".

Неблаговидная роль меньшевиков, по мнению Ивановича, заключается в том, что о „Заре" в мандатной комиссии конгресса наговорили, а затем на страницах „Соц. Вестника" повторили то, чего нет. Далин уверяет, что „политика интервенции, коалиционизма и повстанчества... составляют существо платформы „Зари" и примыкающих к ней групп". Иванович уверяет, что они не за интервенцию, не за повстанчество, а что касается вопроса о коалиции, то за коалицию высказываются сами меньшевики.

По этому поводу еще раз необходимо напомнить то, о чем мы не раз говорили. Разумеется, бесспорно то, что существо платформы „заристов" сводится к политике интервенции, коалиционизма и вооруженного свержения Советской власти, что совсем не означает „политики повстанчества". „Повстанчество" может быть частью, совсем, впрочем, необязательной, широкой вооруженной борьбы с властью. Существенна и важна именно политика свержения, а не „политика повстанчества". С этой точки зрения мы снова заявляем,—и пусть это заявление попробуют опровергнуть вожди меньшевизма, русского и международного,—что никакой политической разницы между группой „Зари", правым крылом меньшевизма и допущенной на конгресс партией эсеров нет. Если вождям меньшевистского Интернационала серьезно хотелось отмежеваться от политики интервенции и вооруженной борьбы с республикой Советов, они должны были вместе с Ивановичем изгнать Чернова, Кучина, Аронсона, Гарви.

Но на самом деле, в конце концов, они не изгнали даже Ивановича. Наоборот, перед ним открыли дверь, ему предложили через некоторое время пожаловать в ряды „объединенной социал-демократии".

Иванович, по его словам, сообщил мандатной комиссии после провала его мандата, что члены комиссии значительно затруднили объединение всероссийской социал-демократии.

„Это мое заявление,—сообщает далее Иванович,—вызвало ряд успокоительных заявлений и заверений со стороны некоторых членов комиссии, но разговор на эту тему не имел уже в этот момент никакого значения, и я откланялся. Отражение свое он нашел в заключении доклада Криспина пленуму, когда после боевых нот зазвучало примирительное предложение вступать нашим членам в официальную РС-ДРП“.

Вот оно—устранение всех „затруднений“, гениальное решение вопроса! „Заря“, как группа, не допускается, а отдельные ее члены могут вступать в партию меньшевиков. Это предложение Иванович совершенно справедливо называет „примирительным“, и оно в самом деле, в конце концов, примирит все течения социал-демократии. Так или иначе, но единство полное будет достигнуто.

Тем временем—„товарищи из России“ требуют от вождей меньшевизма „нового, еще более категорического отмежевания“ от группы „Зари“. С большой охотой и с великим шумом руководители меньшевизма от грешных заристов отмежевываются. Это сейчас им очень выгодно и даже необходимо. Сделав решительный поворот направо, они на всякий случай некоторое время должны делать вид, что теперешний меньшевизм не так уже контр-революционен, что есть еще настоящие правые социал-демократы, которых меньшевики к себе в партию не пускают... Эта военная хитрость должна обмануть наивных людей относительно истинной физиономии нынешней меньшевистской партии. Может быть, кого-нибудь в самом деле она и обманет, но во всяком случае не нас.

Есть еще другое обстоятельство, побуждающее меньшевиков отмежевываться от „Зари“. „Заристы“ ведут себя весьма агрессивно в отношении официальной партии меньшевиков, они ставят вопрос не более, не менее как об отставке теперешней руководящей верхушки меньшевистской партии. Вот, например, как рассуждает Иванович (№ 4 „Зари“ за 1923 г.):

„Не все, что теперь находится в рамках партии, есть соц.-демократия, и не все, что есть соц.-демократия, находится в рамках официальной партии. Воссоздать партию—значит ее собрать. Но бессмысленно думать, что ее можно собрать, покорив одних под нози другим. Партию можно собрать только вокруг новой платформы, учитывающей ошибки прошлого и слишком наглядный опыт большевизма. Такая платформа не может, конечно, быть не чем иным, как результатом соглашения разных течений на основе равноправности всех его участников. Ни почтенные титулы, ни праводавности, ни сомнительные мандаты наскоро сколоченных собра-

ний и конференций не могут дать формального перевеса тому или иному течению. Как бы ни сконструировалась партия в будущем, сейчас, в диких условиях диктатуры, при ужасающем разброде и распаде, необходимо проявить величайшую терпимость к обнаружившимся течениям, совершенно отказываясь от суда, расправы и милости. Монополистов в деле воссоздания партии нет и быть не может, и всем претендентам на такую монополию надо указать их место. Политическим деятелям, сдающим свои идейные позиции, надо сдать и свою власть. Это относится как к тому моменту, когда они покидают свои принципы, так и к тому, когда они нехотя, застревая на полдороге, к ним возвращаются. Мы достаточно нагляделись в России на правую политику, делаемую левыми руками, и левую политику, делаемую руками правыми. Надлежащие руки за надлежащим делом—таков должен быть руководящий принцип. Это только английский король читает ту тронную речь, которую ему изготовит победившая партия. Но это совершенно не годится для с.-д. партии,—чтобы одни и те же короли читали каждый раз совершенно противоположные речи. Наступает время, когда им полезно и для всей партии полезно, чтобы они немного побывали и в оппозиции".

Вопрос поставлен весьма ясно и просто. Для официальной соц.-демократии здесь приемлемо все, кроме...отставки. Партию необходимо собрать,—это для них бесспорно. Собрать можно вокруг новой платформы,—это они понимают, и собирание начали как раз после выработки новой платформы. Платформа может быть результатом соглашения разных течений, на основе равноправности этих течений. В октябре 1922 г. объединение было провозглашено как раз на основе сближения,—эволюции и равноправности всех идейных течений, долженствующих „оплодотворять" друг друга. Наконец, величайшая терпимость, отказ от суда и расправы,—всеми этими принципами целиком руководствуется современная соц.-демократия. Меньшевики амнистировали всех пособников белой гвардии и сторонников интервенции. Меньшевики проявили величайшую терпимость к самым реакционным течениям.

На мировой арене соц.-демократия точно так же обнаружила необычайную „широту" взглядов и „терпимость". Кто только не получил амнистии, кто только не входит сейчас в состав нового „рабочего" Интернационала? Словом, все эти „великие" принципы, выдвигаемые Ивановичем, целиком приемлемы и осуществляются русской и мировой соц.-демократией. „Заристы" и в этом пункте могут считать себя вполне удовлетворенными, и здесь их точка зрения воспринимается официальным меньшевизмом. Тем не менее они становятся жертвой величайшей несправедливости. И нужно признаться, что вина за это отчасти падает и на них. Почему им надо было ставить вопрос так ясно и даже... грубо? „Политическим дея-

телям, сдающим свои идейные позиции, надо сдать и свою власть"! Ведь меньшевики—народ сугубо-деликатный, они к такой грубости не привыкли.

Верхи меньшевистской партии обязываются своими „розовыми" руками делать бело-социал-демократическое дело. Правое крыло меньшевизма победило. Никакой иной „речи", кроме сугубо-правой, Дан и Далин „читать" не могут и, главное, не хотят, ибо ведь, в конце концов, левыми никогда они не были,—только под влиянием обстоятельств делали временные уступки левым настроениям. „Заристы" по чистой совести могли бы успокоиться на своей решительной фактической победе и не требовать формальных отставок. Они погорячились и тем несколько испортили себе дело. Зачем, в конце концов, Дану „чужие" будирующие, воинствующие белые социал-демократы, когда и своих достаточно? Зачем непременно связываться с грубоватым Ивановичем, когда налицо милейший Либер? Зачем формальный союз с внепартийной группировкой, когда для дела совершенно достаточно воссоединения со своей внутрипартийной группировкой? Зачем внепартийные активисты, когда имеются внутрипартийные активисты?

Ибо мы же ведь знаем, кто такие эти внутрипартийные правые! Это—июльские усмирители, это—октябрьские сподвижники Краснова и участники юнкерского восстания. Это—пособники Колчака, Деникина, Юденича, это—цепные псы капитала, жаждущие нализаться кровью „непокорных" русских рабочих. Это—интервенты, это—герои Казани, Иващенкова, Архангельска, Грузии, Крыма, Одессы, это—гнуснейшие политические потаскухи, подлые прислужники генеральско-помещичьей контр-революции. Это ненавистники рабочего класса, с которыми революция должна расправляться как с бешеными собаками.

И такие элементы господствуют ныне в меньшевистской партии! Вспомним Ерманского. В партию „хлынул поток мещанства". Этот „поток" создал для „левых" „невыносимую атмосферу". Началась „борьба двух классовых идеологий". Левая и центр — руководящие фракции партии — „пассивны". Правые, представляющие „поток мещанства", наоборот, весьма активны, энергичны, настойчивы: „они открыто идут на уничтожение сложившейся партии", они иногда „прямо издеваются" над этой многотерпеливой „сложившейся партией".

Руководители меньшевизма этих будущих „могильщиков" партии „принимают, амнистируют даже в тех случаях, когда ловят с поличным, проявляют необычайную дряблость и попустительство". „Могильщики все более смелеют, руководители меньшевизма становятся все более „терпимыми": каждый раз вновь и вновь проваливаются на этом самом месте"...

Кончается вся эта довольно однообразная история „манифестом" ЦК партии меньшевиков об „единстве". „Хлынувшее" в меньшевистскую партию мещанство утверждается в своих правах, — „сложившаяся партия" уничтожена. Перед нами—„новый меньшевизм".

Что же такое меньшевизм?

Меньшевизм и ревизионизм.

В какой связи находится современный меньшевизм с классическим ревизионизмом? Возьмем теорию знаменитого Бернштейна, ныне имеющего полное право заявить, что борьба Каутского и всего центра социал-демократии против него окончилась его, Бернштейна, полной победой. Совершенно бесспорно, что ныне каутскиантство и бернштейнианство есть одно оппортунистическое течение.

Так вот какова исходная точка ревизионизма, как она была формулирована Бернштейном еще в конце 90-х годов.

Капитализм справляется с главнейшими затруднениями, стоящими на его пути. Капитализм оказывается способным обеспечить рабочему классу безбедное существование. Социализм придет в результате спокойного развития капитализма в рамках демократии. Отсюда вывод: все основные вопросы должны решаться посредством сотрудничества классов в рамках демократии. Никакой диктатуры, никакой гражданской войны, никакого обострения отношений между классами!

Точно так же рассуждает ныне русский и мировой меньшевизм. Гамбургский конгресс вопрос о сотрудничестве классов оставил открытым! Гамбургский конгресс в этом основном вопросе сделал гигантский шаг назад, по сравнению со II Интернационалом. Гамбургский конгресс фактически освятил сотрудничество классов, так как он ни от кого решительно не требует ведения классовой борьбы против капитализма и капиталистических правительств. Гамбургский конгресс освятил коалиционную политику. Самое большее, что от министра-социалиста требуется, это выход из Исполкома социал-демократического Интернационала в том случае, когда члены этого Исполкома входят в состав буржуазных правительств. Но это как раз то, что нужно и буржуазии, и министрам-социалистам: выходя из состава Исполкома, они становятся абсолютно независимыми даже от меньшевизма и без всякого стеснения могут творить чисто-буржуазную политику.

Гамбургский конгресс, это—величайшая победа Бернштейна, как его победой является вся теория и практика международной социал-

демократии, начиная с 4 августа 1914 г. Не революция, а реформа, не борьба с капитализмом за социализм посредством диктатуры, а постепенное вползание в социализм на почве демократии. Вот сущность современного меньшевизма. Послушаем теперь, что писал Бернштейн в 1899 г. в своих „Социальных проблемах:

> Нужно, чтобы „в социал-демократии оказалось достаточно мужества, чтобы избавиться от устарелой фразеологии и казаться тем, что она есть в действительсти, т.-е. демократически-социалистической партией реформ. Что же такое в настоящее время социал-демократия, как не партия, которая стремится к преобразованию общества в духе нашего учения посредством демократических и экономических реформ?“ (Бернштейн: „Социальные проблемы“, стр. 272).

Эти слова как будто написаны в нашу эпоху,—эпоху демократии Стиннеса—Шнейдера — Рокфеллера. Все то, что сейчас пишется в обоснование теории и практики социал-демократии, уже было сказано давно Бернштейном. Далин в своей ренегатской книге не говорит буквально, что меньшевистская партия должна стать партией реформ, но каждая строчка его книги кричит о том, что он хочет превратить меньшевизм в самую жалкую, самую крохоборческую, самую мирнообновленческую, самую законопослушную партию реформ. А Каутский? Стоило ли этому бедняге в течение десятков лет воевать против Бернштейна, чтобы под конец повторить решительно все то, с чего начал Бернштейн? Ведь всякий, кто прочитает „Программу пролетарской революции“ Каутского скажет: это второе, вряд ли улучшенное, издание „Социальных проблем“ Бернштейна.

Еще одно доказательство. Выше мы видели, с какой энергией Далин восставал против „утопии“ Маркса, Энгельса, Бебеля, Лассаля и проч. закоренелых большевиков. Послушайте теперь Бернштейна. В предисловии к своей работе он писал:

> „Главная цель этой работы заключается в том, чтобы, разбив последние остатки утопического образа мыслей в социалистической теории, усилить реалистический и идеалистический элементы в современном экономическом движении“.

Снова и снова: „ты победил“, можем сказать мы Бернштейну. Кто сейчас в рядах социал-демократии не разбивает „последние остатки утопического образа мыслей?“ Кто сейчас не насаждает „реализм“—в политике, идеализм—в философии, кто только не трудится усерднейшим образом над тем, чтобы рабочий класс не сбился с истинного пути, чтобы он не разуверился во всемогуществе буржуазии и не поверил в свои собственные силы? Рабочий класс должен быть скромным, рабочий класс должен знать свое место, он не может претендовать на господство в стране, он не может обойтись без буржуазии. Так говорит социал-демократия во всем мире. Отсюда выводится необходимость коалиций. А вот что писал Бернштейн в 1899 г.:

„Несмотря на успехи в умственном, политическом и промышленном отношении, сделанные рабочим классом со времени появления трудов Маркса и Энгельса, я все-таки не считаю этот класс достаточно развитым для того, чтобы принять в свои руки политическую власть“. (Там же, стр. 302.)

Обратитесь в 1923 г. с такого же рода вопросом к Бернштейну, Каутскому, Гильфердингу, Вандервельде, Дану, Абрамовичу,—все они в один голос ответят: „мы не считаем этот класс достаточно развитым для того, чтобы принять в свои руки политическую власть“. Мы, социал-демократы, должны его еще воспитать, должны его еще приучить к власти, а это возможно только коалицией, только в союзе с буржуазией. То, что Каутский когда-то говорил, именно, что зрелость класса может быть измерена только на опыте,—это давно забыто. Как! Да ведь это,—говорят они,—сплошная утопия, это ведь сплошной большевизм—проводить „эксперименты“ над государством! О, нет, времена „утопизма“ давно прошли! Недаром Бернштейн работал, недаром Каутский под флагом ортодоксии опошлял марксизм,—„утопический“ образ мыслей в рядах социал-демократии ликвидирован, и революционным опытом никто ныне способность рабочего класса измерять не будет. Да и к чему революция, когда есть демократия? Что может дать революция, кроме разрухи, голода и нищеты? За революцию социал-демократия стояла тогда, когда она была еще „утопической“, а ныне вся она усвоила мудрость, которую в свое время развивал Бернштейн. Вот к чему эта мудрость сводилась:

„Не в те времена, когда чартистское движение носило наиболее революционный характер, добились английские рабочие права голоса, а в те, когда умолк революционно-боевой клич, и рабочие вступили в союз с радикальной буржуазией для достижения реформ...“ („Соц. пробл.“, стр. 275.) „Ни одному благоразумному социалисту в Англии не грезится уже теперь будущая победа социализма при помощи великой катастрофы, никто не думает о завоевании парламента революционным пролетариатом... А конечная цель? Она остается конечной целью“. (Там же, стр. 283.)

В этих словах Бернштейна вся душа современного меньшевизма. Не „революционно-боевой клич“, а союз с буржуазией для достижения реформ. Не „великая катастрофа“, а мирное сотрудничество на почве демократии, не практическая борьба во имя конечной цели, а сохранение этой конечной цели только лишь в виде вывески для обмана простаков! „Конечная цель остается... конечной целью“. Она может быть осуществлена через 200 лет, может быть, не будет осуществлена и вовсе. Пусть над этим вопросом ломают голову „утописты“, мы, мудрые Бернштейны, Каутские, Далины, Даны и Гильфердинги, будем делать реальное дело укрепления демократии Стиннеса и других. Мы будем отвлекать пролетариат от всякой мысли о его исторических задачах, мы будем отговаривать его от борьбы за власть,

мы будем предостерегать его от преувеличения роли власти. Вслед за Бернштейном мы будем повторять, что не следует „приписывать власти почти всемогущую творческую силу“. Работа в профсоюзах, борьба за повышение зарплаты, работа в кооперативах,—словом, занятие „чисто рабочими“ делами, а в области политической— постоянное и добросовестное „сотрудничество“ с партиями крупного капитала. Вот реализм, вот практицизм, вот мудрость современного меньшевизма!

Как луна является спутником земли, так пролетариат является спутником буржуазии, как луна не имеет собственного света, так и рабочий класс не имеет собственной силы, собственных исторических целей и задач. Рабочий класс светит отраженным светом буржуазии— главной руководящей, командующей, направляющей силы государства. Так думает, так проповедует мировая социал-демократия.

Меньшевизм некогда клялся марксизмом, клялся революционностью и демократичностью. Ныне в меньшевизме нет ни грана марксизма, ни грана революционности, ни даже последовательного демократизма. Самый жалкий практицизм, самая яркая беспринципность самое вопиющее безволие и бессилие в борьбе с капиталом и, как венец всего, самое кричащее теоретическое оскудение. Если кто хочет убедиться в прямо-таки катастрофическом теоретическом убожестве меньшевизма, пусть прочитает произведения Каутского и прежде всего его „Программу пролетарской революции“. Это бездарнейшее сочинение является символом вырождения и духовной нищеты мирового меньшевизма.

* * *

Бывшие левые социал-демократы свое поправение откровенно объясняют... победой реакции. Рабочий класс побежден и подавлен,— с этим необходимо считаться, а считаться — это значит выбросить за борт все элементы революционности.

Исходя из факта победы реакции, можно сделать двоякого рода выводы: можно готовиться к новой борьбе и можно оставить всякую мысль о ней. Коммунисты из факта победы реакции делают вывод о необходимости накопления сил пролетариата под знаком новой, более энергичной и более широкой борьбы с капитализмом. Оппортунисты, наоборот, ставят вопрос о примирении с капиталистической реакцией, призывают пролетариат к „соглашению“ с ней. Коммунисты хотят разрушить господство реакции,—оппортунисты содействуют укреплению господства реакции.

Международный меньшевизм, снова собравшийся под единым желтым знаменем II Интернационала, даже в своем „левом“ крыле отряс от своих ног прах революционной эпохи 1919 — 1920 г.г. Он исходит из незыблемости буржуазного господства, он признает лишь одну форму „борьбы“—коалицию с партиями одержавшей успех буржуазии.

Мы знаем, куда буржуазия направляет ход общественного развития. Воля и активность буржуазии, энергия и сознательность ее передовых представителей имеет величайшее историческое значение, для судеб капитализма. Воля и активность рабочего класса, энергия, сознательность и преданность его представителей революции имеет величайшее значение для судеб социализма.

Куда меньшевизм направляет эту волю и эту активность рабочего класса? В сторону отказа от исторической задачи пролетариата. Вот, например, в феврале 1923 г. „Социалистический Вестник“ напечатал статью бывшего коммуниста, впоследствии немецкого социал-демократа Рейтера-Фрисляида. Фрисляид — один из руководителей германской социал-демократии, член редакции „Форвертса“—радуется тому, что в результате „многолетнего опыта пореволюционного времени“ германский пролетариат утвердился на позиции „реально-политического мышления“, „непосредственного трезвого и практически действенного представительства своих очередных интересов“. Каждый пролетарский политик поймет сразу смысл этих словечек. „Реализм“, „трезвость“, заботы только об „очередных“ интересах,— это все из „вечного“ лексикона ревизионизма, бернштейнианства, тред-юнионизма—в Европе, экономизма, меньшевизма, ликвидаторства — в России. Общее всем этим течениям, это— отказ от революции, ожидание реформ от „сотрудничества классов“. Знамя революции в Европе держит в руках только коммунизм.

Европейская социал-демократия радуется радостью „своей“ буржуазии, как недавно русский меньшевизм делил радости и горе с русским капиталом. Но вот уже шестой год, как русский меньшевизм горько плачет вместе с русской буржуазией. Такая же судьба уготована и европейскому меньшевизму. И пусть он, вместе с капиталистической реакцией, восторгается по поводу „реально-политического мышления“ робочего класса. Это не вечно. „Трезвость“ тупого, ограниченного крохоборства сменится трезвостью борца, носителя великой исторической миссии ликвидации капитализма. И тогда поплачет европейская социал-демократия, как нынче плачет русский меньшевизм, и тогда разложится и развалится она, как ныне разложился и развалился русский меньшевизм.

История умеет наказывать изменников революции, т.-е. в конечном счете изменников исторического прогресса. Она жестоко наказала русскую социал-демократию. Она столь же жестоко накажет международную социал-демократию.

Большевики и якобинцы, или Аксельрод, зарезавший меньшевизм.

Что такое якобинцы? Это революционная партия буржуазии, взвалившая на свои плечи разрешение исторических задач своего класса, исторических задач всей эпохи. Это—партия, под зна-

менем революционной буржуазии объединившая нацию и приведшая ее к победе над феодализмом.

Что такое большевики? Это—революционная партия пролетариата, взявшая на себя разрешение исторических задач своего класса, исторических задач всей эпохи. Это—партия, под знаменем революционного пролетариата объединившая нацию и приведшая ее к победе над феодализмом, капитализмом, над системой частной собственности. Это—партия, своей победой открывшая эру непосредственной борьбы за уничтожение капитализма и утверждение социализма.

Средне-европейская революция, появление на историческую арену „мирового большевизма“ заставили официальный меньшевизм признать, что Октябрьская революция являлась исторически необходимой, что большевизм нашего времени выполняет в общем роль якобинцев конца XVIII века.

Представители правого крыла меньшевизма с такого рода признаниями мириться, конечно, не могли. В сентябре 1920 года с решительной критикой точки зрения ЦК меньшевиков выступил Аксельрод. В письме к Мартову (оно было опубликовано в „Соц. Вестнике“ в апреле 1921 г.) он писал;

> „Вы ссылаетесь на пример великой французской революции... Внешние черты сходства между режимом якобинцев и большевиков, несомненно, имеются, но сходство это приблизительно такое, какое существует между ловкой пародией и оригиналом, или между искусным подражанием грандиозному стихийному событию и самым этим событием“.

Таким образом французская революция—„грандиозное стихийное событие“, а революция русская—только „подражание“. „Грандиозная стихия“ здесь не действовала, десятки миллионов рабочих, солдат, крестьян в движение не были вовлечены!.. Аксельрод продолжает:

> „Большевистский якобинизм, это—трагическая пародия на психологической основе геростратизма и „сверхчеловеческого“ аморализма. Якобинцы достигли власти в результате стихийного хода великой французской революции... Большевики же узурпировали диктатуру, насильственно устранив от власти всю социалистическую демократию“.

Разумеется, якобинцев толкала вперед, делала решительными „стихия“; разумеется, они действовали под энергичнейшим давлением парижской коммуны и парижских секций (районов). Гора явилась орудием революционного процесса. Гора „достигла власти“ именем революции. Но формально якобинцы „узурпировали диктатуру“, ибо „насильственно устранили“ Жиронду. Формально они нанесли удар принципам „демократизма“. Как произошло падение Жиронды?

Восстановим кратко это великое историческое событие по Жоресу, авторитет которого для всякого меньшевика бесспорен.

Жиронда давно уже стала тормозом революции. Но—говорит Жорес—„монтаньяры не имели шансов победить жирондистов в борьбе на законной почве, к чему стремился Робеспьер. Оставался выход, к которому склонялись Марат и Дантон, — насильственное удаление жирондистов из Конвента“. И Жорес это явное покушение на „волю народа“, на принципы „демократии“ одобряет, ибо иного выхода не было, ибо иначе Жиронда погубила бы революцию. Но Робеспьер долго еще колебался. Он — говорит Жорес — „стоял за выжидательный образ действий и легальные методы борьбы с жирондистами, не нарушающие принципа неприкосновенности депутатов и не причиняющие ущерба идее народного представительства“. Однако „принцип неприкосновенности“, в конце концов, был резко нарушен, „идея народного представительства“ потерпела величайший ущерб. Это сделала та самая „грандиозная стихия“, которая Аксельроду, повидимому, нравится... для Франции XVIII века.

В защиту „прав демократии“ против „насилий“, против „узурпации“ энергично выступала Жиронда. 25 мая 1793 года председатель Конвента жирондист Иснар говорит: „Если когда-нибудь Конвент будет унижен, если когда-нибудь в результате одного из мятежей, которые беспрерывно окружают Национальный Конвент..., дело дойдет до посягательства на национальное представительство, то я вам заявляю от имени всей Франции, что Париж будет сравнен с землей, и скоро на берегах Сены придется искать место, где он находился“.

„Мятежи... беспрерывно окружали“ Конвент. Революционная стихия давила на монтаньяров и заставляла их решительно ставить вопрос о ликвидации Жиронды. 27 мая народ врывается в зал заседаний Конвента и заставляет его принять решение об уничтожении созданной по инициативе жирондистов контр-революционной комиссии 12-ти. Таким образом Конвент „унижен“, ибо он подчиняется давлению „толпы“.

31 мая вспыхнуло организованное районами восстание против Жиронды. Коммуна, формально реорганизуясь, подчиняется воле революционного народа. Революционный генеральный совет коммуны главнокомандующим парижской национальной гвардии назначает решительного санкюлота Анрио. Вот в каком положении, по словам Жореса, очутился в этот момент национальный Конвент: „Набатный колокол продолжал тем временем звучать. Заставы у въездов в город были закрыты. Все большее количество вооруженных людей продвигалось к Конвенту. Наконец послышался бой барабанов и сигнальные выстрелы пушек, данные, по приказанию Анрио, в нарушение закона, предоставлявшего право давать эти сигнальные призывы только Конвенту“.

Вы видите, как „недемократически“ действует „стихия“. Права Конвента „узурпируются“ и в большом, и в малом. Вопрос решают „вооруженные люди“. Наиболее сильный аргумент—пушка...

31 мая не решило судьбу Жиронды. Этот день окончился компромиссом и еще одним „унижением“ Конвента: он принял резолюцию, в которой заявлял, что Париж своим восстанием против Жиронды оказал большую услугу родине...

Судьба контр-революционной Жиронды была решена 2 июня. Делегаты коммуны и революционных секций потребовали от Конвента „обвинительного декрета“ против вождей Жиронды. „Уступая давлению народа,—пишет Жорес,—депутаты „болота“ внесли предложение о временном аресте указанных депутатов“. 32 жирондистских вождя были отправлены в тюрьму за тем, чтобы через некоторое время сложить свои головы на гильотине. Якобинцы пришли к власти.

Чем этот путь отличается от того пути, по которому большевики пришли к власти? Тем, во-первых, что „стихия“, поднявшая большевизм наверх, была несравненно более грандиозной, чем стихия французской революции; тем, во-вторых, что большевики энергично руководили движением масс, в то время как якобинцы это руководство осуществляли в слабой степени: тем, в-третьих, что большевики, опираясь на небывало широкий и прочный социальный базис, не прибегли к физическому истреблению вождей Жиронды, даже тогда, когда это истребление вполне оправдывалось обстоятельствами; тем, наконец, что путь большевизма оказался победоносным, а якобинцы пали жертвой контр-революции. Элементов „насилий“, „узурпаций“, терроризма в тактике французских якобинцев было, несомненно, никак не меньше, чем в тактике большевиков. Так что противопоставлять—как это делает Аксельрод—якобинский „стихийный“ приход к власти большевистскому „узурпаторскому“ захвату власти совершенно бессмысленно. Якобинцы путем революционного насилия свергли Жиронду, большевики посредством того же революционного насилия свергли правительство коалиции, отбросили от власти Жиронду русской революции. Ведь нельзя ни на минуту забывать того факта, что жирондисты находились от якобинцев на таком же расстоянии, на каком эсеры и меньшевики находились от большевиков.

Таким образом ясно, что только мещанские тупицы, жалкие старьевщики истории могут говорить, что „большевистский якобинизм—это трагическая пародия“. Деятелям великой буржуазной революции даже не мог присниться тот гигантский размах, какой имела Октябрьская революция. И все же, по мнению Аксельрода, русская революция, это—„ловкая пародия“ по сравнению с французским „оригиналом“... Большевики победили благодаря своему „сверхчеловеческому аморализму“. Вот поистине „сверхчеловеческая“ по своей глупости „философия истории“ вождя русского меньшевизма...

Мартов не соглашался с Аксельродом. Вместе с Отто Бауэром он считал, что большевики с полным правом могут ставить себя рядом с якобинцами. Они выполнили те же исторические задачи, что якобинцы, выполнили только хуже своих предшественников. Почему

хуже? Большевики — говорит Мартов — „взяли на себя и, подобно якобинцам, разрешили поставленную историческим развитием задачу радикального устранения социальных основ старой монархии“. Это они сделали хорошо. „Только большевистская партия оказалась... способной быстро ликвидировать политику коалиционно-оборонческого топтанья на месте“. Только большевики смогли окончить войну, которая велась в интересах Антанты.

Все это Мартов одобряет. До этого пункта большевики—добрые якобинцы, и напрасно их Аксельрод ругает. Но дальше начинается нечто очень уж нехорошее. Большевиками овладевает болезнь „утопизма“. Они сами испортили дело, ибо „пытались использовать свое руководящее положение в этом исторически прогрессивном процессе для того, чтобы осуществить коммунистическую революцию“. („Соц. Вестник“ № 8, апрель 1921 г.)

Ведь вот какие преступники! „Использовали свое руководящее положение“. Чистое „злоупотребление властью“. Им недостаточно было уничтожения „социальных основ старой монархии“,—подняли еще руку на „социальные основы“ буржуазии. Все это Мартов считает выполнением своей задачи со стороны большевиков „много хуже своего исторического предшественника“. Таким образом в XX веке большевикам нужно было целиком копировать, именно рабски „подражать“, слепо следовать за якобинцами конца XVIII века. Во Франции буржуазные революционеры уничтожали „социальные основы старой монархии“,—в России пролетарские революционеры XX века ни в коем случае не должны были выходить за те же самые антифеодальные, чистобуржуазные рамки. Большевики „свое руководящее положение“ должны были использовать не для „осуществления коммунистической революции“, а для укрепления буржуазии. Тогда все было бы в порядке, и Аксельроды, вероятно, были бы такой „славной“ революцией довольны. Большевики, по мнению Мартова, имеют право на существование в том только случае, если они „социальные основы старой монархии“ уничтожают по точным образцам якобинцев. Но всякий шаг вперед и дальше якобинцев ставит их в противоречие с теми задачами, разрешение которых дает оправдание их существованию...

На какие, однако, убогие, жалкие мысли бывал способен этот покойный вождь меньшевизма! В 1919—1920 г.г. большевистская революция им самим и его партией объявляется „гигантским бродилом, приводящим в движение весь мир“, наносящим сокрушительные удары капитализму, открывающим эру борьбы за социализм. А в мае 1921 года тот же Мартов уверяет, что существование большевизма „оправдывается“ постольку, поскольку он разрешает удачно задачу утверждения „социальных основ“ капитала. Мартову и в голову не приходила мысль о том, что не могла большевистская партия революцию, проведенную против помещиков, буржуазии, мещанства, верхов мелкой буржуазии, интеллигенции, высших служащих,—

не могла она эту противобуржуазную революцию поставить на службу буржуазии. Робеспьер был буржуазным революционером, Ленин является пролетарским революционером,—не могли они действовать во имя одной и той же цели. Во Франции рабочий класс в конце XVIII века не стал еще „классом для себя“, он шел за буржуазией, в России в начале XX века пролетариат выступает в качестве наиболее передового класса и ведет за собою подавляющее большинство народа. Французская революция происходила на заре капитализма. Русская революция вспыхнула в эпоху умирания капитализма, она вышла из империалистической войны, явившейся следствием тягчайшего кризиса капиталистического мира; она продолжает и предваряет великое революционное движение европейского рабочего класса...

Всех этих соображений для Мартова не существует. Большевики не смеют „использовать свое руководящее положение“. Они должны утверждать господство буржуазии, а не рабочего класса...

* * *

Подведем итоги. Аксельрод обвиняет большевиков в том, что они „искусно подражают“ якобинцам, что вся их революция, это— „ловкая пародия“, „трагическая пародия“ якобинизма. Мартов, наоборот, обвиняет большевиков в том, что они не ограничиваются „подражанием“, копированием якобинцев, что они заходят слишком далеко в область „утопий“, что большевики просто сверх-якобинцы и этим как раз „хуже“ французских якобинцев. Словом, „не довернись—бьют (Аксельрод), перевернись—бьют“ (Мартов).

Как в действительности обстоит дело с большевистским якобинизмом? В 1904 году Ленин в своей книге „Шаг вперед“ на вопрос что такое якобинец нашего времени, отвечал: революционный социал-демократ, связанный с рабочим классом и ведущий его к разрешению его великой исторической задачи, и есть якобинец XX века. Такими якобинцами нашего века, якобинцами пролетариата являются большевики-коммунисты. Перед ними стоят несравненно более высокие, несравненно более широкие задачи, чем те, которые стояли перед якобинцами конца XVIII века. Они одну форму рабства заменяли другой, более прогрессивной формой рабства, одну систему частной собственности меняли на другую.

Пролетарские якобинцы XX века освобождают человечество от всякого рабства, ликвидируют все системы частной собственности, закладывают фундамент нового мира труда и солидарности.

А какова роль жирондистов нашего века? Где они? За ответом обратимся к Аксельроду. Он пишет:

> „Если бы большевизм был в самом деле таким же исторически-законным явлением, каким был якобинизм 1792—1793 г.г., то наша партия, борющаяся против него, играла бы роль жирондистов в российской революции“.

Ясно. Блестящий ответ дан! Только кретины могут теперь спорить относительно того, есть ли большевизм „исторически-законное явление“. И место меньшевизма в революции совершенно очевидно: он играл роль Жиронды... Слушайте, Аксельрод продолжает:

„Коротко, если большевики и только они выполняют у нас надлежащим образом исторические задачи революции, как якобинцы в свое время во Франции, то **борьба наша против них, по существу контр-революционна.** Наша прямая обязанность, наш революционный долг—**вступить в их ряды,** и если уже делать оппозицию, то крайне осторожную, частичную и, разумеется, **благожелательную**“. („Соц. Вестник“ № 6, 20 апреля 1921 г.)

Кончено! Приговор произнесен! Своей собственной рукой, сам того не желая, Аксельрод зарезал меньшевизм. Вывернуться тут невозможно. „Исторические задачи революции“ разрешены „надлежащим образом“ именно большевизмом. Борьба меньшевиков против коммунистической партии была и есть борьба контр-революционная.

Лучшая часть меньшевизма, отвергая контр-революционную борьбу, стала на второй путь, намеченный в письме Аксельрода. Эта лучшая часть меньшевизма начинала с того, что делала оппозицию „крайне осторожную, частичную и, разумеется, благожелательную“. А затем, на общереволюционной работе сблизившись с большевиками, „вступала в их ряды“. Аксельрод правильно наметил два пути меньшевизма—революционный и контр-революционный. Тот, кто хотел борьбы и работы во имя революции, окончательно порвал с меньшевизмом и стал под знамя большевистского якобинизма. Тот, кто хотел борьбы против революции, остался в рядах меньшевизма и попрежнему стоит под бело-желтым знаменем Жиронды.

Аксельрод заслуживает от нас величайшей благодарности за откровенную постановку вопроса о Жиронде в революции нашего времени. Для русского марксизма это старый вопрос. Добиваясь ответа на вопрос: „что такое меньшевизм?“, необходимо внимательнее изучить вопрос о Горе и Жиронде пролетарского освободительного движения.

Гора и Жиронда пролетарской революции.

В феврале 1901 г. в № 2 „Искры“, в статье „На пороге XX века“ Г. В. Плеханов писал:

„Двадцатый век осуществит лучшие, радикальнейшие стремления XIX века. Но как ни твердо уверены мы в победе пролетариата, как ни ясно видим мы стоящую перед ним великую цель, мы не хотим обманывать ни себя самих ни наших читателей. Мы вовсе не думаем, что нас ждет легкая победа. Наоборот, мы хорошо знаем, как тяжел путь, лежащий перед нами. Нас ожидает на нем много частных поражений и тяжелых разочарований. Немало в течение этого пути ра-

зойдется между собой людей, казалось бы, тесно связанных единством одинаковых стремлений. Уже теперь в великом социалистическом движении обнаруживается два различных направления, и, может-быть, революционная борьба XX века приведет к тому, что можно будет с соответствующими оговорками назвать разрывом социал-демократической Горы с социал-демократической Жирондой".

Поразительно гениальное пророчество покойного Плеханова не нуждается в комментариях. Второе десятилетие XX века осуществило уже разрыв между Горой и Жирондой рабочего класса в самой яркой, в самой драматической форме, и в результате этого разрыва слишком много разошлось между собой „людей, казалось бы, тесно связанных единством одинаковых стремлений". В огне революции идея аргументирует штыками, и малейшее разногласие может поставить людей по разные стороны баррикады. В полной мере оправдалось и предвидение Плеханова, что нас не ждет легкая победа, что борьба будет неслыханно тяжелой и кровавой. Год с лишним спустя после выступления Бернштейна со своей программой ренегатства и отреченства, когда знамя ревизионизма, т.-е. демократического социализма, было широко развернуто, вождь русского революционного марксизма свой острый взгляд бросал в грядущее и там видел великую цель, стоящую перед пролетариатом, а не жалкое трусливое прислужничество буржуазии. Острым взглядом теоретика и революционера он уловил, что ревизионизм превратится в социал-демократическую Жиронду, которая будет вести непримиримую борьбу против революционно-пролетарской Горы. Плеханов указывал русским экономистам, предтечам меньшевизма, что именно они выполнят роль Жиронды в русской социал-демократии. Орган экономистов „Рабочее Дело" на это отвечал Плеханову:

> „Гора и Жиронда представляли... разные классы или слои... В современном же социалистическом движении нет столкновения классовых интересов; оно все целиком, во всех своих разновидностях, включая и самых отъявленных бернштейнианцев, стоит на почве классовых интересов пролетариата, его классовой борьбы за политическое и экономическое освобождение".

Великая революция политически разрезала французскую буржуазию на две части: и Жиронда, и Гора вышли из рядов буржуазии. И Жиронда и Гора в первый период революции находились в одном лагере. Гора и Жиронда представляли разные слои, но не разные классы. Эти партии отличались друг от друга не тем, что имели под собой различную социально-классовую основу,—нет, разница заключалась в ином. Гора—это была революционная партия буржуазии, понимавшая исторические цели и задачи своего класса, добивавшаяся радикальной ликвидации дворянско-феодального строя, способная на осуществление гегемонии буржуазии. В лице Горы буржуазия революционно возглавила французский народ, привлекла на свою сторону и подчинила своему влиянию пролетариат, крестьянство, ремесленников.

Жиронда—это была та партия буржуазии, которая не понимала и не желала разрешения исторической задачи буржуазии, которая не стремилась к решительной ликвидации остатков средневековья, которая оказывалась неспособной осуществить гегемонию буржуазии против двора, дворянства и духовенства.

Вот в чем, на наш взгляд, суть различия между Горой и Жирондой. Буржуазия была главным классом французской революции. Буржуазная партия, которая оказывалась неспособной понять это и сделать отсюда необходимый вывод о решительной революционной борьбе со всем старым строем, такая партия фактически предавала длительные классовые интересы буржуазии, потребности нации, заинтересованной в освобождении от остатков абсолютизма, задерживала ход исторического прогресса.

Перейдем теперь к социал-демократической Горе и Жиронде. Орган экономистов уверял, что „в современном социалистическом движении нет столкновений классовых интересов“, что, изволите ли видеть, даже отъявленные бернштейнианцы стоят на точке классовой борьбы. Орган экономистов весьма и весьма приукрашивал ревизионистов того времени. Никакой действительной классовой борьбы у них, понятно, не было, но суть в том, что „Рабочее Дело“, ссылаясь на отсутствие в социалистическом движении столкновения классовых интересов, тем самым вопрос ставило в неверную плоскость. Между жирондистами и монтаньярами, пожалуй, тоже не было „столкновения классовых интересов“, в том смысле, в каком эти столкновения имеют место между пролетариатом и буржуазией. Но это не приводило к примирению между Горой и Жирондой. Решающим был тот факт, что Жиронда предавала исторические интересы буржуазии, Жиронда привязывала буржуазию к дворянству, Жиронда не хотела дальнейшего развития революции, поэтому борьба между ней и Горой не на жизнь, а на смерть была неизбежной. Поэтому революция топталась на месте до тех пор, пока монтаньяры не ликвидировали Жиронду. Когда Жиронда была ликвидирована, революция бешеным темпом двинулась вперед. Но это была буржуазная революция, ее возглавляли типичные идеологи буржуазии, рьяные защитники частной собственности и права неограниченной эксплоатации наемного труда. Поэтому она сравнительно быстро исчерпала себя и пошла на убыль. Но знамя буржуазной революции до исключительной для буржуазии высоты подняла именно Гора, а Жиронда это знамя втаптывала в грязь.

Точно так же обстоит дело и в столкновениях между Горой и Жирондой пролетарской революции. Революционный класс XX века—пролетариат. Он—руководитель, он—главная движущая сила всех освободительных движений XX века. Революция этот класс разрезает на две части так же, как в конце XVIII века она разрезала на две части буржуазию. В классической пролетарской революции XX века, в российской революции 1917 г., ее дальнейшее развитие и углубление стало возможным лишь после того, как революционная Го-

ра ликвидировала Жиронду. Лишь после Октябрьского восстания пролетарская революция бурно движется вперед. Но в отличие от буржуазной революции, она не исчерпала себя, она не столкнулась с неразрешимыми противоречиями, ибо это революция наиболее революционного, наиболее радикального класса, революция последнего класса. Французская Гора должна была преклониться перед священной частной собственностью, должна была именем революции узаконить эксплоатацию человека человеком. Восстановив против себя пролетариат того времени, Гора пала. В революции 1917 г., наоборот, якобинцы, монтаньяры XX века наносят сокрушительный удар институту частной собственности и впервые в истории практически ставят вопрос об уничтожении наемного рабства. Самое радикальное стремление самого революционного класса получает разрешение. Революция создает свою власть, идущую по пути практического осуществления новых принципов новой пролетарской революции. Нет более передовой программы, нет более высоких исторически-осуществимых целей, чем программа и цели российской пролетарской революции. Поэтому она преодолевает все препятствия, разрешает все принципиальные противоречия, закрепляет прочную историческую победу рабочего класса. Без победы над Жирондой русской революции эта задача была неосуществима.

Как действовала Жиронда русской революции—партия меньшевиков? Так же, как и Жиронда французской революции. Она решительно отвергала возможность и необходимость разрыва с буржуазией и захвата власти пролетариатом. Она пыталась подчинить главную силу революции—пролетариат—буржуазии, как в свое время Жиронда пыталась подчинить и связать главную силу революции—буржуазию—с дворянством и духовенством. Русская Жиронда отклоняла пролетариат от его исторического пути, всячески мешала ему в разрешении его исторической задачи—захвата власти в государстве. Привязывая рабочий класс к буржуазии, русская Жиронда тем самым предавала интересы рабочего класса, предавала интересы нации в лице ее подавляющего большинства, заинтересованного в ликвидации экономических и политических основ буржуазно-помещичьего блока. Если хотите, между элементами Горы и Жиронды не было резкого „столкновения классовых интересов“, так, как имеет место это столкновение между пролетариатом и буржуазией. На кого опиралась русская Жиронда? На верхушечный слой пролетариата, на мелкую буржуазию, интеллигенцию, высших и средних служащих. На кого опиралась русская Гора? На широчайшие массы пролетариата, на несостоятельную часть мелкой буржуазии, среднее и беднейшее крестьянство. Буржуазия, кадеты стояли как будто в стороне, как стояли в стороне во французской революции дворяне, роялисты. Но борьба между Горой и Жирондой решала вопрос о том, кто одержит в революции исторически победу, кто станет во главе государства, кто утвердится на положении гегемона и руководителя: буржуазия или пролетариат.

Между большевиками и меньшевиками не было „столкновения классовых интересов“ в том узком смысле, как это понимал орган экономистов, но большевики защищали именно длительные классовые исторические интересы пролетариата; большевики поднимали пролетариат из рабского состояния и превращали его в господствующий класс; большевики разрывали всякую связь между эксплоатируемыми и эксплоататорскими классами; большевики ставили на колени буржуазию и все имущие классы и помогали пролетариату и всем ранее угнетенным слоям народа выпрямиться во весь рост. А меньшевики (и эсеры) подчиняли пролетариат духовному и политическому руководству буржуазии, удерживали рабочий класс на положении раба буржуазии, помогали буржуазии утвердить в государстве свою гегемонию, тем самым изменяли обще-классовым историческим задачам и интересам пролетариата. Разрывая связь с буржуазией, отвергая всякую коалицию с ней, русская Гора—большевистская партия—углубляла, расширяла и двигала революцию вперед. Всячески пытаясь привязать рабочий класс и трудящиеся массы к буржуазии, осуществляя политику коалиции, отвергая революционное свержение буржуазии, русская Жиронда—меньшевистско-эсеровский блок—задерживала развитие революции и тем подготовляла ее крах. Как во французской революции, так и в революции русской радикальная ликвидация Жиронды явилась непременным условием для дальнейшего движения вперед.

То, что произошло в России, в основе своей будет повторяться и во всех последующих пролетарских революциях. Уже теперь социал-демократия, являясь основным оплотом буржуазии, играет роль Жиронды революции. Ноябрьская революция 1918 г. в средней Европе привела к власти социал-демократию. На костях десятков тысяч революционных пролетариев она фактически утвердила власть капитала. Занятое было пролетариатом руководящее место в государстве она передала имущим классам.

Социал-демократия не стыдится своей реакционной роли. Повсеместно она открыто выступает на защиту гегемонии буржуазии. Она всячески препятствует пролетариату, его борьбе за власть. В Италии летом 1923 г. социал-демократические вожди, во главе с Александри, организуют группу под названием „Жиронда“. Итальянские социал-демократические вожди, разумеется, прекрасно знают историю, знают, какую роль играла Жиронда в буржуазной революции. Именно такую же предательскую роль в отношении исторических интересов пролетариата готовится сыграть социал-демократия в пролетарской революции. Организация социал-демократической группы „Жиронда“—это вызов по адресу борющегося пролетариата. Это свидетельствует о том, что наиболее решительные элементы меньшевизма не считают нужным стесняться. В Италии они открыто поддерживают фашизм, в Болгарии принимают участие в буржуазном заговоре против кре-

стьянского правительства и добиваются смертного приговора для коммунистов; в Чехо-Словакии они поддерживают исключительные законы против коммунистов; в Германии социал-демократические министры осуществляют белый террор против революционного пролетариата. Чем более острые формы принимает борьба классов в Европе, тем циничнее становится меньшевизм, тем в более гнусном виде выступает социал-демократическая Жиронда.

С первых же недель австро-германской революции борьба между Горой и Жирондой в Европе ведется со все возрастающей жестокостью. На какие социальные слои опирается социал-демократическая Жиронда? Каутский в своей „Программе пролетарской революции“ пишет:

„Пролетариат в существе своем не составляет вполне единого целого... Он распадается на два слоя. Один из них, благодаря особым экономическим условиям или благодаря законодательству, находится в благоприятном положении, создает сильные организации, защищающие его интересы. Этот слой образует процветающую часть пролетариата, его аристократию“.

В таком же духе высказывался в своих „Социальных проблемах“ и Бернштейн. Он отмечал тот факт, что современный рабочий класс отнюдь не является однородной массой, что в самых передовых отраслях фабричной промышленности существует целая иерархия диференцированных рабочих, что между отдельными частями его чувство солидарности очень слабо и т. д.

Факт, отмеченный Каутским и Бернштейном, бесспорен. Революционные марксисты также неоднократно указывали на наличие рабочей аристократии, на наличие определенных слоев в пролетариате, более или менее связанных с буржуазией.

Однако дело не в констатации факта,—дело в отношении к этому факту. Маркс, Энгельс, Ленин,—все революционные марксисты самым беспощадным образом бичевали ограниченность, тупость, предательство классовых интересов пролетариата, на которые шли рабочие верхи, в лице пресловутых рабочих вождей, наиболее бесстыдно действовавших и ныне действующих в Англии и Америке. Революционные марксисты опору искали не в этой верхушке, а в основной массе пролетариата. Революционные марксисты считали своей обязанностью сплотить пролетариат вокруг единого боевого знамени, несмотря на расщепление его, несмотря на наличность в его среде разных слоев.

Оппортунисты, наоборот, брали под свою защиту рабочую аристократию, восхваляли ее, ставили ее по аккуратности, умеренности, благоразумию в пример всему рабочему классу. Исходя из наличности в рабочем классе различных слоев, оппортунисты приходили к выводу, что пролетариат, как класс, вообще не способен на руководящую роль в государстве, что поэтому всякую мысль о захвате власти, о диктатуре нужно бросить. Оппортунисты не стремились победить ограниченность рабочей аристократии, а пытались эту ограни-

ченность, этот пресловутый практицизм возвести в руководящий для всего пролетариата принцип.

Что теперь делает Каутский? Он аристократию, эту, по его выражению, „процветающую часть пролетариата“ целиком берет под свою защиту.

По его словам, это вышколенные, крепко организованные дисциплинированные, боеспособные элементы. Они любят действовать наверняка, они достаточно опытны для того, чтобы брать на себя лишь посильные задачи,—словом, это не только „процветающая часть пролетариата“, но это к тому же и цвет, во всех отношениях лучшая часть пролетариата. А на-ряду с ней имеется „большая армия пролетариев, поставленных в столь неблагоприятные условия, что они не в состоянии были сорганизоваться и преодолеть угнетающие тенденции капитализма“. Если для „процветающей части пролетариата“ у Каутского имеются самые лучшие выражения, то для этой большой армии пролетариев в его лексиконе находятся только такого рода выражения: „невежественный, не имеющий никакого понятия о законах экономического развития“... „неопытный“, „жертва всякого рода демагогов, которые его дурачат“ и т. д. и т. п.

„Процветающая часть пролетариата“ и невежественная, неопытная „большая армия пролетариев“,—вот основные социальные слои, на которые опираются Жиронда и Гора пролетарской революции.

В России эта рабочая аристократия составляла сравнительно тонкий слой, и все же она сумела оказать буржуазии значительную поддержку. В Европе „процветающая часть пролетарита“ составляет значительно более многочисленный слой. На-ряду с хорошо оплачиваемой аристократией там мы имеем значительную армию партийной и профсоюзной б ю р о к р а т и и. Аристократия и бюрократия и составляют ту „процветающую часть пролетариата“, положение которой при нынешнем развале капитализма, разумеется, относительно также ухудшается, но, конечно, не в той мере, как основной армии пролетариата. В общем и целом этот слой, по выражению Каутского, „привык действовать наверняка“. Он не хочет рисковать своим собственным положением, его мало трогают голод и нищета основной массы пролетариата, он,—„процветающая часть пролетарита“,—душой и телом привязан к буржуазии, от сотрудничества, от соглашательства с ней, а не в результате вооруженной борьбы надеется он улучшить свое положение. Аристократия и бюрократия под давлением массы могут изобразить на своем лице страшное недовольство „проклятым капиталистическим строем“, могут даже посылать угрозы по адресу буржуазии, но все это несерьезно, за угрозой дела никогда не последует. Буржуазия это прекрасно понимает, и поэтому она с полным доверием относится к социал-демократии, политически представляющей „процветающую часть пролетарита“. Этот слой не выдаст, он верно будет нести собачью службу капитализму...

Как во Франции в конце XVIII века, как в России в наше время, так и в Европе, так и повсюду Жиронда предает исторически инте-

ресы того класса, из рядов которого она вышла. Свою ограниченность, свою тупость, свою нерешительность и неспособность к борьбе за длительные интересы она пытается навязать всему классу в целом. Историческая задача эпохи — устранение политического господства буржуазии и замещение ее пролетариатом. Жиронда об этом и слышать не хочет; она оставляет буржуазию у власти, она кричит, что пролетариату нужно заботиться только о сегодняшнем дне, о сегодняшнем куске хлеба. Но буржуазия обанкротилась, она не в состоянии обеспечить пролетариату даже кусок хлеба, и потому всякое промедление в ее свержении означает удлинение страшных мук пролетариата, небывалое увеличение нищеты, голода и разрухи.

Буржуазия ведет страну к гибели, она тащит все общество в пропасть. Защищая ее, Жиронда изменяет не только своему классу, но изменяет нации в лице ее подавляющего большинства. Пролетариат, руководимый якобинцами нашего века,—партией коммунистов,—освободив себя от капиталистического рабства, тем самым освободит нацию от давящего ее капиталистического кошмара. Но прежде, чем осуществить это освобождение, революция должна перешагнуть через труп Жиронды нашего века. Иного пути для движения вперед нет,—иначе Европа обречена на гниение, разложение, умирание! Жиронда—главный враг задыхающегося в тисках капитализма трудового человечества...

То, что на пороге XX в. смутно вырисовывалось перед умственным взором великого революционера Плеханова, в нашу эпоху стало неоспоримым фактом. Жиронда социал-демократии выступает в роли наиболее опасного, наиболее подлого врага пролетариата. Наиболее подлого и наиболее опасного, ибо она пытается изнутри парализовать силы рабочего класса, убить в нем дух и волю к борьбе. Но придет день, и Гора европейской пролетарской революции обрушится на эту отвратительную гадину с еще большей силой, с еще большей ненавистью, чем обрушилась на Жиронду XVIII века Гора буржуазной революции, чем обрушилась на российскую Жиронду Гора российской пролетарской революции. Меньшевизм погибнет. Жиронда XX века погибнет, с ней вместе и господство капитализма.

СОДЕРЖАНИЕ.

3 руб.

2

41219

